

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1

Москва
2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 1

Moscow
2020

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0

All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М.,
академик РАН, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Кали-
форнийский университет, Лос Анже-
лес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профес-
сор, Институт проблем передачи ин-
формации РАН; Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор,
Варшавский университет, академик
Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор,
Мадридский технический университет,
Испания; Институт проблем передачи
информации РАН

Вайс Д. — Ph.D., профессор, Цюрихский
университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil., профессор,
Йенский университет
им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Institute of
Russian Language of the RAS, Full Member of
the RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language),
Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and
Literatures), Professor, University of Califor-
nia, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Institute for Information Transmis-
sion Problems of the RAS; Vinogradov Insti-
tute of Russian Language of the RAS, Full
Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Full Member of the Polish Academy
of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Technical University of Madrid,
Spain; Institute for Information Transmission
Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguis-
tics), Professor, Vinogradov Institute of Rus-
sian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Lit-
eratures), Professor, Harvard University, Cam-
bridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language),
National Research University Higher School of
Economics, Corresponding Member of the
RAS, Moscow, Russia;

Вежицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Плунгян В. А. — академик РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Meřčuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Natalia M. Stoyanova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Стойнова Н. М. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США
 Толстая С. М. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН
 Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия
 Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США
 Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;
 Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
 Hannu Tammola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;
 Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
 Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Linguistics), Professor, Friedrich Schiller University, Jena, Germany;
 Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;
 Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;
 Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>И. В. Нечаева, Н. В. Перцов.</i> О вариативности в русской орфографии.....	10
<i>О. Е. Пекелис.</i> Нулевая анафора в русском языке: микродиахроническое исследование	36
<i>Й. Подело.</i> Длительность фрикативного согласного [ш':] в современном русском языке.....	60
<i>М. В. Ахметова.</i> Названия жителей городов в советской риторике: от маргиналии к мейнстриму	88
<i>Е. А. Мишина.</i> Влияние отрицания на функционирование видо-временных форм в древнерусском языке	109
<i>Д. В. Сичинава.</i> Перечитывая плюсквамперфект: новый обзор корпуса примеров в берестяных грамотах.....	136
<i>М. А. Бобрик.</i> К изучению лексики берестяных грамот: <i>кланяюся</i> в № 293, <i>вода</i> в № 65, <i>напрасно</i> в № 494/469.....	172
<i>И. С. Добровольский.</i> Вставные ъ и ь в славяно-русском кодексе 1296 г.	180
<i>Я. В. Мызникова.</i> Особенности именного словоизменения в русских говорах Ульяновской области	198
<i>Н. И. Киреев.</i> К уточнению истории двух диалектизмов: <i>бахмур</i> и <i>гамырить</i> (несколько дополнений к «Русскому этимологическому словарю» А. Е. Аникина).....	210

Материалы диалектологических экспедиций

<i>Р. В. Ронько.</i> Материалы экспедиции 2019 г. в Опочецкий район Псковской области: Тексты с комментарием	234
--	-----

Информационно-хроникальные материалы

XVII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» (<i>М. В. Ахметова</i>)	259
51-е Виноградовские чтения в МГУ (<i>Н. К. Ониненко</i>)	266

Рецензии

<i>Н. Б. Мечковская.</i> [Рец. на:] И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Либеральный лексикон	272
--	-----

Новые книги

W. Smoczyński. Lithuanian etymological dictionary (<i>А. Е. Аникин</i>)	292
M. Chromá. Apocryphal Questions of Bartholomew in the Slavonic Tradition (<i>А. А. Пичхадзе</i>)	294
Адреса университетов и институтов	297
Правила подачи статей	298

CONTENTS

Articles

<i>Iya V. Nechaeva, Nikolaj V. Pertsov.</i> On variability in Russian orthography	10
<i>Olga E. Pekelis.</i> Zero anaphora in Russian: a microdiachronic analysis	36
<i>Jochen Podelo.</i> Duration of the alveopalatal fricative [ç:] in Modern Russian	60
<i>Maria V. Akhmetova.</i> Words for city dwellers in Soviet rhetoric: from the marginal to the mainstream	88
<i>Ekaterina A. Mishina.</i> The interaction between negation and aspect in Old Russian	109
<i>Dmitri V. Sitchinava.</i> Re-reading pluperfect: a new overview of the examples of pluperfect in birchbark letters	136
<i>Marina A. Bobrik.</i> Some remarks on the vocabulary of birchbark letters (<i>klanjajusja</i> in No. 293, <i>vodja</i> in No. 65, <i>naprasno</i> in No. 494/469)	172
<i>Ivan S. Dobrovolsky.</i> Epenthetic ъ and ь in a 1296 Russian Church Slavonic manuscript	180
<i>Yanina V. Myznikova.</i> Specificity of nominal declination in the Russian dialects of the Ulyanovsk region ..	198
<i>Niyaz I. Kireyev.</i> Towards the history of two dialecticisms: <i>baxmur</i> and <i>gamyrit'</i> (some addenda to Alexander Anikin's <i>Russian Etymological Dictionary</i>)	210

Materials of dialectological expeditions

<i>Roman V. Ronko.</i> Expedition to Opochka district of the Pskov region in 2019: texts and a brief commentary	234
---	-----

Reports

XVII International Conference "Onomasticon of the Volga Region" (<i>Maria V. Akhmetova</i>)	259
--	-----

The 51 th Vinogradov Conference in the Moscow State University (<i>Nadezhda K. Onipenko</i>).....	266
---	-----

Reviews

<i>Nina B. Mechkovskaya.</i> [Rev. of:] Irina B. Levontina, Alexey D. Shmelev. The Liberal Lexicon	272
---	-----

New books

W. Smoczyński. Lithuanian Etymological Dictionary (<i>Alexandr E. Anikin</i>).....	292
M. Chromá. Apocryphal Questions of Bartholomew in the Slavonic Tradition (<i>Anna A. Pichkhadze</i>).....	294
Adresses of universities and institutes.....	297
Notes for contributors	298

И. В. НЕЧАЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
inechaeva@mail.ru

Н. В. ПЕРЦОВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
nvpertsov@rambler.ru

О ВАРИАТИВНОСТИ В РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

В статье на материале русского языка ставится вопрос о правомерности вариантов в орфографии в условиях распространенного убеждения о недопустимости колебаний в письменном языке. Рассматриваются некоторые случаи противоречий между кодификацией и реальным узусом, обусловленные как отсутствием правил (заимствованная лексика), так и их неубедительностью (сложные прилагательные, правописание *ы/и* иноязычного по происхождению корня в постпрефиксальной позиции, слова с чередованием корней типа *-равн-/ровн-* и др.). Приводятся примеры неоправданных однозначных кодификаций, опровергаемых реальной письменной практикой. Аргументируется целесообразность принятия орфографической вариантности в ее лингвистически обоснованных границах.

Ключевые слова: орфография, вариативность, норма, кодификация, узус, узуальные варианты, ошибки кодификации.

Существует устойчивое представление, что вариативность не свойственна русской орфографии. В классификациях языковых вариантов орфографические варианты слов, как правило, отсутствуют [Горбачевич 1978: 20–22; Валгина 2001: 32–41]. Относительно недавно преобладал взгляд, что орфографические нормы принципиально отличаются от других языковых норм императивностью, категоричным характером и большей ролью сознательного фактора в их установлении; что в орфографии существует жесткая антиномия «правильное — ошибочное», а третьего не дано, т. е. кодифицированное написание понимается как единственно верное. Подобные взгляды на орфографическую вариативность были обобщены Б. З. Букчиной [1981] («Отказ от одного из вариантов только унифицирует письмо, никак не затрагивая сам язык, систему языковых средств» [Там же: 218]; «Специалисты обязаны, изучив причины появления разных написаний, унифицировать эти написания» [Там же: 219–220]; «Орфографическое

варьирование условно, не затрагивает ни внешнюю, ни внутреннюю сторону слова» [Там же: 224]).

Здесь уместен небольшой экскурс в историю. Стремление к упорядоченности русского правописания в прошедшие столетия оправдывалось орфографической ситуацией того периода, когда в правописании было много противоречащего и «несогласного друг с другом», а также отсутствовало единство в самом представлении о принципах орфографии — писать ли по звучанию или по «словопроизводству». Проблема орфографического хаоса оставалась актуальной на протяжении всего XIX в., и тогдашние орфографические труды педагогов и ученых, включая Я. К. Грота, не слишком способствовали ее разрешению. Однако при всем стремлении к упорядочению правописания сам Я. К. Грот не отрицал наличия случаев, когда возможен «неодинакий взгляд на предмет»: в языке существует «множество таких причин разнообразия, которые вполне устранить едва ли возможно», поэтому «надобно уметь отличать важные разногласия от неважных» [Грот 1876: 177, 178]. По Я. К. Гроту, «как ни разумно требование единообразия в правописании, это требование не должно быть безусловным», и потому, стремясь к единообразию, следует остерегаться педантизма.

Строгий орфографический режим начал устанавливаться в 30-е гг. XX в. (в соответствии с духом эпохи) и окончательно был закреплён «Правилами» 1956 г. Избежать педантизма, от которого предостерегал Я. К. Грот, не удалось — не удается и до сих пор.

Надо сказать, что если, по мнению одних ученых, в орфографии недопустима вариантность (С. И. Ожегов, А. Б. Шапиро, В. В. Лопатин), то другие (Л. В. Щерба, С. Г. Бархударов, М. В. Панов¹) считали, что «значение правильного с орфографической точки зрения письма преувеличено» (Л. В. Щерба) [Григорьева, Пономарева 2001: 13–27]. Как известно, в словаре Д. Н. Ушакова орфографические варианты встречаются.

Нет необходимости доказывать, что современная языковая ситуация отличается от ситуации начала XX в. и тем более догровотского периода, когда установление единообразия письма было доминантой орфографических исследований. И в настоящее время такой жесткий взгляд, будучи весьма распространенным, все-таки уже не является общепринятым: в орфографии, так же как и в других сферах языка, допустимы градации; норма в правописании нередко формируется стихийно, под влиянием внутриязыковых процессов. Как отмечал А. Д. Шмелев, грамотное письмо допускает вариативность; в статье [Шмелев 2017: 716] указывается на нецелесообразность и излишество строгой регламентации в некоторых областях орфографии. Тем не менее при практической кодификации принцип безвариантности орфографических норм, как правило, проводится с прежним упорством.

¹ По мнению ученого, допустимы различные написания в отношении «неустойчивых явлений», например наречных конструкций.

Чужда ли русской орфографии двойственность написаний? Мы предлагаем отвлечься от принципа безвариантной кодификации, обычно проводимого в орфографических словарях, и посмотреть на некоторые факты современного письма непредвзято. В настоящей статье будут рассмотрены случаи вариативности в орфографии, подтверждаемые корпусными данными. Мы разделяем точку зрения В. А. Плунгяна, что «именно узус — т. е. тексты — и является единственной подлинной реальностью науки о языке, т. е. объектом, доступным непосредственному наблюдению» [Плунгян 2008: 16]². Для демонстрации узуса будут использованы два интернетных источника — Национальный корпус русского языка (НКРЯ: <http://www.ruscorpora.ru/old/index.htm>) и Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ: <http://www.webcorpora.ru/>).

1. Вопрос об орфографической кодификации особенно актуален для новой лексики — прежде всего для заимствованной. Заимствования с орфографическими колебаниями многочисленны. Приведем примеры некоторых из них.

1.1. Колебания, связанные с соответствиями между звуками взаимодействующих языков (с их транскрипционной передачей):

(а) *ритейл* ~ *ретейл* (англ. retail ['ri:teɪl]), *дивайс* ~ *девайс* (англ. device [dɪ'vaɪs]); (b) *мондиаль* ~ *мундиаль* (франц. mondial, исп. mundial); (c) *эксит-пол* ~ *экзитпол* (англ. exit poll ['eksɪt pəʊl ~ egzɪt pəʊl]); (d) *китч* ~ *кич* (нем. Kitsch); (e) *бедж* ~ *бейдж* (англ. badge [bædʒ]); (f) *имейл* ~ *е-мейл* ~ *и-мейл* (англ. e-mail [imeɪl]).

1.2. Колебания, связанные с орфографическими явлениями:

(1.2a) с удвоенными согласными:

клифф-дайвинг ~ *клиф-дайвинг* (англ. cliff diving), *чабатта* ~ *чабата* (итал. ciabatta), *моббинг* ~ *мобинг* (англ. mobbing), *пресс-волл* ~ *пресс-вол* (англ. press wall), *троллинг* ~ *тролинг* (англ. trolling), *хоррор* ~ *хорор* (англ. horror), *оффшор* ~ *офишор* (англ. offshore), *леггинсы* ~ *легинсы* (англ. leggings), *месседж* ~ *меседж* (англ. message)

(1.2b) с употреблением букв э/е:

(а) после твердого согласного: *хэтчбек* ~ *хетчбэк* ~ *хэтчбэк* ~ *хетчбек* (англ. hatch back), *кэшбэк* ~ *кэшбек* ~ *кешбэк* ~ *кешбек* (англ. cash back), *френд* ~ *фрэнд* (англ. friend), *хэндаут* ~ *хендаут* (англ. handout), *рэгтайм* ~ *регтайм* (англ. ragtime), *снэк* ~ *снек* (англ. snack), *тренд* ~ *трэнд* (англ. trend), *бренд* ~ *брэнд* (англ. brand); (b) после гласного: *риэлтор* ~ *риелтор* (англ. realtor), *флаэр* ~ *флаер* (англ. flier)

² Ср. также: «Противопоставляя пуристической доктрине долженствования “правду жизни языка”, важно установить новые принципы, отвечающие реальностям языкового существования. Изучение проблемы колебаний нормы с этой точки зрения приобретает особое значение» [Граудина, Шварцкопф 1991: 100].

(1.2с) со слитным/дефисным написанием:

стрит-фуд ~ *стритфуд*, *фан-зона* ~ *фанзона*, *масс-маркет* ~ *массмаркет*, *стенд-ап* ~ *стендап*, *вай-фай* ~ *вайфай*, *соц-арт* ~ *соцарт*, *эконом-класс* ~ *экономкласс*, *шоу-рум* ~ *шоурум*.

Встречаются колебания в написаниях, совмещающие характеристики более одного из указанных пунктов, например: *хедхантер* ~ *хед-хантер* ~ *хэд-хантер* ~ *хэдхантер* (пункты 1.2b и 1.2с; англ. head + hunter); *флеш-моб* ~ *флешмоб* ~ *флэш-моб* ~ *флэшмоб* (пункты 1.2b и 1.2с; англ. flash + mob); *спелчекер* ~ *спеллчекер* ~ *спелчеккер* ~ *спеллчеккер* ~ *спел-чекер* ~ *спеллчекер* ~ *спел-чеккер* ~ *спеллчеккер* (пункты 1.2a и 1.2с; англ. spell + checker).

Подобного рода колебания свидетельствуют о наличии ортологической проблемы в правописании заимствований, которая вряд ли может быть разрешена абсолютно однозначно. Однако в академическом «Русском орфографическом словаре» (в разных изданиях: [РОС 1999; 2005; 2012; 2018]) варианты написаний не отражаются — в силу общей установки на безвариантность кодификации. Утверждается, что если допустить два (или более) орфографических варианта, то это породит анархическое отношение к орфографии вообще. В соответствии с данным мнением, новое слово, имеющее узуальные варианты (в том числе заимствованное), нужно включать в словарь в единственной — «перспективной» — форме написания, т. е. в той форме, которая должна возобладать по прошествии периода колебаний [Иванова 2017: 428]. Разумеется, кодификатор может выделить написания, которые по тем или иным мотивам ему представляются предпочтительными и наиболее оправданными, однако априорное утверждение относительно их однозначной перспективности вызывает сомнения. История словарных кодификаций говорит о том, что подобного рода орфографические прогнозы не раз опровергались письменной реальностью. К сожалению, нигилистического отношения к орфографическим вариантам это не изменило.

Так, в узусе не получил поддержки целый ряд орфографических кодификаций. Например, слово *уикенд*, зафиксированное в [РОС 1999] в данном написании, уже во втором издании словаря [РОС 2005] было изменено на *уик-энд*; *мини-вэн* [РОС 2005] было преобразовано в *минивэн* [РОС 2012; 2018] (об основаниях такого написания см. [Нечаева 2012: 81–82]); у заимствования *экономкласс*, несмотря на сопротивление узуса (где преобладает дефисное написание *эконом-класс*) и наличие тематического ряда *бизнес-класс*, *премиум-класс* и *комфорт-класс*, слитная словарная кодификация не меняется — с первой фиксации в 2005 г. по настоящее время; то же касается композитов с первым компонентом *блиц...* (однозначно кодифицированы слитные написания *блицинтервью*, *блицанализ*, *блицоперация* и др. — притом что в узусе явно преобладают дефисные написания *блиц-...*); из вариантного ряда *хэтчбек* ~ *хетчбэк* ~ *хэтчбэк* ~ *хетчбек* для кодификации была неудачно выбрана единственная орфограмма *хетчбэк* [РОС 2005], которая сохраняется в изданиях 2012 и 2018 гг.

Действительно ли оправдан подобный ригоризм — ригоризм в области заимствований, где письменные колебания зачастую имеют лингвистические обоснования? Такой взгляд представляется нам устаревшим: ведь вариативность выявляет тенденции, действующие в языке.

2. Ниже будут рассмотрены некоторые другие случаи орфографической вариативности — «групповые» (в рамках структурно-лексических групп разного объема — раздел 2) и «локальные» (в отдельных орфограммах, т. е. для конкретных слов или словосочетаний — раздел 3).

2.1. Возьмем относительно легкий случай — правописание форм словоизменения в дательном и предложном падежах существительных (женского и мужского рода) с односложной основой: *Бие* ~ *Бии*, *Вие* ~ *Вии*, *Ие* ~ *Ии*, *Лие* ~ *Лии*, *Кие* ~ *Кии*, *Пие* ~ *Пии* и др. По правилу «Полного академического справочника» [ПАС 2009: § 71, п. 2], немногочисленные существительные такого рода имеют в указанных падежах в безударном положении окончание *-е* — в противоположность общему правилу, касающемуся слов на *-ия/-ий*: *Мария*, *Агния*, *Артемий* и др.

Данное правило было введено при подготовке «Полного академического справочника», изданного впервые в 2006 г., но готовящегося в течение многих лет до этого. Аргументом служило убеждение, что в узусе в указанных падежах преобладает написание с *-е*. Посмотрим на данные НКРЯ.

ЛИЯ: *Лие* (8 употреблений) ~ *Лии* (7 употреблений)

Назад к Лие меня все же сопровождал почетный эскорт из двадцати тяжелых всадников (А. Белянин. Свирепый ландграф (1999));

Нужно завтра позвонить Лии Мамедовне, чтобы она прислала с водителем не только костюм и галстук, но и какой-нибудь еды (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003));

БИЯ: *Бии* (9) ~ *Бие* (0)

Необузданная река Катунь стремительно несла свои изумрудные воды, пробиваясь сквозь препятствия из нагроможденных замишлых камней к реке Бии, чтобы, слившись с ней, образовать великую Обь (А. Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986–1990));

ГИЯ: *Гии* (0) ~ *Гие* (1)

— *В следующей картине я тебя сниму. Как тебя там на «Арменфильме» серной кислотой до сих пор не облили? Эти армянские актрисы такие ревнивые! Потом опять к Гие: — Как она мне нравится, как нравится! И он мне тоже нравится* (С. Спивакова. Не всё (2002));

ПИЙ: *Пии* (0) ~ *Пие* (6)

При цезаре Антонине Пие (предшественнике Марка Аврелия) приезжий с востока христианский философ Юстин устроил в Риме публичный диспут с эллинистами и вышел победителем, пленив умы и души мно-

гих просвещённых римлян. (С. Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // «Знание — сила», 2003);

ВИЙ: Вии (19) ~ Вие (0)

Кстати, нельзя не обратить внимание на переключку лоуренсовских образов с гоголевскими, в сцене сладострастной скачки панночки и Хо-мы в «Вии» (М. Эпштейн. Поэтика близости // «Звезда», 2003).

Налицо вариативность, а в некоторых случаях — полное неповиновение правилу.

2.2. Еще одна ограниченная лексическая группа включает варианты написаний типа *вглубь* ~ *в глубь* (*чего*), *вдаль* ~ *в даль* (*чего*), *вишь* ~ *в ширь* (*чего*) в одной и той же синтаксической позиции — с именной группой в родительном падеже в постпозиции (типа *вглубь рои* ~ *в глубь рои*). Проблема состоит в различении наречия (пишущегося слитно) и сочетания предлога с другим словом. Здесь мы видим кодифицированно закрепленную вариативность — в правиле сказано: «В зависимости от понимания текста пишущий может выбрать и слитное, и раздельное написание в таких, например, случаях: *погрузиться вглубь (в глубь) океана, зайти вглубь (в глубь) леса...*» [ПАС 2009: § 136, примечание]. Действительно, узус показывает, что в однотипных контекстах зачастую принимаются разные орфографические решения. Примеры (данные из НКРЯ):

- (а) *Пожалуй, Костя всё-таки понял, что от него требовалось, и подался в глубь хвойной чащи* (В. Быков. Болото (2001));
Смелянский заглянул в глубь драмы тех, кто тишил себя надеждой человечить советский социализм («Когда разгуляется»-2 (2001) // «Известия», 2001.10.01);
Парень норовил упасть, но Семён волок его вглубь подворотни — хотел оставить его во дворе, чтобы с улицы не было видно лежащего тела (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000);
История сыра грюйер уходит корнями вглубь веков (Е. Алексеева. Город-сыр // «Огонек», 2014)
- (б) *Сидя в ресторане на «седьмом китайском небе», можно долго всматриваться в даль Восточно-Китайского моря* (А. Зайцев. Тайваньская башня // «Знание — сила», 2006);
Вся в золотых огоньках река Москва, что тихо катится куда-то в даль времен, «движется и не движется» (А. Волков. Третья промышленная революция // «Знание — сила», 2014);
Как и положено мечте, она, того и гляди, отодвинется вдаль времени. (Александр Волков. Приватизация космоса // «Знание-сила», 2013);
Указывая вдаль перспективы, Сивилла предрекает рождение Христа (Г. Ревзин. Очерки по философии архитектурной формы (2002))

- (с) *Бесконечность вглубь и **вширь** познаваемого мира однозначно говорит о том, что наука никогда в принципе не будет в состоянии заявить о небытии Бога (даже если бы Его не было)* (А. И. Осипов. Чтобы не пришла тьма. Православие, философия, наука на пороге III тысячелетия // Православная беседа, 1999);
*Упреждающая теоретическая разведка в глубь и **в ширь** окружающего нас становится главным средством научного исследования* (Э. Капусцик. Неисчерпаемая механика // «Знание — сила», 1998)

2.3. Сложные прилагательные — больной вопрос русского правописания [Кузьмина 2004: 250–253]. Вот общее правило: «Пишутся слитно прилагательные, образованные из основ слов, отношение между которыми носит подчинительный характер (<...> *каменноугольный, сельскохозяйственный* <...>). Пишутся через дефис прилагательные, образованные из двух или более основ слов, обозначающие равноправные понятия. (<...> *научно-технический, звуко-буквенный* <...>)» [ПАС 2009: § 130]. На действие этого правила накладываются разного рода ограничения.

Так, сюда не относятся: а) прилагательные, образованные на базе сложного слова, которые пишутся по образцу производящего существительного: *железобетонный* ← *железобетон*, *четвертьфинальный* ← *четвертьфинал*, *юго-западный* ← *юго-запад* [Там же: § 128, п. 2 и § 129, п. 1]; б) некоторые «терминологические» прилагательные, которые пишутся слитно независимо от типа соотношения основ: *грудобрюшной, индоевропейский, древневерхненемецкий* (хотя есть термины, которые пишутся через дефис: *видо-временной, причинно-следственный, субъектно-предикатный*...); в) некоторые «традиционные» дефисные написания: *лечебно-диагностический, субъективно-идеалистический, функционально-стилистический, жилищно-кооперативный, парашютно-десантный, ракетно-технический* (хотя здесь отношения подчинительные: *лечебная диагностика, субъективный идеализм* и др.); г) некоторые «традиционные» слитные написания: *глухонемой, пароводяной, нефтегазовый* (хотя здесь отношения сочинительные: ‘глухой и немой’, ‘пар и вода’, ‘нефть и газ’); *горноартиллерийский* (но *зенитно-артиллерийский*), *конноспортивный* (но *военно-спортивный*), *горноклиматический* (но *горно-металлургический*) [Там же: § 130, п. 3].

Также, помимо упомянутых, применяются следующие критерии: а) если начальная основа имеет суффикс относительного прилагательного *н-, енн-, ов-, ск-*, то слово пишется через дефис: *государственно-монополистический, стрелково-спортивный, авторско-правовой* [Там же]³; б) если слово имеет первый компонент наречного типа (*высоко, низко, тяжело, трудно, легко* и др.), то оно пишется слитно (*низкотемпературный, близкородст-*

³ Д. Э. Розенталь добавляет еще несколько суффиксов: *ат-, ист-, ико-*: *волнисто-изогнутый, ступенчато-симметричный, диалектико-материалистический* [Розенталь 2005: § 44, п. 10, прим. 1 и 3].

венный, широкомасштабный) [Розенталь 2005: § 44, п. 2, прим. 1]; в) если прилагательное обозначает оттенок качества, то оно пишется через дефис (*бледно-желтый, светло-серый, ярко-красный, кисло-сладкий, горько-соленый*) [ПАС 2009: § 129, п. 2]. (Подробнее о правописании сложных прилагательных см. [Борунова 1998: 148–158].)

Таким образом, в отношении орфографии сложных прилагательных в кодифицирующих справочниках применяется целый ряд не согласованных друг с другом критериев правописания:

- 1) от чего прилагательное образовано;
- 2) каково семантико-синтаксическое соотношение компонентов;
- 3) не является ли прилагательное термином;
- 4) не относится ли данное написание к традиционным;
- 5) членима ли первая основа и какой суффикс входит в ее состав;
- 6) не является ли первый компонент наречием;
- 7) не обозначает ли прилагательное оттенок качества.

Это основной, но не полный список критериев правописания сложных прилагательных, используемых в правилах и справочниках. (Речь идет прежде всего о прилагательных, образованных на базе словосочетания.) В подобном многообразии орфографических критериев может запутаться кто угодно; при этом составить единый алгоритм нахождения верной орфограммы не представляется возможным. Такая ситуация отражает безуспешный — на текущий момент — кодификаторский поиск общих орфографических закономерностей для этой категории слов. Обратимся к данным орфографических колебаний по корпусам для нескольких сложных прилагательных (первым приводится кодифицированный вариант):

мясо-молочный ~ мясомолочный: НКРЯ 0 ~ 29/37⁴, ГИКРЯ 5 ~ 46

*Еще с 1930-х годов в СССР развивали только **мясомолочное** направление, от коровы получали прежде всего молоко* (А. Романова. Бычка за рога // «Огонек», 2015) — НКРЯ;

*В СССР ведь выводили коров **«мясо-молочного»** направления»: нужно было одним ударом обеспечить страну и молоком, и мясом.* https://m.livejournal.com/read/user/ziborova_katya/3877 — ГИКРЯ;

*Полпред посетил **мясомолочный** магазин. Здесь он поинтересовался ассортиментом и ценами на мясо птицы и мясoproductы.* <https://regnum.ru/news/884471.html> — ГИКРЯ.

(По НКРЯ, кодифицированный вариант имеет 0 употреблений, по ГИКРЯ — явное меньшинство.)

нефтегазовый ~ нефте-газовый: НКРЯ 395/711 ~ 0; ГИКРЯ 93 ~ 45

*Серьезным игроком на казахском **нефтегазовом** рынке оказалась зарегистрированная в США Access Industries, которая является одним из*

⁴ По НКРЯ, первая цифра обозначает количество документов, вторая — количество вхождений.

основных акционеров российской ТНК (Е. Григорьева, Е. Загородняя, И. Моисеев. Кремлевская мечта. Четыре президента сочинили новый экономический союз (2003) // «Известия», 2003.02.24) — НКРЯ;

*Продажа и перепродажа земли и недвижимости на фоне упадка промышленности и сельского хозяйства; доходы бюджета, получаемые, почти исключительно, от **нефтегазовой** отрасли — это не развитие, это предвестие обвала* (Журнальный зал 2006. <http://magazines.russ.ru/neva/2006/9/kall.html>) — ГИКРЯ;

*Не секрет, что Азербайджан в своей политике больше ориентирован на Запад. США и другие западные державы вложили немалые деньги в **нефте-газовый** сектор этой республики.* <https://regnum.ru/news/666415.html> — ГИКРЯ.

(Это слово, по НКРЯ, не имеет колебаний, но в контенте ГИКРЯ колебания составляют пропорцию $\frac{1}{2}$.)

конноспортивный ~ конно-спортивный: НКРЯ 22/28 ~ 0; ГИКРЯ 59 ~ 47
*В России создана Ассоциация **конноспортивных** тотализаторов — некоммерческая организация для реализации азартных игр в тотализаторах* (Коротко // «Эксперт», 2014) — НКРЯ;

*Мы часто бродили по улицам с курортными и южными названиями и неизменно упирались в **конноспортивный** комплекс «Битца»* (Журнальный зал 2012. <http://magazines.russ.ru/ural/2012/2/k10.html>) — ГИКРЯ;
*Только по требованию полиции владельцы лошадей сказали название организации, в которой они работают — «**Конно-спортивный** комплекс «Орион».* Также сотрудники полиции посоветовали подать заявление, что и было сделано. https://m.livejournal.com/read/user/gd_rg/42399 — ГИКРЯ.

горно-металлургический ~ горнометаллургический: НКРЯ 96/189 ~ 25/26; ГИКРЯ 30 ~ 29

*О конфликте в Новохоперском районе, где Уральская **горно-металлургическая** компания (УГМК) хочет добывать медь и никель, а местные жители активно этим планам сопротивляются, опасаясь экологических последствий, мы подробно писали еще год назад («Войны нет, а орда идет», «РР» № 28 от 19 июля 2012 года) (В. Дятликович. Беруши из никеля // «Русский репортер», 2013) — НКРЯ;*

*Два года назад президент РАН академик Ю. С. Осипов и руководители **горнометаллургического** комбината «Норильский никель» подписали комплексную «Программу научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по водородной энергетике и топливным элементам» (Ю. Котов. Будущее принадлежит водородной энергетике // «Наука и жизнь», 2006) — НКРЯ;*

***Горно-металлургический** комплекс по праву считается одной из ключевых, базовых отраслей российской экономики* (Росбалт, 22.05.2019. <http://www.rosbalt.ru/main/2011/07/17/869968.html>) — ГИКРЯ;

Российский горнометаллургический комбинат «Норильский никель» вышел победителем в борьбе с швейцарской Xstrata за канадского производителя никеля и золота LionOre (РИА Новости. <https://ria.ru/20070705/68431992.html>) — ГИКРЯ.

(По данным ГИКРЯ, некодифицированный вариант по количеству употреблений догоняет кодифицированный.)

церковнославянский ~ церковно-славянский: НКРЯ 173/453 ~ 3/4; ГИКРЯ 96 ~ 51

*Например, А. Т. Ф. открыл, что библейское Чермное море (т. е. Красное море: в древнерусском и **церковнославянском** чермный значит 'красный') — это Чёрное море [НХ 2: 161]* (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000) — НКРЯ;

*Но само слово «еврей» — это **церковно-славянское** слово и означало оно, как показывает анализ его употребления в средневековых текстах, — «жрец», «священник»* (Там же) — НКРЯ;

*Неплохо зная **церковнославянский** язык, я стал читать на похоронах Псалтирь и все присущие скорбному случаю молитвы* (Журнальный зал 2007. <http://magazines.russ.ru/sib/2007/6/sh1.html>) — ГИКРЯ;

*Национальным языком России, с точки зрения Шишкова, должен быть **церковно-славянский**, который воспринимался Шишковым мистически, сакрально* (Журнальный зал 2004. <http://magazines.russ.ru/nj/2004/234/alt9.html>) — ГИКРЯ.

(При наличии определенной вариативности двух написаний этого слова со значительным преобладанием слитного, казус заключается в том, что в одной и той же статье А. А. Зализняка, по данным НКРЯ, это слово написано по-разному. Может быть, это недосмотр корректоров журнала?..)

В итоге можно сказать, что ряд употребительных сложных прилагательных демонстрирует вариантность написаний. В этой ситуации закономерен вопрос: следует ли считать ошибкой, к примеру, слитное написание *горнометаллургический* или дефисное *конно-спортивный*? Существуют ли лингвистические препятствия писать эти и подобные слова двумя способами?

2.4. Вопрос о том, что в орфографии есть вариант написания, а что — ошибка, закономерен и при обращении к правилам о правописании букв **н/ы** после приставок русского происхождения. В «Правилах...» сказано: «Буква **ы** употребляется для передачи гласного **ы** и одновременно для указания на твердость предшествующего согласного (...) после русских приставок, кончающихся на согласный (кроме приставок *сверх-* и *меж-*) (...)» [ПАС 2009: § 12, п. 2]; «Буква **н** пишется (...) после приставок иноязычного происхождения: *гипер-, дез-, интер-, контр-, пост-, суб-, супер-, транс-*, а также после начального элемента *пан-* (...)» [Там же: § 11, п. 4]. Этим

объясняется условное различие написаний, например, у членов антонимической пары *постинфарктный* и *предынфарктный*. Данное формально-графическое правило относится, на наш взгляд, к наиболее спорным и алогичным правилам русского правописания. Действительно, почему различие в языковом происхождении префикса должно влиять на буквенный состав иноязычного корня? При этом такое влияние оказывается не стопроцентным, ведь две русские приставки — *сверх-* и *меж-* — в данном отношении примыкают к иноязычным! В правиле нарушается морфемный принцип русского письма — его основной принцип. Если считать целью такого орфографирования показ твердости предшествующего согласного, то почему с приставками иноязычного происхождения — *пост-*, *суб-* и проч. — это не считается необходимым? Ситуация, когда графическое чередование у иноязычного слова имеет место не на этимологическом уровне, а на уровне заимствования, для русской орфографии нетипична⁵.

Как реагирует на это узус? Является ли буквенный состав иноязычных слов с русскими префиксами устойчивым в письменной практике? Или же нелогичность правила приводит к узуальной вариативности?

Был исследован ряд слов иноязычного происхождения с префиксами *без-*, *над-*, *об-*, *от-*, *под-*, *пред-*, *с-*, всего 56 слов — закрытый список, по [РОС 2018]. (Такого рода слов с префиксами *воз-*, *вз-*, *из-*, *низ-*, *раз-*, *чрез-*, по [РОС 2018], в языке нет.) Ниже приводятся данные употреблений орфографических вариантов по НКРЯ и ГИКРЯ.

Пре- фикс	Слово	НКРЯ		ГИКРЯ	
		вариант с ы	вариант с и	вариант с ы	вариант с и
<i>без-</i>	<i>безыдеальный ~ безидеальный</i>	3	0	1	0
	<i>безыдейность ~ безидейность</i>	64/78	5	86	42
	<i>безыдейный ~ безидейный</i>	117/148	10	80	42
	<i>безыллюзорность ~ безиллюзорность</i>	0	0	3	0
	<i>безыллюзорный ~ безиллюзорный</i>	3/4	1	5	1
	<i>безыммунитетный ~ безиммунитетный</i>	0	0	1	1
	<i>безынвентарный ~ безинвентарный</i>	0	0	0	1
	<i>безынвестиционный ~ безинвестиционный</i>	0	0	0	0
	<i>безындикаторный ~ безиндикаторный</i>	0	0	0	0
	<i>безындукционный ~ безиндукционный</i>	0	1	2	2
	<i>безынерционность ~ безинерционность</i>	1	0	2	1
	<i>безынерционный ~ безинерционный</i>	12/16	0	5	4

⁵ В качестве несколько смелого решения можно было бы предложить написания дефисные — типа *пред-инфарктный*, *пост-инфарктный* и т. п.

Пре- фикс	Слово	НКРЯ		ГИКРЯ	
		вариант с ы	вариант с и	вариант с ы	вариант с и
	<i>безынициативность ~ безинициатив- ность</i>	25/28	1	77	39
	<i>безынициативный ~ безинициативный</i>	48/51	4	127	92
	<i>безынструментальный ~ безинстру- ментальный</i>	0	0	0	2
	<i>безынтегральный ~ безинтегральный</i>	0	0	0	0
	<i>безынтересно ~ безинтересно</i>	0	1	49	35
	<i>безынтересность ~ безинтересность</i>	3	0	30	8
	<i>безынтересный ~ безинтересный</i>	54/58	7	120	18
	<i>безынфляционный ~ безинфляционный</i>	0	1	0	10
	<i>безынформативность ~ безинформа- тивность</i>	0	0	1	5
	<i>безынформативный ~ безинформативный</i>	0	1	5	5
	<i>безынформационный ~ безинформаци- онный</i>	0	0	1	6
	<i>безынъекционный ~ безинъекционный</i>	1	0	1	17
	<i>безыпотечный ~ безипотечный</i>	0	0	0	0
<i>небез-</i>	<i>небезынтересно ~ небезинтересно</i>	3	14/16	426	83
	<i>небезынтересный ~ небезинтересный</i>	310/353	22/27	192	74
<i>над-</i>	<i>надындекс ~ надиндекс</i>	0	0	0	0
	<i>надындивидуальный ~ надиндивидуальный</i>	20/38	1	17	13
	<i>надынституциональный ~ надинститу- циональный</i>	0	0	0	0
	<i>надынтегральный ~ надинтегральный</i>	0	0	0	0
	<i>надысторический ~ надисторический</i>	8/9	1	5	4
	<i>надысторичный ~ надисторичный</i>	0	1	0	0
<i>об-</i>	<i>обынтеллигентиться ~ обинтеллиген- титься</i>	0	0	3	0
	<i>обытальяниваться ~ обитальяниваться</i>	0	0	0	0
	<i>обытальяниться ~ обитальяниться</i>	0	0	0	0
<i>от-</i>	<i>отыллюстрировать ~ отиллюстриро- вать</i>	0	0	2	8
<i>под-</i>	<i>подындекс ~ подиндекс</i>	0	0	17	11
	<i>подынтегральный ~ подинтегральный</i>	4/5	0	5	1

Пре- фикс	Слово	НКРЯ		ГИКРЯ	
		вариант с ы	вариант с и	вариант с ы	вариант с и
пред-	предыконный ~ предиконный	1	1	0	0
	предыкт ~ предикт	0	1	0	0
	предымплантационный ~ предимплан- тационный	1	0	3	0
	предымпрессионистический ~ предим- прессионистический	0	0	0	0
	предынвестиционный ~ прединвестиционный	4	3/11	1	6
	предынсультный ~ прединсультный	3/5	0	1	0
	предынфарктный ~ прединфарктный	44/48	3	27	16
	предынфекционный ~ прединфекционный	0	0	0	0
	предынформационный ~ прединформа- ционный	0	0	0	0
	предысламский ~ предисламский	0	0	0	1
	предысторический ~ предисторический	4/6	1	5	6
	предыстория ~ предистория	341/412	10/11	94	60
с-	сымитировать ~ симитировать	52/61	1	99	40
	сымпровизировать ~ симпровизировать	60/68	1	69	41
	сынициировать ~ синициировать	2	0	22	8
	сынтегрировать ~ интегрировать	3	1	11	17
	сыронизировать ~ сиронизировать	12	2	38	21

Приведенные количественные данные можно интерпретировать как неоднозначные. Для высокочастотных слов типично большое численное превышение кодифицированных написаний над некодифицированными вариантами (например, *безыдейный* ~ *безидейный*), однако в ряде случаев вариант с начальной буквой **и** приближается по своей употребительности к варианту с **ы** и даже его «обгоняет» (например, *безынфляционный* ~ *безинфляционный*, *безынъекционный* ~ *безинъекционный*, *отыллюстрировать* ~ *отиллюстрировать*). При этом в контекстах ГИКРЯ вариативность — иногда со сменой лидирующего написания — усиливается, см. *безынициативный* ~ *безинициативный*, *надындивидуальный* ~ *надиндивидуальный*, *надысторический* ~ *надисторический*, *предынвестиционный* ~ *прединвестиционный*, *предысторический* ~ *предисторический*, *сынтегрировать* ~ *интегрировать*.

Приведем несколько реальных контекстов (из НКРЯ), в которых слова иноязычного происхождения с русскими префиксами написаны с буквой **и** после префикса, т. е. не по правилу:

При недостатке сна даже здоровые люди становятся вялыми, медлительными и **безинициативными** (А. Клейн. Сон // «Пятое измерение», 2003);

Имеются сотни примеров горячего желания рядовых врачей приложить учение И. П. Павлова к лечебной практике и в то же время **безинициативного** отношения к внедрению павловских идей в жизнь со стороны многих руководителей клиник, кафедр и институтов (П. П. Гончаров. За торжество идей И. П. Павлова (к итогам научной сессии Академии Наук СССР и Академии медицинских наук СССР) // «Наука и жизнь», 1950);

Отвечал охотно, подробно, абсолютно **безинформативно**, словно бы любуясь дурацкими мелочами (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009));

Он посмеялся чему-то своему и сказал: — А мы его, такого и эдакого, вот сейчас возьмем и примем в партию — возражений нет? Все даже рты пораскрывали: а можно? Вот так, без всех этих сложностей, экзаменов и волынки, без **прединфарктных** обмороков и спазм?.. В нарушение всех уставов и установлений? Можно?.. — А почему бы и нет?.. (Л. Кабо. Правдёнка (1997));

Аверинцев не может в срок закончить статью — вторую половину — о крещении для «Нового мира»; он лежит, и у него так называемое **прединфарктное** состояние (В. В. Биbihин. Сергей Сергеевич Аверинцев (1988));

— Мне хотелось снова спеть с ней «Опять метель», но мама твердо сказала: «Я не пою!». Когда я пела «Ты где?», мама взяла микрофон и **символизировала**, отвечала мне: «Я здесь, доченька...» — Кристина, ты довела меня до слез! — призналась со сцены Алла Борисовна. — И ты меня! (М. Ремизова. Алла Пугачева в свой день рождения — дочери: «Кристина, ты довела меня до слез!» // «Комсомольская правда», 2011.04.17).

Можно ли счесть приведенные языковые факты банальной орфографической неграмотностью? Или они все-таки свидетельствуют о существовании лингвистической проблемы? На наш взгляд, вернее второе.

3. Помимо колебаний в написаниях, относящихся к бóльшим или меньшим группам слов или морфов, существует ряд частных («локальных») случаев орфографической нестабильности. Рассмотрим некоторые из них.

3.1. Варианты корня -РАВН- ~ -РОВН-. Правило о правописании чередующихся корней *-равн- ~ -ровн-* построено на семантическом критерии: «Буква **а** пишется в словах, связанных по значению с прилагательным *равный* ‘одинаковый’ <...>. Буква **о** пишется в словах, связанных по значению с прилагательным *ровный* ‘гладкий, прямой, без неровностей’ <...>. Однако

в словах *поровну*, *ровесник*, связанных по значению с *равный*, пишется буква **о**; в слове *равнина*, связанном по значению с *ровный*, — буква **а**. В словах с неясной соотносительностью пишутся: буква **а** — в глаголе *равняться* (в *шеренге*, при *построении*) и производных от него словах *равнение*, *подравняться*, *выравняться* (в *строю*); буква **о** — в сочетании *не ровён час*, в слове *уровень*» [ПАС 2009, § 35].

Как видим, рекомендации правила абсолютно однозначны даже в неясных случаях. При этом оказывается, что применение семантического критерия для многих слов данного словообразовательного гнезда нередко вызывает вопросы. Это находит отражение в реальных письменных словоупотреблениях при однотипной сочетаемости. Вот несколько примеров из НКРЯ:

*Когда мы **поравнялись** с ними, я боковым зрением заметила их резкое перемещение* (С. Спивакова. Не всё (2002));

***Поровнявшись** с нами, человек в кожаной куртке вглядывался в эту странную фигуру, похожую на подстреленную птицу, и... узнавал, узнавал, жалея, ужасаясь* (Н. Иванова. Пересекающиеся параллели // «Знамя», 2001);

*Бульдозеры **сравнили** с землей целые районы традиционной застройки* (В. В. Овчинников. Размышления странника (2012));

*Исчез мой дом № 6 и дом № 4, в котором жили Борис и Аркадий Стругацкие, **сровняли** с землей весь наш квартал, как только собрались строить следующую очередь гостиницы «Ленинград»* (А. Рубашкин. «Прощально ожил перед глазами...» // «Звезда», 2002);

*Подхожу вплотную, стараясь **равнять шаг**, но, разумеется, не козыряя* (С. Ястребов. Лунная соната (2007));

— *Что же ты молчишь, Низа? — жалобно спросил Иуда, **ровняя** по ней свой шаг* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 2 (1929–1940));

*Не надо быть гадалем, чтобы предвидеть: по пути она заглянет в парикмахерскую **подравнять** волосы и сделать маникюр* (У. Нова. Инка (2004));

*Я **подровнял** свою бородку и зачесал волосы на лоб* (В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961).

На наш взгляд, различные написания слов с корнями *-равн-* ~ *-ровн-* нередко имеют одинаковое право на существование; попытки же жестко регламентировать каждый орфографический случай вряд ли могут быть стопроцентно осуществленными в орфографической практике⁶.

3.2. МАСЛЕНЬКИЙ ~ МАСЛЯНЫЙ. В правилах сказано: «Различаются прилагательные *масляный* (содержащий масло, работающий с помощью

⁶ Противоположный взгляд выражен в электронной публикации Е. В. Арутюновой, см. https://drive.google.com/file/d/1-K3xxXgdN6LfWlshFmMJ6c7OD_DXcYH2/view.

масла) и *масленный* (смазанный или пропитанный маслом и в переносном значении), образованное от глагола *маслить* {...}. Ср., напр.: *масляное пятно*, *масляные краски*, *масляный насос* и *масленный блин*, *масленая каша*, *масленные глазки*, *масленный голос*. В сочетании *Масленая неделя* (*Масленица*) пишется в суффиксе прилагательного буква *е*» [ПАС 2009: § 45, прим. 1].

Семантическое различие, служащее критерием орфографического выбора («содержащий масло, работающий с помощью масла» ~ «смазанный или пропитанный маслом»), иногда трудноопределимо, но все же применимо к таким словоупотреблениям, как *масляное пятно* ~ *масленный блин*. Выбор же написания в случае типа *масленные* ~ *масляные глазки* кажется совершенно немотивированным, условным. Узус это чувствует, что отражается на вариантности написаний. Приведем текстовые примеры обеих коррелирующих орфограмм (в НКРЯ *масленные глазки* — 17 употреблений, *масляные глазки* — 12 употреблений):

*Какой-то мылдон с **маслеными** глазками подошел к Нателле, похозяйски взял за локоть, и она послушно пошла за ним к бару, рядом с которым расположилась пьяная компания* (А. Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005));

*Перед ними возникла розовощекая, крепкая старушка с хитро блестящими **маслеными** глазками* (В. Валеева. Скорая помощь (2002));

*В зеркале над раковиной она видела его **масленные** глазки* (О. Некрасова. Платит последний (2000));

*А из-за ситцевых занавесок выплыла дебая, ядреная простецкая женщина, смахивавшая на одну из кустодиевских купчих, и, облизывая меня **маслеными** глазками, спросила моего спутника: «Это он?»* (В. Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000));

*Волейбольная площадка... вот победитель, а мы проиграли... все в поту... у него **масленные** глазки — и на нее... а у нее матовые — и слегка на него* (С. Юрский. Узнавание (1984));

*Я видел его фотографии в газетах — мордастое лицо с пухлыми губами и **масляными** глазками* (Ч. Абдуллаев. Мистерия эпохи заката (2007));

*И этот его взгляд перед уходом, когда он встал в изголовье кровати, так что ребенку пришлось закатить сытые, **масляные** глазки, чтобы улыбнуться папе* (Т. Орлова. Ловушка для ящериц // «Октябрь», 2003);

*Малыш помертвел. **Масляные** глазки вытаращились. — Вы... вы шантажируете... я ничего не говорил...* (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // «Октябрь», 2002);

*— Он давно уже заглядывается на меня **масляными** глазками* (Л. Корнешов. Газета (2000));

*Сонно, **масляными** глазками жмурится солнце в лесу, сонно, ресницами игл щурится лес, маслянисто блещут в полдень лужи* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)).

3.3. Суффиксы -УШЕК- ~ -ЫШЕК-. Один из немногих примеров кодифицированной вариативности (в данном случае вариативности фонетико-орфографической) — это варианты *воробушек ~ воробышек, оладушек ~ оладышек*. По правилу, «в суффиксах уменьшительно-ласкательных существительных *-ышк* и *-ышек* пишется буква **ы**, напр. *клинышек, воробышек* {...}. Эти существительные следует отличать от существительных с ласкательными суффиксами *-ушк* (*-юшк*) и *-ушек* {...}. Имеются варианты с буквами **ы** и **у** в суффиксах: *воробышек* и *воробушек, оладышки* и *оладушки*» [ПАС 2009: § 54]. Сомнительно различие в экспрессивной окраске данных вариантов (уменьшительно-ласкательная ~ ласкательная?); судя по контекстам, употребление обоих вариантов *воробушек ~ воробышек, оладушек ~ оладышек* несет одну и ту же смысловую нагрузку:

*Она сидела, словно **воробушек**, серенькая, худенькая, с волосами, зачёсанными, как у народных учительниц, над невысоким выпуклым лбом, в вязаной, заштопанной на локтях кофточке, каждое слово, сказанное ею, казалось Штруму, было полно ума, деликатности, доброты, каждое движение выражало грацию, мягкость* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 3 (1960));

*Паскудный **воробушек** припадал на левую лапку, явно кривлялся, волоча её, работал синкопами, одним словом, — приплясывал фокстрот под звуки патефона, как пьяный у стойки* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 1 (1929–1940));

*Грудастая Коза рядом с ней казалась **воробышком**, и тётка сразу же прониклась к ним снисходительной нежностью* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000);

*Какой-то **воробышек** возился в одном из венков* (И. Грекова. Перелом);

— *Оладушек нажарю...* — *Оладушки были вчера.* — *Может, овсянку сварить?* (Д. Рубина. Медная шкатулка (сборник) (2015));

*Угощала меня Фекла **оладышками** из крахмала, молоком и все смотрела на меня и смотрела, аж неловко становилось* (Л. Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)).

3.4. ТЕЛЕК ~ ТЕЛИК. Написание этого слова, появившегося в разговорной речи уже довольно давно, неустойчиво и поныне. В орфографическом словаре оно было зафиксировано еще в первом издании [РОС 1999] в написании с буквой *-и*. Данная фиксация подкреплена предписанием «Полного академического справочника»: «В суффиксе *-ек* гласный {...} является беглым, а в суффиксах *-ик* и *-чик* гласный при склонении сохраняется. {...} По этому же правилу пишутся характерные для разговорной речи и просторечия образования на *-ик* с небеглым гласным суффикса и усеченной основой производящего слова типа *велик* (*велосипед*), *телик* (*телевизор*), *видик* (*видеомагнитофон*), *ишизик* (*ишизофреник*) {...}» [ПАС 2009: § 50].

Однако узус с этим не согласен: если кодифицированный вариант *телик* имеет в НКРЯ 95/160 употреблений, то отвергнутый вариант *телек* по количеству употреблений его значительно превосходит — 163/342. Приведем примеры употреблений обоих вариантов:

— *Бородатый не терял добродушия. — Телик-то глядим изредка* (С. Юрский. Бумажник Хофманна (1993));

*Бабка ворчала про баловство, но он поставил портрет на самое видное место, на старый **телик** на тонких ножках, и не без самодовольства собственное изображение рассматривал* (А. Снегирев. Вера (2015));

*Он еще передачу ведет по **телику**, каждую субботу, «Вечный праздник»* (М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012);

— *Не знаешь, во сколько по **телику** похороны?* (А. Иванов. Географ глобус пропил (2002));

*Выходить я сначала никуда не собиралась, но через пару часов дома начала тихо пухнуть от скуки. **Телек** смотреть невозможно. Комика нет* (А. В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009));

*А если все же захочется на сон грядущий пощекотать нервы, то можно посмотреть по **телеку** городские новости* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008));

*Во вторник, в конце дня, я пришел домой с литинститутского семинара и, как обычно, включил **телек*** (А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006));

*Пришел Петя, пахнувший душино вискарем, с аппетитом поужинал, почти молчали, то и дело поглядывал на нее и задерживался взглядом, разделся, включил **телек**, лег* (С. Шаргунов. Фоторобот Евы (2011) // «Сноб»).

3.5. РАЗЫСКНОЙ ~ РОЗЫСКНОЙ. Нельзя также не сказать об орфографических вариантах *разыскной/розыскной*, дискуссия об употреблении которых давно перешагнула рамки лингвистического сообщества. По правилу, в приставке *раз-* (*рас-*) / *роз-* (*рос-*) «на месте безударного гласного пишется буква **а**, а под ударением — **о**, напр.: <...> расписка (ропись), <...> рассыпной (россыпь), <...> разливной (розлив), <...> разыскной (розыск) <...>» [ПАС 2009: § 40]. В НКРЯ кодифицированный вариант *разыскной* имеет 34/41 употребление, а некодифицированный (*розыскной*) — 304/787 употреблений. Другими словами, цифры говорят о том, что игнорировать данную вариантность невозможно, а контексты употреблений — о том, что неправомерно считать второе написание лишь профессиональной нормой:

*А циркуляр этот распозался по стране, переходил из рук в руки, от него отпочковывались новые циркулярные и **розыскные** листы, и, может быть, что-то подобное находилось даже в кармане у кого-то из присутствующих* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 5 (1978));

Он начал на Малой Морской, в доме усопшей, или убиенной, княгини. Так поступил бы каждый, даже не будучи знатоком розыскного ремесла. Майор ведь знал: платок с монограммой обнаружен в спальню (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989));

И что служебно-розыскная собака, даже самая лучшая, сможет найти толкового в сплошной воде? (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)).

Между тем источником орфографического конфликта здесь является внутренняя противоречивость норм правописания. С одной стороны, в данном случае написание подчиняется общему правилу о приставках *раз-/роз-*, с другой — если рассматривать это слово как прямое производное от существительного *розыск* (а оно таковым и является), то нет оснований менять графический состав производящей основы. Тем самым вариантность термина оправдана и лингвистически, и функционально.

4. Выше в статье были рассмотрены случаи письменной вариативности, касающейся употребления букв и небуквенных знаков. Отдельную большую проблему составляет вариантность по буквенному регистру — употребление или неупотребление прописной графемы в связи с разграничением собственных/нарицательных имен и письменной регламентацией неоднословных наименований. Эта проблема требует специального (отдельного) описания в силу многообразия лингвистических факторов, влияющих на орфографию собственных имен и наименований, и неразработанности критериев орфографирования в этой области. Кратко обозначим ключевые моменты.

В основе орфографических затруднений и вытекающего из этого регистрового варьирования может лежать спорный характер нормы или неустойчивость традиции употребления. Обычно это касается наименований с усложненной семантикой или усложненной структурой.

4.1. Различные тематические группы номинаций обладают разной степенью письменной стабильности. Наиболее устойчивы в орфографии (хотя и не стопроцентно), по понятным причинам, номинации номенклатурные — например географические и административные названия, названия органов власти и т. п. Однако и здесь существуют написания неустановившиеся или опровергающие кодифицированную норму. К примеру, название известной городской кольцевой автомагистрали оформляется в практике письма пятью разными способами: *Третье транспортное кольцо*, *третье транспортное кольцо*, *Третье Транспортное Кольцо*, *3-е транспортное кольцо* и *3-е Транспортное кольцо*.

Нельзя в очередной раз не упомянуть в связи с этим номинацию *Государственная д/Дума*, узуальное употребление которой в большом количестве случаев противоречит рекомендации правил [ПАС 2009: § 189] и [РОС 2018] — писать второе слово со строчной:

Руководство РПЦ предполагает полную смену образовательной парадигмы современной российской школы и наполнение всего корпуса учебных предметов глубоким религиозным содержанием. Об этом красноречиво говорит, например, резолюция, принятая 24 апреля 2001 г. на Круглом столе в Государственной Думе, имевшем подчеркнуто нейтральное название «Религиозное образование в России: проблемы и перспективы» и на деле собравшем лоббистов православного образования и их сторонников в российском парламенте (М. Козлова. Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения (1 часть) // «Адвокат», 2004.12.01);

В Федеральном законе «О личном подсобном хозяйстве», принятом Государственной Думой и одобренном Советом Федерации 26 июня 2003 г. (N 230-СФ), в статье 2 подчеркивается, что ЛПХ — это форма непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции (Личные подсобные хозяйства населения: состояние и перспективы // «Вопросы статистики», 2004).

Можно констатировать, что в данном случае вариативность усугубляется упорством кодификаторов.

В большей степени неустойчивость традиции употребления (или ее отсутствие) касается таких, например, тематических групп лексики, как названия, связанные с религией, или технические и торговые марки. Примеры: *С/святые т/Тайны, р/Родительская суббота, н/Неделя в/Всех с/Святых, н/Преподобный Сергей Радонежский* и мн. др. [Шмелев 2017: 709–710, 717, 721, 729–730]; *«С/сухой С/суперджет 100», «С/самсунг Г/галакси», «Н/нескафе Г/олд», «Т/тойота К/камри»* [Николенкова 2017: 9–17].

4.2. Семантически усложненные наименования — это многозначные слова и словосочетания (в том числе с переносным значением), такие как *кремль* ‘средневековая русская крепость’ и *Кремль* ‘современная правительственная резиденция’, *Табель о рангах* ‘законодательный акт и система чинов в России XVIII — нач. XX в.’ и *табель о рангах* ‘иерархия должностных лиц’. Семантические преобразования могут быть разнонаправленными: либо нарицательное имя становится собственным, либо наоборот.

Колебания особенно проявляются в группе слов с переносными значениями. Правила нам сообщают, что «собственные имена исторических лиц, литературных или мифологических персонажей, употребляясь обобщенно (переносно) как названия людей с определенными чертами характера и поведения, пишутся неединообразно — одни со строчной, другие с прописной буквы. Их написание, определяемое традицией употребления, устанавливается в словарном порядке. (...) То же касается обобщенного (переносного) употребления географических названий: так, со строчной буквы пишутся *олимп* (...), *содом* (...), *ходынка* (...), *камчатка* (...), но со

храняют прописную букву в переносных значениях *Мекка, Вандея, Клондайк, Черемушки, Хиросима, Чернобыль* и др.» [ПАС 2009: § 158]. Однако несмотря на установленное в словарном порядке написание таких переносно употребленных слов, как, скажем, *гулливер* ('об очень высоком человеке') или *олимп* 'избранный круг, верхушка какого-н. общества' — со строчной буквы [РОС 2018], узуальные употребления в орфографическом отношении неединообразны:

— *В сравнении с суперзвездами спринта вы кажетесь настоящим Гулливером. Может быть, именно высокий рост мешает добиться больших успехов? — Согласен, у большинства элитных спринтеров маленький рост, и это даёт определённое преимущество* (С. Подушкин. Дмитрий Дорوفеев: «Придется бить рекорд России» (2002) // «Известия», 2002.01.28);

В ауле этом жило много сеидов — особо почитаемых людей, обладавших священническими полномочиями. Это была выделенная порода людей, словно бы великанов. Не гулливеры, но все, как на подбор, рослые, красивые (А. Иличевский. Штурм // «Новый Мир», 2007);

Когда сегодня разворачивается очередной раунд гона на олигархов, при всей народной радости по поводу того, что очередного небожителя с треском свергли с российского политико-финансового Олимпа и усиленно оципывают по пути падения, у наблюдательного читателя поневоле возникает вопрос, кто займёт место свергнутого и в чью пользу будут собраны все золотые перья? (В. Смоленцев. Стая большая — лосенок маленький // «Завтра», 2003.07.25);

Обычный вундеркинд, шесть лет назад ставший лучшим юниором мира и с тех пор потихоньку покоряющий теннисный олимп (С. Подушкин. Французское препятствие. Перед финалом Кубка Дэвиса Себастьян Грожан проявил себя в Петербурге // «Известия», 2002.10.27);

Как жаль, что нельзя рассказать Васьянину о Марусе, узнать точно, чем занимается она и лужает ли семечки. Тимофей Гаврилович знал биографии обитателей кремлёвского Олимпа лучшие греков, у которых миф ещё не отделился от реальности (А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998).

Следует ли считать ошибочными такие написания, отклоняющиеся от словарной кодификации? Нам кажется, что категоричность нормативных указаний применительно к переходным случаям не вполне уместна. Изменение статуса номинаций (нарицательное → собственное или собственное → нарицательное) неодномоментно, и многие из них, преобразуясь семантически, могут сохранять оригинальную орфографию. Вот пример подобного переносного употребления (с различным написанием), не зафиксированного кодифицирующими источниками:

*Майор был в веселом расположении духа и смотрел по конфискованному у Бати телевизору мотогонки. — Привезли? Молодцы! Вы прямо **шумахеры**!* (М. Гиголашвили. Чертовое колесо (2007));
— *Это вы тут все **Шумахеры**, — обиженно отозвалась домработница, — а я нормальный водитель, мне с ногой в гипсе далеко не добратся, во, глядите!* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха (2004)).

4.3. Помимо семантики, нестабильность написаний может быть вызвана различиями, определяемыми дискурсом. Типичный случай — когда официальный дискурс способствует повышению буквенного регистра при употреблении номинаций. Примеры:

*5 июня делегация МИД Израиля во главе с заместителем министра иностранных дел Зеэвом Элькиным посетила с официальным визитом Ватикан. В знак особого внимания **Папа Римский** Франциск принял израильских дипломатов в личных покоях* (<https://regnum.ru/news/polit/1668767.html>);

ср.: Конклав <...> — собрание кардиналов, созываемое после смерти или ухода в отставку **папы римского** для избрания нового папы, а также само это помещение (<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B2>);

*Зимой 1834 года он стал офицером. Да ещё каким офицером! Корнетом самого блистательного полка — Кавалергардского **Её Величества*** (В. Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001);

ср.: Супруга ныне благополучно царствующего государя императора, **её императорское величество** Александра Фёдоровна, — тоже немка, из Гессена (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)).

Подобные регистровые варианты написания представляются вполне оправданными. Однако следует заметить, что в разножанровой письменной речи вариативность подобных номинаций достаточно сильно выражена и вне дискурсивных различий.

4.4. Структурно усложненные наименования — неоднословные и дефисные. Номинации могут включать или не включать родовое наименование, иметь в своем составе служебные элементы, представлять собой адъективные, генитивные или иного типа словосочетания, включать в свой состав приложение и др. Невозможность подвести структурно разнообразные номинации под общее правило употребления прописной графемы приводит к узуальной вариантности. Одной из ее причин является проблема определения состава номинации, т. е. решения вопроса о том, представляет ли собой, скажем, соответствующее слово свободное определение или же первое слово наименования. Вот примеры таких вариантов, встречающиеся в узусе:

Время торжественного открытия летних Олимпийских игр в Пекине, по мнению китайцев, было выбрано на редкость удачно (В. В. Овчинников. Размышления странника (2012));

На этой карте мы собрали все города, где когда-то проходили Летние Олимпийские игры (http://works.doklad.ru/view/F-nHZtt_4VQ.html);

Россия в самом теплом городе страны проведет зимнюю Олимпиаду — и выиграет ее с огромным отрывом (Д. Соколов-Митрич. Родная речь // «Русский репортер», 2014);

Следующая Зимняя Олимпиада — 2018 года — пройдет в городе Пхёнчхан. — Читайте подробнее на FB.ru. <http://fb.ru/article/142461/gde-proydet-zimnyaya-olimpiada-goda>;

Изменение олимпийской конъюнктуры стало для чиновников из Минспорта удобным, но во многом ложным объяснением несостоятельности российских спортсменов в общекомандной борьбе на последних зимних олимпиадах. По сути, оно сводится к тому, что, пока мы не станем конкурентоспособными в относительно новых видах спорта олимпийской программы, России будет сложно бороться за попадание в тройку лидеров в общекомандной борьбе (П. Михальчук. Два фактора // «Эксперт», 2014).

Существует также множество частных случаев колебаний по буквенному регистру — например употребление *Вы-вежливого* или сложений, включающих аббревиатуру *ВИП/vip*, и мн. др.

* * *

Таким образом, в русской орфографии обнаруживаются зоны, где настаивать на единстве нормы было бы нецелесообразно. Это связано с рядом языковых факторов, способствующих орфографическому варьированию, например:

— неоднозначность межъязыковых фонетических корреляций при лексическом заимствовании (*дивайс* ~ *девайс*, *экситпол* ~ *экзитпол*, *китч* ~ *кич*);

— умозрительность и лингвистическая неубедительность формально-графических правил и словарных кодификаций (*постинфарктный* ~ *предынфарктный*; *риелтор* ~ *риэлтор*, *хэтчбек* ~ *хетчбэк* ~ *хэтчбэк* ~ *хетчбек*);

— многофакторность языковых влияний на написание (сложные прилагательные, образованные на основе словосочетания: *горноклиматический*, *горно-металлургический*; область употребления прописной графемы);

— возможность двоякой трактовки языкового факта (*разыскной/розыскной*, *вглубь / в глубь*);

— неприменимость семантического критерия, лежащего в основе правила, в значительном числе подпадающих под это правило случаев (слова с корнем *-равн-/ровн-*, варианты *масленный/масляный*);

— противоречие между кодификацией и реальным узусом (*Государственная Дума / Государственная дума*, *телек/телик*) и др.

Тем самым под орфографическим вариантом понимается разновидность письменной формы слова в пределах его тождества, обусловленная лин-

гвистическими причинами. Известно, что убыванию вариативности в письменном языке способствует безвариантная кодификация, поскольку часто вариативность понимают как антипод нормативности.

Данная статья представляет собой попытку показать, что в определенных зонах письменного языка, приведенное здесь перечисление которых отнюдь не является исчерпывающим, нормальна скорее неоднозначность написаний, нежели определенным (а нередко и произвольным) образом выбранная орфограмма. Принципиальное неприятие орфографической вариантности, выражающееся в однозначных словарных кодификациях во всех, в том числе спорных, случаях и в императивных формулировках правил, представляется нам неплодотворным. Изучение языковой реальности должно проникнуть и в такую консервативную (на сегодняшний день) сферу, как нормативная орфография. И на этом пути естественно принять орфографическую вариантность в ее лингвистически обоснованных границах.

Словари и справочники

ПАС 2009 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2009.

РОС — Русский орфографический словарь / Отв. ред. В. В. Лопатин (авторы: Б. З. Букчина, О. Е. Иванова, С. М. Кузьмина, В. В. Лопатин, Л. К. Чельцова). М., 1999; 2-е изд., испр. и доп. (авторы: О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова) М., 2005; 4-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. В. В. Лопатин и О. Е. Иванова. М., 2012; 5-е изд., испр. М., 2018.

Литература

Борунова 1998 — С. Н. Борунова. Об одной дискуссионной проблеме русской орфографии (к вопросу о написании сложных прилагательных в русском языке) // Русистика сегодня. 1998. № 3–4. С. 148–158.

Букчина 1981 — Б. З. Букчина. Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. М., 1981. С. 215–233.

Валгина 2001 — Н. С. Валгина. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.

Горбачевич 1978 — К. С. Горбачевич. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

Граудина, Шварцкопф 1991 — Л. К. Граудина, Б. С. Шварцкопф. Колебания нормы в современном литературном языке: реальность и прогнозы // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. С. 99–106.

Григорьева, Пономарева 2001 — Т. М. Григорьева, С. В. Пономарева. Норма и вариантность в русской орфографии // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 3. Красноярск, 2001. С. 13–27.

Грот 1876 — Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876.

Иванова 2017 — О. Е. Иванова. Орфографическая кодификация и социальная динамика. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 13. Культура русской речи. М., 2017. С. 423–430.

Кузьмина 2004 — С. М. Кузьмина. Заколдованное место русской орфографии (О трудностях кодификации слитного / дефисного написания сложных прилагательных) // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 250–253.

Нечаева 2012 — И. В. Нечаева. О *шон(н)инге*, *мини(-)вэне* и тайнах орфографической кодификации // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 72–89.

Николенкова 2017 — Н. В. Николенкова. Проблемы орфографического оформления названий товарных знаков в XXI в.: лингвистические наблюдения // Stephanos. 2017. № 2 (22). URL: http://stephanos.ru/izd/2017/2017_22.pdf.

Плунгян 2008 — В. А. Плунгян. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.

Розенталь 2005 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И. Б. Голуб. 10-е изд. М., 2005.

Шмелев 2017 — А. Д. Шмелев. Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. Вып. 7–8. М., 2017. С. 698–734.

Статья получена 26.11.2019

Iya V. Nechaeva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
inechaeva@mail.ru

Nikolaj V. Pertsov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
nvpertsov@rambler.ru

ON VARIABILITY IN RUSSIAN ORTHOGRAPHY

The present paper considers, within the Russian context, the legitimacy of orthographic variation in view of the widely held belief that differences in spelling are impermissible in written language. We examine several instances in which actual usage contradicts codified norms as a result of both the absence of rules (in the case of lexical borrowings) and the weakness of such rules (as in the case of compound adjectives, the use of *i* or *y* in words with foreign roots in post-prefixal position, words with alternating roots like *ravn-/rovn-*, etc.). Certain linguistic facts (*razysknoj/rozysknoj*, *vglub'/v glub'*, and others) may also objectively be interpreted in more than one way. We cite cases of norms codified without sufficient justification that, in fact, are violated in real written practice. We conclude by making a case for permissible orthographic variability within linguistically justified boundaries.

Keywords: orthography, variability, norm, codification, usage, usage variants, codification mistakes

References

- Borunova, S. N. (1998). Ob odnoi diskussionnoi probleme russkoi orfografii (k vo-
prosu o napisanii slozhnyh prilagatel'nyh v russkom yazyke). *Rusistika segodnia*, 3–4,
148–158.
- Bukchina, B. Z. (1981). Orfograficheskie varianty. In L. I. Skvortsov (Ed.), *Litera-
turnaia norma i variantnost'* (pp. 215–233). Moscow: Nauka.
- Gorbachevich, K. S. (1978). *Variantnost' slova i yazykovaia norma*. Leningrad:
Nauka.
- Graudina, L. K., & Schwarzkopf, B. S. (1991). Kolebaniia normy v sovremennom
literaturnom yazyke: real'nost' i prognozy. In O. L. Dmitrieva (Ed.), *Russkii yazyk i
sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiia rusistiki* (pp. 99–106). Moscow: IRIAZ.
- Grigoryeva, T. M., & Ponomareva, S. V. (2001). Norma i variantnost' v russkoi or-
fografii. *Lingvisticheskii ezhegodnik Sibiri*, 3, 13–27.
- Ivanova, O. E. (2017). Orfograficheskaia kodifikaciia i social'naia dinamika. In
A. D. Shmelev (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN* (Issue
13, pp. 423–430). Moscow: IRIA RAN.
- Kuzmina, S. M. (2004). Zakoldovannoe mesto russkoi orfografii (O trudnostiah kodi-
fikacii slitnogo / defisnogo napisaniia slozhnyh prilagatel'nyh). In S. N. Borunova, &
V. A. Plotnikova-Robinson (Eds.), *Otcy i deti Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly. Pamiati
Vladimira Nikolaevicha Sidorova* (pp. 250–253). Moscow: Institut russkogo yazyka.
- Nechaeva, I. V. (2012). O *shop(p)inge, mini(-)vene* i tainah orfograficheskoi kodifi-
kacii. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 72–89.
- Nikolenkova, N. V. (2017). Problemy orfograficheskogo oformleniia nazvanii
tovarnykh znakov v XXI v.: lingvisticheskie nabliudeniia. *Stephanos*, 2. Retrieved from:
http://stephanos.ru/izd/2017/2017_22.pdf
- Plungian, V. A. (2008). Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokah
sovremennoi korpusnoi lingvistiki. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 7–20.
- Rozental, D. E. (2005). *Spravochnik po pravopisaniiu i literaturnoi pravke*. Moscow:
Airis-press.
- Shmelev, A. D. (2017). Propisnye bukvy v svetskoi i cerkovnoi pečati. *Sretenskii
sbornik*, 7–8, 698–734.
- Valgina, N. S. (2001). *Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke*. Moscow:
Logos.

Received on November 26, 2019

О. Е. ПЕКЕЛИС

Российский государственный гуманитарный университет
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
opekelis@gmail.com

НУЛЕВАЯ АНАФОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МИКРОДИАХРОНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ *

Статья посвящена исследованию условий, ограничивающих опущение референтного подлежащего при финитном глаголе (т. н. нулевая анафора) в русском языке XIX в. и сегодня. Вопреки устоявшемуся мнению, в XIX в. эти условия отличались от современных: подлежащее опускалось свободнее, чем позволяет сегодняшняя норма. Этот факт продемонстрирован для подлежащего в разных синтаксических контекстах (простое утвердительное предложение, вопросительное предложение, зависимая клауза) на материале данных Национального корпуса русского языка. Произошедшие за последние два столетия изменения предложено интерпретировать как грамматикализацию паттерна, известного в типологии как *partial null-subject language*. Тем самым признаки, по которым современный русский язык отличается от языка XIX в. в сфере нулевой анафоры, пополняют перечень признаков, отвечающих этому ярлыку.

Ключевые слова: нулевое подлежащее, анафора, русский язык XIX в., корпус, вопросительное предложение, зависимая клауза, грамматикализация.

1. Введение

Современный русский известен как язык, ограниченно допускающий опущение подлежащего при финитном глаголе (*partial null-subject language* в терминологии [Roberts, Holmberg 2010]). С одной стороны, от языков с последовательной нулевой анафорой (*full null-subject languages*), например итальянского или испанского, его отличают необязательность опущения референтного подлежащего в неконтрастивных контекстах и более узкие условия, разрешающие такое опущение. С другой стороны, в современном русском возможность оставлять подлежащее невыраженным наличествует

* Статья подготовлена участником «Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ» на базе Школы лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ на основе данных, полученных в период стажировки. Автор глубоко признателен руководителю стажировки Е. В. Рахилиной, а также анонимным рецензентам за советы и замечания.

в ряде случаев, в которых она отсутствует в языках, последовательно запрещающих нулевую анафору (*non-null-subject languages*), например в английском или немецком¹.

Настоящая статья посвящена исследованию вопроса об эволюции явления нулевой анафоры в русском языке на протяжении последних двух столетий. Статья продолжает проект Школы лингвистики НИУ ВШЭ по поиску и интерпретации лексико-грамматических сдвигов, произошедших в русском языке начиная с XIX в. (см. подробнее [Рахилина и др. 2016]). В рамках проекта был создан Корпус языка XIX в., который на текущем этапе содержит размеченный в пилотном варианте роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840). Текст романа стал отправной точкой и для настоящей работы: благодаря разметке, классифицирующей случаи отклонения нормы XIX в. от нормы современной, оказалось возможным выявить контексты с опущением подлежащего, архаичные с позиций современного языка. В качестве следующего шага эти и подобные контексты были проанализированы на материале подкорпуса текстов XVIII–XIX вв. и Газетного корпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) на предмет их соответствия более общим тенденциям языка XIX в. и отклонения от общих тенденций века XXI. Выбор Газетного корпуса мотивирован тем, что тексты современных СМИ, как можно думать, отражают современную литературную норму более объективно, чем подкорпус текстов XX–XXI вв. основного корпуса. Значительную долю последнего составляют тексты художественной литературы, менее свободные от влияния предшествующей нормы. Известно, правда, что в современном языке опущение подлежащего наиболее свойственно неформальной разговорной речи [Zdorenko 2010: 127], в Газетном корпусе не представленной. Однако привлечение устного корпуса НКРЯ создало бы существенный контраст с художественными текстами, составляющими подкорпус XVIII–XIX вв., как раз по параметру формальности (спонтанности) текста (контраст более существенный, чем контраст художественных текстов с современной публицистикой).

Предпринятый анализ показал, что в языке М. Ю. Лермонтова и, шире, в языке XIX в. ограничений на опущение референтного подлежащего при финитном глаголе было *меньше*, чем в современном языке. Этот факт вписывается в общую хронологию исторического развития русского языка в терминах нулевой анафоры: от древнерусского языка, относимого к языкам, последовательно допускающим опущение подлежащего [Борковский, Кузнецов 2006/1963: 332; Зализняк 2004: 170 и др.], к современному со-

¹ Под нулевой анафорой (*zero anaphora*) часто понимается нулевое выражение референтного подлежащего 3-го лица. В настоящей работе этот термин употребляется шире: как нулевое выражение подлежащего любого из трех лиц. В последнем понимании более употребительным является, по-видимому, термин *pro-drop*, который мы не используем ввиду его значительной теоретической «нагруженности».

стоянию. Заметим, что в этом фрагменте грамматики не состоялось — для XIX в. ожидаемое — влияние на русский язык французского. Последний, как известно, относится к языкам, в которых подлежащее, как правило, должно быть выражено (см., например, [Roberts 2014]).

Фрагменты (1)–(4) из «Героя нашего времени» иллюстрируют опущение подлежащего, архаичное с точки зрения современной нормы (в квадратных скобках приведен предполагаемый «перевод» на современный язык)².

- (1) До самого дома она говорила и смеялась поминутно. В ее движениях было что-то лихорадочное; *на меня не взглянула ни разу*. [→ *на меня она не взглянула...*];
- (2) Вулич вышел в другую комнату и сел у стола; все последовали за ним: он знаком пригласил нас сесть кругом. *Молча повиновались ему*: в эту минуту он приобрел над нами какую-то таинственную власть. [→ *мы молча повиновались ему...*];
- (3) Поверь мне, аллах для всех племен один и тот же, и если он мне позволяет любить тебя, *отчего же запретит тебе платить мне взаимностью?* [→ *отчего же он запретит...*];
- (4) <...> и все грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно, *когда слушал ее из соседней комнаты*. [→ *когда я слушал...*].

Как демонстрируют приведенные фрагменты, среди контекстов, в которых опущение подлежащего в современном языке ограничено строже, чем в языке XIX в., можно выделить следующие:

- простое утвердительное предложение (1), (2);
- прямой частный вопрос (3);
- зависимая финитная клауза (4).

Рассмотрению этих контекстов посвящены разделы 2, 3 и 4 соответственно. В заключительном 5-м разделе предложена интерпретация изменений, произошедших в русском языке в сфере нулевой анафоры за последние два столетия, и предпринята попытка вписать эти изменения в общий типологический портрет языка, отвечающего ярлыку *partial null-subject language*.

Прокомментируем выбор параметров, по которым в разделах 2, 3 и 4 сопоставляются ограничения на опущение подлежащего в языке XIX в. и

² Известно, что допустимость опущения референтного подлежащего в современном языке во многом определяется дискурсивными факторами [Фужерон, Брейар 2009; Kibrik 2013: 236]. Соответственно, граница между приемлемым и неприемлемым опущением с позиций современной нормы может быть зыбкой и зависеть, в частности, от изменений внешнего контекста. В настоящей работе оценка примеров XVIII–XIX вв. как архаичных основывается на интуиции автора и 6 информантов. Архаичными полагаются те примеры, в которых *в заданном контексте* отсутствие выраженного подлежащего представляется менее естественным и нейтральным, чем его наличие.

сегодня. Этот выбор мотивирован, во-первых, тем, что уже известно об ограничениях на нулевую анафору в современном языке. Так, в литературе отмечалось, что современная норма ограничивает опущение подлежащего 3-го лица более строго, чем опущение подлежащего 1-го и 2-го лица (см., например, [Zdorenko 2010: 129; Madariaga 2018: 174]). Первое, в частности, требует наличия антецедента в предшествующем контексте, ср. приемлемость (5а) и сомнительность (5б) в качестве реплики, начинающей текст.

- (5) а. *Начинаем* заседание.
б. *??Начинает* заседание.

При сравнении современной нормы с нормой XIX в. мы в первую очередь принимали во внимание контексты с 3-м лицом подлежащего, поскольку именно в них ожидается наибольший контраст двух норм. Это касается в особенности контекста простого утвердительного предложения, относительно которого противопоставление 1, 2 vs. 3-го лица отмечалось в литературе. В контекстах вопроса и зависимой клаузы, как будто менее исследованных с этой точки зрения и диахронически, и с позиций современного языка, контексты с разными лицами рассматривались более равномерно.

Во-вторых, выбор параметров сравнения продиктован самим корпусным материалом: теми устаревшими конструкциями с опущенным подлежащим, которые обнаружили в тексте романа М. Ю. Лермонтова, а затем и у других авторов XVIII–XIX вв. в составе НКРЯ³.

2. Простое утвердительное предложение

Вопрос о факторах, лицензирующих нулевое выражение референтного подлежащего в простом предложении в современном русском языке, изучен недостаточно, а утверждения, содержащиеся в литературе, иногда противоречивы. Тем не менее общая картина определена и сводится к тому, что нулевое подлежащее чаще всего кореферентно подлежащему в близком предтексте [Kibrik 2011: 422] и вместе они составляют «сквозную» тему данного фрагмента дискурса [McShane 2009: 123; Madariaga 2018: 174]. Ср. (знак «_» здесь и далее обозначает нулевое подлежащее):

³ Опора на корпусный материал при отборе параметров привела к тому, что набор проанализированных параметров оказался достаточно произвольным (так, одушевленность антецедента изучается лишь применительно к зависимым клаузам в разделе 4; топиальность — лишь применительно к независимым клаузам в разделе 2 и т. д.). Ввиду того, что целостная картина о природе и взаимодействии факторов, отвечающих за опущение подлежащего, пока не сформирована даже для современного русского языка, не говоря уже о языке XIX в., более системный способ работы кажется трудно осуществимым. Однако он мог бы стать следующим шагом на этом пути.

- (6) В Минске она_i уже подала документы на белорусский паспорт.
 __i Хочет пойти учиться («Комсомольская правда», 2014.07.28).

Наоборот, при совпадении антецедента с дополнением и ремой опущение кореферентного подлежащего в современном языке, как правило, проблематично. Так, трудно согласиться с Е. Цедрыком [Tsedryk 2013], оценивающим опущение подлежащего в (7) как приемлемое с точки зрения современной нормы:

- (7) Я только что встретил Лену_i. ?? __i Сказала, что их отдел скоро закроют.

В языке XIX в. ограничение на топикальность и субъектность антецедента было выражено слабее. Ср. предложения (8)–(11) (как кажется, не отвечающие современной норме), где антецедент соответствует дополнению и реме.

- (8) Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу_i, и __i убежит от вас. Приблизьтесь к Богу_i, и __i приблизится к вам; очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные. Смиритесь пред Господом_i, и __i вознесет вас (Послание Иакова: синодальный перевод (1816–1862));
- (9) Слушай: домов много. — Много, выбирай себе. — Ты выбирай, я постарше тебя. — Это откуда... я и сам счет потерял годам. — Не считай по годам, а мерь по бородам_i. — У меня __i обгорела в 12-м году (А. Ф. Вельтман. Не дом, а игрушечка (1850));
- (10) В эту минуту вынырнула неизвестно откуда прямо к нему под ноги запачканная и нечесаная девчонка в оборванном платке по самые пятки. — Кого вам надо? — запищала она. — Дворника_i, милая. — __i В лавочку ушел, — пискнула снова девочка (В. А. Соллогуб. Старушка (1850));
- (11) Знаю, что бесшабашный карьерист, без правил, только что выскочил, адмирал и влюбленный в себя... Любимец министра... А все-таки, думаю, товарищ... Стоит только доложить адмиралу_i, и __i меня вызовет... (К. М. Станюкович. Блестящее назначение (1890–1903)).

В (12a) антецедент также входит в рему, но при этом является подлежащим (см. [Янко 2001: 155] о коммуникативной структуре таких конструкций). С точки зрения современной нормы опущение подлежащего ощущается и в этом случае как архаичное. В (12b), где антецедент получает статус темы (а не только статус подлежащего), с позиций сегодняшней нормы нулевая анафора представляется более приемлемой⁴.

⁴ Уточнения требует вопрос об «удельном весе» каждого из двух факторов (топикальность и субъектность антецедента) при лицензировании нулевой анафоры в современном языке. Так, опущение подлежащего представляется сомнительным

- (12) а. В трех вёрстах от Елани находится [Талицкий казённый винный завод]_i. _j Имеет несколько заводских людей (А. Н. Радищев. Записки путешествия в Сибирь (1790));
б. [Талицкий казённый винный завод]_i находится в трех вёрстах от Елани. _j Имеет несколько заводских людей.

Еще одним условием, лицензирующим опущение подлежащего в простом утвердительном предложении в современном языке, является локальность антецедента. В литературе встречаются в этой связи два представления о локальности. В [Madariaga 2018] речь идет о линейной локальности: антецедент нулевого подлежащего в обычном случае входит в непосредственно предшествующую клаузу. В [Кибрик и др. 2010; Kibrik 2011: 422] в качестве более релевантного параметра рассматривается «риторическое расстояние», определяемое в терминах теории риторической структуры [Mann, Thompson 1988] как количество узлов риторической сети, отделяющих опущенное подлежащее от антецедента.

Независимо от конкретного понимания локальности, в следующем фрагменте из «Героя нашего времени» условие локальности не соблюдено. Между клаузой, содержащей антецедент, и клаузой, содержащей нулевое подлежащее, располагается еще одна клауза, нарушающая условие локальности как в линейном, так и в риторическом смысле: три клаузы связаны отношением конъюнкции и образуют последовательно смежные узлы в иерархической структуре дискурса (о способах подсчета риторического расстояния см., например, [Kibrik, Krasavina 2005]). Ожидаемо поэтому и то, что в современном языке в (13а) требовалось бы выраженное подлежащее, и то, что опущение промежуточной клаузы, как в (13б), узаконивает опущение подлежащего с точки зрения современной нормы.

- (13) (=1) а. До самого дома она_i говорила и смеялась поминутно. В ее движениях было что-то лихорадочное; на меня _j не взглянула ни разу (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841));
б. До самого дома она_i говорила и смеялась поминутно. На меня _j не взглянула ни разу.

Нулевое подлежащее представляется архаичным в (14а), где клаузу, его содержащую, отделяет от клаузы, содержащей антецедент, прямая речь. Очевидно, и здесь дело в расстоянии между нулевым подлежащим и антецедентом, поскольку при изменении порядка клауз (14б), как кажется, повышается приемлемость опущения. (Мы отвлекаемся от вопроса о том, о каком расстоянии, риторическом или линейном, уместно говорить в данном случае.)

в (i), где антецедент соответствует теме, но не соответствует подлежащему. При этом опущение приемлемо в (ii), где соотношение двух параметров как будто похожее.

- (i) [К Ивану]_i приехали поздно. ?? _j Открыл дверь сразу;
(ii) Ну что [с ней]_i делать! _j Всё теряет, ломает, не ценит абсолютно ничего! (Наши дети: Подростки (2004)).

(14) а. Добросерд_і, не могши собою владеть, вскричал: — Вы, сударь, заклад ваш выиграли; я люблю Миловиду и льщусь, что и ею любим. — После того _і подошёл к отцу своему и просил его о позволении хотя самыми учтивыми, однакож и сильными выражениями и заключил тем, что он без Миловиды жить не может... (Н. И. Новиков. Пустомеля. Ежемесячное сочинение, 1770 год месяц июнь (1770));

б. — Вы, сударь, заклад ваш выиграли; я люблю Миловиду и льщусь, что и ею любим, — не могши собою владеть, вскричал Добросерд. После того подошёл к отцу своему (<...>).

Аналогично в (15) некоторая неестественность опущения подлежащего представляется следствием того, что нулевое подлежащее отделяют от антецедента три клаузы.

(15) — Вот видите ли, — продолжал Грушницкий, — мы_і и отправились, взявши с собой ружьё, заряжённое холостым патроном, только так, чтобы попугать. До двух часов _і ждали в саду (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)).

Анализ текстов XIX в. позволяет предположить, что в языке этого периода отсутствовало еще одно требование, ограничивающее нулевую анафору в современном языке: параллелизм (т. е. совпадение или близость) временных форм в клаузе, содержащей нулевое подлежащее, и в клаузе, содержащей антецедент. В (16а) и (17а) такой параллелизм отсутствует, и нулевое выражение подлежащего представляется неуместным с позиций современной нормы. При этом нулевая анафора кажется приемлемой в (16б) и (17б), где восстановлен параллелизм временных форм, а варианты с отсутствием параллелизма сближаются с современной нормой при условии, что подлежащее в них выражено, как в (16в) и (17в). Можно думать, что требование параллелизма временных форм — проявление более общей тенденции (характеризующей сегодня нулевую анафору) к морфосинтаксическому и иному параллелизму клауз. См. о еще одном проявлении этой тенденции в разделе 3; ср. также в [Kibrik 2011: 422] перекликающееся с ней предположение о том, что клауза, содержащая нулевое подлежащее, и клауза, содержащая антецедент, должны быть связаны симметричным риторическим отношением.

(16) а. Мистик-философ_і, бывало, *наденет* на себя серую свитку, накроет голову соломенным брылем, флейту в руку и марш куда глаза глядят. <...> По дороге *зайдет* на древнюю высокую могилу, называемую Выбла, и *зайдет* на могилу единственно за вдохновением. И, почерпнувши из недр ее малую толику сего, богам единым свойственного дара, _і *спешил* делиться сею благодатию с другом своим Якимом Лукашевичем в Березани (Т. Г. Шевченко. Близнецы (1855));

- б. По дороге *зайдет* на древнюю высокую могилу, называемую Выбла, и *зайдет* на могилу единственно за вдохновением. И, почерпнувши из недр ее малую толику сего, богам единым свойственного дара, *и поспешит* поделиться сею благодатию с другом своим Якимом Лукашевичем в Березани;
- в. По дороге (...) *зайдет* на могилу единственно за вдохновением. Почерпнувши из недр ее малую толику сего, богам единым свойственного дара, *он спешил* поделиться сею благодатию с другом своим Якимом Лукашевичем в Березани.
- (17) а. Она *была* очень весела, остроумна, передразнивала актрис, *подшучивала* над собой. Ко мне *относится* очень хорошо: некоторые ее слова просто трогают меня сердечностью и доверием (З. Н. Гиппиус. Победители (1898));
- б. Она была очень весела, остроумна, передразнивала актрис, *подшучивала* над собой. Ко мне *относилась* очень хорошо;
- в. Она *была* очень весела, остроумна, передразнивала актрис, *подшучивала* над собой. Ко мне *она относится* очень хорошо.

Таким образом, в русском языке XIX в. были ослаблены три ограничения на нулевую анафору в простом утвердительном предложении, определяющие современную норму: топиальность/субъектность антецедента, локальность антецедента и требование параллелизма временных форм.

3. Прямой частный вопрос

В прямом частном вопросе в современном языке подлежащее часто опускается при глаголе в форме 2-го лица (18), (19) или 1-го лица мн. ч. (20):

- (18) Вы приняли предложение гендиректора Михайловского театра Владимира Кехмана стать его заместителем. Когда приступите к работе? («Известия», 2013.10.30);
- (19) Но после всего случившегося тебе остается только ждать завершения следствия и решения суда... Чем занимаешься под домашним арестом? («Комсомольская правда», 2013.10.24);
- (20) Я хорошая! Когда пойдем в загс расписываться? — сказала Настя («Труд-7», 2008.08.14).

При глаголе в форме 3-го лица опущение подлежащего, наоборот, обычно затруднено, ср. (21) с (18) и (22) с (19):

- (21) Он принял предложение гендиректора Михайловского театра Владимира Кехмана стать его заместителем. ^{??}Когда приступит к работе?
- (22) Но после всего случившегося ему остается только ждать завершения следствия и решения суда... ^{??}Чем занимается под домашним арестом?

Исключение⁵ составляют контексты, в которых антецедент входит в состав предшествующего вопроса и также соответствует подлежащему. Так, подлежащее 3-го лица опущено в (23а) и (24а), где указанные условия соблюдены. Однако потребность в выраженном подлежащем заметно возрастает в (23б) и (24б), где антецедент-подлежащее входит в утверждение, и в (23в), (24в), где антецедент входит в предшествующий вопрос, но не соответствует подлежащему. (Для сравнения: ни одно из условий не выполнено в примере (19), с нулевой анафорой 2-го лица.) Требование, чтобы антецедент входил в вопрос, может считаться еще одним проявлением параллелизма между клаузой, содержащей антецедент, и клаузой, содержащей нулевое подлежащее (наряду с проявлениями параллелизма, отличающимися, как мы стремились показать в разделе 2, утвердительные конструкции с нулевым подлежащим).

- (23) а. Так почему же он несколько дней не выходил на связь? Как относится к тому, что его объявили в розыск? («Комсомольская правда», 2014.04.07);
 б. Он несколько дней почему-то не выходил на связь. ??Как относится к тому, что его объявили в розыск?
 в. Почему же я несколько дней не могу ему дозвониться? ??Как относится к тому, что его объявили в розыск?
- (24) а. — Когда «Локомотив» будет в норме? Когда сможет бороться за золотые медали? («Советский спорт», 2013.06.04);
 б. — «Локомотив» уже в норме. — ??А когда сможет бороться за золотые медали?
 в. — Когда вы приведете «Локомотив» в норму? ??Когда сможет бороться за золотые медали?

Заметим, что проблематичность опущения подлежащего при вхождении антецедента в утверждение отличает не только вопросительные конструкции. Похожему ограничению подчиняются, по-видимому, восклицательные конструкции: опущению подлежащего 3-го лица в составе восклицательного предложения способствует вхождение антецедента в предшествующий восклицательный член. Так, пример (25а) представляется более приемлемым, чем (25б).

- (25) а. Как он_i использует всю палитру баскетбольных красок! Как _i общается с игроками! («Советский спорт», 2010.11.10);
 б. Он_i мастерски использует всю палитру баскетбольных красок. ??Как _i общается с игроками!

Вместе с тем утвердительные конструкции без модальности восклицательного члена — в том числе такие, которые, подобно вопросу, характеризуются

⁵ Запрос для поиска в Газетном корпусе НКРЯ: «-кто» «-что» (SPRO | APRO | ADVPRO | PRAEDICPRO) g:rel first на расстоянии 1 от -удаваться -стоить -мочь V,indic,3p,sg -amark на расстоянии 1 от -nom -amark на расстоянии 1 от -nom -amark на расстоянии от 1 до 10 от bques.

выносом элемента на левую периферию клаузы, — не предъявляют к antecedенту каких-то специфических требований. Так, опущению подлежащего не препятствует топиализация прямого (26) и косвенного дополнения (27). Этот вывод прямо противоречит синтаксическому обобщению в [Tsedryk 2013], согласно которому вынос любой составляющей в начало клаузы блокирует нулевую анафору в современном русском языке. Соответственно, предпочтительным кажется не синтаксическое, а семантико-прагматическое объяснение запрета на опущение подлежащего в вопросе (и экскламативе) при вхождении antecedента в утверждение: отсутствие «иллокутивного параллелизма», наличествующего при вхождении и antecedента в вопрос (или экскламатив).

- (26) Постоянно, когда оказываемся вместе, она_i кланчит карточку экспресс-оплаты мобильной связи чтоб я купил. И смотрит такими глазами, как наркоман, которому нужна доза. Уроки _i делает две минуты, пять минут — жмёт кнопки на мобилке (Наши дети: Подростки (2004));
- (27) Она_i учится в университете Жилины и, в отличие от меня, бросать занятия не собирается. Ко мне _i приезжает погостить на месяц, на два («Советский спорт», 2012.04.23).

Вопросы с 1-м лицом ед. ч. глагола в современном языке иногда также допускают опущение подлежащего (28), (29)⁶. Однако такие вопросы, как правило, имитируют (подразумевавшийся) вопрос к говорящему со стороны адресата и в этом смысле сближаются с вопросами, содержащими форму 2-го лица. На это указывает то, что, задавая вопрос подобного рода, говорящий обычно сразу же отвечает на него — как он ответил бы на прямой вопрос адресата⁷.

⁶ Запрос для поиска в Газетном корпусе НКРЯ: (SPRO | APRO | ADVPRO | PRAEDICPRO) r:rel first на расстоянии 1 от V,indic,lp,sg -amark на расстоянии 1 от -nom -amark на расстоянии 1 от -nom -amark на расстоянии от 1 до 10 от bques.

⁷ Перечисленные исключения для вопросов с 3-м и 1-м лицом ед. ч. относятся к наиболее частотным по материалам Газетного корпуса, но не являются единственно возможными. В вопросе с 3-м лицом встречается, хотя и редко, исключение того же типа, который преобладает в вопросе с 1-м лицом, ср. (i), где вопрос с 3-м лицом имитирует вопрос говорящего «сыну» (*Почему звонишь с чужого телефона?*), сближаясь в этом смысле с вопросом 2-го лица.

(i) «Сын» говорит, что его либо «взяли в заложники», либо он попал в автомобильную аварию, либо еще что-нибудь в этом роде. Почему звонит с чужого телефона? Мой, мол, сломался или потерял, или только что отобрали («Труд-7», 2004.01.15).

В вопросе с 1-м лицом ед. ч. опущению подлежащего может способствовать (как и в вопросе с 3-м лицом) наличие предшествующего вопроса, содержащего antecedент в роли подлежащего, ср. (ii):

- (28) Сегодня, к сожалению, не выйду на паркет. Получил травму, надрыв мышцы,—рассказывает он. — Когда вернусь в игру? Этого сказать не могу («Советский спорт», 2011.06.01);
- (29) Терпеть не могу экскурсионный отдых! Где буду встречать Новый год? Где Бог даст! («Труд-7», 2008.11.25).

Отмеченный контраст между 1/2 и 3-м лицом типологически совсем не уникален (см. о финском языке в [Roberts, Holmberg 2010: 11]) и обычно объясняется дейктической природой форм 1-го и 2-го лица, обеспечивающей идентифицируемость (*recoverability*) референта. Разное поведение форм 1-го лица в зависимости от числа указывает, как кажется, на то, что уместность нулевой анафоры в современном русском языке сопряжена также с «прототипичностью» референта. Ситуация, при которой адресату задается вопрос о нем самом (как при вопросе с 1-м и 2-м лицом мн. ч.), может считаться более прототипической, чем ситуация, при которой вопрос касается 3-го лица или говорящего (как при вопросе с 1-м лицом ед. ч.). Прототипичность референта — еще один фактор, способствующий его идентифицируемости. С этим, можно думать, связано указанное распределение форм при опущении подлежащего в вопросе.

В языке XIX в. оба ограничения (на опущение подлежащих 3-го и 1-го лица ед. ч.) не действовали или соблюдались менее строго. Ср. (30) и (31), с нулевым подлежащим 3-го лица, и (32) и (33), с нулевым подлежащим 1-го лица ед. ч. Обратим внимание, что в обоих случаях отсутствуют условия, лицензирующие, вопреки общей тенденции, опущение подлежащего в современном языке. Так, в (30) и (31) антецедент не входит в вопрос. В (32) и (33) говорящий не имитирует вопрос к нему адресата, а сам обращается к адресату. Закономерно поэтому, что все четыре примера производят впечатление архаичных.

- (30) — Вот уж года три, — отвечал Евсей, — Александр Федорыч стали больно скучать и пищи мало принимали; вдруг стали худеть,

-
- (ii) Как я могу уволить тренера?! Как могу отказаться играть за Будро, который столько мне дал? («Советский спорт», 2011.12.02).

Подлежащее 1-го лица ед. ч. может опускаться в составе устойчивых конструкций типа (iii).

- (iii) Чем могу быть полезен? («Труд-7», 2008.08.19).

Способствовать опущению подлежащего 1-го лица ед. ч. может также, по видимому, лексический и/или семантический повтор глагола, как в (iv). Заметим, что и в (ii) фактор повтора, скорее всего, играет роль.

- (iv) — В своем последнем матче группового этапа сборная Россия забросила восемь шайб. Сколько забьет с вами — больше или меньше? («Советский спорт», 2013.05.15).

Подчеркнем, что примеры таких исключений в Газетном корпусе единичны, в отличие от приведенных выше более частотных типов исключений.

- худеть, таяли словно свечка. — Отчего же скучал-то? — Бог их ведаёт, сударыня (И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847));
- (31) Иван Алексеевич на улице выбранил себя энергически. И поделом ему! Зачем идет в трактир с первым попавшимся проходимцем? (П. Д. Боборыкин. Китай-город (1882));
- (32) Перед самым отъездом явились мужи новгородские и просили себе князя. — Кого пошлю вам? — спросил Святослав. — Дай нам Володимера, — отвечали Новгородцы по научению Добрыни (А. Ф. Вельтман. Райна, королева болгарская (1843));
- (33) — Ох, уж право не знаю, что и делать мне, — колебалась головщица. — И сарафан-от вишь светлый какой, голубой... Где надену его, куда в таком покажусь?... (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871–1874)).

Заметим, что требование «иллокутивного параллелизма» отсутствовало в языке XVIII–XIX вв. и применительно к экскламативам. Фрагмент (34) из «Героя нашего времени», где нулевое подлежащее 3-го лица, но не антецедент входит в состав экскламатива, ощущается как архаичный с позиций сегодняшней нормы.

- (34) Вот двери отворились, и взошла она, Боже! как __i переменилась с тех пор, как я не видал её, — а давно ли? (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)).

Таким образом, в языке XIX в. допустимость опущения подлежащего в составе вопроса в меньшей степени ограничивалась лицом и числом этого подлежащего, чем сегодня.

4. Зависимая финитная клауза

При опущении подлежащего в зависимой финитной клаузе антецедент в современном языке обычно совпадает с подлежащим вышестоящей клаузы (35) [McShane 2009: 120; Madariaga 2018: 175]. Именная группа в составе этой клаузы, не занимающая позицию подлежащего, в качестве антецедента, как правило, недопустима (36)⁸:

⁸ В (35) и (36) нулевое подлежащее входит в сентенциальный актанта, однако опущение подлежащего при антецеденте — главном подлежащем характерно также для сентенциальных обстоятельств (i) и относительных клауз (ii):

- (i) Она_i уже давно не снималась, поскольку __i выиграла на бирже большие деньги и завершила свою актёрскую карьеру (С. Спивакова. Не всё (2002));
- (ii) Оля_i тем временем собирается выйти замуж за Колю, которого __i ждала из армии (коллективный. Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008—2011)).

(35) Дарья_i сказала, что $_i$ оплатит («Известия», 2014.01.13);

(36) Она_i не могла закричать и дать понять Писториусу_j, что $_i/*_j$ находится за закрытой дверью («РБК Дейли», 2014.04.15).

Регулярное исключение составляют директивные матричные предикаты, присоединяющие придаточное с союзом *чтобы*: при них антецедентом нулевого подлежащего обычно выступает дополнение в составе главной клаузы [Shushurin 2018], а подлежащее, наоборот, в роли антецедента затруднено. Ср. контраст в (37), где синтаксическая роль антецедента зависит от значения глагола *говорить*: директивное *говорить* в (37а) предопределяет кореферентность нулевого подлежащего с дополнением, *говорить* в значении глагола речи (37б) требует в качестве антецедента главное подлежащее.

(37) а. $_i$ Говорю ему_j, чтобы $_i/*_j$ вызвал сюда командира дивизиона («Солдат удачи», 2004.02.11);

б. Водитель_i говорит диспетчеру_j, что $_i/*_j$ привез клиента по определенному адресу («Известия», 2013.09.17).

Отметим также, что антецедент нулевого подлежащего, входящего в состав сложноподчиненного предложения, может находиться и за пределами этого предложения, т. е. принадлежать предшествующему контексту, как в (38)⁹. В таком случае допустимость опущения подлежащего регулируется, по-видимому, теми же или близкими условиями, что и опущение подлежащего в простом предложении (см. раздел 2): антецедент соответствует теме и подлежащему в непосредственном предтексте.

(38) И подначивал Устинова: «Твои-то проигрывают! Сколько денег на команду выделяешь, а они_i...» Устинов_j отшучивался, говорил, что $_i$ исправятся («Комсомольская правда», 2013.10.31).

В языке XVIII–XIX вв. условия, лицензирующие опущение подлежащего в составе зависимой финитной клаузы, были более свободными, чем сегодня. Об этом свидетельствуют различия в частотности для ряда конструкций с нулевым подлежащим в текстах XVIII–XIX вв. и в современных текстах.

Во-первых, в языке XVIII–XIX вв. более свободно опускалось подлежащее в финитной подчиненной клаузе при антецеденте — экспериментальной именной группе в дательном падеже (39); последняя, не являясь каноническим подлежащим, сближается с подлежащим функционально [Тестелец 2001: 342]. Подчиненная клауза в этом случае, как правило,

Условия, лицензирующие опущение подлежащего в разных типах зависимых клауз, по-видимому, несколько различаются [Shushurin 2018], однако вопрос остается недостаточно исследованным.

⁹ Этим наблюдением, опровергающим вывод в [Tsedryk 2013], мы обязаны Я. Г. Тестельцу (личное сообщение).

представляет собой сентенциальный актант (об актантных свойствах клауз с союзом *когда* типа (39) см., например, [Сердобольская 2011]).

- (39) Мало-помалу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и всё грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне_i становилось грустно, когда _j слушал её из соседней комнаты (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)).

Данные о сопоставительной частотности таких конструкций в подкорпусе XVIII–XIX вв. и в Газетном корпусе НКРЯ представлены в Таблице 1. Частотное преобладание (в измерении *ipm*, *item per million*) конструкций с антецедентом-экспериментером в текстах XVIII–XIX вв. невелико, однако важно, что в выборке примеров из Газетного корпуса лишь один содержит антецедент 3-го лица (против пяти примеров в подкорпусе XVIII–XIX вв.), а в остальных антецедент относится к 1-му лицу. В самом деле, примеры с антецедентом 1-го лица ощущаются как более естественные с точки зрения современной нормы, чем примеры с антецедентом 3-го лица, ср. (40а) и (40б)¹⁰:

- (40) а. Почему-то мне казалось, что встречу его здесь... («Комсомольская правда», 2013.01.28);
б. [?]Почему-то ей казалось, что встретит его здесь.

Более того, единственный пример из Газетного корпуса с 3-м лицом антецедента допускает и такую интерпретацию, при которой антецедентом выступает не экспериментер в дательном падеже, а именная группа, относящаяся к предшествующему контексту, — она входит в предыдущее предложение в качестве подлежащего:

- (41) За тем, как здание проверяют, «террорист»_i наблюдал со стороны. Видимо, ему_i понравилось, что _j сумел создать суматоху («Комсомольская правда», 2008.09.17).

Между тем в подкорпусе XVIII–XIX вв. некоторые из примеров с 3-м лицом антецедента аналогичной интерпретации не допускают, поскольку потенциальный антецедент из предшествующего контекста отделен от предложения с нулевым подлежащим несколькими клаузами (о расстоянии

¹⁰ Это различие как будто не касается предложений с прошедшим временем вложенного глагола: опущение подлежащего в таких предложениях, на первый взгляд, одинаково затруднено независимо от лица антецедента-экспериментера. Так, пример (i) представляется шероховатым с позиций современной нормы при антецеденте и 3-го, и 1-го лица. Это предположение, если оно верно, отвечает представлению о том, что в современном русском языке подлежащее опускается в настоящем времени более свободно, чем в прошедшем [Sidorova 2014: 387].

(i) [?]Почему-то мне/ей_i казалось, что _j видела его раньше.

Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

до antecedenta как о факторе, влияющем на приемлемость нулевой анафоры, см. раздел 2). Ср. (42) и (43):

- (42) Но [неимеющий надеяния на справедливость свою]_i смущается мыслею, унывает духом, очи его мраком наполняются, его страшат сновидения, ему_i мечтается, что _i видит над противною стороною различныя знаменія покровительства небеснаго (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Первоверховных апостол Петра и Павла (1770));
- (43) Белозубов_i, радея о выгодах своего милостивца, не пренебрегал собственными. Давно _i метил на союз с будущей владычицей Евсеевского, но _i мыслил: «Окрестные помещики — или старики, для которых прошла пора женитьбы, или люди ничтожные, кои не посмеют простереть видов на дочь Луки Матвеевича, высокого рождения, владельца трехсот дворов. Варенька же еще ребенок, цветок не распустившийся и добыча верная в глуши, где нет опасных соперников. Будет-де еще время объявить свое притязание». Можно посудить, каково ему_i было, когда _i узнал о помолвке Вареньки за Горбунова (А. О. Корнилович. Андрей Безыменный (Старинная повесть) (1832)).

Таблица 1

Частотность конструкции с antecedentом-экспериенцером в дативе в Газетном корпусе и подкорпусе XVIII–XIX вв. НКРЯ¹¹

	N	ipm
Газетный корпус, объем 228 521 421 слово	28 (с 3-м лицом — 1 пример)	0,122
Подкорпус 1700–1900 гг., объем 60 010 888 слов	13 (с 3-м лицом — 5 примеров)	0,217

Второй тип подчиненной конструкции с нулевым подлежащим, менее частотный в современном языке, чем в языке XVIII–XIX вв., представляет собой частный косвенный вопрос при antecedente-дополнении — выраженном (44) или подразумеваемом (45).

- (44) Благочестивые люди — продолжал он с холодною покорностью судьбе, но не без иронии — заботливо осведомлялись у меня_i,

¹¹ Запрос: dat & (SPRO | APRO | ADVPRO | PRAEDICPRO) r:pers r:pers на расстоянии 1 от (V | PRAEDIC),indic -amark на расстоянии 1 от «что» | когда asomma на расстоянии 1 от V,indic,sg -amark на расстоянии 1 от -nom. Из-за большого объема шума в результатах поисковой выдачи в запрос были включены только конструкции с личным местоимением в роли экспериенцера и единственным числом вложенного глагола.

где $_i$ желаю быть похороненным? (П. И. Огородников. Очерки Персии (1874));

- (45) Капитан судна вошел к государю $_i$ в каюту и спрашивал, куда $_i$ прикажет держать путь (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск седьмой: XVIII столетие (1862–1875)).

Как демонстрируют данные в Таблице 2, при матричных глаголах *спросить, спрашивать, расспрашивать* и *выспрашивать* примеров такого типа в подкорпусе XVIII–XIX вв. в два раза больше (в измерении ipm), чем в Газетном корпусе. Заметим, что в выборке XVIII–XIX вв. встретились примеры, в которых нет оснований усматривать действие факторов, потенциально способных повысить приемлемость нулевой анафоры. К такому мы относим: близость косвенного вопроса к прямому вопросу с подлежащим 2-го лица, как в (46), поскольку для последнего в современном языке характерно опущение подлежащего (см. раздел 3); наличие в непосредственном предтексте именной группы в статусе подлежащего и/или темы, кореферентной нулевому подлежащему и поэтому претендующей на роль потенциального антецедента, как в (47) (см. раздел 2 о факторах субъектности и топиальности); 1 лицо нулевого подлежащего, как в (48).

- (46) Даже если я выйду на улицу и буду раздавать по тысяче рублей каждому проходящему, найдутся недовольные, которые спросят, почему $_i$ раздаешь не по две («Известия», 2013.08.06);
- (47) Он $_i$ и грузчик, и уборщик, и сторож. За работу $_i$ ни копейки не получает. И $_i$ обижается, когда его $_i$ спрашивают, почему $_i$ вкалывает даром («Комсомольская правда», 2005.09.22);
- (48) Харламов стал придираться, спросив, почему $_i$ лезу вперед («Комсомольская правда», 2011.03.01).

В Газетном корпусе не встретилось примеров, в которых не был бы представлен хотя бы один из перечисленных факторов. Напротив, в подкорпусе XVIII–XIX вв. такие примеры наличествуют и производят впечатление архаичных. Ср. (45) и (49), где нулевое подлежащее относится к 3-му лицу, а кореферентная именная группа в предшествующем контексте не является ни подлежащим, ни темой.

- (49) Когда полк присягнул, его высочество приказал мне взять взвод гренадер, отнести знамена во дворец, отыскать там наследника, донести ему $_i$, что Измайловский полк принял присягу, спросить, куда $_i$ прикажет поставить знамена, и в 5 часов поутру быть у него. (Е. Ф. Комаровский. Записки (1830–1835)).

Отметим, не вдаваясь в подробности, что с косвенным общим вопросом при том же наборе матричных глаголов ситуация похожая: только в подкорпусе XVIII–XIX вв. нашелся пример с опущенным подлежащим 3-го лица

Таблица 2

**Частотность конструкции с антецедентом-дополнением при глаголах
спросить/спрашивать/расспрашивать/выспрашивать
в Газетном корпусе и подкорпусе XVIII–XIX вв. НКРЯ¹²**

	N	ipm
Газетный корпус, объем 228 521 421 слово	25	0,109
Подкорпус 1700–1900 гг., объем 60 010 888 слов	13	0,217

при антецеденте-дополнении, не содержащий в непосредственном предтексте кореферентной именной группы в позиции подлежащего и/или темы. Ср. (50):

- (50) Мстислав возвращается домой; печален, озабочен, угрюм. Сцена, где видна его любовь к сестре; он ее спрашивает, _i любит ли его одного; она смущается. (М. Ю. Лермонтов. Планы, наброски, сюжеты (1830–1841)).

Третий тип конструкций с нулевым подлежащим в подчиненной клаузе, демонстрирующий более низкую частотность в современных текстах, чем в текстах XVIII–XIX вв., — это конструкции с неодушевленным абстрактным антецедентом. Ср. (51), где антецедентом нулевого подлежащего выступает местоимение *она*, отсылающее к неодушевленному существительному с абстрактным значением *причина*.

- (51) Теперь я должна тебе объяснить причину; моего поспешного отъезда; она; тебе покажется маловажна, потому что _i касается до одной меня. (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)).

К конструкциям указанного типа можно отнести конструкцию с нулевой анафорой при антецеденте-подлежащем, выраженном местоимением *это*: последнее в таком контексте обычно отсылает к пропозициональному смыслу, семантически сближаясь с неодушевленным и абстрактным существительным. Ср. примеры (52)–(54), которые, как и (51), не вполне отвечают современной норме. Данные в Таблице 3 демонстрируют на материале сложных предложений с союзом *потому что*, что такая конструкция в современных текстах действительно заметно менее частотна, чем в текстах XVIII–XIX вв.

¹² Запрос: спросить | спрашивать | расспрашивать | выспрашивать на расстоянии 2 от «кто» «что» (SPRO | APRO | ADVPRO | PRAEDICPRO) г:rel г:rel асomma на расстоянии 1 от V,indic,sg -amark на расстоянии 1 от -nom.

- (52) — Так и это_i нехорошо! — как бы раздумывая сама с собой, промолвила Евгения Константиновна. — Да, _i нехорошо, потому что _i вытекает из заблуждения, что народ все примет, за все спасибо скажет, точно как нищему можно дать все — и копейку, и сухарь, и старую калошу... (И. Н. Потапенко. Не герой (1891));
- (53) А если знать, то нельзя не видеть, что это_i очень дурно, потому что _i заставляет страдать и мать, и ее, и Сережу, и Леву, и меня, и заставляет скрывать. (Л. Н. Толстой. Письма (1894));
- (54) [Все это]_i было очень важно, потому что _i служило ручательством его компетентности в технических вопросах и расчищало дорогу проекту (М. В. Барро. Эмиль Золя. Его жизнь и литературная деятельность (1895)).

Таблица 3

**Частотность конструкции Это_i V, потому что _i V
в Газетном корпусе и подкорпусе XVIII–XIX вв. НКРЯ¹³**

	N	ipm
Газетный корпус, объем 228 521 421 слово	4	0,018
Подкорпус 1700–1900 гг., объем 60 010 888 слов	10	0,167

Неодушевленность антецедента неоднократно отмечалась в числе факторов, способных играть роль при выборе референциального средства (см., в частности, [Kibrik 2011: 406]. Заметим, однако, что неодушевленные антецеденты, не обладающие свойством абстрактности, по-видимому, употребляются в обсуждаемой конструкции в современном языке без существенных ограничений. Ср. пример (55), не производящий впечатления архаичного. Особое положение абстрактных антецедентов отвечает их низкой позиции в иерархии одушевленности (см., например, [Sasse 1993: 659]), позволяющей трактовать такие антецеденты как «наиболее неодушевленные».

- (55) [Этот план]_i их устроил, потому что _i помог избежать поражения в конгрессе («Комсомольская правда», 2013.09.16).

Итак, в языке XVIII–XIX вв. нулевое подлежащее в зависимой клаузе употреблялось более свободно, чем сегодня, по меньшей мере в трех контекстах: при антецеденте-неканоническом подлежащем (экспериенцере в дательном падеже); в косвенном вопросе при антецеденте-дополнении; при неодушевленном абстрактном антецеденте.

¹³ Запрос: "это" на расстоянии от 1 до 2 от (V | PRAEDIC),indic,sg -amark на расстоянии от 1 до 5 от потому asomta на расстоянии 1 от "что" на расстоянии 1 от V,indic,sg -amark на расстоянии 1 от -nom.

5. О последнем этапе эволюции нулевой анафоры в русском языке (вместо заключения)

Представление о том, как эволюционировал феномен нулевой анафоры в истории русского языка, в литературе более или менее устоялось и сводится к следующему. В древнерусском языке использование нулевого подлежащего было обязательно за исключением контрастивных (и некоторых других) контекстов [Борковский, Кузнецов 2006/1963: 332; Зализняк 2004: 170 и др.], что отвечает понятию *full null-subject language* в классификации [Roberts, Holmberg 2010]. Современная референциальная система, отвечающая представлению о *partial null-subject language*, оформилась к первой половине XVII в., по данным [Зализняк 2008: 255], или к началу XVIII в., согласно [Meyer 2009: 394], и с тех пор практически не менялась.

Предпринятый анализ позволил, однако, предположить, что в XIX в. с точки зрения нулевой анафоры в русском языке продолжался *переходный период*: с одной стороны, нулевое подлежащее в неконтрастивных контекстах уже не было обязательным, с другой — условия, лицензирующие опущение подлежащего, не приняли еще современного вида и были шире, чем сегодня.

Содержание, которое получила дальнейшая эволюция нулевой анафоры в русском языке, представляется закономерным и может быть обобщено как *грамматикализация* паттерна, обозначаемого ярлыком *partial null-subject language*. Об этом свидетельствует тот факт, что условия, в которых подлежащее может опускаться, не просто сузились по сравнению с языком XIX в., но приобрели более регулярный и более синтаксический характер. Сдвиги в сторону большей регулярности коснулись:

- коммуникативного статуса антецедента (см. о возросшей роли топикальности антецедента в разделе 2);
- синтаксического статуса антецедента (см. о тенденции к совпадению антецедента с каноническим подлежащим разделы 2 и 4);
- требования о расстоянии между антецедентом и нулевым подлежащим (см. раздел 2);
- требования о семантико-синтаксическом параллелизме между клаузой, содержащей антецедент, и клаузой, содержащей нулевое подлежащее (см. разделы 2 и 3).

Тем самым сравнение условий, лицензирующих нулевое подлежащее, в языке XIX в. и сегодня дает возможность увидеть *становление* системы *partial null-subject language*: тех ее параметров, которые изменили свое значение при переходе от языка XIX в. к современной норме. (На то, что эти параметры принадлежат «портрету» языка со статусом *partial null-subject language*, указывает сам факт изменения их значений.) Отметим, что такое, микродиакроническое, сравнение основывается на мелких сдвигах и поэтому предоставляет больше возможностей для выявления разного рода частных параметров, чем сравнение начального и конечного этапов

эволюции (например, современной нормы и древнерусской). Так, вывод о том, что в современном языке возрос вес каноничности антецедента-подлежащего как фактора, лицензирующего нулевую анафору в зависимой клаузе (см. раздел 4), имеет смысл именно при сравнении с нормой XIX в. При сравнении с древнерусской нормой, где во многих случаях отсутствие выраженного подлежащего было обязательным независимо от синтаксического статуса антецедента, фактор каноничности теряется среди других факторов.

Если посмотреть на выявленные отличия нормы XIX в. от современной нормы под этим углом зрения, оказывается, что среди них есть как известные параметры, ранее отмечавшиеся в перечне свойств *partial null-subject languages*, так и некоторые новые.

К первым относятся следующие параметры (все с той или иной степенью подробности обсуждаются в работе [Holmberg et al. 2010], посвященной сопоставлению трех *partial null-subject languages*: финского, бразильского португальского и маратхи):

- противопоставление 1, 2 и 3-го лица нулевого подлежащего;
- обязательность статуса подлежащего у антецедента; в т. ч. доступность антецедента-дополнения при опущении подлежащего в зависимой клаузе;
- расстояние до антецедента.

Заметим, что по каждому параметру наблюдается межъязыковое варьирование. Так, по данным [Ibid.: 143], опущение нулевого подлежащего в составе сентенциального актанта при директивном глаголе и антецеденте-дополнении допустимо в финском и бразильском португальском (равно как и в русском, см. раздел 4), но запрещено в маратхи.

К новым параметрам (т. е. таким, которые обнаружились при сравнении современного русского языка с нормой XIX в. и не привлекались, насколько нам известно, при рассмотрении других языков со статусом *partial null-subject languages*) относятся:

- противопоставление 1-го лица ед. и мн. ч. в вопросе (см. раздел 3);
- особый статус абстрактных антецедентов при опущении подлежащего в зависимой клаузе (см. раздел 4);
- обязательность семантико-синтаксического параллелизма, ср. в особенности требование иллюкутивного параллелизма при опущении подлежащего в вопросительной конструкции (раздел 3).

Вопрос о типологической релевантности этих параметров требует отдельного изучения.

Л и т е р а т у р а

Борковский, Кузнецов 2006/1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 2006 (1-е изд.: М., 1963).

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Кибрик и др. 2010 — А. А. Кибрик, Г. В. Добров, Д. А. Залманов, А. С. Линник, Н. В. Лукашевич. Референциальный выбор как многофакторный вероятностный процесс // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог» / Под ред. А. Е. Кибрика и др. М., 2010. С. 173–180.

Рахилина и др. 2016 — Е. В. Рахилина, М. А. Бородина, Т. И. Резникова. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. 10. С. 242–255.

Сердобольская 2011 — Н. В. Сердобольская. К типологии выражения генерического события в конструкциях с сентенциальными актантами // *Acta linguistica petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII. Ч. 3. СПб., 2011. С. 431–438.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Фужерон, Брейар 2004 — И. И. Фужерон, Ж. Брейар. Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2004. С. 147–166.

Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Holmberg, Sheehan 2010 — A. Holmberg, M. Sheehan. Control into finite clauses in partial null-subject languages // *Parametric variation: null subjects in minimalist theory* / T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts and M. Sheehan (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 125–152.

Kibrik 2011 — A. A. Kibrik. Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Kibrik 2013 — A. A. Kibrik. Peculiarities and origins of the Russian referential system // *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska* / D. Bakker, M. Haspelmath (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. P. 227–263.

Kibrik, Krasavina 2005 — A. A. Kibrik, O. N. Krasavina. A corpus study of referential choice: The role of rhetorical structure // *Диалог. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог'2005* / Под ред. И. М. Кобозевой, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М., 2005. С. 561–569.

Madariaga 2018 — N. Madariaga. Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: the case of Russian // *Null Subjects in Generative Grammar* / F. Cognola, J. Casalicchio (eds.). Oxford University Press, 2018.

Mann, Thompson 1988 — W. C. Mann, S. A. Thompson. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organisation // *Text*. 8(3). 1988. P. 243–281.

McShane 2009 — M. McShane. Subject ellipsis in Russian and Polish // *Studia Linguistica*. 63 (1). P. 98–132.

Meyer 2009 — R. Meyer. Zur Geschichte des referentialen Nullsubjekts im Russischen // *Zeitschrift für Slawistik*. 54. 2009. S. 375–397.

Roberts, Holmberg 2010 — I. Roberts, A. Holmberg. Introduction: parameters in minimalist theory // *Parametric variation: null subjects in minimalist theory* / T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts and M. Sheehan (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1–57.

Roberts 2014 — I. Roberts. Taraldsen's Generalization and Language Change: Two Ways to Lose Null Subjects // *Functional Structure from Top to Toe: The Cartography of Syntactic Structures* / P. Svenonius (ed.). 9. Oxford: Oxford University Press. P. 115–148.

Sasse 1993 — H.-J. Sasse. Syntactic categories and subcategories // *Syntax. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* / J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, T. Vennemann (eds.). Berlin. P. 646–686.

Shushurin 2018 — P. Shushurin. Null pronouns in Russian embedded clauses // *Pronouns in embedded contexts at the syntax-semantics interface* / P. Patel-Grosz, P. G. Grosz, S. Zobel (eds.). [Series: Studies in Linguistics and Philosophy. Vol. 99]. Dordrecht: Springer International Publishing. 2018. P. 145–169.

Sidorova 2014 — E. Sidorova. On the evolution of Russian subject reference // *On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia* / P. Suihkonen, L. J. Whaley (eds.). [Studies in Language Companion Series 164]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 379–400.

Tsedryk 2013 — E. Tsedryk. Internal Merge of nominative subjects and pro-drop in Russian // *Proceedings of the 2013 Canadian Linguistics Association conference* / Shan Luo (ed.). University of Victoria. URL: <http://homes.chass.utoronto.ca/~clacl/actes2013/actes2013.html>.

Zdorenko 2010 — T. Zdorenko. Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus // S. Gries, S. Wulff, M. Davies (eds.). *Corpus-linguistic applications. Current studies, new directions*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2010. P. 119–133.

Статья получена 03.12.2019

Olga E. Pekelis

Russian State University for the Humanities
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
opekelis@gmail.com

ZERO ANAPHORA IN RUSSIAN: A MICRODIACHRONIC ANALYSIS

The paper presents an analysis of the conditions that restrict the use of null referential subjects within a finite clause (the so-called “zero” anaphora) in the Russian language of the 19th century and in present-day Russian. Contrary to a widespread assumption, these conditions are not the same: they were looser in the 19th century than they are today. Basing our investigation on data extracted from the Russian National Corpus, this fact is demonstrated for null subjects in different syntactic contexts (declarative root clauses, questions, embedded clauses). We propose to regard the evolution which zero anaphora in Russian underwent over the last two centuries as grammaticalization of the pattern known in typology under the term “partial null-subject language”. Consequently, the newly acquired traits of zero anaphora in present-day Russian may contribute to the general picture of a partial null-subject language.

Keywords: null subject, anaphora, 19th-century Russian, corpus studies, questions, embedded clauses, grammaticalization

References

- Borkovsky, V. I., & Kuznetsov, P. S. (2006). *Istoricheskaja grammatika russkogo yazyka*. Moscow: KomKniga.
- Fuzheron, I. I., & Breyar, Zh. (2004). Mestoimenie «ia» i postroenie diskursivnykh svyazei v sovremennom russkom yazyke. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Verbal'naia i neverbal'naia opory prostranstva mezhfrazovykh svyazei* (pp. 147–166). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Holmberg, A., & Sheehan, M. (2010). Control Into Finite Clauses in Partial Null-Subject Languages. In T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts, & M. Sheehan (Eds.), *Parametric Variation: Null Subjects in Minimalist Theory* (pp. 125–152). Cambridge: Cambridge University Press.
- Kibrik, A. A. (2011). *Reference in Discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Kibrik, A. A. (2013). Peculiarities and Origins of the Russian Referential System. In D. Bakker, & M. Haspelmath (Eds.), *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska* (pp. 227–263). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Kibrik, A. A., & Krasavina, O. N. (2005). A Corpus Study of Referential Choice: The Role of Rhetorical Structure. In I. M. Kobozeva, A. S. Nariniani, & V. P. Selegei (Eds.), *Komp'uternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2005»* (pp. 561–569). Moscow: Nauka.
- Kibrik, A. A., Dobrov, G. V., Zalmanov, D. A., Linnik, A. S., & Lukashevich, N. V. (2010). Referentsial'nyi vybor kak mnogofaktornyi veroyatnostnyi protsess. In A. E. Kibrik et al. (Eds.), *Komp'uternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (pp. 173–180). Moscow: Nauka.
- Madariaga, N. (2018). Diachronic Change and the Nature of Pronominal Null Subjects: the Case of Russian. In F. Cognola, J. Casalicchio (Eds.), *Null Subjects in Generative Grammar* (pp. 1–38). Oxford University Press.
- Mann, W. C., & Thompson, S. A. (1988). Rhetorical Structure Theory: Toward a Functional Theory of Text Organization. *Text*, 8(3), 243–281.
- McShane, M. (2009). Subject Ellipsis in Russian and Polish. *Studia Linguistica*, 63(1), 98–132.
- Meyer, R. (2009). Zur Geschichte des referentialen Nullsubjekts im Russischen. *Zeitschrift für Slawistik*, 54, 375–397.
- Rakhilina, E. V., Borodina, M. A., & Reznikova, T. I. (2016). «Taman' segodnia»: korpusnoe issledovanie russkogo yazyka XIX veka. In A. M. Moldovan (Ed.), *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 10. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii»* (pp. 242–255). Moscow: IRIa RAN.
- Roberts, I. (2014). Taraldsen's Generalization and Language Change: Two Ways to Lose Null Subjects. In P. Svenonius (Ed.), *Functional Structure from Top to Toe: The Cartography of Syntactic Structures* (pp. 115–148). Oxford: Oxford University Press.
- Roberts, I., & Holmberg, A. (2010). Introduction: Parameters in Minimalist Theory. In T. Biberauer, A. Holmberg, I. Roberts, & M. Sheehan (Eds.), *Parametric Variation: Null Subjects in Minimalist Theory* (pp. 1–57). Cambridge: Cambridge University Press.
- Sasse, H.-J. (1993). Syntactic Categories and Subcategories. In J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, & T. Vennemann (Eds.), *Syntax. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* (pp. 646–686). Berlin: De Gruyter.

- Serdobolskaya, N. V. (2011). K tipologii vyrazheniia genericheskogo sobytiia v konstruktivakh s sententsial'nymi aktantami. *Acta linguistica Petropolitana*, 7(3), 431–438.
- Shushurin, P. (2018). Null Pronouns in Russian Embedded Clauses. In P. Patel-Grosz, P. G. Grosz, & S. Zobel (Eds.), *Pronouns in Embedded Contexts at the Syntax-Semantics Interface* (pp. 145–169). Dordrecht: Springer International Publishing.
- Sidorova, E. (2014). On the evolution of Russian subject reference. In P. Suihkonen, & L. J. Whaley (Eds.), *On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia* (pp. 379–400). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Testeleets, Ya. G. (2001). *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moscow: RGGU.
- Tsedryk, E. (2013). Internal Merge of Nominative Subjects and Pro-Drop in Russian. In Shan Luo (Ed.), *Proceedings of the 2013 Canadian Linguistics Association conference*. University of Victoria. Retrieved in <http://homes.chass.utoronto.ca/~cla-acl/actes2013/actes2013.html>
- Yanko, T. E. (2001). *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialect* (2nd ed.). Moscow: Inslav.
- Zaliznyak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zdorenko, T. (2010). Subject Omission in Russian: A Study of the Russian National Corpus. In S. Gries, S. Wulff, & M. Davies (Eds.), *Corpus-Linguistic Applications. Current Studies, New Directions* (pp. 119–133). Amsterdam; New York: Rodopi.

Received on December 03, 2019

Й. ПОДЕЛО

Университет им. Фридриха Шиллера
Институт славистики и кавказоведения
(Йена, Германия)
jochen.podelo@uni-jena.de

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ФРИКАТИВНОГО СОГЛАСНОГО [ш':] В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Статья посвящена исследованию произношения щелевого согласного [ш':] в современном русском языке, главным образом долготе этого звука. Цель анализа — выяснить, насколько актуальны в узусе отклонения от орфоэпической нормы. Используя устный материал Национального корпуса русского языка, [ш':] рассматривается в трех морфографемных позициях: при передаче [ш':] в графике графемой <ш> — (1) в позиции морфонологического чередования, как, например, в *чаще* (от *часто*), и (2) в единообразной позиции без чередования — как в *вещь* или *еще*; (3) ди- или полиграфемная репрезентация звука, как, например, в *мужчина*. Исследование дополняется анализами в положениях С + [ш':] + V и V + [ш':] + V, а также сопоставительным анализом с щелевыми [ж], [ш] и [ч].

Ключевые слова: долгий [ш':], передненебный фрикативный согласный, фонетика, долгота, длительность.

1. Введение

Мягкие звонкий и глухой альвеопалатальные (также передненебные) спиранты (также фрикативы, «шипящие» или щелевые согласные), т. е. [ж':]¹ и [ш':], при изучении русской фонетики и фонологии вызвали необычайно много полемики. Ярким примером научных дискуссий о звуке [ш':], которому посвящено настоящее исследование, являются полемические статьи Н. Телина и М. Флайера в журнале «Russian Linguistics» [Flier 1980; 1982; Thelin 1974; 1981; 1983]. Иногда в агрессивной форме, оба уче-

* Автор благодарит двух анонимных рецензентов за ценные советы и замечания.

¹ Р. И. Аванесов причисляет [ж':] уже в 1956 г. к «числу отмирающих [фонем]» [Аванесов 1956: 135]. М. В. Панов [1979: 27] считает долгое произношение этого звука факультативным. Допустимым его характеризует С. Н. Дмитренко [2005: 18]. Можно предполагать, что [ж':] потерял широкое употребление, но насколько этот звук проявляется в современном произношении, предстоит еще исследовать.

ных защищали свои позиции. Различные взгляды по поводу [ш':], выразившиеся прежде всего в различиях между Петербургской и Московской фонологическими школами, были присущи также и советским (позже российским) ученым (см. ниже). Противоречивые точки зрения об этом звуке высказаны в работах Р. И. Аванесова [1948], Е. Л. Бархударовой [2018], Л. В. Бондарко [1981], Л. Р. Зиндера [1963; 1979], Л. Л. Касаткина [2018], М. В. Панова [1979], М. Б. Попова [2005], А. А. Реформатского [1967], Л. В. Щербы [1957] и др. Причинами лингвистических споров были среди прочего 1) артикуляционные характеристики звука и 2) статус в фонологической системе русского языка. Под (1) подразумевается вопрос о том, реализуется ли этот спира́нт как одна или две (а то и более, ср. [Thelin 1982]) последовательные фонетические единицы, а под (2) — спор о качестве фонемы. Эти вопросы считаются до настоящего времени открытыми в лингвистике русского языка (см. ниже).

В современных справочниках русского языка [ш':] характеризуется как долгий спира́нт [Дмитренко 2005; Акишина, Барановская 2010; Малышева, Роголева 2012] (также двойной согласный, или гемината): «[э]то связано с тем, что в позиции абсолютного начала фонетического слова и в интервокальной позиции носители литературного произношения регулярно произносят долгий мягкий «шипящий» звук» [Дурягин 2017: 55]. Является ли [ш':] таковым в узусе русскоговорящих и в наши дни — это вопрос, ответ на который предполагается дать в настоящем исследовании. Другие фонетические качества звука (например, мягкость) не подвергаются сомнению. В нашем анализе мы придерживаемся высказывания М. В. Панова: «[ч]то касается долготы [ш':] и [ж':], то она всегда появляется вместе с признаками «мягкий щелевой шипящий» и поэтому нерелевантна; она — сопроводитель, а не самостоятельная сущность. Фонологически мы ее не учитываем» [Панов 1979: 135]. Тем самым фонологии внимание в данном исследовании не уделяется.

Первым толчком для настоящей работы послужило наше субъективное восприятие звука, вызвавшее сомнения в его долготе. Далее наш интерес побудили результаты анализов С. В. Кодзасова и Е. В. Щигеля [2013]². В ходе своего исследования авторы обнаружили вариативность этого звука относительно долготы произнесения от 91 до 224 мс³ [Там же: 381–382], что парадоксально, если учесть, что с орфоэпической точки зрения [ш':] в данной позиции гемината⁴ и проявляет выраженную долготу. Недоста-

² Дальнейшие исследования по длительности [ш':] см. ниже.

³ Авторы также выявили вариативность долготы звука [ж':] от 59 до 153 мс — диапазон, значительно отличающийся от исследованной ими долготы звука [ш':] [Кодзасов, Щигель 2013: 385].

⁴ По данным ряда ученых, дегеминация удвоенных согласных наиболее вероятна в позициях перед согласными, в конце слова и между безударными гласными [Dmitreva 2017: 40]. Что касается звука [ш':], то дегеминация возможна в абсолют-

точность вышеуказанного исследования заключается в том, что в нем нет обобщающего вывода, так как оно выполнено на малом количестве слов и только в интервокальной позиции.

2. Фрикатив [ш':] в русском языке

2.1. Исторические заметки

Исходной формой современного [ш':] в русском языке считается [ш'ч'], который на письме обозначался графемой <щ>. В свою очередь, этимологически они восходят к сочетаниям *стј, *скј и *ск перед палатальными гласными [Дурново 2000: 120; Галинская 2009: 22, 24; Флайер 2010: 316]. Во всех славянских языках из этих консонантных сочетаний получились сочетания с шипящими: «в в.-р. в московском произношении *ш* долгое мягкое, в говорах или сочетание *шч* мягкое или *ш* долгое твердое и др., в б.-р. и м.-р. *шч* твердое, в ст.-сл. и болг. *шт*, в сербском *шт* и в польском *szcz*: р. *пущу*, диалект. *пуццать*, ст.-сл. *поуштѣ*, б. *пуцам*, с. *пуштам*, *пуштим*, п. *puszczę*, р. *иццешь*, ст.-сл. *иштѣши*, б. *иццеш*, с. *иштеш*, п. *iszczesz*, ср. инфин. *пустить*, *искать*» [Дурново 2000: 120].

На основе дискуссий В. И. Борковского и П. С. Кузнецова [Борковский, Кузнецов 1965] А. Кочетов [Kochetov 2017: 327] представляет схематическое развитие глухих шипящих в русском языке, начиная с периода до XII в. (см. рис. 1). С такой точки зрения появление более раннего звука [ш'ч'] предполагается как компенсаторный результат отвердения [ш'] в XIV в. (фаза 2, рис. 1), что повлекло за собой некую нестабильность в фонетической системе согласных и вызвало необходимость различать звуки на перцептивной основе с помощью минимума артикуляторных усилий (по теории фонетических универсалий Б. Линдблома и И. Мэддисона [Lindblom, Maddieson 1988]) [Kochetov 2017: 327]. Такая интерпретация эволюции звука [ш':] остается спорной.

Две формы произношения — петербургское [ш'ч'] и московское [ш':] — конкурировали еще в течение первой половины XX в. [Панов 2002: 410; Валгина 2003: 58]. Таким образом, в диатопическом варьировании сопоставлялись [ш'ч']ука — [ш':]ука или я[ш'ч']ук — я[ш':]ук. Распространение варианта [ш':] зафиксировано эмпирическим исследованием Г. А. Бариновой [1966], подтверждающим наиболее частое употребление этого звука в молодой группе информантов (т. е. среди родившихся в 1930–1949 гг. против родившихся в 1870–1909 и 1910–1929 гг.). Л. В. Щерба, будучи представителем Петербургской фонологической школы, в работе 1942–1943 гг. выступает в защиту варианта [ш'ч'], считая его более подходящим

ном конце слова или слога, ср. *товарищи* -[ш':]- — *товарищ* -[ш']- [Малышева, Рогалева 2012: 86]. См. также примеры из работ Р. И. Аванесова ниже, в разделе 2.2(в).

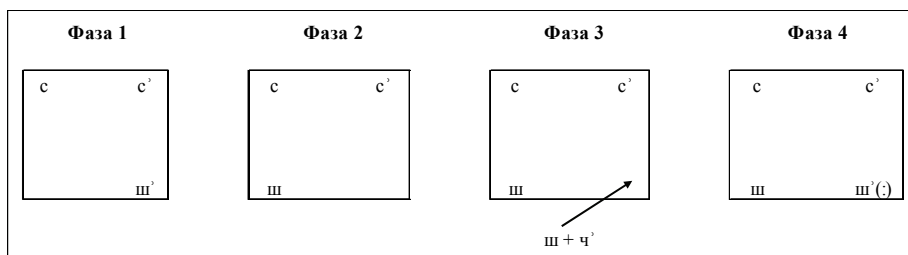

Рис. 1. Схема развития глухих шипящих в русском языке
(на основе [Kochetov 2017: 327])

для грамматической системы русского языка при чередовании согласных (см. ниже «альтернирующую позицию») [Щерба 1957: 171]. М. В. Панов указывает, что Д. Н. Ушаков в противоположность орфоэпистам и лингвистическим «предсказаниям», свидетельствовавшим о распространении петербургского [ш'ч'], рекомендовал именно московское произношение [ш':] [Панов 1979: 205], которое сейчас является преобладающим и, в соответствии с работами Р. И. Аванесова, считается орфоэпическим (ср. [Аванесов 1956; 1958; 1988; Дмитренко 2005: 18; Касаткин 2018: 450]).

Стоит отметить, что идентичный согласный образуется при ассимиляции также на стыке слов: например, *без четверти*. Здесь на морфемной границе может образоваться *бе[ш':]етверти*. В вышеуказанном исследовании Г. А. Бариновой [1966] это редкая форма, так как, по-видимому, в данной позиции преобладает диссимиляция звуков на стыке слов, возможно, под влиянием «буквенного» произношения (ср. [Аванесов 1984: 37], см. также [Панов 2002: 27; 2007: 174–175]). Ассимиляция свистящих и шипящих на стыке слов уступает свои позиции: «в речи молодежи появилась очень яркая <антинейтрализационная> тенденция <...>. Очень частым произношением в настоящее время является ра[зж]ать, [зж]ечь, и[сш]ерсти, бе[сш]апки, гво[з-ж]елезный, кры[с-ш]есть» [Пирогова 2018: 114]. В других же случаях подобная ассимиляция может быть высокочастотной, как это показано в исследовании 2017 г. П. В. Дурыгина, обнаружившего в сочетаниях слов: *проявилась щедрость, слышалось щебетание, обнаружилась щель* — в позиции внешнего сандхи, т. е. на стыке слов, частую полную ассимиляцию свистящих и шипящих в форму [ш':] [Дурыгин 2017: 57, 60]. Но и здесь наблюдается факультативный характер ассимиляции [Там же: 64]. Исследование привело к такому выводу, несмотря на методический подход, а именно — чтению подобранных фраз вслух с компьютерного экрана [Там же: 57]⁵.

⁵ Л. Л. Касаткин выделяет своего рода градуированную плотность сцепления морфем, приводящую к более или менее вероятному произношению [ш':]: «[п]лотность сцепления корня и суффикса велика, здесь господствует [ш'ш']: *подписчик, заносчивый, возчик, привязчивый*. <...> Сцепление приставки и корня менее

2.2. Фонетические характеристики и фонематический статус

а) Двухфокусная артикуляция

Фонетические характеристики звука [ш':] представлены в научной литературе неоднозначно. Большинство специалистов причисляет его к ряду двухфокусных согласных, например [Зиндер 1979: 129, 150; Дмитренко 2005: 21], т. е. «[п]ри артикуляции [...] сближается кончик языка с передней частью твердого неба (какуминальное сближение), а задняя часть спинки языка оттягивается назад, приближаясь к мягкому небу» [Пирогова 2018: 139]. Так, звук образуется одновременно в двух местах. Анализируя рентгенограммы, М. В. Гордина считает, что шипящие в русском языке, среди них [ш':], являются на самом деле двухфокусными [Гордина 1989]. По артикуляторным же признакам [ш':] — это шумный, глухой, щелевой, небо-зубной, мягкий звук [Дмитренко 2005: 19].

б) Монофонемность и статус фонемы

Как уже было указано во введении, спорным и до сих пор нерешенным вопросом о [ш':] является его членимость. Петербургская фонологическая школа, например [Зиндер 1979], рассматривала [ш':] как бифонемный согласный, т. е. звук, состоящий из двух фонем, для Московской же фонологической школы (и некоторых представителей Петербургской фонологической школы — Л. В. Щербы, М. И. Матусевич и А. Н. Гвоздева [Касаткин 2018: 541]) он представлял собой монофонемный звук [Аванесов, Сидоров 1945; Аванесов 1948; Реформатский 1967].

Для современного русского языка наиболее приемлемо считать [ш':] монофонемным звуком [Попов 2005: 10; Пирогова 2018: 150]. Несмотря на то, что М. Б. Попов рассматривает [ш':] с позиций Петербургской фонологической школы [Попов 2005: 6], он опровергает фонетический статус [ш':], предложенный Л. Р. Зиндером, хотя именно его анализ автор считает теоретически наиболее обоснованным. Так, М. Б. Попов принимает позицию, характерную для Московской фонологической школы — монофонемность звука [ш':], и сомневается в выводах Л. Р. Зиндера на основании противопоставления /шч/ ↔ /ш':/. Такое противопоставление представляется М. Б. Попову не аллофонным варьированием ([шч'] ~ [ш':]), а завершающим этапом монофонемизации (/шч/ = [шч'] > /ш':/ = [ш':]) [Там же: 10]. Основанием этого вывода для М. Б. Попова, как и для Л. Р. Зиндера, служит анализ морфемных границ по принципу: «если звуковая последовательность разделяется морфемной границей, то она разделяется и фонемной границей, т. е. членится на две фонемы» [Там же: 9]. И действи-

плотное, здесь наряду с [ш'ш'] часто произносится [ш'ч']: *бесчинство, бесчисленный, исчерпать, расчертить, расчувствоваться, считывать*» [Касаткин 2018: 450–451]. Опираясь на работу Н. К. Пироговой [2018: 114], стоит дополнить, что при слабом сцеплении морфем на месте [ш'ч'] в наши дни более вероятно произношение [с'ч'] / [сч'], т. е. так называемая «антинейтрализация» (см. выше).

тельно, морфонологический анализ М. Б. Попова показывает, что через фонему /ш':/ морфемная граница проходить не может, что указывает на фонематическую самостоятельность /ш':/: [ш':] = /ш':/ ≠ /шч/. Это соответствует заключению Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова: «В одном только случае в русском литературном языке долгота согласного обычна и не на стыке морфем и поэтому является признаком отдельной фонемы — это долгота мягких шипящих» [Аванесов, Сидоров 1945: 61].

К идентичному, что и у М. Б. Попова, выводу о самостоятельности фонемы /ш':/ пришла Т. В. Булыгина, но на основании сопоставительного анализа позиционного поведения звуков [ш':] и [ж':]. Тогда как [ш':] сочетается с другими согласными внутри морфемы, у [ж':] подобные сочетания невозможны, поэтому она ведет себя как долгие согласные и является реализацией фонемы /ж/ [Булыгина 1971: 88]. Позиционный анализ провел также Х. С. Коутс [Coats 1997], выявив, что с фонологической точки зрения [ш':] проявляет особенности, характерные для сочетаний согласных (консонантных кластеров), например при образовании императивных форм глагола. Этот анализ, несмотря на то, что он опирался на недостаточный языковой материал и устаревшие источники, побудил исследователя определить звук [ш':] как полифонемный. Кроме того, автор игнорировал различные отклонения и не учитывал двоякие формы, например рассматривая только форму *плющи*, но не *плющ* (повелительное наклонение глагола *плющить*).

Дополняя описанные выше интерпретации наиболее современной фонологической оценкой звука [ш':], представленной Е. Л. Бархударовой [2018: 82], которая считает [ш':] сочетанием двух фонем, возвращаемся к исходному положению: членимость долгого мягкого шипящего по-прежнему не решена и, таким образом, стоит ли выделять фонему /ш'/ как самостоятельную единицу в фонологической системе русского языка. Л. Л. Касаткин подводит следующий итог о фонематическом статусе [ш':]: «...решение о выделении фонемы /ш':/ содержит существенные внутренние противоречия, и от этого решения следует отказаться» [Касаткин 2018: 544].

в) Коррелятивные связи

К дальнейшим проблемам звука [ш':] следует отнести:

- 1) коррелятивная связь по твердости–мягкости между краткими и долгими шипящими;
- 2) коррелятивные отношения между [ш':] и [ж':];
- 3) оценка неустойчивых признаков долготы и мягкости в группе [ш':] и [ж':].

Эти вопросы рассматривает Н. К. Пирогова [2018: 139–151] и в первую очередь опровергает четырехугольную коррелятивную связь /ж/ — [ж':] — /ш/ — [ш':], представленную М. В. Пановым⁶:

⁶ М. В. Панов [1967] утверждает такую коррелятивную связь, снимая «традиционные» доводы несимметричности /ж/ — [ж':] и /ш/ — [ш':]: а) [ш] и [ж] обу-

ж	—	ж':
ш	—	ш':

Автору удастся подтвердить только коррелятивность /ж/ и /ш/ по признаку звонкости–глухости. Остальных сторон «четырёхугольника» она не может воспроизвести по следующим причинам.

1. Для единицы [ш':] дифференциальным, т. е. доминантным и релевантным, признаком является мягкость [Там же: 147]. Мягкость звука никогда не утрачивается, замена же на [ш'], согласно Р. И. Аванесову, может происходить на конце слова после заударного гласного (*товари[ш']*, *ово[ш']*), на конце слова после согласных [р] и [л] (*бор[ш']*), в безударном слоге после согласных [п] и [ф] (*гардеро[ш']ик*, *типогра[ш']ик*), в словах на *-нтичик* (*проце[ш']ик* — *процентичик*) и в слове *надсмот[ш']ик* [Там же: 146–147]. Для [ж':] устойчивым признаком является долгота [Там же: 146]. Таким образом, параллелизма звуков [ш':] и [ж':] нет.

2. «[П]олного совпадения единиц [ж':] и [ш':] при нейтрализации признака глухости-звонкости не наблюдается» [Там же: 148]: «[о]граниченная лексика с [ж':] не представляет реальных условий для нейтрализации звонкости...» [Там же]. С другой стороны, аллофон звука [ш':] при озвончении, как, например, в *плющ бы*, не идентичен с [ж':] по его релевантному признаку долготы [Там же].

Таким образом, характеристикой [ш':] в системе русского языка является его полная дизъюнктность.

г) Длительность

Несмотря на то, что [ш':] в русском языке характеризуется как долгий согласный (см. выше), удивительно мало исследований посвящено именно длительности этого согласного. Так, К. Болла на основании записей одного-единственного информанта выявляет «общую специфическую длительность» [ш':] в 290 мс [Bolla 1981: 92, 137]. В исследовании С. В. Кодзасова и Е. В. Щигеля [2013] на небольшом количестве слов в интервокальной позиции [ш':], как уже было указано выше в введении, выявлена вариатив-

словливают позиционные изменения /а/ и /о/ не так, как другие твердые согласные: [шэ^мры] и [дары], [шэ^млка] и [вада] [Пирогова 2018: 143]. М. В. Панов опровергает этот довод, так как уже появилось произношение [шары], [жара] [Там же: 144]; б) перед [э] возможны только мягкие согласные: *стол* — *о сто[л'э]*, а [ш] и [ж] не меняются на [ш'] и [ж'] перед /э/: *но[жóm]* — *о но[жэ́]*, **о но[жэ́]* [Там же: 143]. М. В. Панов считает, что для фонетической характеристики безразлично, что [ш] / [ш':] и [ж] / [ж':] не вступают в грамматические чередования [Там же: 144]; в) различие по указанным дифференциальным отношениям М. В. Панов не считает проблемой, так как для него длительность только подчеркивает мягкость, но не является самостоятельным признаком [Там же].

ность этого звука относительно долготы произношения от 91 до 224 мс [Там же: 381–382]. Похожие результаты показывают А. Кочетов и М. Радишич [Kochetov, Radišić 2009]: по итогам исследования четырех носителей русского языка [ш':] в среднем достигает длительности в 222 мс (для сравнения: [ш] — 180 мс) [Kochetov 2017: 323]. В последнем известном нам исследовании длительности [ш':] А. Кочетовым [Ibid.] посредством измерений артикуляции шипящих у десяти носителей русского языка, живущих в Канаде, выявлена средняя долгота в 160 мс (большое отклонение от предыдущего исследования налицо!) (для [ш] выявлены данные в 147 мс) [Ibid.: 330].

2.3. Морфографемные виды

При рассмотрении разновидностей звука [ш':] внутри одной лексической единицы стоит различать два подвида при соответствии звука и графики:

- (1) Монографемная репрезентация, т. е. только посредством графемы <щ>, например *вещь, еще, товарищ, проще, толще*.
- (2) Ди- или полиграфемная репрезентация, т. е. при помощи комбинации двух или более графем <сч>, <зч>, <шч>, <жч> и <стч>, например *счет, резче, мужчина, жестче*. В этом подвиде нужно обратить внимание на то, что в некоторых положениях, как в слове *заказчик*, звук [ш':] образуется на стыке морфем.

Группу (1) следует разбить по морфологическим признакам:

- а) неальтернирующая позиция: <щ> проявляется во всех морфологических формах слова, как в *вещь, еще, товарищ*;
- б) альтернирующая позиция: образование <щ> опосредовано морфологическими процессами, как в *искать > ищу, пустить > пущу, просто/простой > проще*.

3. Методика

3.1. Гипотезы и цели исследования

В ходе данного исследования возникло сомнение в том, что звук [ш':] является долгим во всех позициях. На этом основании анализируются позиционные вариации звука [ш':] в различных морфографемных видах (см. выше). В связи с этим проверке подвергаются следующие гипотезы:

- (11) [ш':], репрезентированный в графике монографемно с помощью <щ> в неальтернирующей позиции, имеет непродленный характер, т. е. как [ш'], например в словах *вещь, еще, товарищ*;
- (12) [ш':], представленный в графике монографемно с помощью <щ> в альтернирующей позиции, имеет продленный характер, т. е. как

- [ш':], например в словах *ищу* (< *искать*), *чаще* (< *часто*), *проще* (< *просто/простой*);
- (13) в случаях ди- или полиграфемной репрезентации сохраняется продленная реализация в форме [ш':], например в словах *счет*, *резче*, *веснучатый*, *мужчина*, *жестче*.

В графическом изображении выдвигаемые нами положения можно передать следующим образом (рис. 2):

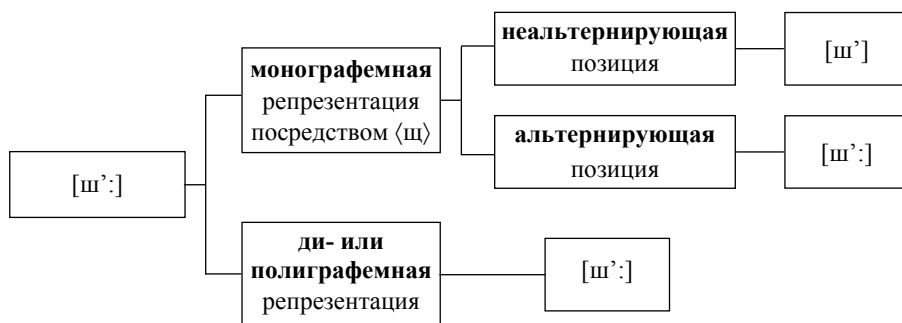

Рис. 2. Предполагаемые виды произношения [ш':] во взаимоотношении с морфографемными качествами

В противоположность вышеназванным далее можно высказать более общую гипотезу:

- (14) [ш':] в современном русском языке теряет качество геминаты и сближается по качеству долготы с такими спирантами, как [ш], [ж] и [ч].

Гипотезы высказаны на фоне предположений, что, с одной стороны, графика письма воздействует на произношение, тем самым стимулируя в случае монографемной репрезентации более краткое произношение звука [ш':]. Таким образом, при подтверждении сокращенной долготы звука [ш':] это изменение в языке можно считать примером «буквенного» произношения (ср. [Аванесов 1984: 37], см. также [Панов 2002: 27; 2007: 174–175]). С другой же стороны, можно предположить влияние морфем на сохранение долготы звука, прежде всего при морфонологическом изменении в парадигме. Преобладают ли дифференцированные позиционные отличия при произношении [ш':] или сокращается его долгота, полностью и систематично, — это главные вопросы исследования.

3.2. Языковой материал и методика анализа

Исследование проведено на основе морфографемных типов фрикатива [ш':], как указано выше. Таким образом, сформированы три группы лексем (см. Таблицу 1), в которых реализуется исследуемый звук. Словарный ма-

териал взят из словаря частотности О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова [2009] при соблюдении следующих критериев: слово или словоформа 1) содержит звук [ш':] и 2) находится по частоте использования в составе рангов от 1 до 5 500, т. е. является обиходным словом русского языка. Таким образом, подобрана 21 морфема со следующей дистрибуцией по группам: группа I — 7 морфем, группа II — 8 морфем и группа III — 5 морфем. Морфемный состав варьирует от 1 до 5 лексических единиц. Это, в свою очередь, влияет на состав каждой группы: группа I — 14 лексических единиц, группа II — 12 и группа III с наименьшим количеством — 5. Итак, анализ проводится на основе 31 лексической единицы. Неравномерное распределение по группам на начальном этапе не рассматривается как препятствие, так как одним из аналитических шагов является логарифмическое преобразование данных с целью улучшения статистических показателей.

Звуковой материал исследования подбирается при помощи аудиоматериалов, доступных в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ, подкорпус 'мультимедийный')⁷. Для каждой лексической единицы (Таблица 1) случайной выборкой подбираются пять наиболее актуальных аудиозаписей (не ранее 2004 г.). В редких исключениях не было возможности подобрать полный состав из пяти записей (ср. Таблицу 2). В результате анализ проведен в общей сложности на 156 единичных измерениях звука [ш':].

К некоторым из подходящих по критериям словам (присутствие звука [ш':] и использование по частоте в рангах до 5 500) нет устного материала в НКРЯ, что привело к их исключению из анализа. Например, это относится к слову *слаще* (< *сладко/сладкий*) из группы III (Таблица 1).

Для подготовки математического анализа используется свободная фонолингвистическая программа *Praat* [Boersma, Weenink 2018], в которой выделяется и измеряется в миллисекундах (мс) физическая долгота звука [ш':]. В дальнейшем проводятся математические расчеты в статистической программе *Past* [Hammer et al. 2001].

Необходимо учесть, что социолингвистические параметры (пол, возраст и образование) в этом исследовании не учитываются. Динамический аспект длительности звука, тесно связанный с социолингвистическими параметрами, нас в принципе интересует, но на данном материале выполнить это исследование было невозможно. Однако стоит все же обратить внимание на некоторые сведения об информантах. Женский и мужской голоса равноправно учитываются, но это не используется как фактор в статистических анализах. Среди исследованных индивидов преобладает возрастная группа от 40 лет и старше. Кроме того, стоит помнить о том, что все записи, из которых изымаются интересующие нас сегменты анализа, являются публичными выступлениями (телепередачи, конференции, публичные ин-

⁷ Электронный доступ к источнику: <http://www.ruscorpora.ru/search-murco.html>.

Таблица 1

Языковой материал исследования (в скобках *ipm*⁸)

I Ди- или полиграфемная репрезентация	Монографемная репрезентация	
	II Неальтернирующая позиция	III Альтернирующая позиция
{счит} ⁹ (1025.2): <i>считать</i> (455.3) <i>считаться</i> (155.7) <i>счет</i> (245.4) <i>расчет</i> (108.9) <i>насчет</i> (59.9) {счасть} (332.7): <i>счастье</i> (149.2) <i>счастливый</i> (117.2) <i>несчастный</i> (54.9) <i>несчастье</i> (11.4) {муж} (253.2): <i>мужчина</i> (253.2) {исчез} (141.3): <i>исчезнуть</i> (99.9) / <i>исчезать</i> (41.4) {каз} (39.7): <i>заказчик</i> (39.7) {резк}: <i>резче</i> < <i>резко/резкий</i> (91.7/63.2) {жестк}: <i>жестче</i> < <i>жестко/жесткий</i> (18.3/73.6)	{еще} (2409.4): <i>еще</i> adv (2323.9) / <i>еще</i> part (85.5) {общ} (1536.6): <i>общий</i> (492.4) <i>вообще</i> (417.6) <i>общество</i> (314.7) <i>общественный</i> (168.1) <i>сообщить</i> (143.8) {жен} (533.3): <i>женичина</i> (533.3) {мощь} (300.1): <i>помощь</i> (300.1) {существ} (260.9): <i>существовать</i> (260.9) {вещь} (242.5): <i>вещь</i> (242.5) {товарищ} (230.6): <i>товарищ</i> (230.6) {защит} (145.9): <i>защита</i> (145.9)	{чист}: <i>чище</i> < <i>чистый/чисто</i> (159.0/56.2) {част}: <i>чаще</i> (95.1) {толст}: <i>толще</i> < <i>толстый</i> (84.4) {иск}: <i>ища/ищет/ищу/ищут</i> (49.5) {прост}: <i>проще</i> (40.0)

тервью и т. п.), что непосредственно могло повлиять на произношение. При этом исследуются только элементы из свободной речи; зачитывания не учитываются, так как присутствует вероятность влияния письма на устную речь. Записи из кинофильмов также не принимаются во внимание: в них может присутствовать эффект сценической речи, что также исказит наш анализ. Исходя из источников НКРЯ (интервью, конференции и под.), заметно преобладание специалистов, журналистов и т. п. с выраженным высоким уровнем образования. Таким образом, настоящее исследование ограничивается структуральными аспектами, т. е. длительностью в противопоставлении морфографемным характеристикам.

⁸ В скобках указан *ipm* (*instances per million words*, «употребления на миллион слов») на основе словаря О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова [2009].

⁹ Морфемное членение по А. Н. Тихонову [1985].

4. Результаты

4.1. Длительность звука [ш':] в морфографемных позициях

Подробные результаты измерений звука [ш':] в трех морфографемных позициях приведены в Таблице 2 (все измерения указаны в миллисекундах). По приведенным в ней данным выясняется, что долгота варьирует от 49 до 238 мс. Тем самым подтвержден большой спектр долготы [ш':], определенный С. В. Кодзасовым и Е. В. Щигелем [2013]. Отличие состоит в том, что нами взят более широкий диапазон, а также обнаружена минимальная долгота — почти в два раза меньше, чем в прежнем исследовании (ср. 91–224 мс [Там же: 381–382]).

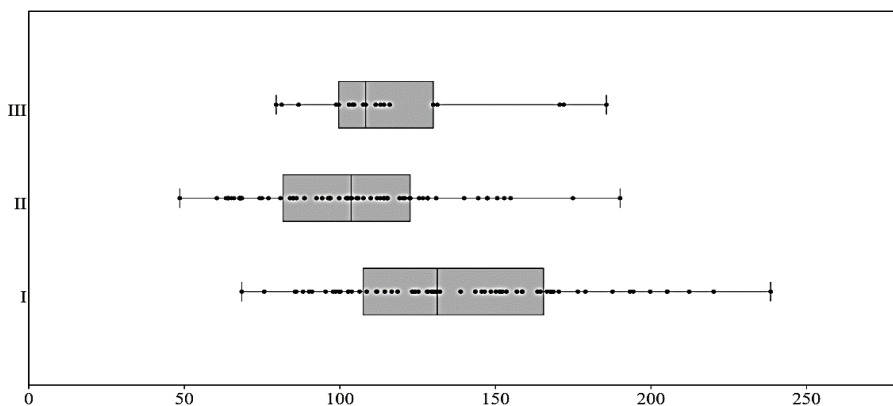

Рис. 3. «Ящик с усами» — статистические данные по морфографемным группам

Диаграмма размаха (или «ящик с усами», рис. 3) представляет статистические данные, на которые необходимо обратить более пристальное внимание. Во всех трех группах наблюдаются довольно большие отклонения минимума и максимума. Сдвинутый налево медиан и результаты измерений слева указывают на сдвиг вправо (асимметрия нормального распределения) во всех группах. Именно эта асимметрия указывает на тенденцию звука [ш':] к краткости. Отклонения в сторону выраженной долготы находятся в меньшем количестве.

Рис. 4 изображает нормальное распределение по группам. Линейные графики показывают не только то, что измерения соответствуют нормальному распределению, но и указывают на отклонения по длительности между группами. Коэффициенты корреляции следующие: группа I и II — 0.99, группа III — 0.92. Последний коэффициент указывает на наибольшее отклонение. Проверка по Шапиро–Уилку подтверждает отклонение от нормального распределения ($W = 0.85$, $p < 0.01$; для сравнения — группа I: $W = 0.98$, $p = 0.26$; группа II: $W = 0.97$, $p = 0.22$). На этом основании прове-

Измерения звука [ш'] в деталях

группа	морфема	лекс. единица	измерение1	измерение2	измерение3	измерение4	измерение5	Θ (лекс. ед.)	σ (лекс. ед.)	Θ (морфема)	σ (морфема)
I	{счит}	считать	163,563	68,458	98,635	146,531	123,878	120,213	37,847		
		считаться	118,531	91,042	138,821	128,050	95,406	114,370	20,653		
		счет	85,958	199,740	85,583	129,417	129,875	126,115	46,640		
	{часть}	расчет	145,583	238,479	205,271	102,708	126,375	164,083	56,159		
		насчет	88,167	102,677	108,615	151,302	114,438	113,040	23,514	127,564	40,742
		счастье	176,490	158,656	143,552	205,156	75,688	151,908	48,385		
		счастливый	168,031	90,094	156,906	106,344	99,677	124,210	35,617		
		несчастье	103,781	123,260	100,156	132,156	164,448	124,760	25,873		
		несчастье	97,823	220,146	193,250	130,510	187,625	165,871	50,124	141,687	42,035
	{муж}	мужчина	148,531	111,948	151,594	153,521	178,927	148,904	23,957	148,904	23,957
{исч}	исчезнуть/исчезать	194,302	158,521	212,281	152,240	170,375	177,544	25,204	177,544	25,204	
II	{каз}	казачик	116,667	166,510	111,771	124,302	131,188	130,088	21,662	130,088	21,662
	{реж}	режис	168,656	167,521				168,089	0,803	168,089	0,803
	{жест}	жестче	125,229	150,146	131,313			135,563	12,991	135,563	12,991
		еще	128,254	96,236	126,689	139,932	107,551	119,732	17,532	119,732	17,532
	{общ}	общий	74,943	105,397	63,401	65,941	84,014	78,739	16,970		
III		вообще	60,454	68,481	105,918	92,494	63,991	78,268	19,899		
		общество	114,308	64,218	96,961	144,467	94,331	102,857	29,423		
		общественный	48,548	67,687	68,231	80,907	102,562	73,587	19,897		
		сообщить	65,170	103,401	96,735	67,800	122,653	91,152	24,464	84,921	23,304
	{жен}	женщина	102,041	103,832	77,052	154,875	122,381	112,036	28,867	112,036	28,867
	{помощ}	помощь	152,834	190,068	120,884	115,057	84,875	132,744	40,108	132,744	40,108
	{сущ}	существовать	147,460	147,347	111,973	114,036	112,971	126,757	18,861	126,757	18,861
	{вещь}	вещь	109,909	99,796	119,229	86,032	150,590	113,111	24,305	113,111	24,305
	{товарищ}	товарищ	174,898	128,186	102,608	74,218	120,272	120,036	37,011	120,036	37,011
	{защит}	защита	115,329	125,465	130,952	88,617	85,147	109,102	21,080	109,102	21,080
IV	{числ}	число	170,680					170,680		170,680	
	{част}	чаще	115,986	102,971	108,299	113,061	104,512	108,966	5,529	108,966	5,529
	{толщ}	толще	99,615	107,506	185,669			130,930	47,569	130,930	47,569
	{иск}	инт-	104,036	111,542	86,712	114,172	171,950	117,682	32,173	117,682	32,173
	{протст}	протест	131,315	98,798	79,524	130,023	81,270	104,186	25,327	104,186	25,327
									116,718	29,779	
									в общем	121,921	37,543

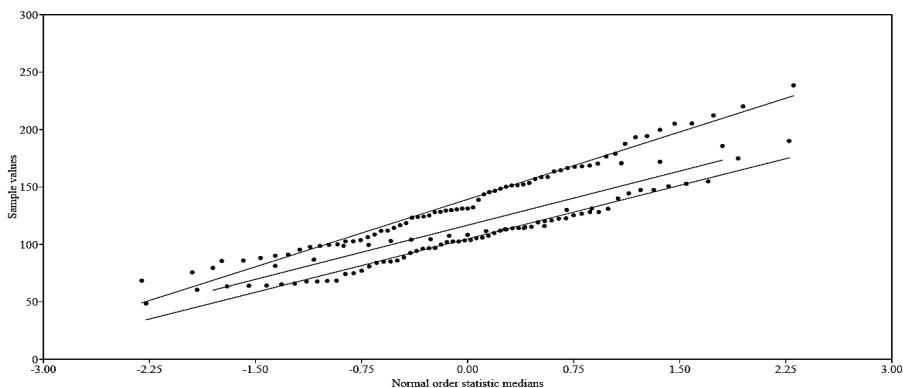

Рис. 4. Нормальное распределение по морфографемным группам (верхний граф — группа I, средний — группа III, нижний — группа II)

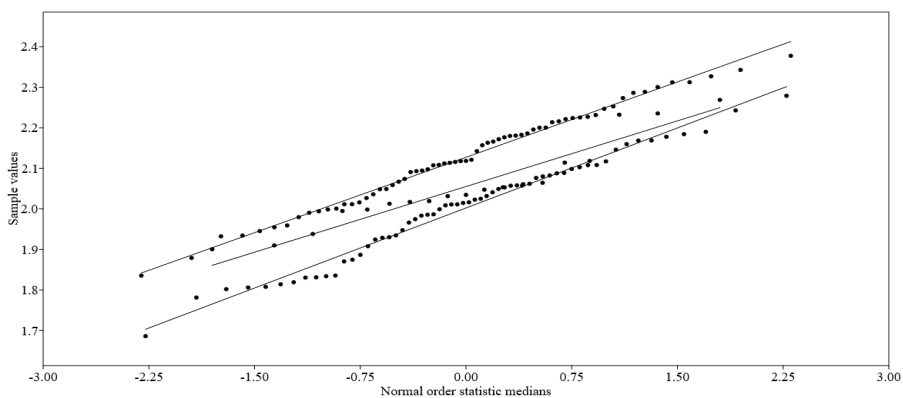

Рис. 5. Нормальное распределение по морфографемным группам после логарифмического преобразования (верхний граф — группа I, средний — группа III, нижний — группа II)

дено логарифмическое преобразование результатов, которое уточняет коэффициенты следующим образом: группа I и II — 0.99, группа III — 0.96, и, по Шапиро–Уилку, — группа I: $W = 0.98$, $p = 0.83$; группа II: $W = 0.98$, $p = 0.43$ и группа III: $W = 0.91$, $p = 0.09$. Графы рис. 4 показывают незначительные изменения.

Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) в Таблице 3 показывают, что по длительности звука [ш':] в трех морфографемных позициях есть значительные различия по сравнению с вычисленным критерием значения $F(2, 141) = 16,41$, $p < 0,001$. Тест Левена на гомогенность дисперсий не дает значимого результата ($p > 0.28$), из чего следует гомогенность групп и корректность использования теста ANOVA. По тесту Данна (*Dunn's post hoc*

Таблица 3

Дисперсионный анализ (ANOVA) морфографемных групп

	Sum of squares	df	Mean square	F	Sig.
между группами	0,490	2	0,245	16,41	$p < 0,001$
внутри групп	2,104	141	0,015		
всего	2,594	143	0,000		

значительные различия проявляются между группами I и II ($p < 0.001$) и группами I и III ($p < 0.03$).

Статистические данные по трем группам позволяют сделать некоторые предположения и подвести итоги:

1. При ди- и полиграфемной репрезентации (группа I) звук [ш':] показывает наибольшую долготу, в среднем в 139 мс, но также с наибольшим среднеквадратическим отклонением в 38 мс.
2. Монографемный [ш':] в неальтернирующей позиции (группа II) имеет наикратчайшую долготу, в среднем размере в 105 мс. Вариативность присуща, но менее выражена, что отражается на среднеквадратическом отклонении в 30 мс.
3. Монографемный [ш':] в альтернирующей позиции (группа III) проявляет долготу в диапазоне между двумя вышеуказанными группами, в среднем в 117 мс, при этом с наименьшим среднеквадратическим отклонением в 30 мс, минимально отличаясь от группы II.

Таким образом, подтверждаются три исходные гипотезы исследования. Все же необходимо обратить внимание на необычайно сильное отклонение среднего статистического в морфеме {общ} в группе II по сравнению с остальным материалом этой группы (см. Таблицу 2). Это объясняется тем, что в исследованных случаях комбинация согласных <бщ>, как, например, в словах *общий* и *общество*, реализуется в форме похожей на аффрикату, т. е. в слитом виде [пш']. Такая реализация сказывается на краткости [ш':], долгота которой в подобном фонетическом окружении отклоняется от остальных компонентов анализа в группе II в среднем на 34 мс.

На этом основании представляется необходимым исключить морфему {общ} из группы II и повторить анализ. По статистическим данным оставшиеся измерения показали: $F(2, 116) = 5,13$, $p = 0.007$ (Таблица 4). Тест Левена также положителен ($p > 0.12$). Значимые изменения показаны на рис. 6. Уже на данном этапе можно полагать, что более существенные различия имеются между группой I и двумя другими. Такой же вывод следует из распределения среднего статистического (рис. 7). Здесь мы наблюдаем пересечение графов групп II и III, показывающее между ними незначительную разницу. К этому же выводу приводит тест Тьюки: группа I и II — $p < 0.03$, группа I и III — $p < 0.04$, группа II и III — $p > 0.94$.

Таблица 4

**Дисперсионный анализ (ANOVA) морфографемных групп
после исключения морфемы {общ} из группы II**

	Sum of squares	df	Mean square	F	Sig.
между группами	0,128	2	0,064	5,13	p = 0,007
внутри групп	1,446	116	0,012		
всего	1,573	118	0,008		

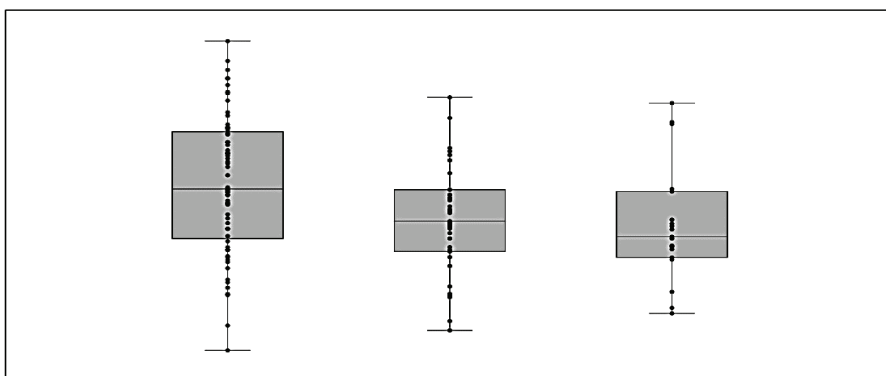

Рис. 6. «Ящик с усами» — статистические данные по морфографемным группам после исключения морфемы {общ}

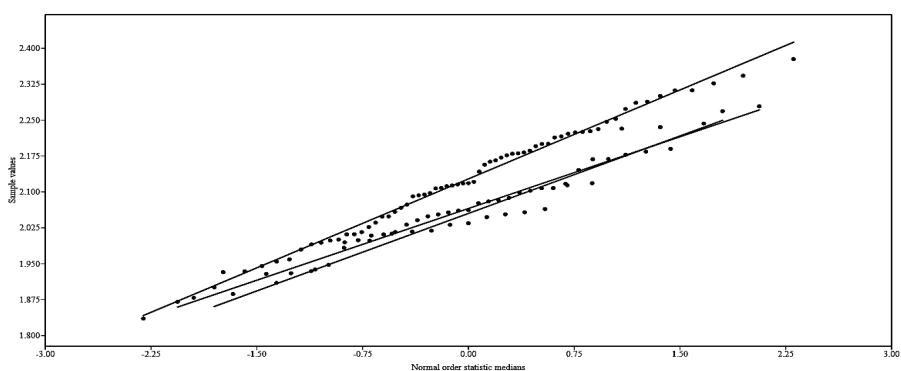

Рис. 7. Нормальное распределение по группам после исключения морфемы {общ} (логарифмически преобразованные результаты; верхний граф — группа I, средний — группа II, нижний — группа III)

4.2. Длительность звука [ш':] в измененной группировке и в сопоставлении с целевыми [ж], [ш] и [ч']

Малочисленные и неудовлетворительные статистические показатели группы III, а также описанные выше отклонения внутри группы II в связи с позиционной краткостью [ш':] в морфеме {общ} приводят к мысли, что подтверждение гипотез, также хорошо было бы проверить путем анализа при новой перегруппировке. Предлагается подойти к исследованию с позиционной точки зрения, т. е. провести сравнительный анализ согласно месту звука [ш':] в слове. Эта группировка проводится внутри трех прежних групп, однако на данном этапе рассматриваются только позиции V + [ш':] + V (интервокальная) и C + [ш':] + V (консонантно-вокальная) — обе лишь внутри слова, исключая абсолютную начальную и исходную позиции звука [ш':]. Подобный анализ связан с тем, что в речи исключенные позиции могут быть произнесены слитно с предшествующим или последующим элементами в потоке артикуляции, тем самым нарушая чистоту исследования.

Образованы следующие новые группы:

1) V + [ш':] + V:

- а) при ди- или полиграфемной репрезентации [ш':] — I: V + [ш':] + V;
- б) при монографемной репрезентации неальтернирующего [ш':] — II: V + [ш':] + V;
- в) при монографемной репрезентации альтернирующего [ш':] — III: V + [ш':] + V.

2) C + [ш':] + V:

- г) при монографемной репрезентации неальтернирующего [ш':] — II: C + [ш':] + V;
- д) при монографемной репрезентации альтернирующего [ш':] — III: C + [ш':] + V.

Результаты новой группировки приведены в Таблице 5 и обобщены в «ящике с усами» (рис. 8). Анализ данных показал, что [ш':] в ди- или полиграфемной репрезентации и в интервокальной позиции (группа I: V + [ш':] + V) имеет наибольшую склонность к долготе, в среднем в 147 мс. При этом проявляется довольно высокое среднестатистическое отклонение в 37 мс. Группы II: V + [ш':] + V и III: V + [ш':] + V представляют малый набор слов из трех и четырех лексических единиц соответственно. Монографемная репрезентация звука [ш':] при этом демонстрирует склонность к менее выраженной долготе в 119 мс и 114 мс соответственно. Среднеквадратические отклонения менее выражены, чем в предыдущем анализе (см. раздел 4.1), составляя 19 мс для II: V + [ш':] + V и 27 мс для III: V + [ш':] + V.

Позиция C + [ш':] + V представляет некоторые затруднения для анализа: для группы I не найден соответствующий материал, а в группе III: C + [ш':] + V могли быть использованы только три измерения, с высоким

среднестатистическим отклонением в 39 мс и средней долготой звука [ш':] в 131 мс. Группа II: С + [ш':] + V представлена 30 измерениями и показывает склонность к краткости — в среднем 89 мс.

При сопоставлении позиций V + [ш':] + V и С + [ш':] + V в общем выясняется, что интервокальная позиция [ш':] (т. е. V + [ш':] + V) на самом деле проявляет тенденцию к более выраженной долготе — в нашем анализе в среднем в 133 мс, но также выражена сильная вариативность, которую показывает высокое среднеквадратическое отклонение в 52 мс (см. Таблицу 5, крайние правые столбцы). Консонантно-вокальная позиция звука [ш':] (С + [ш':] + V), напротив, характеризуется краткостью в среднем в 93 мс со среднеквадратическим отклонением в 30 мс (Таблица 5).

Прежде чем перейти к дальнейшему анализу, необходимо дополнить исследование сопоставлением со щелевыми согласными [ж], [ш] и [ч']. Оно предлагается с целью выяснения, является ли долгота общей характеристикой русских щелевых. По аналогии с исследованием звука [ш':] (см. раздел 3.2), используется идентичный источник материала с идентичными критериями (частотность). Единственное исключение — количество измерений: каждый из трех звуков измеряется в четырех лексических единицах. Итого получается 60 измерений. В Таблице 6 указаны обобщенные данные, содержащие лексический материал, который стал базой для экстрагирования интересующих нас звуков, а также подробные статистические показатели.

Анализ звуков [ж], [ш] и [ч'] показывает, что только щелевой [ш] проявляет тенденцию к более продленному произношению по сравнению с двумя другими согласными этой группы (118 мс, соответственно 71 мс для [ж] и 76 мс для [ч']), но также и наибольшее среднеквадратическое отклонение в 31 мс (19 мс для [ж] и 20 мс для [ч']). Стоит обратить внимание на то, что в данном случае не учитывается позиционное положение звуков внутри изучаемых слов¹.

Таблицы 5 и 6 не могут отобразить все статистические данные одновременно, тем самым искажая возможные предположения. Исходя из этого, предлагается графическое изображение для указанных трех звуков в сравнении с тремя группами звука [ш':] (также в его двух положениях V + [ш':] + V и С + [ш':] + V — см. выше) при соблюдении нормального распределения. Таким образом достигается наиболее выраженная статистическая точность. Рис. 8 обобщает все 11 групп, выделенных в исследовании. В дальнейших анализах используются результаты после логарифмического преобразования.

¹ Так как исследование было проведено не в изолированных словах, а в текущей и свободной речи, во многих случаях невозможно говорить об абсолютном конце слова, как, например, в *лишь*, потому что часто наблюдается слитное произношение слов в потоке речи. Лексическая единица *наш* была исследована в парадигматических формах (*наша*, *нашего*, *нашу* и т. д.), в которых [ш] всегда предшествует гласным.

Таблица 5

Долгота [ш°] в позиционной дистрибуции

Позиция	Группа	лекс. ед.	измерение1	измерение2	измерение3	измерение4	измерение5	О (лекс. ед.)	σ (лекс. ед.)	О (группа)	σ (группа)	О (позиция)	σ (позиция)	
V+nt+V	I	расчет	145,583	238,479	205,271	128,375	102,708	164,083		50,230				
		исчет	88,167	102,677	108,615	151,302	114,438	113,040		21,031				
		исчастный	103,781	123,260	100,156	132,156	164,448	124,760		23,141				
		исчастье	97,823	220,146	193,250	130,510	187,625	165,871		44,832				
		мужчина	148,531	111,948	151,594	153,521	178,927	148,904		21,428				
		исче знуть/исче зать	194,302	158,521	212,281	152,240	170,375	177,544		22,544				
		заказчик	116,667	166,510	111,771	124,302	131,188	130,088		19,375				
		реже	168,656	167,521				168,089		0,568				
		жестче	125,229	150,146	131,313			135,563		10,607	146,608	37,029		
		еще	128,254	96,236	126,689	139,932	107,551	119,732		15,681				
II	существовать		147,460	147,347	111,973	114,036	112,971	126,757		16,870				
		защита	115,329	125,465	130,952	88,617	85,147	109,102		18,854	118,531	19,310		
		чипе	170,680					170,680		0,000				
		чапе	115,986	102,971	108,299	113,061	104,512	108,966		4,945				
III	ише		104,036	111,542	86,712	114,172	171,950	117,682		28,776				
		проше	131,315	98,798	79,524	130,023	81,270	104,186		22,654	114,053	26,730	51,769	
K+nt+V	II	общество												
			общий	74,943	105,397	63,401	65,941	84,014	78,739		15,178			
			вообще	60,454	68,481	105,918	92,494	63,991	78,268		17,798			
			общество	114,308	64,218	96,961	144,467	94,331	102,857		26,317			
			общественный	48,548	67,687	68,231	80,907	102,562	73,587		17,797			
III	то-ше	сообщать	65,170	103,401	96,735	67,800	122,653	91,152		21,881				
		женщина	102,041	103,832	77,052	154,875	122,381	112,036		25,820	89,440	25,885		
			толще	99,615	107,506	185,669			130,930		38,840	130,930	38,840	29,922

Таблица 6

Измерения звуков [ж], [ш], [ч'] в деталях

звук	лекс. ед.	<i>ирт</i>	измерение1	измерение2	измерение3	измерение4	измерение5	Ø (лекс. ед.)	σ (лекс. ед.)	Ø (звук)	σ (звук)
[ж]	же	3144.3	70,862	68,646	113,673	55,669	52,902	72,350	21,817		
	уже	2179.2	61,995	82,948	69,660	87,551	57,052	71,841	11,752		
	жизнь	1389.8	70,635	55,805	71,497	82,517	122,426	80,576	22,583		
	даже	1179.8	50,998	73,946	71,769	53,356	55,850	61,184	9,679	71,488	19,245
[ш]	наш	1731.8	125,428	100,317	78,118	121,270	155,283	116,083	25,849		
	большой	944.4	113,016	106,508	145,601	111,156	151,224	125,501	18,911		
	отношение	557.4	110,181	123,515	131,066	113,356	119,728	119,569	7,410		
	лишь	552.5	203,651	68,685	114,063	102,449	73,401	112,450	48,704	118,401	30,545
[ч']	человек	2723.0	85,625	87,927	83,208	65,500	69,042	78,260	9,165		
	очень	1286.8	108,042	101,677	122,687	89,573	89,729	102,342	12,402		
	через	805.4	69,864	59,260	62,115	56,094	46,458	58,758	7,658		
	чем	721.1	66,135	53,198	83,125	73,406	52,083	65,589	11,873	76,237	20,143

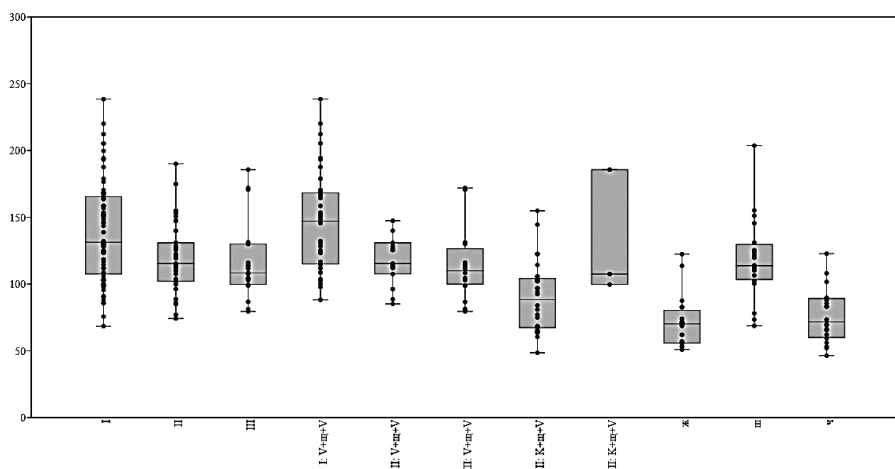

Рис. 8. «Ящик с усами» — статистические данные по 11 группам

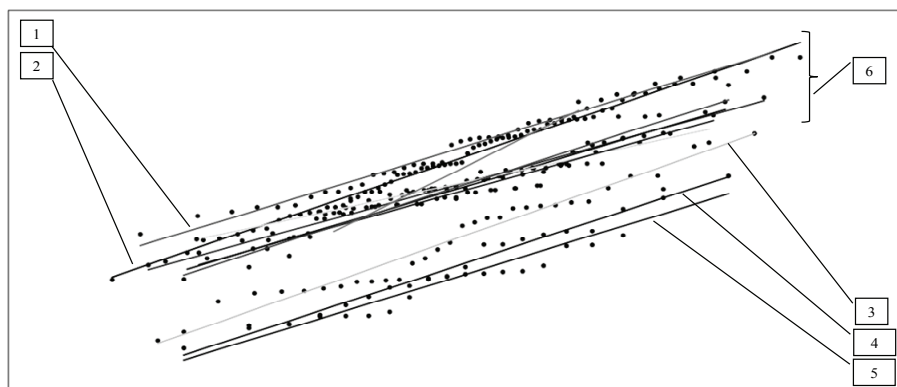

Рис. 9. Долгота [ж], [ш] и [ч'] в сравнении с морфографемными группами [ш':] и его позиционной дистрибуцией. Обозначения: (1) I: V + [ш':] + V; (2) группа I; (3) II: C + [ш':] + V; (4) [ч']; (5) [ж]; (6) остальные группы

Коэффициенты корреляции нормального распределения во всех группах (кроме III: C + [ш':] + V, 0.92) превышают 0.95. Также это отклонение подтверждается по тесту Шапиро–Уилка, здесь мы получаем следующие показатели: III: C + [ш':] + V: $W = 0.84$, $p < 0.21$.

Таблица 7

Дисперсионный анализ (ANOVA) по 11 группам

	Sum of squares	df	Mean square	F	Sig.
между группами	2,766	10	0,277	22,91	p < 0,001
внутри групп	3,284	272	0,012		
всего	6,050	282	0,000		

Дисперсионный анализ показал, что для исследуемых звуков по группам имеются значительные расхождения с вычисленным критерием значения $F(10, 272) = 22,91$, $p < 0,001$. Тест Левена на гомогенность дисперсий не дает значимого результата ($p > 0,22$), из чего следует гомогенность групп и корректность проведения теста ANOVA. Таким образом, возможно обобщить результаты и сделать выводы.

5. Обобщенные результаты и выводы

В ходе настоящего исследования анализу подвергалась длительность звука [ш':] в различных морфографемных и позиционных вариациях, а также в сопоставлении со звуками [ж], [ш] и [ч']. На первом этапе была выявлена наибольшая длительность звука [ш':] в среднем в 139 мс в ди-или полиграфемной позиции (группа I), как, например, в словах *считать*, *мужчина*, *жестче*. Группа III (монографемная репрезентация в альтернирующих позициях, как, например, в *толще* (< *толстый*)) представляется статистически слабой, но все же показывает несколько более длительную реализацию, чем группа II (монографемная репрезентация в неальтернирующих позициях, как в *вещь*, *еще*) — в среднем около 117 мс против 104.

Из-за фонетических особенностей морфема {общ} была исключена из группы II, что существенно изменило показатели. Выяснилось, что по длительности противостоят друг другу группа I, с одной стороны, и группы II и III — с другой, тем самым различаются «монографемная» репрезентация в первой и «ди- или полиграфемная» репрезентация в последних группах.

Далее была проведена перегруппировка и выделены группы: C + [ш':] + V и V + [ш':] + V в соответствии с их графемными репрезентациями. Итого образовано пять дополнительных групп. Кроме этого, к анализу были подключены шипящие [ж], [ш] и аффриката [ч']. Прежние три группы также включены в анализ. В такой компановке сделаны аналогичные аналитические шаги, которые выявили наименьшую длительность звуков [ж] (71 мс), [ч'] (76 мс) и звука [ш':] в позиции C + [ш':] + V при монографемной неальтернирующей репрезентации (т. е. II: C + [ш':] + V, как, например, в *общий*, *женщина*, 89 мс). Звук [ш':] в позиции V + [ш':] + V при

ди- или полиграфемной и альтернирующей репрезентации [ш':] (т. е. I: V + [ш':] + V — как в *мужчина*) проявляет самую выраженную длительность (147 мс), которой лишь немного уступает группа I ([ш':] при ди- или полиграфемной репрезентации, 139 мс). Все остальные позиционные вариации находятся в похожем диапазоне. Более всего в этом анализе удивляет длительность звука [ш] (118 мс), которая соотносится с центром диапазона звука [ш':].

Обобщим наше исследование о долготе фрикатива [ш':]:

1. Подтверждена общая тенденция звука [ш':] к продленному произношению, что наиболее выражено в сравнении с согласными [ж] и [ч'].
2. Фонетическая тенденция звука [ш':] к продленному произношению не является общей закономерностью, так как ей присуща позиционная вариативность.
3. Также на большом материале подтверждается гипотеза (3) о продленном произношении [ш':] при ди- или полиграфемной репрезентации. В этом случае в нашем исследовании выявлена наибольшая долгота (139 мс).
4. Частично подтверждается гипотеза (1) о краткости [ш':] в неальтернирующих монографемных позициях (104 мс). Стоит уточнить, что звук [ш':] при монографемной репрезентации, несмотря на морфонологическое чередование, уступает по долготе звуку [ш':] в ди- или полиграфемной репрезентации.

В результате приходим к двум выводам:

I. Ди- или полиграфемная репрезентация звука [ш':] в графике коррелирует с его выраженной долготой. Является ли графика причиной длительности, т. е. на самом ли деле наблюдается здесь «буквенное» произношение, — выяснить в данном случае невозможно.

II. Несмотря на большой диапазон долготы звука [ш':], с одной стороны, выражено отклонение от звуков [ж] и [ч'], а с другой стороны, в сопоставлении со звуком [ш] проявляется схожесть. Последний находится в диапазоне звука [ш':]. На этом фоне можно предположить, что [ш':] и [ш] — как звукам, фонетически схожим по артикуляционным характеристикам, свойственна долгота. Такое поведение данных двух звуков возможно связано с физическими свойствами артикуляции, т. е. с образованием шума между небом и языком. Аванесов [1956: 141] указывает на длительное прохождение воздуха через щель при образовании шипящих, которое может длиться больше или меньше. Таким образом, долготу [ш':] следует считать артикуляционным эффектом, который в зависимости от позиции в слове более или менее выражен. Соответственно, гипотеза 4, предсказывающая исчезновение звука [ш':] как геминаты, недопустима. Следуя из этого, опровергнуть или подтвердить ее также невозможно.

Литература

- Аванесов 1948 — Р. И. Аванесов. О долгих шипящих в русском языке // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1948. № 6. С. 23–30.
- Аванесов 1956 — Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов 1958 — Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение: Учебное пособие для педагогических институтов. М., 1958.
- Аванесов 1984 — Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1984.
- Аванесов 1988 — Р. И. Аванесов (ред.). Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. 4-е изд. М., 1988.
- Аванесов, Сидоров 1945 — Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945.
- Акишина, Барановская 2010 — А. А. Акишина, С. А. Барановская. Русская фонетика на фоне общей. М., 2010.
- Барина 1966 — Г. А. Барина. О произношении [ž'] и [š'] // Развитие фонетики современного русского языка / Редколлегия: С. С. Высоцкий и др. М., 1966. С. 25–54.
- Бархударова 2018 — Е. Л. Бархударова. Русский консонантизм. Типологический и структурный анализ. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.
- Бондарко 1981 — Л. В. Бондарко. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.
- Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Булыгина 1971 — Т. В. Булыгина. О русских долгих шипящих // Фонетика, фонология, грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1971. С. 84–91.
- Валгина 2003 — Н. С. Валгина. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2003.
- Галинская 2009 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русского языка. М., 2009.
- Гордина 1989 — М. В. Гордина. О фонетической классификации согласных // Экспериментально-фонетический анализ. Вып. 2. Межвузовский сборник. Л., 1989. С. 25–35.
- Дмитренко 2005 — С. Н. Дмитренко. Фонетика. Фонология. Основные сведения об ударении. Интонация. Русская грамматика. Т. 1 // Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2005. С. 14–122.
- Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.
- Дурагин 2017 — П. В. Дурагин. Неполная нейтрализация как результат ассимиляции мягких «свистящих» «шипящими» в позиции внешнего сандхи в русском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 55–69.
- Зиндер 1963 — Л. Р. Зиндер. Фонематическая сущность долгого палатализованного [š':] в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1963. № 2. С. 137–142.

Зиндер 1979 — Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979.

Касаткин 2018 — Л. Л. Касаткин. Избранные труды. Т. I. 2-е изд. М., 2018.

Кодзасов, Щигель 2013 — С. В. Кодзасов, Е. В. Щигель. Акустические сценарии интервокальных фрикативных и сонорных согласных // Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. М., 2013. С. 372–463.

Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Новый частотный словарь. М., 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.

Малышева, Рогалева 2012 — Е. Г. Малышева, О. С. Рогалева. Фонетика. Учебно-методическое пособие. М., 2012.

Панов 1967 — М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.

Панов 1979 — М. В. Панов. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Панов 2002 — М. В. Панов. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. 2-е изд., стереотип. М., 2002.

Панов 2007 — М. В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / Ред. Е. А. Земская, С. М. Кузьмина. М., 2007.

Пирогова 2018 — Н. К. Пирогова. Консонантизм русского языка (фонемный состав, синтагматика, парадигматика). М., 2018.

Попов 2005 — М. Б. Попов. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. Автореф. дисс. ... док. филол. наук. СПб., 2005.

Реформатский 1967 — А. А. Реформатский. <ж> // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70 birthday, 11 october 1966. The Hague; Paris, 1967. С. 1650–1656.

Тихонов 1985 — А. Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок 145 000 слов. М., 1985.

Флайер 2010 — М. Флайер. Избранные труды. Т. I. Работы по синхроническому языкознанию / Пер. с англ. С. Л. Николаева. М., 2010. С. 296–331.

Щерба 1957 — Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку / Ред. М. И. Матусевич. М., 1957.

Boersma, Weenink 2018 — P. Boersma, D. Weenink. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.0.43, retrieved 8 September 2018 from <http://www.praat.org/>.

Bolla 1981 — K. Bolla. A conspectus of Russian speech sounds. Budapest; Köln; Wien, 1981.

Coats 1997 — H. S. Coats. On the phonemic status of Russian [š':] // Russian Linguistics. 1997. № 21. P. 157–164.

Dmitreva 2017 — O. Dmitreva. Production of geminate consonants in Russian // Implications for typology. The phonetics and phonology of geminate consonants / H. Kubozono (ed.). Oxford, 2017. P. 34–65.

Flier 1980 — M. Flier. The sharpened geminate palatals in Russian // Russian Linguistics. 1980. № 4. P. 303–328.

Flier 1982 — M. Flier. The Russian sharpened geminate palatals in functional perspective // Russian Linguistics. 1982. № 6. P. 277–291.

Hammer et al. 2001 — Ø. Hammer, D. A. T. Harper, P. D. Ryan. PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis // Palaeontologia Electronica. 2001. № 4 (1). 9 p.

Kochetov 2017 — A. Kochetov. Acoustics of Russian Voiceless Sibilant Fricatives // Journal of the International Phonetic Association. 2017. № 47 (3). P. 321–348.

Kochetov, Radišič 2009 — A. Kochetov, M. Radišič. Latent consonant harmony in Russian: Experimental evidence for Agreement by Correspondence // Proceedings of the Seventeenth Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL) Meeting / M. Babyonyshev et al. (eds.). Ann Arbor, MI, 2009. P. 111–130.

Lindblom, Maddieson 1988 — B. Lindblom, I. Maddieson. Phonetic universals in consonant systems // Language, speech, and mind / L. M. Hyman, Li, Ch. N. (eds.). London, 1988. P. 62–78.

Thelin 1974 — N. B. Thelin. On the phonological status of the Russian geminate palatals // Russian Linguistics. 1974. № 1. P. 163–178.

Thelin 1981 — N. B. Thelin. On the phonological status of the Russian geminate palatals — one more time // Russian Linguistics. 1981. № 5. P. 301–313.

Thelin 1983 — N. B. Thelin. The Russian geminate palatals in processual and a more realistic functional perspective, or: Why Michael Flier's monkey-tail argument cannot convince me of there being 5 (or more) phonemes in *щuka* // Russian Linguistics. 1983. № 7. P. 168–192.

Статья получена 16.05.2019

Jochen Podelo

Friedrich Schiller University
Institute of Slavic and Caucasus Studies
(Jena, Germany)
jochen.podelo@uni-jena.de

DURATION OF THE ALVEOPALATAL FRICATIVE [ɕ:] IN MODERN RUSSIAN

The article presents the results of a study on the articulation of [ɕ:] in Modern Russian with the focus on its duration. The aim is to find out how significant deviations from the orthoepic norm are in oral usage. Basing our investigation on oral material from the National Corpus of the Russian Language, we analyze [ɕ:] in the following morpho-graphemic positions: in cases of [ɕ:] represented graphically by the grapheme <щ>, (a) in alternating positions, as in the comparative adverb *časče*, and (b) in non-alternating positions, as in the words *vešč'* or *eščē*; in cases of bi- or polygraphemic representation of the sound, as in the word *mužčina*. The study is complemented by an analysis of the positions C+[ɕ:]+V and V+[ɕ:]+V as well as by a contrastive analysis of the fricatives [ʒ], [ʂ] and [tʂ].

Keywords: long [ɕ:], alveopalatal fricative, phonetics, length, duration

References

Akishina, A. A., & Baranovskaia, S. A. (2010). *Russkaia fonetika na fone obshchei*. Moscow: URSS.

Avanesov, R. I. (1956). *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow: Izd. Mos. Univ.

Avanesov, R. I. (1958). *Russkoe literaturnoe proiznoshenie. Uchebnoe posobie dlia pedagogicheskikh institutov*. Moscow: Prosveshchenie.

Avanesov, R. I. (1984). *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* (6th ed.). Moscow: Prosveshchenie.

Avanesov, R. I. (Ed.). (1984). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* (4th ed.). Moscow: Russkii yazyk.

Barinova, G. A. (1966). O proiznoshenii [ž'] i [š']. In S. S. Vysockii et al. (Eds.), *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka* (pp. 25–54). Moscow: Akad. nauk.

Barkhudarova, E. L. (2018). *Russkii konsonantizm. Tipologicheskii i strukturnyi analiz* (2nd ed.). Moscow: Kliuch-S.

Boersma, P., & Weenink, D. (2018). *Praat: Doing Phonetics by Computer* [Computer program]. Retrieved from <http://www.praat.org/>

Bolla, K. (1981). *A Conspectus of Russian Speech Sounds*. Budapest; Köln; Wien: Akadémiai Kiadó, Böhlau.

Bondarko, L. V. (1981). *Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi*. Leningrad: Izd. Lenin. Univ.

Borkovsky, V. I., & Kuznetsov, P. S. (1965). *Istoricheskaja grammatika russkogo yazyka*. Moscow: Nauka.

Bulygina, T. V. (1971). O russkikh dolgikh shpiashchikh. In F. P. Filin et al. (Eds.), *Fonetika, fonologija, grammatika. K 70-letiiu A. A. Reformatskogo* (pp. 84–91). Moscow: Nauka.

Coats, H. S. (1997). On the Phonemic Status of Russian [š':]. *Russian Linguistics*, 21, 157–164.

Dmitrenko, S. N. (2005). Fonetika. Fonologija. Osnovnye svedeniia ob udarenii. Intonaciia. Russkaja grammatika. T. 1. In N. Yu. Shvedova (Ed.), *Fonetika, fonologija, udarenie, intonaciia, slovoobrazovanie, morfologija* (pp. 14–122). Moscow: IRiA RAN.

Dmitreva, O. (2017). Production of Geminate Consonants in Russian. In H. Kubozono (Ed.), *Implications for Typology. The Phonetics and Phonology of Geminate Consonants* (pp. 34–65). Oxford: Oxford UP.

Duriagin, P. V. (2017). Npolnaia neutralizaciia kak rezul'tat assimiilacii miagkikh «svistiaschikh» «shpiashchimi» v pozicii vneshnego sandkhi v russkom iazyke. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 50, 55–69.

Flier, M. (1980). The Sharped Geminate Palatals in Russian. *Russian Linguistics*, 4, 303–328.

Flier, M. (1982). The Russian Sharped Geminate Palatals in Functional Perspective. *Russian Linguistics*, 6, 277–291.

Flier, M. (2010). *Selected Works* (Vol. 1). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Galinskaia, E. A. (2009). *Istoricheskaja fonetika russkogo yazyka*. Moscow: Izd. Mos. Univ.

Gordina, M. V. (1989). O foneticheskoi klassifikacii soglasnykh. In L. V. Bondarko (Ed.), *Ekspperimental'no-foneticheskii analiz* (Issue 2, pp. 25–35). Leningrad: LGU.

Hammer, Ø., Harper, D. A. T., & Ryan, P. D. (2001). PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis. *Palaeontologia Electronica*, 4(1), 1–9.

Kasatkin, L. L. (2018). *Izbrannye trudy* (Vol. 1). (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Kochetov, A. (2017). Acoustics of Russian Voiceless Sibilant Fricatives. *Journal of the International Phonetic Association*, 47(3), 321–348.

Kochetov, A., & Radišić, M. (2009). Latent Consonant Harmony in Russian: Experimental Evidence for Agreement by Correspondence. In M. Babionyshev et al. (Eds.), *Proceedings of the Seventeenth Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL) Meeting* (pp. 111–130). Ann Arbor, MI: Jindřich Toman's Michigan Slavic Publications.

Kodzasov, S. V., & Shchigel, E. V. (2013). Akusticheskie scenarii intervokal'nykh frikativnykh i sonornykh soglasnykh. In M. L. Kalenchuk, & R. F. Kasatkina (Eds.), *Russkaia fonetika v razvitii. Foneticheskie «otcy» i «deti» nachala XXI veka* (pp. 372–463). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Liashevskaja, O. N., & Sharov, S. A. (2009). *Novyi chastotnyi slovar'*. Moscow: Azbukovnik. Retrieved from <http://dict.ruslang.ru/freq.php>

Lindblom, B., & Maddieson, I. (1988). Phonetic Universals in Consonant Systems. In L. M. Hyman, & Ch. N. Li (Eds.), *Language, Speech, and Mind* (pp. 62–78). London: Routledge.

Malysheva, E. G., & Rogaleva, O. S. (2012). *Fonetika*. Moscow: Flinta.

Panov, M. V. (1967). *Russkaia fonetika*. Moscow: Prosveshchenie.

Panov, M. V. (1979). *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika*. Moscow: Vysshaia shkola.

Panov, M. V. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo proiznosheniia XVIII–XX vv.* (2nd ed.). Moscow: Editorial URSS.

Panov, M. V. (2007). *Trudy po obshchemu yazykoznaniiu i russkomu yazyku* (Vol. 2). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Pirogova, N. K. (2018). *Konsonantizm russkogo yazyka (fonemnyi sostav, sintagmatika, paradigmatika)*. Moscow: Maks Press.

Popov, M. B. (2005). *Problemy sinkhronicheskoi i diakhronicheskoi fonologii russkogo yazyka* (habilitation dissertation abstract). St Petersburg State University, St Petersburg, 2005.

Reformatsky, A. A. (1967). <zh>. In *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His 70 Birthday, 11 October 1966* (pp. 1650–1656). The Hague; Paris, 1967.

Shcherba, L. V. (1957). *Izbrannye raboty po russkomu yazyku*. Moscow: Uchpedgiz.

Thelin, N. B. (1974). On the Phonological Status of the Russian Geminate Palatals. *Russian Linguistics*, 1, 163–178.

Thelin, N. B. (1981). On the Phonological Status of the Russian Geminate Palatals — One More Time. *Russian Linguistics*, 5, 301–313.

Thelin, N. B. (1983). The Russian Geminate Palatals in Processual and a More Realistic Functional Perspective, or: Why Michael Flier's Monkey-Tail Argument Cannot Convince Me of There Being 5 (or more) Phonemes in *shchuka*. *Russian Linguistics*, 7, 168–192.

Tikhonov, A. N. (1985). *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–2). Moscow: Russkii yazyk.

Valgina, N. S. (2003). *Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke*. Moscow: Logos.

Zinder, L. R. (1963). Fonematičeskaja sushchnost' dolgogo palatalizovannogo [š':] v russkom yazyke. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologičeskie nauki*, 2, 137–142.

Zinder, L. R. (1979). *Obshchaia fonetika* (2nd ed.). Moscow: Vysshaia shkola.

Received on May 16, 2019

М. В. АХМЕТОВА

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Москва, Россия)
malinxi@rambler.ru

НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ В СОВЕТСКОЙ РИТОРИКЕ: ОТ МАРГИНАЛИИ К МЕЙНСТРИМУ

В статье приводятся и комментируются результаты исследования, выявляющего функционирование названий жителей (катойконимов) в советских газетах. На материале статистического обследования городских газет Петрограда/Ленинграда, Твери/Калинина и Тамбова за избранные даты 1918–1950, 1955, 1960 и 1965 гг. было выявлено, что в раннесоветский период катойконимы, относящиеся к месту издания газеты, занимали маргинальное положение. Их частотность увеличивается в конце 1930-х гг., достигает пика в годы Великой Отечественной войны и далее остается стабильно высокой. Выявленные тенденции обусловлены изменениями советского дискурса и риторических стратегий, диктуемых идеологией: прежде всего речь идет о повороте от пролетарского интернационализма к патриотизму с конца 1930-х гг. и о дальнейшем возрастании роли «малой родины» в дискурсе.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: названия жителей, катойконимы, советская риторика, советский дискурс, язык СМИ, локальный патриотизм, локальная идентичность, идеология.

В исследованиях по восточнославянской ономастике с 1960-х гг. часто отмечаются увеличение оттопонимных дериватов и расширение сферы их употребления в советский период. Это связывают с увеличением количества административно-территориальных единиц; с появлением большого числа эргонимов, использующих оттопонимные прилагательные, и как следствие — с официальным стимулированием образования этих прилагательных (влияющего и на возникновение катойконимов — названий жителей населенных пунктов); с повышением уровня грамотности населения и развитием печати. При этом именно влиянием СМИ объясняют появление новых катойконимов, прежде не использовавшихся ни в печати, ни в бытовом языке [Горпинич 1973: 30–33; Суперанская 1979: 104; Генкин 1998: 59]. Сами же СМИ могут характеризоваться как сфера, в которой по преимуществу функционируют катойконимы в качестве социальных терминов [Шкатова 1987: 46].

Тезис о росте употребимости катойконимов после революции 1917 г. подкрепляется и статистическими данными. Так, В. А. Горпинич сравнил материалы двух газет с одинаковым форматом и периодичностью — «Дело»¹ (первые 10 номеров за сентябрь 1881 г.) и «Радянська Україна» (первые 10 номеров за сентябрь 1971 г.) — и обнаружил в дореволюционной газете за указанный период всего один катойконим (во мн. ч.), а в советской — 31 катойконим во мн. ч., 16 — в м. р. ед. ч. и 12 в ж. р. Комментируя полученные данные, В. А. Горпинич отмечает влияние на употребление катойконимов в советский период определенных социальных процессов. Так, увеличение количества форм во мн. ч. он связывает с «большим интересом к коллективности во всех звеньях общественной деятельности человека», а увеличение номинаций в ж. р. — с тем, что «в послеоктябрьский период женщина вышла на широкую арену политической, государственной и культурной жизни» [Горпинич 1973: 30–33].

Не подвергая сомнению изложенные наблюдения и выводы, хотелось бы отметить, что они нуждаются в детализации. Безусловно, досоветская печать по языку отличалась от послереволюционной эпохи. Однако язык газет, как и общественно-политический дискурс, не был единообразным на протяжении всего периода с 1917 по 1991 г. Изменения происходили и в тематике публикаций, и в их структуре, и в стилистике, и в выборе лексических средств (см., например, об адаптации в газетах специальной лексики в разные периоды [Солганик 1981: 77 сл.]).

Опыт В. А. Горпинича во многом был уникальным — подобных статистических исследований употребления в СМИ катойконимов не проводилось ни до, ни долгое время после него. Однако следует признать, что данные В. А. Горпинича достаточны лишь для самых общих выводов и в любом случае не отражают временной динамики в употреблении оттопонимных номинаций в том или ином издании. Применительно к классу производящих номинаций, а именно топонимов, весьма ценными представляются результаты исследования Д. Ю. Ильина, на материале региональных газет конца XIX — начала XXI в. (г. Царицын — Сталинград — Волгоград) продемонстрировавшего, что частотность употребления топонимов и их функциональное использование в текстах СМИ определяются комплексными механизмами, подразумевающими как собственно лингвистический, так и экстралингвистический (в том числе идеологический) план [Ильин 2012]. Как будет показано далее, подобные выводы можно сделать и относительно названий жителей.

¹ Не вполне ясно, что за газета имеется в виду. Издававшихся в 1881 г. на русском языке газет с таким названием не обнаружено. Если газета выходила на украинском (что было бы логично, учитывая, что «Радянська Україна», с материалами которой сравниваются материалы «Дела», была украиноязычной), вероятно, речь идет о газете «Дѣло» (позднее «Діло»), которая издавалась во Львове. Однако по состоянию на 1881 г. львовская газета не была, в отличие от «Радянської України», ежедневной.

Источники и методология исследования

Мною была предпринята попытка повторить опыт статистического обследования газет послереволюционной эпохи за более узкий период и проанализировать полученные данные с учетом исторической ситуации и риторических стратегий, характерных для дискурса советской эпохи. Для анализа были выбраны газеты, издававшиеся в трех областных городах: Петрограде/Ленинграде, Твери/Калинине и Тамбове. Выбор мест издания газет отчасти обусловлен личными исследовательскими интересами автора статьи: в Тамбове и Твери мною проводились полевые исследования, связанные с функционированием названий жителей (соответственно, в 2013 и 2014 гг.); Петроград/Ленинград был выбран в качестве «контрольного» города (бывшей столицы, второго по значению города страны).

Таким образом, материалом стали публикации в газетах «Ленинградская правда» (до января 1924 г. «Петроградская правда»), «Тамбовская правда» (название с 1922 г., до этого названия менялись) и «Калининская правда» (до февраля 1931 г. «Тверская правда», до этого названия менялись)².

Был произведен сплошной поиск катойконимов в номерах, приуроченных к избранным советским официальным праздникам, когда, исходя из современной практики употребления названий жителей в газетах, ожидалось бы их использование в обращениях или в репортажах, освещающих праздничные события. Это номера за 1 января (либо первый номер года), 23 февраля (либо иной номер, посвященный Дню Красной армии / Советской армии / Советской армии и военно-морского флота), 8 марта (либо иной номер, посвященный Международному женскому дню), 1 мая (как правило, номера за 1 и 4 мая), 9 мая (начиная с 1945 г.; как правило, номера за 9 и 10 мая), 7 ноября (как правило, номера за 7 и 9 ноября) и 31 декабря (либо последний номер года). Просматривались соответствующие номера за 1918–1950 гг., а также за 1955, 1960 и 1965 гг.

Результаты исследования

Полученные данные представлены в Таблицах 1–3. Катойконимы м. р. представлены во мн. ч., независимо от того, какое число имеет форма в источнике (следует, впрочем, отметить, что в просмотренных выпусках названия жителей м. р. ед. ч. единичны); для ж. р. приводится форма в ед. ч. Суммировались цифры за пять лет (кроме данных за 1918–1920 гг., а также за 1955, 1960 и 1965 гг. по отдельности). В отдельных столбцах приводятся данные по названиям, относящимся к жителям 1) города, в котором выходила газета, 2) прочих населенных пунктов административной единицы (губернии, округа, области), в которую на данный момент входило место

² См. сведения о переименовании газет в приложении.

Таблица 1

Названия жителей по данным газеты Петрограда / Ленинграда

Годы	Город	Адм. единица	Др.	Итого
1918–1920	2 (питерцы)	0	0	2
1921–1925	11 (2 питерцы, 9 ленинградцы)	1	1	13
1926–1930	6 (ленинградцы)	9	12	27
1931–1935	3 (ленинградцы)	4	2	9
1936–1940	16 (ленинградцы)	5	10	31
1941–1945	266 (249 ленинградцы, 14 ленинградка, 2 питерцы, 1 ленинградцы-питерцы)	3	8	277
1946–1950	142 (140 ленинградцы, 2 ленинградка)	5	44	191
1955	34 (ленинградцы)	3	5	42
1960	32 (30 ленинградцы, 1 ленинградка, 1 питерцы)	0	10	42
1965	36 (34 ленинградцы, 2 ленинградка)	2	13	51

Таблица 2

Названия жителей по данным газеты Тамбова

Годы	Город	Адм. единица	Др.	Итого
1918–1920	0	1	3	4
1921–1925	1 (тамбовцы)	11	0	12
1926–1930	5 (тамбовцы)	51	7	63
1931–1935	4 (тамбовцы)	11	3	14
1936–1940	12 (тамбовцы)	3	6	9
1941–1945	37 (9 тамбовцы, 24 тамбовчане, 4 тамбовчанка)	7	9	53
1946–1950	36 (29 тамбовчане, 7 тамбовцы)	19	50	105
1955	3 (тамбовцы)	4	8	15
1960	10 (тамбовцы)	10	6	26
1965	13 (тамбовцы)	15	10	38

Таблица 3

Названия жителей по данным газеты Твери/Калинина

Годы	Город	Адм. единица	Др.	Итого
1918–1920	0	0	0	0
1921–1925	2 (тверяки)	51	24	77
1926–1930	3 (тверяки)	29	9	41
1931–1935	5 (1 тверяки, 4 калининцы)	2	6	13
1936–1940	15 (калининцы)	6	9	30
1941–1945	24 (калининцы)	14	5	43
1946–1950	67 (калининцы)	18	68	153
1955	4 (калининцы)	0	9	13
1960	16 (калининцы)	9	10	35
1965	12 (11 калининцы, 1 тверяки)	11	9	32

издания газеты³, и 3) прочих населенных пунктов СССР. Названия жителей зарубежных населенных пунктов не учитывались. Разделение между оригинальными текстами и републикациями (например, материалов РОСТА и ТАСС) не проводилось.

Представленные данные демонстрируют две значимые тенденции. Во-первых, в 1920-е — первой половине 1930-х гг. в газетах чаще использовались названия жителей населенных пунктов, отличных от места издания, но относящихся к той же административной единице. Во-вторых, рост числа номинаций, относящихся к месту издания, отмечается во второй половине (фактически — в конце) 1930-х гг.; в 1940-е гг. их количество достигает пика и далее остается стабильно высоким. Как представляется, эти тенденции обусловлены и изменением советских риторических стратегий, нашедших отражение в газетном языке, и жанрово-стилистическими характеристиками текстов, в которых использовалась данная лексика, а также спецификой той или иной газеты.

Комментарии к полученным результатам

*Именование жителей в газетах
до второй половины 1930-х гг.*

Малое число катойконимов, относящихся к месту издания газеты, связано, вероятно, с малой актуальностью территориальной идентификации

³ Например, название *ореховцы* (Орехово-Зуево, Московская область) в газете «Калининская правда» за 1933 г. считалось относящимся к административной единице, поскольку в это время г. Калинин входил в состав Московской области.

жителей в сравнении с идентификацией классовой, вышедшей в ранне-советский период на первый план, особенно в публикациях, написанных официально-деловым, книжным стилем. В послереволюционные десятилетия в языке газет наиболее частотным способом именования жителей была описательная модель, содержащая указание, с одной стороны, на территориальную, а с другой — на классовую/профессиональную принадлежность. Можно выделить несколько синтаксических конструкций.

1. [*Представители класса*] + (Gen. город [*Ойконим / его перифраз*]) (+ и) (Gen. [*Административная единица*]): «...призываем всех рабочих Петербурга не поддаваться гнусной провокации, распространяемой врагами рабочих» (ПП⁴, 1.01.1919); «Пролетарии города Ленина пошлют в ряды ленинской партии новые и новые отряды передовых борцов...» (ЛП, 7.11.1929); «Сегодня рабочие Ленинграда выйдут на улицу, чтобы еще раз продемонстрировать свою солидарность с мировым пролетариатом» (ЛП, 1.05.1926); «Октябрьский привет трудящимся Ленинграда и области <...>. Трудящиеся города Ленина и Ленинградской области сегодня встречают XVII годовщину великой социалистической революции» (ЛП, 7.11.1934); «И даже в излюбленном месте отдыха трудящихся Ленинграда — на островах — кооперация тоже не собирается организовать общественного питания» (ЛП, 4.05.1930); «Рабочие, крестьяне, красноармейцы и все честные труженики Тамбовской губернии — привет вам и поздравление с великим праздником Великой Октябрьской Революции!» (ТП, 7.11.1922); «Привет трудящимся женщинам Тамбовской губернии» (ТП, 8.03.1928); «Рабочие, трудящиеся Твери! <...> В день 1 мая — все на улицу!» (ТвП, 30.04.1922); «93 тысячи трудящихся города Калинина 1 мая демонстрировали свою любовь и преданность партии Ленина — Сталина...» (ПрП, 4.05.1941); «Сегодня пролетарии и колхозники нашего города и района горячо приветствуют приезжающих на октябрьские торжества своих почетных гостей...» (ПрП, 6.11.1934); «В этот день десятки тысяч пролетариев и трудящихся города Калинина демонстрировали свою преданность ленинской партии...» (ПрП, 10.11.1933).

2. [*Ойконимное прилагательное*] + [*Представители класса*]: «Ленинградские рабочие и работницы <...> идут в передовых рядах борцов за социализм» (ЛП, 7.11.1934); «...Тверские рабочие, работницы, красноармейцы и граждане⁵ — на улицу! На демонстрацию трудового народа!» (ТвП, 7.11.1922).

⁴ См. список сокращений в конце статьи.

⁵ По всей вероятности, здесь термин *граждане* (приводящийся наряду с *рабочими* и др.) использован не в нейтральном значении, а в классовом — ср. *гражданин* vs. *товарищ* (см. об особенностях использования этих терминов в раннесоветскую эпоху, например, [Зеленин, Ряйсянен 2002: 86—87; Колесов 2006: 323—326]).

Особняком здесь стоят использовавшиеся в основном в 1918–1920-е гг. конструкции обоих типов, где вместо названия представителей класса употребляются иные термины с определенными общественно-политическими коннотациями: *общественность* (как сообщество лояльных советской власти социальных групп)⁶: «Только на днях тамбовская общественность с удовлетворением отмечала крупную победу этого завода» (ТП, 1.05.1935); *граждане* (в нейтральном, обобщающем значении): «Будем надеяться, что теперь тверские граждане будут более бережно относиться к книге» (ТвП, 30.04.1922); «Советская Коллегия Продовольственного Отдела Городск[ого] Хоз[яйства] в принципе разрешила вопрос, очень волнующий граждан города Тамбова» (Известия... (Тамбов), 1.05.1918), а также конструкции, содержащие название профессии. Так, в «Ленинградской правде» от 9 ноября 1926 г. в репортаже о спортивных соревнованиях сказано, что «ленинградскими спортсменами установлено — 9 [достижений]»; далее, правда, для именованя спортсменов используется катойконим: «...первые два приза взяли ленинградцы Модель и Салмин», однако в целом авторы спортивных материалов в этот период скорее предпочитали именование по профессиональной принадлежности⁷.

3. Относительно редко ойконим метонимически использовался в значении ‘жители города’ в конструкции ([*Классовый эпитет*]) + [*Ойконим*]: «Рабочий Питер послал на места товарищей...» (ПП, 1.01.1919); «Ленинград обязался создать культармию в 88 тысяч бойцов» (ЛП, 1.05.1931); «Боровичи сейчас оживлены сверх обычного» (ЛП, 4.05.1928); «...“Интернационал” <...> поет пролетарский Ленинград» (ЛП, 4.05.1936).

4. Наконец, такими же редкими, как и катойконимы, являются описательные конструкции, обнаруживающиеся в текстах преимущественно до 1930-х гг. и описывающие население города в совокупности: «Всем гражданам, живущим в пределах города Тамбова, <...> [просьба] поддерживать полный порядок и спокойствие...» (Известия... (Тамбов), 1.05.1919); «...на огородах, предоставленных Коммунальным отделом, кормится $\frac{1}{4}$ часть жителей Твери» (ТвП, 7.11.1922); «Для насел[ения] Питера это приобретает особ[енное] значение...» (ПП, 31.12.1920).

В мою задачу не входило обобщающее рассмотрение всех способов именованя горожан в соответствующий период. Приводимые примеры, как представляется, показывают приоритетность классового аспекта в сравнении с территориальным, хотя, разумеется, названия жителей города —

⁶ См. обзор об использовании понятия *общественность* в советском дискурсе [Майофис 2016: 49—50].

⁷ Отмечу, что, по моим наблюдениям, с 1950-х гг. спортивный репортаж стал одним из важнейших типов газетного текста, где использовались катойконимы.

места издания газеты не были полностью «изгнаны» из печати, что показывают и материалы, представленные в таблицах⁸. Преимущественными адресантами и адресатами газетных текстов были представители трудящихся классов. Кроме того, использование упомянутых клише могло отражать реальные социальные практики: так, в первые годы советской власти в массовых мероприятиях по случаю 1 Мая и 7 Ноября участвовали далеко не все горожане⁹. Интересно, что уже в 1930-е гг. классовая терминология зачастую использовалась для обозначения жителей города в целом, в том числе в бытовых контекстах. Если, допустим, в контексте деятельности горкомхоза высказывание «Получили новые жилища 1.200 рабочих» (ПрП, 31.12.1931) действительно можно соотнести с практикой наделения жилплощадью именно работников предприятий, то обещание мясокомбината им. С. М. Кирова «в текущем году дать ленинградским рабочим дополнительной продукции на двадцать миллионов рублей», опубликованное в «Ленинградской правде» 7 ноября 1935 г. (т. е. через месяц после отмены карточек на все продукты, кроме хлеба¹⁰), даже с формальной точки зрения не следует читать буквально: речь идет о метонимическом обозначении жителей города через классовый термин.

Здесь уместна аналогия с представлением в газетах антропонимов. Как отмечает В. В. Васильева, в советскую эпоху сложился канон (характерный в особенности для сталинского периода), в соответствии с которым имя героя производственной заметки использовалось в конструкции с функциональными и релятивными номинациями (т. е. с упоминанием должности, партийной принадлежности, звания и т. д.), поскольку «герой-производственник» «не мог появиться в газетном тексте сам по себе, как частное лицо, он должен был быть “рекомендован” соответствующими инстанциями и “подходить” по всем идеологическим параметрам, которые и отражены квалифицирующими элементами при имени собственном» [Васильева 2014: 178–179]. По всей вероятности, схожими идеологическими установками диктовалось и соответствующее представление жителей города: недостаточно быть просто *ленинградцами*, нужно быть в первую очередь *трудящимися*, и т. д.

⁸ Требуется комментарий пик использования названия *ленинградцы* в «Ленинградской правде» за 1921–1925 гг. В декабре 1925 г. в газете публиковались материалы XIV съезда ВКП(б), и катойконим в данном случае использовался участниками съезда для именования представителей ленинградской делегации.

⁹ О конструировании советской праздничной культуры и, в частности, об изменении понимания того, кто должен быть участником/адресатом митинга или шествия, см. [Кутова 2015]. Примечательно, к примеру, и описательное обозначение не-участников мероприятия: «Грандиозная первомайская демонстрация спутала все расчеты многих питерских обывателей» (ПП, 3.05.1923); далее описывается обсуждение «зеваками», сколько вышло на улицу «пролетариев-демонстрантов».

¹⁰ Нормированное обеспечение хлебом было ликвидировано еще раньше, в январе 1935 г. [Дэвис, Хлевнюк 1999: 88].

Однако возникают вопросы, чем объясняется большое число катойконимов, обозначающих жителей прочих населенных пунктов, в газетах 1920-х гг. и почему это число (особенно применительно к жителям административной единицы) значительно больше в газетах Твери и Тамбова, чем Петрограда/Ленинграда.

Ответом на второй вопрос может быть то, что в силу социально-экономических причин и различий в составе населения трех губерний¹¹ петроградская/ленинградская газета давала больше материалов, относящихся к городу, а газеты Твери/Калинина и Тамбова — к окружающей территории, преимущественно аграрной. Наряду с этим следует отметить характерную для газет 1920-х гг. установку на использование журналистами разговорного языка, а также расцвет в данный период рабселькоровского движения. Для рабселькоровских материалов были характерны разговорная, просторечная лексика и прочие отступления от официально-делового стандарта речи (см. [Лысакова 2005: 30–31, 49–51]). Как таковые катойконимы после XVIII в. были вытеснены в сферу, «обслуживающую неформальные отношения в обществе» [Левашов 1968: 14], соответственно, вполне органичным было их присутствие (и даже обилие) в рабселькоровских материалах, зачастую написанных в экспрессивно-эмоциональной интонации, ср.: «Новоторжцы [г. Торжок], подтянитесь!» (ТвП, 5.11.1921); «Шатиловцы [с. Шатилово]! Кругом посмотрите! Идет созидательная работа. Все тянется к свету, — а вы?» (ТП, 31.12.1923); «“Развлечения” холмичан [г. Холм Псковской губ.] отличаются крайней дикостью» (ЛП, 8.01.1926); в переписке «Тамбовской правды» с корреспондентами, в частности, объявляется, что «не пойдет» заметка некоего Орленка «Стыдитесь, тамбовцы» (ТП, 1.01.1923), и т. д.

Вероятно, не будет ошибкой сказать, что в «Петроградской/Ленинградской правде» функцию, близкую к катойконимной, имели дериваты от имен собственных иного рода, а именно названий районов города и предприятий, обычно образованные при помощи форманта *-(ов)ец*. Его продуктивность в названиях членов групп и коллективов выросла как раз в после-революционную эпоху. В отличие от ряда других продуктивных формантов, он позволял создавать стилистически нейтральные номинации [Панов 1968: 121–122, 125]. Подобные номинации широко использовались и в текстах, написанных книжным стилем, например в репортажах о праздничных демонстрациях, ср.: «У нарвцев [Нарвский район] первыми шли краснопутиловцы [завод “Красный путиловец”]. <...> У володарцев [Володарский район] первыми выступают на площадь ударники “Большевика”. <...> Возглавляя колонну выборгцев [Выборгский район], идут сталинцы [Ленинградский металлический завод им. И. В. Сталина]» (ЛП, 10.11.1931). Пока-

¹¹ По данным переписи 1926 г., наличное население Ленинграда составляло 57,8 % от всего населения губернии, Твери — 4,7 %, а Тамбова — 2,8 % [Всесоюзная перепись 1927].

зательно, что в одном тексте могли использоваться более десяти номинаций подобного рода¹² при полном отсутствии названия жителей города.

Названия жителей (в том числе места издания газеты) в этот период возникали, кроме материалов, описывающих быт и труд в соответствующих населенных пунктах, например, в контексте соцсоревнования («Ленинградцы отвечают москвичам» — ЛП, 24.02.1928; «Вызываем лысогогорцев [с. Лысые Горы]» — ТП, 8.03.1932); в контексте помощи жителям других регионов (ср. подзаголовки опубликованной в «Тверской правде» 3 мая 1922 г. статьи «В тяжелые дни для симбирцев!» о помощи жителей Никулинской волости Тверской губернии голодающему Поволжью: «Решение никулинцев»; «Телеграмма никулинцев к голодающим»; «Представители от голодающих симбирцев в Твери»; «Как приняли никулинцы симбирцев»; «Рассказ симбирца Краснова» и др.), а также при цитировании чужой речи, в особенности властных фигур (например, И. В. Сталина: «Вперед, к новым победам, товарищи-ленинградцы!» — ЛП, 10.11.1932, или: «На декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) тов. Микоян говорил: “Мурманцы имеют огромные успехи в развитии рыбной промышленности”»¹³ (ЛП, 31.12.1935). При этом о б р а щ е н и я к жителям города — места издания с использованием катойконима были единичны¹⁴.

*Именование жителей в газетах
со второй половины 1930-х гг.*

Причины роста названий жителей города — места издания газеты во второй половине 1930-х гг., пикового употребления таких номинаций в 1940-е гг. и их утверждения в языке газет в дальнейшем следует видеть в изменениях, происходивших в советском общественном дискурсе. И. Сандомирская отмечает, что в рамках говорения о родине в конце 1920-х гг.

¹² Например, в статье «Победный марш пролетарских колонн», опубликованной в «Ленинградской правде» 4 мая 1934 г., упоминаются жители районов (*володарцы, выборжцы, василеостровцы, петроградцы* [здесь: Петроградский район], *смольнинцы*) и рабочие предприятий (*краснопутловцы, электросиловы, сталинцы, балтийцы, красновыборжцы, володарцы* [здесь: швейная фабрика им. Володарского], *пролетарцы, мартийцы, кировцы* [здесь: завод им. Кирова], *карломарковцы, светлановцы, девушки-халтуринки, пожилой свердловец* [здесь: завод им. Свердлова]). О том, что все это — *ленинградцы*, в статье не упомянуто.

¹³ В цитируемой речи А. И. Микояна *мурманцы* упомянуты еще трижды; далее следует пространный текст от редакции, в котором, впрочем, катойконом отсутствует.

¹⁴ В проанализированных материалах до середины 1930-х гг. обнаруживаются лишь два случая, причем относящихся к довольно раннему периоду: во-первых, это передовица тамбовских «Известий...» (24.01.1919), призывающая помочь голодающему Петрограду: «Тамбовцы! Красный Петроград, краса и гордость революции, схвачен за горло костлявой рукою голода», а во-вторых, обращение «Товарищи Тамбовцы!» в том же номере.

«на полном ходу еще работала риторическая машина интернациональной солидарности, а риторика национального самосознания, наоборот, политически преследовалась»; с середины 1930-х гг. «тенденции русского национализма становились более выраженными, а вместе с ними постепенно реабилитировалась и риторика (русской, а не “пролетарско-интернационалистической”) Родины. Кульминация этого процесса — конец войны и послевоенные годы»; хрущевские же времена «ознаменовались появлением риторики малой родины, что сигнализировало вступление на идеологическую арену локализма, голоса “мест” в противоположность административно-командной артикуляции “центра”» [Сандомирская 2001: 20–21]. Это наблюдение верно в отношении не только национального (этнического), но и территориального аспекта¹⁵.

Уже в конце 1930-х гг. на страницах советских газет в определенном смысле отразилась если не риторика, то по крайней мере топика малой (а не просто русской) родины. Массовыми становятся тексты, с одной стороны, акцентированные на локальной идентичности, а с другой — подразумевающие использование катойконимов. Это, во-первых, материалы о «знатных земляках» — уроженцах города или губернии, достигших успехов на производстве, в области культуры, науки и т. д., а также о земляках, проходящих службу в рядах Красной армии, во-вторых, письма от известных земляков или от земляков-красноармейцев. Например, в 1937 г. «Тамбовская правда» обратилась к землякам — «работникам литературы и искусства» с просьбой рассказать о своей работе. 4 мая были опубликованы письма, в частности композитора Ивана Держинского, который среди прочего писал: «Моя связь с Тамбовом поддерживается через композиторов-тамбовцев В. Желобинского, И. Чаплыгина и Г. Сметанина. В мае думаю приехать в Тамбов послушать новые сочинения тамбовцев и показать свои». 1 января 1937 г. в калининской «Пролетарской правде» были опубликованы обращения председателя Всекопромсовета М. Чудова (он адресует свое письмо «дорогим товарищам калининцам» и пишет: «Я, старый калининец, внимательно слежу за всеми успехами своих земляков. Мой родной город за последние годы превратился в большой культурный центр...»), а также артиста Сергея Лемешева, уроженца Тверской губернии, приветствующего «дорогих калининских земляков» и поздравляющего «калининцев с новым, 1937 годом». Участник боев в районе озера Ха-

¹⁵ Именно в эстетике и идеологии «малой родины», допущенных в широкое обращение в хрущевский период, И. Сандомирская видит важный фактор распада СССР и последующего «торжества антисоветского и антирусского локального фундаментализма в бывших союзных республиках» [Сандомирская 2001: 21]. Наряду с национальными — (анти)советским и собственно этническим — аспектами можно добавить также аспект территориальный, имея в виду так называемый локальный сепаратизм в ряде российских регионов, ставший приметой уже рубежа XX–XXI вв.

сан, орденосеца Ф. В. Головлева в новогоднем поздравлении 1939 г. отмечает, что поднимает бокал за великий советский патриотизм «вместе со своими друзьями и товарищами-конаковцами [г. Конаково], вместе со всей страной» (ПрП, 1.01.1939).

Наряду с этим во второй половине 1930-х гг. увеличивается число катойконимов в новостных материалах (ср.: «За этот год ленинградцы внесли в сберегательные кассы около 100 миллионов рублей» — ЛП, 31.12.1938; «Калининцы, как и весь советский народ, с радостью идут навстречу дню выборов в Верховный Совет» — ПрП, 10.11.1937; «Сейчас в Верховный Совет СССР будут выбирать 60.000 тамбовцев...» — ТП, 7.11.1937), хотя в целом именование жителей при помощи классовых терминов используется шире¹⁶.

Резкий взлет употребления названий жителей в годы Великой Отечественной войны¹⁷, по всей вероятности, является своего рода рефлексом намеченного уже в 1930-е гг. патриотического дискурса, подразумевавшего обращение к национальным чувствам, национальной истории и т. д. Патриотический дискурс, обладавший значительной мобилизационной функцией, как правило, в литературе анализируется в собственно этническом, прежде всего русском аспекте (в плане словоупотребления это касалось, в частности, активного использования терминов *Русь*, *Россия*, *русский*, а также *Отечество* и др. [Фесенко 1955: 117–119]), однако материал показывает, что, несмотря на безусловный русоцентризм пропаганды военной эпохи¹⁸, эксплуатировалась не только национальная, но и локальная идентичность.

В годы войны «традиционные воззвания, прославляющие “советские” темы (...)» были быстро выведены на задний план, уступив место новому репертуару лозунгов, игравших на различных чувствах: от чувства гордости и желания мести до стремления встать на защиту друзей, семьи и родины» [Бранденбергер 2009: 142]. С этим наблюдением соотносится и практика словоупотребления в газетах военного периода. Прежде всего *трудящиеся* и прочие классовые номинации в газетах едва ли не с первых месяцев войны были значительно потеснены катойконимами. Увеличива-

¹⁶ Здесь примечательны клише «вместе со всей страной» и «как и весь советский народ» (первое возникло еще в 1920-е, второе — в 1930-е гг. и вошло в широкое употребление в конце 1930-х гг.), активно использовавшиеся вплоть до распада СССР и представлявшие собой, возможно, своего рода оговорку, оправдывающую обращение к локальной тематике.

¹⁷ Цифры, представленные в Таблицах 1—3, впечатляют тем более, если учесть, что значительную часть содержания газет в это время составляли сводки с фронтов и другие материалы, не предполагавшие упоминания локальных реалий, а сами газеты на протяжении всего периода войны или нескольких лет выходили в уменьшенном формате и/или с меньшим количеством полос.

¹⁸ См. подробнее, например, [Бранденбергер 2009: 139–188].

ется доля локально ориентированных и локально адресованных текстов, в частности призывающих к обороне и защите не только родной страны, но и родного города.

Названия жителей звучат, во-первых, в обращениях — а) от лица редакции газеты («Ленинградцы! Днем и ночью мужественно выполняйте свой воинский долг, будьте часовыми на своих постах!» — ЛП, 1.10.1941; «Калининцы, не ограничиваясь трудовой повинностью, выходите на массовые воскресники по восстановлению города [после оккупации], вооружившись лопатами, ломami, тачками, метелками. Очистим, отмоем с нашего города следы фашистского свинства!» — ПрП, 1.01.1942; «Привет славным ленинградкам — боевым защитницам великого города Ленина!» — ЛП, 7.03.1943); б) от лица властных и других известных лиц («Ко всем трудящимся города Ленина. Товарищи, ленинградцы, дорогие друзья!» — ЛП, 21.08.1941, подписано К. Е. Ворошиловым, А. А. Ждановым и П. С. Попковым; «Привет ленинградцам!» — ЛП, 1.01.1943, письмо Алексея Толстого); в) в письмах с фронта («Товарищи земляки, дорогие тамбовчане!» — ТП, 23.02.1944) и г) от иногородних организаций («Дорогие братья и сестры, товарищи ленинградцы!» — ЛП, 1.05.1942, обращение, принятое на совещании передовиков предприятий и сельского хозяйства Севастополя и Балаклавы) и т. д. Во-вторых, именование при помощи катойконимов используется в повествовательных текстах, рассказывающих о фронте и о труде в тылу («Упорные, несмотря ни на что ленинградцы восстанавливают свои заводы и фабрики, свой транспорт и свои жилища» — ЛП, 1.11.1943, рапорт И. В. Сталину; «Участвуя в боях и работая в дивизионном ансамбле, многие тамбовчанки проявили мужество и отвагу. <...> Так оружием и боевой песней тамбовчанки помогают защитникам Родины бить ненавистного врага» — ТП, 7.03.1945). В-третьих, эти номинации появляются в высказываниях от лица жителей города: «Под руководством Военного Совета Оборона г. Ленинграда мы, л е н и н г р а д ц ы, мобилизуем все наши силы, всю нашу волю, все наше сознание на разгром врага» (ЛП, 23.08.1941); «М ы, к а л и н и н ц ы, всегда гордившиеся опрятностью и чистотой своего города, ужаснулись, увидев, как испакостили немцы наш город» (ПрП, 1.01.1942).

Представляется важным появление большого количества текстов, использующих названия жителей, где позиционируется локальная общность, в частности между жителями города/области, оставшимися в тылу, и их воюющими земляками. Прежде всего это корреспонденция с фронтов, а также письма, отправляемые через полевую почту. Принадлежность к локальной общности часто специально подчеркивается (в том числе при помощи катойконимов), а сам факт принадлежности к этой общности служит основанием для гордости за боевые или трудовые подвиги ее представителей: «Много калининцев находится в части, где командиром орденоносца капитана тов. Смольский. <...> Наша часть гордится отважными калининцами» (ПрП, 4.05.1943; статья «Это — калининцы» о земляках на

фронте и в тылу); «Блестящая операция! Она радует сердца советских людей. Вдесятеро больше должны радоваться этому калининцы, так как часть, проводшая успешные рейды по тылам врага, укомплектована в основном нашими земляками» (ПрП, 7.03.1943); «Дорогие земляки-тамбовцы! (...) Мы кровно связаны с вами и гордимся нашими знатными земляками...» (ТП, 7.11.1944, письмо из боевой части, носящей имя Тамбовской); «Наша часть формировалась при активном содействии партийных, советских организаций и трудящихся Тамбовской области. Да и личный состав части в основном состоит из тамбовчан. (...) А вот примеры храбрости, мужества и самоотверженности тамбовчан...» (ТП, 23.02.1942, письмо с фронта).

Применительно к тамбовскому материалу заслуживает внимания тот факт, что в 1942 г. в «Тамбовской правде» для именования жителей впервые вместо исконной номинации *тамбовцы* начинает использоваться название *тамбовчане*. Вплоть до первой половины 1950-х гг. вторая номинация становится в газете широко употребляемой и в некоторые годы совершенно вытесняет первую. По-видимому, это происходит под влиянием писем с фронта, в которых красноармейцы обращаются к землякам как к *тамбовчанам*; в усвоении ими новой номинации можно видеть интересную иллюстрацию к тезису о фронте как факторе языковой социализации¹⁹.

Катойконимы могут использоваться и в текстах, актуализирующих локальную историческую память и написанных в русле общей тенденции, призванной мобилизовать население через апелляцию к славному героическому прошлому. Например, в статье тамбовского архивиста И. Очагова «Из прошлого. Тамбовчане в боях за Родину», повествующей о местных героях Гражданской войны, заявлено: «Славные боевые традиции тамбовчан живут в подвигах наших земляков — участников великой отечественной [sic!] войны против подлых немецких захватчиков» (ТП, 23.02.1944).

Наконец, в «Ленинградской правде» катойконимы используются в текстах, конструирующих образ героического жителя города. Разумеется, случай Ленинграда неординарен, поскольку уже с первых лет советской власти начинается своего рода петроградский (впоследствии — ленинградский) миф, основанный на исторической роли «города трех революций»²⁰. Уже в 1920–1930-е гг. газетные тексты, эксплуатирующие этот миф, с одной стороны, приписывают жителям города особенные качества, а с другой — постулируют особенную ответственность, наложенную на них самим фактом проживания в городе. Так, 4 мая 1920 г. «Петроградская правда» в материале об отправке солдат на фронт Гражданской войны напоминает: «Товарищи! Там, где опасность, питерцы всегда были первыми».

¹⁹ О роли фронта в социализации как таковой см. [Заславская 2018].

²⁰ В целом вопрос о месте «ленинградского текста» в русской культуре (либо, уже, в литературе) и о его соотношении с «петербургским текстом» остается дискуссионным. См., например, обзор [Жаднова 2013].

В передовице газеты, посвященной переименованию Петрограда в Ленинград, идет речь об особой связи города с ленинским наследием:

Дорогие товарищи ленинградцы! В нашей среде, в мастерских наших фабрик и заводов, отковал тов. Ленин стальной клинок пролетарской диктатуры — партию большевиков-коммунистов. (...) Наш великий, бунтарский город навсегда связал себя с именем лучшего вождя рабочего класса. Еще не получивший нового названия, он считал себя ленинцем всегда и не раз доказал это на деле. Так будет и дальше. Каждый трудящийся Ленинграда, работница и рабочий, служащий, моряк и красноармеец будут помнить всегда, что тот, кто носит имя Ленина, отвечает за него перед всей Советской Республикой, перед рабочими и крестьянами всего мира. Быть ленинградцем — значит быть стойким, бессменным часовым пролетарской революции (...) значит быть твердым и гибким, как сталь, монолитным, как скала из гранита, значит всегда носить в себе хоть маленькую частицу ума и сердца Владимира Ильича (ЛП, 28.01.1924).

Та же идея «первенства» жителей Ленинграда отражается в статье Николая Тихонова «Люди великого города», посвященной участию ленинградцев в советско-финской войне: «[О возвращении бойцов с победой.] Проходили сыны единого советского народа, и в первых рядах шагали закаленные в испытаниях и боях сыны города трех революций — ленинградцы!» (ЛП, 23.02.1941).

В публикациях «Ленинградской правды» периода Великой Отечественной войны увеличивается число текстов, во-первых, подчеркивающих особые качества жителей города, которые подкреплены блокадным опытом («Но враг забыл, что мы — ленинградцы-питерцы, сыны и дочери города трех революций. Нас так просто не возьмешь на испуг!» — 7.11.1941; «Ленинградцы! Во всех концах нашей широчайшей земли звучало это слово (...) На всех стройках имелись машины с надписью “Сделано в Ленинграде”, по всем морям плавали корабли, сошедшие со стапелей на Неве, всюду были упорные, хладнокровные, дисциплинированные, грозные в бою и горячие в работе ленинградцы» — 7.11.1941; «Ленинградцы — люди крепкой породы, и согнуть их нелегко, пусть не мечтает об этом немец!» — 23.02.1944; «Ленинградец 1943 года — это человек, прошедший суровую школу борьбы, уверенный в том, что ему по силам преодоление любых трудностей» — 1.05.1943); во-вторых, апеллирующих к их особенному патриотизму («Совесь русской женщины, ленинградки, не позволит ей [героине статьи, радиотехнику Алексеевой] уйти с поста в тяжелое для родного города время» — 7.03.1943; «Сотни героев — это лишь солдаты одного батальона. И весь батальон в целом — это люди, у которых одна мысль: “Мы — ленинградцы!”» — 1.05.1942) и т. д.

Если выйти за рамки газетного материала, не случайным оказывается и появление именно в годы войны значительного количества поэтических (в том числе песенных) текстов, непосредственно адресованных жителям города и содержащих катойконимы. Обращает на себя внимание риторика

гордости: с одной стороны, героическое поведение горожан является поводом к тому, чтобы ими гордилась вся советская страна, с другой — в этих текстах имплицитно или эксплицитно ставится знак равенства между принадлежностью к локальному сообществу и наличием особенных качеств, и, наконец, сама по себе принадлежность к локальному сообществу позиционируется как повод для гордости жителей и диктует необходимость соответствовать определенным требованиям (т. е. быть сильным и отважным патриотом). Прежде всего эти тексты инспирированы ленинградской блокадой и повествуют о *ленинградцах* и *ленинградках*: «Ленинградцы, дети мои, / Ленинградцы, гордость моя» (Джамбул Джабаев, 1941), «Ленинградке» (А. А. Прокофьев, 1942; со строками «Таких не сломит недоля злая, / Такие смело вступают в бой. / Ленинградка, сестра родная, / Сильнее многих, горжусь тобой»), «Ленинградке» (В. М. Саянов, 1943; со строками «Тебе словами песен и сказаний / Весь мир сегодня почесть воздаст. / И в дни побед и в пору испытаний / Одно лишь слово знала ты: “Вперед!”»), песня «Ночь над Ленинградом» (А. Жерве, В. Крахт, 1942; со строками «Я зовусь недаром ленинградкой, / Мы умеем все переживать») и мн. др., не говоря уже о более широком пласте блокадной лирики (А. А. Прокофьев, О. Ф. Берггольц и т. д.). В том же 1941 г. были созданы песня В. И. Лебедева-Кумача «Москвичи на вахте» со строками «В грозное время будь достоин / Славного имени москвича» и ставшая широко известной песня на слова В. А. Дыховичного с рефреном «Ты — одессит, Мишка, а это значит, / Что не страшны тебе ни горе, ни беда...». О значительном мобилизационном потенциале подобных текстов (и о том, что он вполне осознавался пропагандой) свидетельствует, в частности, тот факт, что листовки с песней об «одессите Мишке» в 1944 г. разбрасывали с советских самолетов над оккупированной Одессой (см. [Пойзнер 2016: 108–109, 117]).

Указанные тенденции продолжают и в послевоенные годы. Катойконимы прочно обосновываются в газетных текстах на общем фоне развития локалистских тенденций, о которых упоминает И. Сандомирская [2001: 21]. Разумеется, выработанные в довоенный период способы именования жителей при помощи классовых терминов (*трудящиеся* [*города*] и т. д.) не исчерпали себя и оставались актуальными в СМИ вплоть до завершения советской эпохи, однако в послевоенный период катойконимы составляли им существенную конкуренцию. Контекстом, в рамках которого разворачивались тенденции локализма, стал расцвет исторического краеведения в 1960-е гг. (подразумевавший, с одной стороны, своего рода коллекционирование фигур знаменитых земляков, с другой — появление множества публикаций о малой родине), а также создание корпуса «песен о городе» (см. об этих песнях [Лурье 2005]). Не теряла своей актуальности и риторика гордости, в послевоенный период все больше связывавшаяся с описанием как настоящего (например, гордость за «знатных земляков» и за трудовые успехи жителей города), так и исторического прошлого того или иного места.

* * *

Таким образом, изменения социального дискурса в советскую эпоху и риторических стратегий оказали влияние на функционирование названий жителей. Если в раннесоветский период катойконимы занимали в газетах фактически маргинальное положение, то в годы войны и в послевоенный период их число необыкновенно возрастает; расширяется и сфера их употребления в СМИ, а сами эти номинации встраиваются в патриотическую риторику. В свою очередь, фактом вхождения катойконимов в широкое употребление в языке газет обусловлено то внимание, которое им стало уделяться в послевоенный период лингвистами, литераторами и, позднее, самими локальными сообществами.

Изложенное во многом объясняет следующие вопросы.

1. Почему названия жителей стали активно отражаться и обсуждаться именно с 1950-х гг., вначале в печати, а затем на «низовом» уровне (см., например, [Ахметова 2013]). Дополнительным фактором может быть поворот в пропаганде «чистоты языка» в период хрущевской оттепели, ознаменовавшийся, с одной стороны, либерализацией общественных дискуссий, с другой — беспрецедентным подъемом научного и общественного интереса к культуре речи [Басовская 2011: 111 сл.].

2. Почему обсуждение вариантных катойконимов внутри самих локальных сообществ (начиная с позднесоветского периода) приобрело соответствующий характер, в частности, почему одним из аспектов рефлексии по поводу данных названий стало приписывание коннотаций гордости уже самим номинациям как лексическим единицам: например, конструкции наподобие «гордое/ доброе имя [катойконим в *Nom.* или *Gen.*]» используются в полемике о «правильности» того или иного вариантного катойконима, при этом подразумевается уже не столько гордость от принадлежности к локальному сообществу, сколько релевантность варианта.

С о к р а щ е н и я

ЛП — «Ленинградская правда»

ПП — «Петроградская правда»

ПрП — «Пролетарская правда» (Калинин)

ТП — «Тамбовская правда»

ТвП — «Тверская правда»

П р и л о ж е н и е

Названия газет в рассматриваемый период

Петроград/ Ленинград

До 30 янв. 1924 — Петроградская правда.

30 янв. 1924 — 31 авг. 1991 — Ленинградская правда.

Т а м б о в

До 28 февр. 1918 — Известия рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

28 февр. — 9 окт. 1918 — Известия Тамбовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

10 окт. — 11 дек. 1918 — Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов.

12 дек. 1918 — 14 мая 1919 — Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

22 мая — 24 июня 1919 — Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета РКП и губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

1 июля 1919 — 1 дек. 1921 — Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

2 дек. 1921 — 1 марта 1922 — Тамбовские известия.

2 марта 1922 — 17 сент. 1991 — Тамбовская правда.

Т в е р ь / К а л и н и н

Первые числа янв. 1918 — Известия рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

9 янв. — 25 апр. 1918 — Известия Тверского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

27 апр. — 16 авг. 1918 — Известия Тверского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

17 авг. — 21 сент. 1918 — Известия Тверского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

24 сент. 1918 — 14 июня 1919 — Известия Тверского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

15 июня 1919 — 24 дек. 1931 — Тверская правда.

25 дек. 1931 — 9 февр. 1952 — Пролетарская правда.

10 февр. 1952 — 22 июля 1990 — Калининская правда.

Л и т е р а т у р а

Ахметова 2013 — М. В. Ахметова. Еще раз о суффиксе *-чане* (история одной полемики) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 65–90.

Басовская 2011 — Е. Н. Басовская. Советская пресса — за «чистоту языка»: 60 лет борьбы. М., 2011.

Бранденбергер 2009 — Д. Л. Бранденбергер. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.) / Пер. с англ. Н. Алешиной, Л. Высоцкого. СПб., 2009.

Васильева 2014 — В. В. Васильева. «Высокие технологии» советской производственной новости // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2014. Вып. 4. С. 175–181.

Всесоюзная перепись 1927 — Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 3: Население СССР. М., 1927.

Генкин 1998 — В. М. Генкин. Женские катойконимические номинации: особенности словообразования и функционирования в речи // *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 1998. № 1. С. 56–60.

Горпинич 1973 — В. О. Горпинич. Теоретичні питання відтопонімного словотвору східнослов'янських мов. Київ, 1973.

Дэвис, Хлевнюк 1999 — Р. У. Дэвис, О. В. Хлевнюк. Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 годы // *Отечественная история*. 1999. № 5. С. 87–108.

Заславская 2018 — О. В. Заславская. Между войной и революцией: транснациональный контекст коллективной биографии «потерянного поколения» Восточной Европы // *Шаги/Steps*. Т. 4. № 2. 2018. С. 166–203.

Зеленин, Ряйсянен 2002 — А. В. Зеленин, В. Ряйсянен. Как живете, господа-товарищи? // *Русский язык в школе*. 2002. № 6. С. 80–89.

Жаднова 2013 — Е. Н. Жаднова. Современные подходы к изучению проблемы петербургского текста русской литературы // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. Т. 13. № 4. 2013. С. 70–74.

Ильин 2012 — Д. Ю. Ильин. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX — начала XXI века: динамические процессы. Волгоград, 2012.

Колесов 2006 — В. В. Колесов. Гордый наш язык. 2-е изд. СПб., 2006.

Кустова 2015 — Э. М. Кустова. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // *Неприкосновенный запас*. 2015. № 3. С. 57–77.

Левашов 1968 — Е. А. Левашов. «Москвичи и иных мест люди...». Л., 1968.

Лурье 2005 — М. Л. Лурье. URBS ET TERRA: Поэтика локального патриотизма в песнях о городе // *Литературные явления и культурные контексты: Материалы Коллоквиума молодых ученых-гуманитариев Санкт-Петербурга и Даугавпилса* / Ред.-сост. М. Л. Лурье. СПб., 2005. С. 42–50.

Лысакова 2005 — И. П. Лысакова. Язык газеты и типология прессы: Социолингвистическое исследование. СПб., 2005.

Майофис 2016 — М. Л. Майофис. «В помощь решениям высшего командования»: о рождении «оттепальной» общественности из духа 1939 года // *Шаги/Steps*. Т. 2. № 1. 2016. С. 44–81.

Панов 1968 — Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. [Вып.] 2: Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.

Пойзнер 2016 — М. Б. Пойзнер. Одесские песни с биографиями. Одесса, 2016.

Сандомирская 2001 — И. Сандомирская. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. (= Wiener slawistischer Almanach; 50).

Солганик 1981 — Г. Я. Солганик. Лексика газеты: Учебное пособие для вузов по специальности «Журналистика». М., 1981.

Суперанская 1979 — А. В. Суперанская. Ономастическая стандартизация. Допустимость. Возможности. Ограничения // *Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы* / Отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1979. С. 84–112.

Фесенко 1955 — А. и Т. Фесенко. Русский язык при советах. Нью-Йорк, 1955.

Шкатова 1987 — Л. А. Шкатова. Различные степени терминологизации наименований лиц // *Современные проблемы русской терминологии* / Отв. ред. В. П. Даниленко. М., 1987. С. 37–52.

Maria V. Akhmetova

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russia)
malinxi@rambler.ru

WORDS FOR CITY DWELLERS IN SOVIET RHETORIC: FROM THE MARGINAL TO THE MAINSTREAM

The paper presents and discusses results of a study on the functioning of katoikonyms (words identifying inhabitants of cities) in Soviet newspapers. Our statistical survey of local newspapers published in Petrograd/Leningrad, Tver/Kalinin, and Tambov in the years 1918–1950, 1955, 1960, and 1965 has demonstrated that in the early Soviet period katoikonyms related to the places of newspapers' publication had a marginal position in local press. Their frequency grew in the end of the 1930s, reaching its peak in the years of World War II, and remained consistently high in the post-war period. These tendencies were determined by the changes in Soviet ideological discourse and rhetoric strategies, primarily by the turn from proletarian internationalism to patriotism since the end of the 1930s and further growth of the role of *malaya rodina* (lit. 'little motherland', hometown, homeland) in Soviet discourse.

Keywords: appellations of city dwellers, katoikonyms, Soviet rhetoric, Soviet discourse, language of media, local patriotism, local identity, ideology

References

- Akhmetova, M. V. (2013). Eshche raz o suffikse *-chane* (istoriia odnoi polemiki). *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 65–90.
- Basovskaya, E. N. (2013). *Sovetskaia pressa — za "chistotu iazyka": 60 let bor'by*. Moscow: RGGU.
- Brandenberger, D. (2002). *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge, MA; London: Harvard Univ. Press.
- Davies, R. W., & Khlevniuk, O. V. (1999). Otmena kartochnoi sistemy v SSSR. 1934–1935 gody. *Otechestvennaia istoriia*, 5, 87–108.
- Fesenko, A., & Fesenko, T. (1955). *Russkii yazyk pri sovetakh*. New York: Rausen Bros.
- Genkin, V. M. (1998). Zhenskie katoikonimicheskie nominatsii: osobennosti slovoobrazovaniia i funktsionirovaniia v rechi. *Vesnik Vitsebskaga dziarzhaunaga universiteta*, 1, 56–60.
- Gorpinich, V. O. (1973). *Teoretichni pitannia vidtoponimnogo slovotvoru skhidnoslov'ians'kikh mov*. Kiev: Naukova dumka.
- Ilyin, D. Yu. (2012). *Toponimicheskaia leksika v tekstakh regional'nykh gazet kontsa XIX — nachala XXI veka: dinamicheskie protsessy*. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU.
- Kolesov, V. V. (2006). *Gordyi nash yazyk* (2nd ed.). St. Petersburg: Avalon; Azbuka-klassika.
- Kustova, E. (2015). Sovetskii prazdnik 1920-kh godov v poiskakh mass i zrelishch. *Neprikosnovennyi zapas*, 3, 57–77.
- Levashov, E. A. (1968). *"Moskvichi i inyykh mest liudi..."*. Leningrad: Nauka.

Lurye, M. L. (2005). URBS ET TERRA: Poetika lokal'nogo patriotizma v pesniakh o gorode. In M. L. Lurye (Ed.), *Literaturnye iavleniia i kul'turnye konteksty: Materialy Kollokviuma molodykh uchenykh-gumanitariiev Sankt-Peterburga i Daugavpilsa* (pp. 42–50). St. Petersburg: SPbGUKI.

Lysakova, I. P. (2005). *Yazyk gazety i tipologiia pressy: Sotsiolingvisticheskoe issledovanie*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.

Maiofis, M. L. (2016). "V pomoshch' resheniiam vysshego komandovaniia": o rozhdenii "ottepel'noi" obshchestvennosti iz dukha 1939 goda. *Shagi / Steps*, 2(1), 44–81.

Panov, M. V. (Ed.). (1968). *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiolingvisticheskoe issledovanie* (Vol. 2). Moscow: Nauka.

Sandomirskaya, I. (2001). *Kniga o rodine: Opyt analiza diskursivnykh praktik*. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien.

Shkatova, L. A. (1987). Razlichnye stepeni terminologizatsii naimenovanii lits. In V. P. Danilenko (Ed.), *Sovremennye problemy russkoi terminologii* (pp. 37–52). Moscow: Nauka.

Solganik, G. Ya. (1981). *Leksika gazety: Uchebnoe posobie dlia vuzov po spetsial'nosti "Zhurnalistika"*. Moscow: Vysshaia shkola.

Superanskaya, A. V. (1979). Onomasticheskaia standartizatsiia. Dopustimost'. Vozmozhnosti. Ogranicheniia. In A. V. Superanskaya (Ed.), *Vostochnoslaviiskaia onomastika: Issledovaniia i materialy* (pp. 84–112). Moscow: Nauka.

Vasilyeva, V. V. (2014). "Vysokie tekhnologii" sovetskoi proizvodstvennoi novosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. 9*, 4, 175–181.

Zaslavskaya, O. V. (2018). Mezhdru voinoi i revoliutsiei: transnatsional'nyi kontekst kollektivnoi biografii "poteriannogo pokoleniia" Vostochnoi Evropy. *Shagi / Steps*, 4(2), 166–203.

Zelenin, A. V., & Riisianen, V. (2002). Kak zhivete, gospoda-tovarishchi? *Russkii iazyk v shkole*, 6, 80–89.

Zhadnova, E. N. (2013). Sovremennye podkhody k izucheniiu problemy peterburgskogo teksta russkoi literatury. *Izvestiia Saratovskogo universiteta Novaia seriia. Ser. Filologiia. Zhurnalistika*, 13(4), 70–74.

Received on January 27, 2019

Е. А. МИШИНА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
kmishina@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ОТРИЦАНИЯ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ*

В работе анализируется взаимодействие отрицания и глагольного вида в древнерусском языке. Отрицание оказывается фактором, способным влиять на выбор совершенного или несовершенного вида в ряде контекстов. Такое влияние затрагивает в древнерусских памятниках формы презенса, имперфекта, действительных причастий, императива и некоторые другие. В частности, отрицание оказывается благоприятным условием для употребления совершенного вида: в отрицательных контекстах древнерусские тексты демонстрируют более свободную, по сравнению с современным русским языком, конкуренцию между СВ и НСВ, при этом различия в употреблении отрицательных форм разного вида объясняются прежде всего аспектуальной семантикой. В некоторых случаях отрицание может нивелировать противоречия, возникающие между значением вида и значением времени, чем обусловливается нестандартное употребление ряда видо-временных форм, а также быть причиной появления дополнительных семантических наращений у форм СВ под отрицанием, что делает формы СВ эмфатически более нагруженными. В целом историческое развитие оппозиции СВ : НСВ в контекстах с отрицанием шло в направлении сужения функционирования форм СВ.

Ключевые слова: глагольный вид, отрицание, совершенный вид, императив, перифрастический императив, имперфект, причастие, настоящее время, древнерусский язык.

Настоящая работа посвящена исследованию взаимодействия отрицания и глагольного вида в древнерусском языке. Отрицание оказывается фактором, способным в ряде контекстов влиять на выбор совершенного (далее — СВ) или несовершенного (далее — НСВ) вида. В некоторых случаях отрицание может нивелировать противоречия, возникающие между значением вида и значением времени. Такое влияние затрагивает в древнерусских памятниках прежде всего функционирование форм СВ, анализируемых в настоящей статье: презенса (п. 1), имперфекта (п. 2), действительного причастия настоящего времени (п. 3), императива (п. 4), перифрастического прохибитива (п. 5).

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00241).

1. Перфективный презенс с отрицанием

В отношении употребления перфективного презенса следует разграничить случаи, когда имеет место референция к конкретной ситуации, актуальной в настоящий момент, (*Он никак не отдаст мне долг*, см. п. 1.1) или же к обобщенной вневременной ситуации (*Он никогда вас не обманет*, см. п. 1.2). В первом случае отрицание обязательно и является необходимым условием реализации данного значения [Зализняк Анна 2015а: 316], во втором — нет (возможно употребление и без отрицания: *В этой конторе вам никогда не ответят по существу дела / В этой конторе Вам всегда ответят по существу дела*). В статье будут рассматриваться только отрицательные контексты¹.

1.1. Референция к конкретной ситуации, актуальной в настоящем («презенс напрасного ожидания»)

А. А. Зализняком на материале берестяных грамот, а также других письменных источников древнерусского языка было выделено и описано в качестве особого типа употребления презентных форм от глаголов СВ² в сфере неактуального настоящего значение так называемого «презенс напрасного ожидания» [Зализняк 1990; 1993]. «Под этим условным наименованием объединяются случаи, когда презенс от глагола совершенного вида, выступающий с отрицанием, получает значение типа ‘упорно отказывается сделать’, ‘все никак не сделает’, например, *не даст* ‘упорно не дает’, ‘не хочет дать’, ‘все никак не дает (не даст)’» [Зализняк 2004: 178]. Во всех подобных употреблениях речь идет о конкретной ситуации и некотором ожидаемом событии Р, наступление которого актуально для говорящего в момент речи:

- (1) *а нынѣ вода новоюю женоу а мѣнѣ не вѣдасть ничѣто же* (НБГ № 9, 1160–1180 гг.) — «А теперь, женись на новой жене, мне он не дает (букв. не вдаст) ничего»;
- (2) *како ты оу мене и чѣстьное дрѣво вѣзъмъ и вевериць ми не при-
стълеци* (щ вм. ш) *то девѣтое лето* (НБГ № 246, 1025–1050 гг.) —

¹ Настоящее исследование проводилось на материале древнерусских текстов, входящих в Древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). Основное внимание было сосредоточено на оригинальных древнерусских памятниках (летописях, житиях, словах и др.), однако учитывался также материал и переводных памятников, входящих в подкорпус и представляющих древнерусский перевод.

² Следует оговориться, что в древнерусском языке достаточно большой корпус бесприставочных глаголов (плюс часть приставочных) не был втянут в видовое противопоставление, то есть они оставались неохарактеризованными по виду. Такие глаголы из рассмотрения исключались. О критериях определения видовой семантики бесприставочных глаголов см. [Мишина 2018].

- «С тех пор, как ты поклялся мне на кресте (или: взял крест) и не присылаешь (букв. не пришлешь) мне денег, идет девятый год»;
- (3) **а вoдале ми еси хамече. а чи за то не даси а вoсоли ми вѣсть. а не сестра а вaмo оже тако дѣлаете не исправить ми ниче҃то же** (НБГ № 644, 1100–1120 гг.) — «Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь (букв. не дашь) [то, что я дала выковать], то извести меня. А я вам не сестра, раз вы так поступаете, не исполняете / никак не исполните / не хотите исполнять для меня ничего!».

За пределами берестяных грамот аналогичные употребления также встречаются (в деловых памятниках, летописях, хождениях), хотя лексически более ограничено: большинство известных примеров представлено глаголом *дати* и его приставочными производными:

- (4) **игорь же нача молити кѣ̑ всеволоду. молюю и гнѣваѣся река. не хощеши ми добра. про што ми вѣрекъ еси киевъ. а принатьли. ми не даси принимати** (Киев. лет., л. 117а) — «Игорь же начал молить Всеволода и, гневаясь, говорить: Ты не хочешь мне добра. Зачем дал мне Киев, а сторонников (осведомителей³) моих не даешь / не хочешь (не соглашаешься) дать (букв. не дашь) принимать».

Значение «напрасного ожидания», возникающее у формы презенса СВ, напрямую связано с отрицанием, в утвердительных контекстах данное семантическое наращение не образуется. Связано это с тем, что само по себе отрицание (безотносительно аспектуальной семантики) уже вводит ожидание: отрицательное высказывание ‘не-Р’ обычно уместно в ситуации, когда есть ожидание, что Р (см., например, [Падучева 2013: 96] со ссылкой на [Russell 1940]). СВ усиливает возникающий при отрицании семантический компонент «ожидания». Происходит это, по-видимому, за счет того, что в семантике СВ акцент, как правило, делается на завершении действия (его результате), а в случае отрицания — на его ненаступлении⁴. Кроме того, как было показано в [Падучева 1996: 54–56], такие фоновые компоненты, как намерение осуществить действие, ожидание и долженствование, входят у глагола СВ в пресуппозицию, которая не подвергается отрицанию. В результате порождается семантический компонент «напрасности» ожидания.

Данный тип употребления сохранился и в современном русском языке в качестве периферийной конструкции (см. [Зализняк Анна 2015а: 314–329;

³ О значении слова **принатель** в данном контексте см. [Лавренченко 2015].

⁴ В [Падучева 2013: 200–201] выделяется особое контекстно обусловленное значение отрицательного имперфектива — «состояния ненаступления события», реализующееся в сочетании «отрицание + глагол НСВ». В [Зализняк Анна 2015а: 316, 322] предлагается считать значение «презенса напрасного ожидания» близким к «состоянию ненаступления». Предложенная аналогия кажется весьма удачной, однако невозможно согласиться с утверждением о том, что, обозначая состояние, синхронное моменту речи, форма перфективного презенса имеет в данном случае значение актуального настоящего [Там же: 315].

2015б; Стойнова 2018]⁵), часто с синтаксическими ограничениями — требуется сочетание с наречиями *никак*, *всё никак*, *всё*, *до сих пор*, *нигде*: *Всё никак не соберусь отнести часы в ремонт*, *Он никак не отдаст мне долг*; *Нигде не найду свои часы*. Следует отметить, что в современном русском языке перфективный презенс в сочетании с отрицанием представлен более многообразными подтипами и вариантами значения (см. их подробное описание в [Зализняк Анна 2015а: 314–329; 2015б]), чем в древнерусских памятниках, где речь, как правило, идет о ситуации, в которой представлено два субъекта: субъект ожидаемого действия сознательно отказывается осуществить это действие, в то время как говорящему (субъекту «напрасного ожидания») этого очень бы хотелось.

К настоящему моменту в древнерусских памятниках «презенс напрасного ожидания» зафиксирован исключительно от глаголов СВ, между тем в современном русском языке в ряде контекстов допускается и НСВ, ср.: *Он никак не отдаст / не отдает мне долг*; *Зима никак не наступит / не наступает*. Хотя из-за ограниченности древнерусского материала невозможно со стопроцентной уверенностью утверждать, что в подобных контекстах НСВ категорически исключался в древности (возможно, такие контексты просто не встретились), тем не менее имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что с развитием данной конструкции во времени СВ сузил (а возможно, и продолжает сужать?) свое функционирование за счет конкуренции с НСВ. Ряд факторов, влияющих на выбор вида в данной конструкции, описан в [Зализняк Анна 2015а: 320–325]. Так, например, НСВ может смещать акцент на начальную фазу действия: *лифт никак не починят* (= *не закончат чинить*) / *лифт никак не чинят* (= *не начнут чинить*), пример из [Там же], и др. Можно также предположить, что в современном языке показателем данного значения во многом становятся сопутствующие местоименно-наречные сочетания (*всё*) *никак* (в древнерусском языке это значение выражалось исключительно видо-временной формой), в то время как выбор формы СВ или НСВ обусловливается видовой семантикой: НСВ фокусирует внимание на моменте наблюдения (констатация факта), а СВ задает ретроспективную точку отсчета, акцентируя внимание на отсутствии результата (ненаступлении ожидаемого события), ср. (5а) и (5б):

- (5а) Море никак не успокаивается. На острове голодно, нужно отплыть на север (НКРЯ: Э. Лимонов. Книга воды. 2002);
- (5б) Однако, сказали мне, вряд ли я пройду в такую погоду по карнизу, там есть небольшой карниз, ступая по нему, можно пройти посуху. Но сейчас слишком свежо, море всё никак не успокоится — были шторма (НКРЯ: А. Иличевский. Перс. 2009).

⁵ Анализ функционирования презенса СВ под отрицанием в вопросительных конструкциях в современных славянских языках см. также в [Войводиц 2015].

1.2. Референция к обобщенной ситуации

К «презенсу напрасного ожидания» примыкают употребления перфективного презенса в контексте отрицания, когда предикация имеет референцию не к конкретной, а к обобщенной атемпоральной ситуации. В этом случае значение перфективного презенса осложняется модальными наращениями. Речь идет об онтологической невозможности совершения действия, отражающей свойства субъекта: *Х такой, что не случится / не может случиться Р*. В такого рода генерических контекстах как в берестяных грамотах, так и в памятниках других древнерусских жанров встречается более широкий спектр глаголов по сравнению с «презенсом напрасного ожидания» (см. п. 1.1):

- (6) **ненавидѣи же добра врагѣ. иже и присно боретьсѧ съ рабы бѣжи. и не дасть имъ тако мирно жити. нѣ паки зѣлыми своими кѣзными соупротивъ вѣстаетъ** (ЖФП, л. 66 об.) — «Ненавидящий добро враг, тот который всегда борется с божьими рабами и (никогда) не дает / не хочет дать (букв. не даст) им мирно жить, но снова восстает (на них) злыми своими кознями»;
- (7) **Не приемѧ же оученьѧ ѿ латѣнѣ. ихъ же оученье развѣращено. вѣзѣше бо въ црѣкѣ) не покланѧтсѧ иконамъ** (ПВЛЛ, л. 39 об.) — «Не принимай ученья от латинян. Их же учение развращено. Войдя в церковь, не кланяются / никогда не поклоняются (букв. не поклонятся) иконам»;
- (8) **вещь бо сунклитова сица є ни огнь можетъ вжечи кго. ни желѣзо кго приметъ** (ПВЛЛ, л. 85 об.) — «Вещь сунклитова такова есть, что ни огонь не может её сжечь, ни железо её не возьмет (не сможет взять)»;
- (9) **что роукъ тѣхъ сквернѣиши или оустъ тѣхъ жестѣчиши, иже всего ачеть (sic!), а не насытѧтсѧ** (Пчела, с. 321) — «Что есть более скверного тех рук или жестче тех уст, которые от всего вкушают, а (никак) не насытятся (не могут насытиться)»;
- (10) **нѣ чѣла и не подивитсѧ силѣ и трѣпѣнью и** (ИИВ, с. 477) — «Нет человека, который не удивится (не может не удивиться) силе и терпению их».

Значение, выражаемое формами перфективного презенса в приведенных контекстах, обычно определяют как хабитуальное (6)–(7) или модальное со значением возможности/невозможности (8)–(10). Однако следует заметить, что в древних текстах не всегда оказывается легко разграничить употребления перфективного презенса в хабитуальном значении от осложненного модальными наращениями, семантическая разница между приведенными контекстами (6)–(10) не столь очевидна [Мишина 2002]. Для разрешения возникающих вопросов необходимо дополнительное исследование в области модальных и хабитуальных значений и их реализации в

древнерусском языке. Модальное значение, выражаемое в приведенных контекстах, близко к тому, что в работах по модальности называют «внутренней возможностью (способностью)» (participant-internal possibility, по [Auwera, Plungian 1998]) или же диспозициональной модальностью (dispositional modality, по [Kratzer 1981]).

В древнерусском СВ в подобных контекстах конкурирует с НСВ. В случае употребления презенса НСВ акцент делается на генерализации: *Х такой, что не имеет место Р* [Зализняк Анна 2015б: 295], ср., например, в (8) **НЕ ПОКЛАНАТЬСЯ** СВ vs. **НЕ ПОКЛАНАЮТСЯ** НСВ (в более позднем Радзивиловском списке):

- (11) **Бѣси бо не вѣдѣтъ мѣсли члѣвчское** (ПВЛЛ, л. 60) — «Бесы не знают мыслей человеческих»;
- (12) **По всен грѣчѣтъи земли и области не дають своимъ женамъ попове аже не бѣудеть иного попа близъ** (Вопрошание, 521об.) — «По всей греческой земле и области не дают попы своим женам (причащение)».

Контексты с СВ, по всей вероятности, были эмфатически более нагружены, по сравнению с контекстами с НСВ. Усилительный эффект, как и в случае с «презенсом напрасного ожидания», по-видимому, возникает за счет сочетания компонента «ожидания» (вводящегося отрицанием) с акцентом на ненаступлении события Р.

Несмотря на существующие отличия между контекстами, рассмотренными в пп. 1.1 и 1.2 (конкретно-референтное / генерическое употребление, возможность/невозможность утвердительных контекстов, употребляется только СВ / представлена конкуренция СВ : НСВ), в сочетании с отрицанием у данных типов употребления перфективного презенса есть общие черты. Во-первых, их объединяет семантический компонент «нарушенной ожидаемости», который, как было сказано выше, возникает за счет взаимодействия семантики СВ и отрицания и, как справедливо отмечается в [Зализняк Анна 2015б: 297], имеет место всегда или почти всегда в контексте «глагол СВ + отрицание» (не только презенса). В случае с референцией к конкретной ситуации выражается следующий смысл: *говорящий считает, что в настоящий момент должно иметь место событие Р, но Р не наступает*. В случае с референцией к обобщенной ситуации семантический компонент ожидаемости может осложняться модальным компонентом гипотетической возможности: *говорящий считает, что Р в целом ожидаемо (желательно (6), (7) или в принципе возможно (8)–(10)), однако Х такой, что Р никогда не случится*. Во-вторых, по-видимому, в обоих случаях форма перфективного презенса выражала эмфатическую функцию: контексты с СВ отличались большей категоричностью по сравнению с возможным функционированием НСВ [Зализняк 1990: 113; Мишина 2012: 221].

2. Формы имперфекта СВ в сочетании с отрицанием

Как показало дальнейшее исследование функционирования глаголов СВ с отрицанием в ранних восточнославянских памятниках [Мишина 2012; 2017], схожие семантические наращенения возникают у глаголов СВ под отрицанием не только в форме презенса, но также в формах имперфекта и действительного причастия настоящего времени.

2.1. Референция к конкретной макроситуации («имперфект напрасного ожидания»)

По аналогии с «презенсом напрасного ожидания» ряд употреблений форм перфективного имперфекта в отрицательных контекстах можно было бы назвать «имперфектом напрасного ожидания»:

- (13) Алтѹнопа же пригна кѣ ѿмѹ заступѹ. и стрѣлившє повѣгнуша предѣ ѻ҃гры. оу҃гри же погнаша по нѣ́. тако бѣжаще минѹша бонака. и бонакѣ погнаше сѣ́ка въ тѣмь. а алтѹнопа възвраташетьсѧ вспать. и не допустяхѹ оу҃грѣ впать. и тако множицею оубиваа. свиша ꙗ́ в мачь (ПВЛІ, л. 91–91об.) — «Алтинопа же, подсакавав к первому ряду и пустив стрелы, побежал от венгров, венгры же погнались за ним, думая, что это Боняк обратился в бегство, а Боняк погнался за ними, рубя их с тыла. Алтинопа же повернул обратно, и не пустил / упорно не пускал (не хотел пус-тить) венгров назад, и так во множестве убивали их»⁶;
- (14) а двѣдъ игоревичь сѣдаше кромѣ. и не припустахѹ кого к совѣ́ (ПВЛІ, л. 92) — «А Давид Игоревич сидел в стороне, и не подпускали (не хотели подпустить) его к себе»;
- (15) вѡшати бо в тѣ дни игѹменъ стѡго андрѣѧ. григорини <...>⁷ тотъ бо не вѡдаше мьстиславѹ възстати ратью по ярославѣ́ (Киев. лет., л. 108г) — «В это время игуменом монастыря св. Андрея был Григорий <...> И он не давал (не хотел дать) Мстиславу воевать с Ярославом»;
- (16) и рече веліим гласом: запрещаеъ ти г(оспод)ѣ вселѹкавын діаволе. бѣсъ же не престаише меля в жернова (КПП, л. 62 об., с. 63) — «И сказал громким голосом: Господь запрещает тебе (делать это), вселукавый дьявол! Но бес (никак) не переставал (не хотел перестать) молоть жерновами».

⁶ Следует отметить, что в современном русском языке у нас нет грамматической формы, с помощью которой можно было бы на 100 % адекватно перевести имперфект СВ: в случае выбора прошедшего времени СВ терется значение многократности, в случае выбора прошедшего времени НСВ меняется аспектуальная семантика.

⁷ Здесь и далее в примерах с многоточием в угловых скобках $\langle \dots \rangle$ обозначаются случаи, когда для краткости часть текста памятника в примере опускается.

В приведенных выше контекстах выражена референция к конкретной единичной макроситуации в прошлом, внутри которой имело место многократное ненаступление события Р. Как и в рассмотренных в п. 1.1 конструкциях «не + глагол СВ», в значении перфективного имперфекта под отрицанием возникает дополнительный семантический компонент «напрасного ожидания». В описываемой ситуации также принимают участие два субъекта: *напрасное ожидание* одним из них желаемого события Р, как правило, сочетается с *упорным отказом* совершить это ожидаемое действие другим участником ситуации. Однако в отличие от контекстов с перфективным презенсом, представленных в речевом или псевдоречевом режиме (в этом случае субъект «напрасного ожидания» совпадает с говорящим, одновременно являющимся участником ситуации), в контекстах с перфективным имперфектом, представленных в нарративном режиме, в качестве субъекта «напрасного ожидания» выступает один из участников ситуации, не совпадающий с повествователем: «...Алтинопа не пустил / не пускал венгров назад, несмотря на их намерение и попытки...», «...Давида Игоревича не подпустили / не подпускали к себе другие князья, несмотря на его желание», «бес не переставал / не перестал молотить жернами, несмотря на полученный запрет...», «...Григорий не позволял / не позволил Мстиславу начать воевать с Ярославом, несмотря на желание (намерение) Мстислава» и т. п.

2.2. Референция к повторяющейся макроситуации

Встречаются также отрицательные контексты с перфективным имперфектом, отсылающие к повторяющейся макроситуации, внутри которой (каждый раз с её наступлением) имеет место микроситуация: событие Р ни разу не наступило. В этом случае значение имперфекта СВ близко к значению нерегулярной хабитуальности презенса СВ (часто называемому наглядно-примерным). Форму презенса в сочетании с частицей *бывало* возможно использовать как эквивалент при переводе на современный русский:

- (17) егда же приспѣѣаше зима. и мрази лютии. и сътоѣаше. въ правошнахъ. въ черевныхъ и въ протоптанныхъ. тако примѣрьзаше ноzi его къ камени. и не двигнаше ногами. дондеже ѿпоаху заоутреню (ПВЛИ, л. 72) — «Когда же наступала / наступит зима и морозы лютые, стоял / (бывало) стоит в башмаках с протоптанными подошвами, так что примерзали/примерзнут ноги его к камню, и не двигал / не двинет ногами, пока не заканчивали / не отпоют заутреню»;
- (18) аще принаше кому цвѣтокъ. в поющихъ ѿ братьѣ. мало постоѣвъ (...) изидаше ис цркви. шедъ в кѣлью и оуснаше. и не възвраташетса въ црковь до ѿпѣтыѣ. аще ли вержаше на другаго. и не принаше к нему цвѣтокъ. стоѣаше крѣпо^к в пѣньи. дондеже ѿпоаху оутреню. и тогда изидаше (ПВЛЛ, л. 64) —

«Если (бывало) прилипал цветок к кому-нибудь из поющих братьев, тот (...) выходил из церкви и, пойдя в келью, засыпал, и не возвращался в церковь до конца службы. Если же бросал цветок на другого и к тому не прилипал цветок, (тот) стоял стойко, пока не отпоют утреню, и тогда выходил»;

- (19) присла бо **Михаилъ**. слы **Данилоу** и **Василкоу**. река (...) аще коли. хотахъ любовь имѣти с тобою. невѣрнии Галичанѣ не вдадохуѣ ми (Гал. лет., л. 264 об.) — «Прислал Михаил послов к Данилу и Василку, говоря: “(...) Если в какое-то время я хотел помириться с тобой, невернии галичане (никогда) не давали мне (этого сделать)”».

Обычно употребления имперфекта СВ с отрицанием в хабитуальном значении не выделяют особо среди имперфектов СВ в утвердительных контекстах [Маслов 1954: 68–138; Жолобов 2016: 69–71; Шевелева 2018: 199–201]. Действительно, функционирование перфективного имперфекта с отрицанием в кратно-парных конструкциях принципиально не отличается от функционирования перфективного имперфекта без отрицания. Так, в условных или временных придаточных отрицание на самом деле не вносит никаких дополнительных семантических компонентов, ср. в (18) «аще признаше кому цвѣтокъ...» и «...аще ли вержаше на другаго. и не признаше к нему цвѣтокъ...». Однако представляется, что в некоторых случаях отрицание в сочетании с СВ могло вносить дополнительный эмфатический компонент в значение формы имперфекта. В [Мишина 2012: 226–227] высказывалось предположение о том, что в ряде случаев в хабитуальных контекстах, как и в контекстах, описывающих конкретную ситуацию (см. п. 2.1), в значении имперфекта СВ может возникать компонент «неоправданного ожидания»⁸. На данный момент следует признать, что ввиду крайней малочисленности имеющихся в нашем распоряжении контекстов с отрицательным имперфектом СВ в хабитуальном значении (чуть больше 10), убедительно обосновать данное предположение невозможно. Тем не менее не исключено, что в ряде хабитуальных контекстов (см. в (17)–(19): **не двигнаше, не възвраташетса, не вдадохуѣ**), как и в других рассмотренных выше случаях, отрицательный имперфект СВ мог выражать усиленную функцию, по сравнению с имперфектом НСВ, более частотным в подобных контекстах, ср., например, (18) с тем же контекстом в Лаврентьевском списке (л. 65 об.), где вместо имперфекта СВ (**не двигнаше**) употреблен имперфект НСВ (**не двигаше**). Эмфатический эффект при употреб-

⁸ В [Жолобов 2016] см. иную точку зрения, отрицающую у форм имперфектов СВ наличие дополнительного семантического компонента «напрасного ожидания». По мнению О. Ф. Жолобова, в семантическом отношении формы имперфекта СВ отличаются от форм имперфекта НСВ только семантическим компонентом дистрибутивной множественности, порождающей эффект экземплярной наглядности [Там же: 69–71].

лении формы перфективного имперфекта мог возникать за счет сочетания значения многократности, выражаемого формой времени (имперфект), с акцентом на отсутствии результата, выражаемым формой СВ. Такое сочетание фокусирует внимание на том, что действие не произошло ни разу (ср. с употреблением перфективного презенса в п. 1.2). Получается примерно следующий смысл: *всякий раз, когда возникала описываемая ситуация, событие Р не наступило ни разу, несмотря на то, что оно было вероятным или желательным*. У имперфектов НСВ, выражающих хабитуальное значение, подобный эмфатический эффект никогда не возникает, ср.:

- (20) аче кто оу половець оутечашеть. оу городъ. а тѣхъ не выдавашеть (Киев. лет., л. 171а) — «Если кто от половцев убегал в город, то тех не выдавали», ср. с (15);
- (21) Бы же по сихъ Болеславоу князю. ѿще исполнившоуся своего везоумья. и не престашеть злокъ творѧ. Володимѣроу князю. и Юрькви. (Вол. лет., 891) — «Обезумев, князь Болеслав не переставал творить злые дела князю Владимиру и Юрию», ср. с (16);
- (22) и видеть прочь ѡбѣщався емоу. и не помогашеть. емоу. лествъ бо имашеть хотѧ городовъ его. (Гал. лет., 836) — «И отошел прочь, обещав ему (помогать). И не помогал ему, замышляя против него, так как хотел (заполучить) его города»;
- (23) такъ бо баше къ всенъ брати своиъ верьтливъ. не оуправляваше к нимъ хрътѧного цѣлованиа (Киев. лет., л. 195в) — «Так как был он изворотлив по отношению ко всем своим братьям: не держал клятв, данных им».

В памятниках древнерусского периода употребления формы имперфекта СВ в сочетании с отрицанием достаточно редки: с одной стороны, по сравнению с употреблением имперфекта СВ в утвердительных контекстах, а с другой — по сравнению с имперфектом НСВ в отрицательных контекстах. Фактически мы имеем дело с единичными примерами (за исключением форм от глагола **дати** и его приставочных производных, составляющих больше половины всех известных форм [Мишина 2012: 224]). Так, например, по данным Древнерусского подкорпуса НКРЯ, на единственный пример с имперфектом от глагола **престати** СВ (**не престанашие** — (16)) насчитывается 11 имперфектов от глагола **престати** НСВ (**не престаше** — (21)), а на единственный имперфект от глагола **пошадѣти** СВ (**не пошадѧху**) приходится 11 имперфектов от глагола **шадѣти** НСВ. В целом (по данным Древнерусского подкорпуса) приблизительно на 40 известных отрицательных контекстов с имперфектами от глаголов СВ приходится около 120 отрицательных контекстов с глаголами НСВ (т. е. соотношение СВ : НСВ примерно 1 : 3, а за вычетом форм от глагола **дати** и его производных — 1 : 7).

Таким образом, функционирование имперфектов от глаголов СВ в отрицательных контекстах было архаичным уже в древнерусский период.

В частности, о том, что данной конструкции не было свойственно широкое свободное употребление, свидетельствует тенденция к лексической ограниченности, выражающаяся в частотности образований от определенных корней (например, *-дати*, *-пустити*) и классов глаголов (на *-ити*, с суф. *-ну*), см. [Мишина 2015]. За пределы древнерусского периода формы имперфекта СВ (как с отрицанием, так и без) не выходят, за исключением отрицательных имперфектов от глагола *дати*, а также его приставочных производных. Такое широкое употребление форм от *дати*, по-видимому, объясняется тем, что отрицательные конструкции с этим глаголом имели статус некоторой формульности, приближающейся к застывшим клише, а функционирование отрицательного имперфекта СВ, как и «презенса напрасного ожидания» (см. выше п. 1.1), со временем сужалось за счет уменьшения числа используемых в этих конструкциях глаголов (глагол *дать* и его приставочные производные оказались в этом смысле наиболее устойчивыми, см. [Зализняк 1993: 278; Мишина 2012: 227–228; 2017: 11]).

3. Действительное причастие настоящего времени СВ в сочетании с отрицанием

Семантическое наращение «напрасного, неоправдавшегося ожидания», появляющееся в значении перфективного презенса (см. п. 1.1) и перфективного имперфекта (см. п. 2.1) в контексте отрицания, могло в древнерусском языке возникать и у формы действительного причастия настоящего времени от глагола СВ. В этом случае, как и в контекстах с имперфектом СВ, имеет место референция к конкретной ситуации, в которой присутствуют два участника: один из них выступает в качестве субъекта «напрасного ожидания», ожидая от другого осуществления некоторого действия Р, но этого не происходит, см. примеры (24)–(27): ‘рака никак не хотела двигаться / ни за что не двигалась, несмотря на стремление несущих ее’, ‘черниговцы ни за что не хотели (никак не соглашались) отворить город / не отворяли, несмотря на осаду’, ‘князя не давали / не дали войти в города, несмотря на намерение врагов...’, ‘люди Александра никак не решались перейти реку, несмотря на приказ...’:

- (24) **и въставиша и на сани. и еше за вѣжа везоша и. тако быша въ двѣрехъ стаща. рака не пондѣши** (ПВЛИ, л. 67) — «И поставили (гроб с Глебom) на сани, и, взяв за веревки, повезли его. И, когда были в дверях, остановился гроб и (никак) не шёл дальше»;
- (25) **пондоша к черниговѣ. и черниговцѣ затвориша оу градѣ. <...> чернѣговцемъ же не штворишмса. прнстѣпиша ко граду** (ПВЛИ, л. 74 об.) — «(Всеволод с Володимером) пошли к Чернигову. А черниговцы затворились в городе. <...> Поскольку черниговцы не отворяли (не хотели отворять), то осадили город»;

- (26) кнѣзи же рязаньстии <...> не въпоустаче къ градомъ. въгѣхаша противу имъ (Новг. I лет., л. 121–121 об.) — «Князья же рязанские <...> не подпуская к городам (букв. не впусая), выехали против них»;
- (27) повелѣ пренти воемъ на вна полъ. <...> они же боахуся, видяще наводнившюся рѣкоу, егда како раздрюшатся премости. не доузнущимъ же имъ прѣйти, и поемъ александръ болары свои съ собою, прѣвое самъ прѣиде, и по немъ прендоша вси вои его (Александрия, с. 56) — «Повелел войску перейти на другую сторону. <...> Они же боялись, видя наводнившуюся реку: вдруг как разрушатся мостки. Поскольку они не решались перейти, то, взяв бояр своих с собою, Александр сначала сам перешел, а за ним перешли все его воины».

Формы перфективного имперфекта и действительного причастия настоящего времени СВ в древнерусском нарративе употребляются для описания сходных ситуаций и выражают практически одинаковые значения. Можно сказать, что в данном случае они выступают в качестве функциональных синонимов, что наглядно демонстрируют примеры из Волынской летописи, ср.:

- (28) прилѣзъшимъ же имъ подъ заборолѣ. Ляховѣ поущахутъ на камене. аки градъ силнии. но стрѣлы ратныхъ не дадохутъ ни выникнути. изъ заборолъ (Вол. лет., л. 294) — «Когда же они укрылись за заборами (деревянными оградами), ляхи пускали в них камни, как сильный град, а стрелы воинов ни как не давали выглянуть из-за заборол»;
- (29) потом же придоша к Судомірю. и въстоупиша и со всѣхъ сторонѣ <...> и порокъ поставиша. и порокомъ же бьющимъ не славно. днь и ношь. а стрѣламъ не дадоушимъ выникнути изъ заборолъ (Вол. лет., л. 284) — «Затем они пришли к Судомірю и обступили его со всех сторон <...>. И пороки (метательные машины) поставили. Пороки же били, не ослабевая, день и ночь, а стрелы совсем не давали выглянуть из-за заборол».

Следует отметить, что все рассмотренные выше употребления перфективных глагольных форм в контексте отрицания уже в древнейшую эпоху были достаточно редкими, и можно констатировать, что в целом на протяжении исторического периода в русском языке они сужали свое функционирование. Формы перфективного презенса в конкретно-референтных (*Никак не напишу письмо*) и обобщенно-референтных контекстах (*Он никогда вас не подведет*) сохранились в современном русском языке, хотя, скорее, в его разговорном узусе. Что касается форм перфективных имперфектов и перфективных причастий настоящего времени в отрицательных контекстах, то, по-видимому, мы имеем дело с реликтами очень архаично-

го функционирования, так как за пределы древнерусского периода такие употребления практически не выходят, за исключением, как упоминалось выше, образований от глагола *дати*, которые, по всей вероятности, превращаются в застывшие клише и еще какое-то время встречаются в памятниках старорусского периода.

4. Отрицательный императив

В современном русском языке отрицательный императив образуется преимущественно от глаголов НСВ, причем отрицательные формы императива от глаголов разных видов имеют разное значение: императив НСВ — прохибитивное значение, то есть выражает запрет на совершение действия (*‘не делай Р’ — Не открывай окно!*), в то время как императив СВ — превентивное значение — выражает предостережение (*Только не упади!*), см. [Бирюлин, Храковский 1992: 35; Гусев 2013: 61–62; Zorikhina Nilsson 2013; Добрушина 2014] и др. СВ в значении прохибитива в современном русском языке, как правило, невозможен: *Не включай свет!* (НСВ), ср. **Не включи свет!* (СВ). Значение прохибитива и превентива связывают с контролируемостью (прохибитив) и неконтролируемостью (превентив) действия, несовершенство которого пытается каузировать говорящий. Таким образом, в современном русском языке представлена довольно четкая (за отдельными исключениями) оппозиция прохибитив (НСВ — контролируемое действие) vs. превентив (СВ — неконтролируемое действие). Нарушения возможны, например, в тех случаях, когда какие-то элементы контролируемости/неконтролируемости вносятся в ситуацию. Так, отрицательный императив *не падай* от глагола НСВ, имеющего неконтролируемую семантику, уместен в том случае, когда ребенок падает нарочно (30), а отрицательный императив *не полей* от глагола СВ с контролируемой семантикой в ситуации, когда цветок уже полит (31) [Зализняк Анна, Шмелев 2015а: 48]:

- (30) *Перестань! Не падай на каждом шагу!* — неконтролируемое действие, контролируемая ситуация;
- (31) *Смотри, не полей мой кактус! Я его уже поливал вчера* — контролируемое действие, неконтролируемая ситуация.

В восточнославянских памятниках древнерусского периода, как и в современном русском языке, в контекстах с отрицанием могли употребляться формы императива от глаголов обоих видов. При этом императив НСВ в целом встречался чаще, чем императив СВ (приблизительно 65 % НСВ : 35 % СВ), что сопоставимо со статистическими данными по современному языку⁹,

⁹ Настоящая статистика основана на данных Древнерусского подкорпуса НКРЯ. Сопоставление статистических данных по формам отрицательного императива СВ и НСВ по различным подкорпусам НКРЯ в хронологической перспективе

однако императив СВ употреблялся шире: не только в превентивном, но и в прохибитивном значении. Таким образом, обозначенная выше функционально-прагматическая оппозиция превентив СВ vs. прохибитив НСВ в древнерусском языке еще не сложилась, а семантическая разница между контекстами с отрицательными императивами НСВ и СВ (и в прохибитивном, и в превентивном значениях) была, по-видимому, обусловлена прежде всего различиями в аспектуальной семантике, на которые накладывались дополнительные семантические и прагматические значения (см. подробнее [Мишина 2020]¹⁰).

Таким образом, отрицательный императив от глаголов НСВ в древнерусском языке выражал значение прохибитива: говорящий может пытаться каузировать прекращение совершения действия, происходящего в момент речи (32), или несовершение некоторого действия (или действий) в ближайшем будущем (33), причем в последнем случае речь чаще идет о потенциально многократных ситуациях. Временной интервал, относящийся к будущему, может практически соприкасаться с моментом речи (начинаться на его границе), как в (34) — *и сейчас не слушай, и в будущем*:

- (32) **всѣволодъ же исповѣда всѣ бѣвшѣа. и рече ѿмѹ изаславъ брате не тужи** (ПВЛЛ, л. 67) — «Всеволод же рассказал ему о всем случившемся. И сказал ему Изяслав: Брат, не печалься!»;
- (33) **и посла пред ними слѣ гл҃а сице. црю се идутъ к тебѣ варязи <...> расточи га разнѣ. а сѣмо не пущан ни единого** (ПВЛЛ, л. 25) — «И послал перед ними послов, говоря так царю: Вот, идут к тебе варяги, <...> разгони их, а сюда ни одного не пускай»;
- (34) **поѣди княже на своѣ столѣ а злодѣевъ не слушай** (Новг. I лет., л. 134) — «Поезжай, князь, на свой престол, а злодеев не слушай».

Часто отрицательный императив НСВ употребляется для запрета нелокализованного во времени действия, потенциально многократного (35)–(36):

- (35) **Не приеман же оученья ѿ лат҃ынѣ. ихъ же оученье развращено** (ПВЛЛ, л. 39об.) — «Не принимай учения от латинян: их учение развращено»;
- (36) **хощеши ли сѣ власти не боати. злаго не твори и похвалитъ тѣ** (Сузд. лет., л. 245об.) — «Если хочешь не бояться власти, злого не делай, и (Господь) похвалит тебя».

(подробную статистику см. в [Мишина 2020]) показывает, что соотношение СВ : НСВ в древнерусском языке и современном русском было вполне сопоставимым (примерно 1 : 3) с небольшим уменьшением доли СВ в подкорпусе современного языка.

¹⁰ В функционировании отрицательного императива в старославянском языке наблюдаются схожие тенденции, см. [MacRobert 2013].

Отрицательный же императив СВ может выражать превентивное значение, когда речь идет о предупреждении неконтролируемых или плохо контролируемых нежелательных событий (37)–(38), а также выражать прохибитивное значение (39)–(40), ср.:

- (37) **но ты королю своего слова не забуди како же еси реклъ. вже володимиръ състъпнѣть то товѣ оу галича стоати шпѣть** (Киев. лет., л. 163б–163в) — «Но ты, король, своего слова не забудь, какое ты произнес. Если Володимер нарушит клятву, то тебе придется снова стоять у Галича»;
- (38) **(а ме)[н]ѧ послааѣ корѣлѣ на каѧно море а (не помѣшаи не испакости каѧнецамо ни соби присловнѧ възми** (НБГ № 286, 1360–1380) — «[А меня (?)] послали к карелам на Каяно море. А ты смотри не помешай, не напакости каянцам и себе не заполучи худой славы»;
- (39) **а мѣстислава емше не створите емѹ ничтоже приведете и ко мнѣ** (Киев. лет., 203в) — «А Мстислава, схватив, не делайте (букв. не сделайте) ему ничего (плохого), и приведите его ко мне»;
- (40) **мѣтѣви еси молвилъ толико мнѣ емѣти скота боле же за мене скота не поустѣ** (НБГ № 550, 1180–1200) — «Ты сказал Матею: “[Лишь] столько (подразумевается: сколько уже собрано) я должен собирать денег (т. е. дани). Больше же ты мне денег не поручай (букв. не поручи)”».

Кроме того, есть контексты, в которых значение императива СВ трудно однозначно определить как превентивное или прохибитивное, ср.:

- (41) **и борзо пади на лицѣ своемъ. и поклонисѧ мужѹ тому. и все еже речетъ к товѣ створи не прѣстъпи рѣчи емѹ в онъже днѣ пристѹпиши рѣчь его и оумерши** (ПВЛИ, л. 98 об.) — «И тотчас пади ниц и поклонись мужу тому, и все, что он повелит тебе, исполни. Не нарушай / Смотри, не нарушь (букв. не преступи) приказаний его. Если же нарушишь, в тот же день умрешь».

Из сравнения употребления императивов обоих видов видно, что в отрицательных контекстах форма императива СВ, как правило, имеет референцию к единичной конкретной ситуации в будущем (42а), в то время как форма императива НСВ — референцию к настоящему моменту (42б) или же обобщенную временную референцию (42в), ср.:

- (42а) **чадца не оубонтеса** (СВ) **нахоженыѧ ихъ не могуѣтъ бо намъ си безъ бѣга попоущеныѧ створити ничтоже** (ЖЛР, л. 95) — «Чада, не пугайтесь/испугайтесь (букв. не убийтесь) их, так как не могут они без божьего поущения ничего сделать»;
- (42б) **и рече ангѣлъ не бонса** (НСВ). **иди пѹтемъ твоимъ къ ѣерлѣмѹ** (ПВЛИ, л. 98 об.) — «И сказал ангел: Не бойся! Продолжай свой путь к Иерусалиму»;

- (42в) *Аще и мнози злонавыци. на тѣ клеветють. то не бонса* (НСВ) *и* (Пчела, с. 661) — «И если многие злые на тебя клеветуют, то не бойся их».

Формы отрицательного императива от глаголов обоих видов встречаются в контекстах просьбы/молитвы, причем, как показывает статистика, формы императива от глаголов СВ употребляются чаще, чем НСВ, возможно, именно потому что просьба, как правило, имеет референцию не к обобщенной ситуации (для таких контекстов типичен НСВ), а к конкретной ситуации в настоящем или будущем, ср.:

- (43) *уже ны сѧ велите мирити. то не стойте на нашей землѣ. а жизни нашей ни сѣлъ наших не губите* (НСВ). *но ать изаславъ поидеть въ свои володимиръ. а вы въ свою землю. поидите* (Киев. лет., л. 141б) — «Если вы велите нам помириться, то не стойте на нашей земле, и ни жизней наших, ни сѣлъ не губите, но пусть Изаслав поидет в свой Владимир, а вы в свою землю поидите»;
- (44) *и нынѣ молю ти сѧ: не погуби* (СВ) *мене, но съблюди мя, яко и азъ тѣ соблюдохъ* (Акир, с. 137) — «И теперь молю тебя: не погуби меня сейчас, но сохрани меня в целости, как и я тебя сохранил».

В случае с выбором НСВ *не губите* (43) акцент смещается на настоящий момент (*‘прямо сейчас не губи, а также в будущем’*), что порождает эффект «повышающейся актуальности» и «напряженности момента» («sense of urgency» по [Forsyth 1970: 208–209]). Выбор же СВ (44) акцентирует внимание на конечном результате, в данном случае его ненаступления: для говорящего актуально, что действие не должно достигнуть результата, то есть не должно ни в коем случае произойти. Как уже упоминалось выше, у СВ в сферу отрицания попадает результат. А поскольку значение отрицательного императива СВ состоит из двух частей, то первая часть (*‘говорящий сообщает о том, что может произойти некоторое нежелательное Р’*) не попадает в сферу отрицания, порождая дополнительный семантический компонент ожидаемости наступления нежелательного действия. Дополнительное модальное семантическое наращение *‘ожидается, что может наступить событие Р’*, возникающее за счет сочетания СВ с отрицанием, имеет место как в превентивных, так и в прохибитивных контекстах с отрицательным императивом СВ. Эта особенность объединяет функционирование форм императива СВ в отрицательных контекстах с формами презенса, имперфекта и действительного причастия настоящего времени от глаголов СВ (см. выше п. 1–3). Все это, по-видимому, в ряде контекстов делает отрицательный императив СВ (по сравнению с НСВ) более категоричным (более экспрессивным), как и другие рассмотренные выше глагольные формы СВ в контексте отрицания.

5. Перифрастический прохибитив

В качестве прохибитивной встречается также достаточно редкая в древнерусских текстах отрицательная инфинитивная конструкция, образованная сочетанием частицы **не**, формой императива от глагола **моуи** и инфинитива знаменательного глагола (**не моуи** / **моуѣте** + инф.), о развитии этой конструкции в древнерусском языке см. [Пичхадзе 2008; Мишина 2020]. Смысл данной конструкции можно передать примерно так: *Не смей делать / ни в коем случае не делай* Р. В современном русском языке её аналогом считается конструкция *не (вз)думай(те)* + инф. В древнерусском языке эта инфинитивная конструкция могла образовываться как от глаголов СВ (45), (47), так и НСВ (46), (48):

- (45) **рабе бѣи. молю ти сѧ. не моуи створи ти кѡ дѣла на хлапѣ оца моуѡ** (ЖАЮ, 1639–1640, с. 238) — «Раб божий, молю тебя: не смей делать (букв. сделать) этого с холопом моего отца»;
- (46) **грѣхъ великъ кѣтъ в томъ не моуи того твори ти** (Вопрошание, л. 535) — «Грех большой в этом есть, не смей этого делать»;
- (47) **нѣ ты не моуи сѧ оужаснѣти. нѣ запни кмѣ и оузриши славу бѣю** (ЖАЮ, 107–108, с. 164–165) — «Но ты не вздумай испугаться, но пни его (демона), и увидишь славу Божию»;
- (48) **Ѧ сиротамъ не моуѣте великонъ опитѣмъ давати** (Поучение Ильи, л. 177 об.) — «А сиротам не смей большой епитимьи давать».

В древнерусском языке, по всей вероятности, перифрастический прохибитив выполнял эмфатическую функцию (употреблялся при выражении настоятельной просьбы (45), строгого запрещения (46) или настойчивой рекомендации (47)–(48)), придавая высказыванию особою экспрессию. В данной конструкции инфинитивы от глаголов СВ оказываются более предпочтительными, чем от НСВ (СВ встречается в два раза чаще, нежели НСВ¹¹). Анализ материала показывает, что выбор вида, как и в случае с простым отрицательным императивом, во многом был обусловлен аспектуальной семантикой: инфинитив СВ употребляется в случае референции к конкретной ситуации и предпочтителен в контекстах просьбы (45), (50), (52), в то время как инфинитив НСВ обычен в случае запрета потенциально многократного действия в обобщенной ситуации (46), (48).

Таким образом, в древнерусском языке в контексте отрицания обнаруживаются две синонимические конструкции со значением прохибитива (простой отрицательный императив и перифрастический прохибитив), причем в обеих конструкциях глагольные формы СВ часто оказываются эмфатически более нагруженными по сравнению с НСВ, что согласуется с общей тенденцией функционирования форм СВ под отрицанием в древне-

¹¹ Статистику по древнерусским памятникам см. в [Мишина 2020].

русском языке. Очевидно, что простой отрицательный императив СВ был более частотной конструкцией (в исследованных древнерусских текстах на приблизительно 200 отрицательных императивов СВ приходится 25 перифрастических императивов), в то время как перифрастический императив, по-видимому, выступал в качестве более экспрессивной и категоричной конструкцией, ср.:

- (49) **лѣвъ князь. посла семена своего дядьковича. ко снѣви своему** <...> **река емоу. поѣдь вонъ изъ города. не погуби земли** (Вол. лет., л. 305 об.) — «Князь Лев послал Семена, сына своего воспитателя, к своему сыну, говоря ему: Поезжай вон из города, не губи (букв. не погуби) земли»;
- (50) **молимъ княже тебѣ и братома твоима. не можѣте погубити русьскыѣ земли** (ПВЛЛ, л. 88 об.) — «Молим, князь, тебя и твоих братьев: не губите / не вздумайте погубить русскую землю».
- (51) **рече же к немъ епифанъ. "ѡче мой добрый. что ти есть. молю ти сѧ. не потан мене. чадо [в др. сп.: чада и]. своего раба (ЖАЮ, 5936–5939, с. 440) — «Сказал же ему Епифан: "Отец мой добрый, Что с тобой? Не утай от меня, твоего чада и раба"»;**
- (52) **не можи чадо мое оутанити мене нъ повѣжь родителю** (Чудеса Николы, л 716) — «Не вздумай, чадо мое, утаить от меня, но расскажи родителю».

Исследование употребления перифрастического прохибитива в диахронической перспективе показывает, что в истории русского языка в этой конструкции имела место ожидаемая тенденция к сужению функционирования форм СВ и постепенной экспансии НСВ. В древнерусский и старорусский периоды инфинитив СВ преобладает над инфинитивом НСВ (приблизительно 60% СВ : 40% НСВ), но начиная с XIX в. соотношение форм инфинитива СВ : НСВ меняется (по данным современного подкорпуса НКРЯ, НСВ преобладает над СВ примерно в два раза), см. подробнее [Мишина 2020].

6. Поддержка контекста

6.1. О более широком, по сравнению с современным русским языком, функционировании форм СВ в сочетании с отрицанием в древнерусском свидетельствует отсутствие контекстной поддержки, желательной в ряде случаев в современном языке. Так, в современном русском «презене напрасного ожидания» СВ в контекстах с референцией к конкретной ситуации, актуальной в настоящем (см. выше п. 1.1) обычно сопровождается такими глагольными детерминантами, как: *всё, всё никак, никак, до сих пор не*, а с референцией к обобщенной ситуации: *никогда, нигде, никому*. Отсутствие

детерминантов в минимальном контексте меняет значение неактуального настоящего на будущее (53)–(54). В древнерусском же языке раннего периода подобные глагольные детерминанты в конкретно-референтных контекстах не встречаются совсем (55), а в обобщенно-референтных встречаются (*никогда, всегда*), но могут и опускаться, как в (56):

- (53) Он никак не отдаст мне долг — настоящее (ср. Он не отдаст мне долг — будущее);
- (54) Он никогда вам не поможет — настоящее (ср. Он вам не поможет — будущее);
- (55) вѣ гнѣ промежю собою исправѣ не учините а мѣ промежю вами погнѣли (НБГ, № 361) — «Вы, господин, между собой никак не договоритесь, а мы между вами погнѣли»;
- (56) вѣзъше бо въ цркъвъ не поклонатса иконамъ (ПВЛЛ, л. 39 об.) — «Войдя в церковь, никогда/ни за что не поклонятся иконам».

Употребления отрицательного императива СВ в превентивном значении в современном русском языке в некоторых случаях (хотя и не всегда) предпочтительны (или иногда даже обязательны) с такими детерминантами, как: *смотри, только, у меня, там* (57). В древнерусских же текстах раннего периода подобного рода ограничений нет (см. выше примеры в п. 4):

- (57) *Смотри, не Расскажи Пете!* (ср. **Не Расскажи Пете!*);
Смотрите, не замерзните! / *Не замерзните там!* (ср. **Не замерзните!*).

6.2. В древнерусском языке, как и в современном русском, в целом наблюдается тенденция к ограничению употребления форм СВ, обозначающих многократные (или потенциально многократные) действия кратнопарными или кратно-цепными типами контекста. Данная тенденция касается функционирования форм СВ и под отрицанием.

Что касается форм презенса СВ (58)–(59) и имперфекта СВ (60)–(61), выражающих значение многократности, то за пределами кратно-парных или кратно-цепных синтаксических конструкций они крайне редки:

- (58) Г^н. <...> егда же не повелиши имъ. языкъ же имѣюще онемѣють (Поучение Владимира Мономаха, л. 79 об., с. 244) — «Господи, <...> когда же не повелишь им [людям], то и язык имея, онемеют»;
- (59) Иже дровъ не възложитъ, то погаситъ огнь, а иже не надметьса протива гнѣвоу гнѣватиса, то съхранитъ себе (Пчела, с. 188) — «Тот, кто дров не возложит, погасит огонь, а тот, кто не преисполнится гневом в ответ на гнев, сохранит себя»;
- (60) которого же дни не оубыашеть кого печаловашеть тогда (Вол. лет., 858) — «В какой же из дней никого не убывал (бывало, никого не убьет), то печалился тогда»;

- (61) аще ли вержаше на другаго. и не принаше к нему цвѣтокъ. стояше крѣпо в пѣни (ПВЛЛ л. 64) — «Если же кидал на другого, и не прилипал к нему цветок, то стоял крепко в пении».

Формы отрицательного императива СВ не ограничиваются кратнопарным типом контекста, однако в ряде случаев выбор в прохибитивном контексте императива СВ, а не НСВ (более привычного в обобщенно-референтных контекстах со значением многократности, см. об этом выше), по всей вероятности, «навязывается» синтаксической конструкцией: употребление формы презенса СВ в условной части кратнопарной конструкции мотивирует употребление отрицательного императива СВ в главной (62). Сказанное относится и к некоторым контекстам с перифрастическим прохибитивом, включающим инфинитив СВ (63):

- (62) Якоже бо неводъ не удержитъ воды, точію єдины рыбы, тако и ты, княже, не вѣдержи злата, ни сребра, но раздаван людем (Даниил Заточник, с. 16) — «Как невод не удержит воды, только одну рыбу, так и ты, князь, не удержи золото, но раздавай людям»;
- (63) а ниже кто (по)каетсяа не можете тажки заповѣди дати (Почтение Ильи, л. 177 об.) — «А если кто-то покается, не смейте дать ему тяжелое наказание».

7. Выводы

1. В восточнославянских памятниках раннего периода отрицание оказывается значимым фактором контекста, обуславливающим довольно широкое употребление СВ, в частности за счет того, что возникающие в определенных формах противоречия между значением времени и вида в ситуации отрицания могут сниматься.

2. Возникающие у форм СВ в сочетании с отрицанием дополнительные компоненты значения (например, «напрасное ожидание») связаны с семантикой СВ (акцент на результате) и с особенностью функционирования СВ под отрицанием, а именно с тем, что у СВ под отрицание попадает не вся конструкция целиком. Возникающие семантические наращения, как правило, делают отрицательный императив СВ (по сравнению с НСВ) более категоричным и экспрессивным, формы СВ (презент, имперфект, действительное причастие настоящего времени, императив) в отрицательных контекстах часто выполняют эмфатическую функцию.

3. На основании сравнения функционирования глагольных форм СВ в сочетании с отрицанием в древнерусском и современном русском языке можно сделать вывод о том, что СВ в отрицательных контекстах в целом сузил свой функциональный диапазон и стал употребляться реже на фоне постепенной экспансии НСВ. Так, с исчезновением перфективного имперфекта формы прошедшего времени СВ перестали использоваться в рус-

ском языке для выражения значения многократности (в том числе при отрицании). Значение «напрасного ожидания», выражаемое в древнерусском языке формами презенса, имперфекта и действительного причастия настоящего времени от глаголов СВ, сохранилось в современном языке только в формах презенса, причем наряду с СВ стал возможен и НСВ. В современном русском языке в некоторых случаях для употребления формы презенса СВ стала необходима (или желательна) контекстная поддержка; СВ был вытеснен из сферы прохибитива НСВ; в ряде случаев (как, например, с перефразистическим прохибитивом) НСВ стал намного частотнее СВ, в то время как в древнерусском языке ситуация была обратной.

4. Проведенное исследование функционирования видо-временных форм в отрицательных контекстах (в особенности это касается форм императива) в целом согласуется с гипотезой, высказанной в [Вимер 2015: 587], о том, что историческое развитие оппозиции СВ : НСВ развивалось в направлении от более объективных функций (например, акциональные свойства или кратность) к более субъективным (прагматическим).

5. В древнерусском языке (по сравнению с современным русским) в ситуации отрицания наблюдается более свободная конкуренция между СВ и НСВ (за исключением «презенса напрасного ожидания», где был возможен только СВ), при этом различия в употреблении отрицательных форм императива разного вида объясняются прежде всего аспектуальной семантикой, на которую накладываются дополнительные семантические и прагматические значения. Так, например, семантика контролируемости/неконтролируемости выступает в качестве вторичного фактора, обуславливавшего выбор вида в отрицательном императиве, накладываясь на аспектуальные различия (событийность vs. процессуальность/многократность). СВ, как правило, типичен в контекстах, имеющих референцию к конкретной ситуации, и редок в контекстах, имеющих референцию к обобщенной ситуации (это зона, типичная для НСВ).

6. В современном русском языке, напротив, более широко (по сравнению с древнерусским) представлена ситуация видовой нейтрализации, при этом в ситуации отрицания преобладает немаркированный член (НСВ). Такое развитие согласуется с данными типологических исследований, показывающих, что среди языков мира, демонстрирующих те или иные ограничения в сочетании с отрицанием, при наличии маркированных и немаркированных членов оппозиции под отрицанием выживает немаркированный член [Miestamo, van der Auwera 2011: 13–14].

Источники

Акир — А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913.

Александрия — В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 5–105.

- Вол. лет. — Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 848–938.
- Вопрошание — Вопрошание Кирика, Саввы и Ильи // В. В. Мильков, Р. А. Симонов. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель (= Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII). М., 2011.
- Гал. лет. — Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 715–848.
- Даниил Заточник — Моление Даниила Заточника // Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Пригот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1952.
- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 159–450.
- ЖЛР — Житие Леонтия, епископа Ростовского. По списку РГБ, ф. 304 (Тр.-Серг. Лавры), № 745, лл. 94–97 об.
- ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 71–135.
- ИИВ — «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I. М., 2004. С. 63–684.
- Киев. лет. — Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. М., 2017.
- КПП — Киево-печерский патерик // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999.
- НБГ — Новгородские берестяные грамоты // А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Новг. I лет. — Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000.
- ПВЛЛ — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 2001.
- ПВЛИ — Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001.
- Поучение Влад. Мономаха — Поучение Владимира Мономаха // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 2001. С. 240–256.
- Поучение Ильи — Поучение Ильи Иоанна // А. Попов. Неизданный памятник русского церковного права XII в. // ЖМНП. 1890. Ч. 271. № 10 (октябрь). Отд. II. С. 275–300.
- Пчела — «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I. М., 2008.
- Сузд. лет. — Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.
- Чудеса Николы — Цикл из восьми чудес Николая Мирликийского. По списку РНБ Ф.п.1, 46, кон. XII в. (по древнерусскому подкорпусу НКРЯ).

Литература

- Бирюлин, Храковский 1992 — Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб, 1992. С. 5–50.

Вимер 2015 — Б. Вимер. О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хронотопии) // *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст = Verbal aspect: Grammatical meaning and context*. R. Benacchio (ред.). München, 2015. С. 586–609.

Войводич 2015 — Д. Войводич. Славянский презенс-футурум совершенного вида в отрицательно-вопросительном контексте // *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст = Verbal aspect: Grammatical meaning and context*. R. Benacchio (ред.). München, 2015. С. 573–583.

Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М., 2013.

Добрушина 2006 — Н. Р. Добрушина. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // *Вопросы языкознания*. 2006. № 2. С. 28–67.

Добрушина 2014 — Н. Р. Добрушина. Императив. 2014. URL: www.rusgram.ru.

Жолобов 2016 — О. Ф. Жолобов. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // *Вопросы языкознания*. 2016. № 3. С. 64–80.

Зализняк 1990 — А. А. Зализняк. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания») // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich / Red. Z. Saloni*. Białystok, 1990. С. 109–114.

Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. Презенс совершенного вида в значении «презенса напрасного ожидания» // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 275–279.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк Анна 2015a — Анна А. Зализняк. Презенс совершенного вида в значении настоящего времени // Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. *Русская аспектология: В защиту видовой пары*. М., 2015. С. 314–329.

Зализняк Анна 2015b — Анна А. Зализняк. Презенс совершенного вида в современном русском языке // *Dekonstruktion und Konstruktion. Zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft. Festschrift für Ulrich Schweier zum 60. Geburtstag*. Kubon & Sagner. München; Berlin; Leipzig; Wien, 2015 (= *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 86*). S. 293–316.

Зализняк Анна, Шмелев 2015 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию // Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. *Русская аспектология: В защиту видовой пары*. М., 2015. С. 15–151.

Лавренченко 2015 — М. Л. Лавренченко. «Приятель» русских князей (По текстам летописей за XII век) // *Славяноведение*. 2015. № 2. С. 96–108.

Маслов 1954 — Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // *Вопросы славянского языкознания*. М., 1954. Вып. 1. С. 68–138.

Мишина 2002 — Е. А. Мишина. Настоящее узуальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2001. М., 2002. С. 199–228.

Мишина 2012 — Е. А. Мишина. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 2 (24). С. 219–241.

Мишина 2015 — Е. А. Мишина. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой) // *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Сборник статей V Международной конференции Ко-

миссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 2015. С. 164–170.

Мишина 2017 — Е. А. Мишина. К изучению перфективного имперфекта в древнерусском языке (в сопоставлении со старославянским) // *Russian Linguistics*. 2017. Вып. 41 (1). С. 1–15.

Мишина 2018 — Е. А. Мишина. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке // *Русский язык в научном освещении*. 2018. № 1 (35). С. 161–182.

Мишина 2020 — Е. А. Мишина. Отрицательный императив в древнерусском языке // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2020. № 1. С. 154–181.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Падучева 2013 — Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М., 2013.

Пичхадзе 2008 — А. А. Пичхадзе. Перифрастический прохибитив в древнерусском // *Miscellanea Slavica*. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008. С. 228–238.

Стойнова 2018 — Н. М. Стойнова. Нефутуральные значения форм будущего времени. 2018. URL: www.rusgram.ru.

Шевелева 2018 — М. Н. Шевелева. Еще раз об имперфекте совершенного вида в восточнославянских памятниках // *Русский язык в научном освещении*. 2018. № 1 (35). С. 183–206.

Храковский, Володин 1986 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. A. Plungian. Modality's semantic map // *Linguistic typology* / F. (Plank ed.). Berlin, 1998. P. 79–124.

Forsyth 1970 — J. A. Forsyth. Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge, 1970.

Kratzer 1981 — A. Kratzer. The Notional Category of Modality // *Words, Worlds, and Contexts (New Approaches in Word Semantics)* / H.-J. Eikmeyer, H. Rieser (eds.). Berlin; New York, 1981. P. 38–74.

MacRobert 2013 — C. M. MacRobert. The problem of the negated imperative in Old Church Slavonic // *Miklosichiana Bicentennialia. Zbornik u čast dvestote godišnjice rodenja Franca Miklošiča*. Belgrade, 2013. P. 277–291.

Miestamo, van der Auwera — M. J. Miestamo, J. van der Auwera. Negation and perfective vs. imperfective aspect // *From now to eternity (Cahiers Chronos. Vol. 22)* / J. Mortelmans, T. Mortelmans, W. De Mulder (eds.). Amsterdam, 2011. P. 65–84.

Russell 1940 — B. Russell. An inquiry into meaning and truth. L., 1940.

Zorikhina Nilsson 2013 — N. Zorikhina Nilsson. The negated imperative in Russian and other Slavic languages. Aspectual and modal meanings // *Diachronic and Typological Perspectives on Verbs* / Ed. by F. Josephson, I. Söhrman (Studies in Language Companion Series 134). 2013. P. 79–106.

Ekaterina A. Mishina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
kmishina@mail.ru

THE INTERACTION BETWEEN NEGATION AND ASPECT IN OLD RUSSIAN

The paper analyzes the interaction between negation and aspect in the Old Russian language. Negation happens to be a factor that can influence the choice of a perfective vs. imperfective form in a number of contexts. Such influence affects the present, imperfect, participles, imperative, and some other verbal forms in Old Russian texts. In particular, negation is a favorable condition for using the perfective aspect: in negative contexts, Old Russian texts demonstrate a freer competition between perfective and imperfective compared to Modern Russian, while the differences in the use of negative forms in both aspects are explained primarily by aspectual semantics. In some cases, negation can neutralize the contradictions that arise between the meaning of aspect and tense, which determines the non-standard use of some aspectual tense forms, and can also cause the appearance of additional semantic nuances in perfective forms under negation, which makes perfective forms more emphatic. On the whole, the historical development of the opposition of the perfective vs. imperfective aspect under negation has been moving in the direction of narrowing the set of contexts for perfective forms.

Keywords: verbal aspect, negation, perfective aspect, imperative, imperfect, present participle, present tense, Old Russian.

References

- Auwers, J., & Plungian, V. A. (1998). Modality's Semantic Map. In F. Plank (Ed.), *Linguistic Typology* (pp. 79–124). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Biryulin, L. A., & Khrakovskiy, V. S. (1992). Povelitel'nye predlozheniia: problemy teorii. In V. S. Khrakovskiy (Ed.), *Tipologiya imperativnykh konstruktov* (pp. 5–50). St. Petersburg: Nauka.
- Dobrushina, N. R. (2006). Grammaticheskie formy i konstruktivnyye so znacheniem opaseniya i predosterezheniya. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 28–67.
- Dobrushina, N. R. (2014). *Imperativ*. Retrieved from www.rusgram.ru.
- Forsyth, J. A. (1970). *Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gusev, V. Yu. (2013). *Tipologiya imperativa*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Khrakovskiy, V. S., & Volodin, A. P. (1986). *Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ*. Leningrad: Nauka.
- Kratzer, A. (1981). The Notional Category of Modality. In H.-J. Eikmeyer, & H. Rieger (Eds.), *Words, Worlds, and Contexts (New Approaches in Word Semantics)* (pp. 38–74). Berlin; New York: De Gruyter.
- Lavrenchenko, M. L. (2015). «Priiateli» russkikh kniazei (po tekstam letopisei za XII vek). *Slavianovedenie*, 2, 96–108.
- MacRobert, C. M. (2013). The Problem of the Negated Imperative in Old Church Slavonic. In J. Grković-Major, & A. Loma (Eds.), *Miklosichiana Bicentennialia. Zbornik u chast dvestote godishnjice rođenja Franca Mikloshicha* (pp. 277–291). Belgrade: SANU.

Maslov, Yu. S. (1954). Imperfekt glagolov sovershennogo vida v slavianskikh yazykakh. *Voprosy slavianskogo yazykoznanii*, 1, 68–138.

Miestamo, M. J., & Auwera, J. van der (2011). Negation and Perfective vs. Imperfective Aspect. In J. Mortelmans, T. Mortelmans, & W. De Mulder (Eds.), *From Now to Eternity* (pp. 65–84). Amsterdam: Rodopi.

Mishina, E. A. (2002). Nastoiashchee uzual'noe i potentsial'noe v vostochnoslavianskikh pamiatnikakh XI–XV vv. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo yazyka — 2001* (pp. 199–228). Moscow: Drevlekhranilishche.

Mishina, E. A. (2012). «Situatsiia naprasnogo ozhidaniia» i otritsanie. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 219–241.

Mishina, E. A. (2015). Semantika glagolov i semantika vremen v drevnerusskom i staroslavianskom yazykakh (v svete vzaimodeistviia s aspektual'noi semantikoi). In M. Kitadze (Ed.), *Aspektual'naia semanticheskaiia zona: tipologiia sistem i stsennarii diakhronicheskogo razvitiia. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* (pp. 164–170). Kioto: Tanaka Print.

Mishina, E. A. (2017). K izucheniiu perfektivnogo imperfekta v drevnerusskom yazyke (v сопоставлении со старославянским). *Russian Linguistics*, 1, 1–15.

Mishina, E. A. (2018). K voprosu o vidovoi semantike prostykh (bespristavochnykh) glagolov v drevnerusskom yazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 161–182.

Mishina, E. A. (2020). Otritsatel'nyi imperativ v drevnerusskom yazyke. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 1, 154–181.

Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Paducheva, E. V. (2013). *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Pichkhadze, A. A. (2008). Perifrasticheskii prokhibitiv v drevnerusskom. In F. B. Uspenskij (Ed.), *Miscellanea Slavica. Sbornik statei k 70-letiiu Borisa Andreevicha Uspenskogo* (pp. 228–238). Moscow: Indrik.

Russell, B. (1940). *An Inquiry into Meaning and Truth*. London: Routledge.

Sheveleva, M. N. (2018). Eshche raz ob imperfekte sovershennogo vida v vostochnoslavianskikh pamiatnikakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 183–206.

Stoyanova, N. M. (2018). *Nefutural'nye znacheniiia form budushchego vremeni*. Retrieved from www.rusgram.ru.

Voyvodich, D. (2015). Slavianskii prezens-futurum sovershennogo vida v otritsatel'no-voprositel'nom kontekste. In R. Benacchio (Ed.), *Glagol'nyi vid: grammaticeskoe znachenie i kontekst* (pp. 573–583). München: Verlag Otto Sagner.

Wiemer, B. (2015). O roli vida v oblasti kratnosti i pragmaticheskikh funktsii (eskiz s točki zreniia khronotopii). In R. Benacchio (Ed.), *Glagol'nyi vid: grammaticeskoe znachenie i kontekst* (pp. 586–609). München: Verlag Otto Sagner.

Zaliznyak, A. A. (1990). Ob odnom upotreblenii prezensa sovershennogo vida («prezens naprasnogo ozhidaniia»). In Z. Saloni (Ed.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* (pp. 109–114). Białystok: Filii UW w Białymstoku.

Zaliznyak, A. A. (1993). Prezens sovershennogo vida v znachenii «prezensa naprasnogo ozhidaniia». In V. L. Yanin, & A. A. Zaliznyak (Eds.), *Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1984–1989 gg.)* (pp. 275–279). Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskiy dialect*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, Anna A. (2015a). Prezens sovershennogo vida v znachenii nastoiashchego vremeni. In Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelian, & A. D. Shmelev, *Russkaia aspektologiya: V zashchitu vidovoi pary* (pp. 314–329). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, Anna A. (2015b). Prezens sovershennogo vida v sovremennom rusском yazyke. In E. von Graf, I. Mendoza, & B. Sonnenhauser (Eds.), *Dekonstruktion und Konstruktion. Zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft. Festschrift für Ulrich Schweier zum 60. Geburtstag* (pp. 293–316). München; Berlin; Leipzig; Wien: Kubon & Sagner.

Zaliznyak, Anna A., & Shmelev, A. D. (2015). Vvedenie v russkuiu aspektologiyu. In Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelian, & A. D. Shmelev, *Russkaia aspektologiya: V zashchitu vidovoi pary* (pp. 15–151). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zholobov, O. F. (2016). Ot praslavianskogo yazyka k staroslavianskomu: o perfektivnom imperfekte. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 64–80.

Zorikhina Nilsson, N. (2013). The Negated Imperative in Russian and Other Slavic Languages. Aspectual and Modal Meanings. In F. Josephson, & I. Söhrman (Eds.), *Diachronic and Typological Perspectives on Verbs* (pp. 79–106). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Received on November 30, 2019

Д. В. СИЧИНАВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
mitrius@gmail.com

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ: НОВЫЙ ОБЗОР КОРПУСА ПРИМЕРОВ В БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ*

Статья посвящена анализу всех десяти примеров плюсквамперфекта в новгородских берестяных грамотах XII–XV вв. с учетом других древнерусских памятников раннего периода, в том числе новых эпиграфических находок. Предложена уточненная по сравнению с предыдущими работами трактовка семантики половины из этих примеров, причем особое внимание уделено значению ‘нарушение нормального хода ситуации’, которое не следует смешивать с ‘аннулированным результатом’. В качестве параллелей привлекаются примеры из других источников с однокоренными и/или синонимичными глаголами. В ряде случаев из интерпретации формы плюсквамперфекта следует и новая версия трактовки более широкого контекста. Обсуждается также проблема соотношения сверхсложной (со вспомогательным *быль*) формы плюсквамперфекта и вида в древнерусских текстах.

Ключевые слова: древнерусский язык, древненовгородский диалект, берестяные грамоты, плюсквамперфект, грамматическая семантика, соотношение вида и времени.

Исходя из того, что известно о древнерусских формах плюсквамперфекта (в том числе в типологическом контексте и сквозь призму употребления современного русского *было*), можно сделать новые выводы и/или предложить уточненные толкования для соответствующих форм в пяти из десяти берестяных грамот, в которых встретилась эта форма (раздел 4 настоящей статьи). Некоторые из рассматриваемых примеров встречаются в юридических или близких к такому статусу документах, связанных с тем или иным разбирательством, и, возможно, несут перформативный характер, выявленный (в частности, на материале некоторых берестяных грамот) П. В. Петрухиным [2013]. При этом я привлекаю параллели из других источников со сверхсложной формой и однокоренными и/или синонимичными глаголами:

* Работа выполнена в Институте славяноведения РАН при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования»).

быле наделиле [далее в тексте условное наклонение: *быхо посолале*] в № 705 — *быль послаль* в полоцкой грамоте № 111;
было аль ‘арестовал’ в № 502 — *быль приналъ* ‘арестовал’ в Киевской летописи по Ипат.;
быль рьклъ в № 675, *реклъ юси быль* в № 195 — *реклъ быль* в Новгородской I летописи по Синод. и Галицко-Волынской летописи по Ипат.;
возилесь [возможно, за этой записью стоит *ввозилесь*] *быле* в № 300 — *ввезлись были* в грамоте 1555 г. и *менили есмя были* в грамоте 1428–1432 гг.

Я также даю новый общий обзор употребления плюсквамперфекта во всем корпусе берестяных грамот. Для этого я сначала привожу классический анализ А. А. Зализняка в книге «Древненовгородский диалект», в том числе приведенные там интерпретации плюсквамперфекта в двух грамотах (раздел 2), а затем изложенные в наших с П. В. Петрухиным работах 2006–2018 гг. концепцию употребления сверхсложной формы и анализ еще трех грамот (раздел 3). В разделе 5 я подвожу итоги, затрагивающие семантику формы, а также ее сочетаемость с видом, на фоне всего древнерусского корпуса.

Моя работа в известной мере параллельна статье Я. А. Пеньковой, посвященной второму будущему в древненовгородском диалекте [Пенькова 2019].

1. О фонде примеров плюсквамперфекта на бересте. Эпиграфические находки

С момента выхода первого издания «Древненовгородского диалекта» А. А. Зализняка, где был предложен пока единственный обзор практически всех употреблений плюсквамперфекта в берестяных грамотах [Зализняк 1995: 157–158], корпус примеров этой формы на бересте новыми находками не пополнялся. В хронологическом порядке это грамоты из Новгорода с перечисленными ниже номерами. В скобках указаны условные даты в соответствии с базой данных gramoty.ru; стрелки означают вероятное хронологическое смещение вперед или назад (в дальнейшем при самих цитатах из грамот каждый раз перед датой дается помета *усл.*, чтобы не вызывать у читателя иллюзию совершенной точности):

- 675 (←1140–1160→): см. раздел 4.3, пример (22)
- 724 (1160–1180): см. раздел 2, пример (5)
- 502 (←1180–1200), см. раздел 4.2, пример (20)
- 705 (1200–1220→), см. раздел 4.1, пример (18)
- 510 (←1220–1240), см. раздел 2, пример (6)
- 213 (1240–1260→), см. раздел 3, пример (15)
- 195 (1300–1320), см. раздел 4.4, пример (25)
- 4 (1320–1340→), см. раздел 3, пример (16)
- 366 (←1360–1380), см. раздел 3, пример (13)
- 300 (1420–1430), см. раздел 4.4, пример (26)

Как видим, грамоты, содержащие плюсквамперфект, весьма репрезентативно покрывают хронологическую шкалу: с 1140 по 1260 г. для каждого условного 20-летнего отрезка нашлось строго по одной такой грамоте, далее частотность падает примерно вдвое, но перерывы не превышают двух таких двадцатилетий, причем трижды возможен сдвиг даты именно в сторону «пустых» отрезков. Отсутствие примеров плюсквамперфекта в начальной части шкалы (XI — начало XII в.) хронологического значения может и не иметь (грамот в слоях этого периода вообще мало). Таким образом, несмотря на небольшой фонд примеров, большая часть истории древненовгородского диалекта, отразившейся в берестяных грамотах, документирована и с точки зрения того, как употреблялся в это время плюсквамперфект. Несправедлив скептицизм Й. Нёргор-Сёренсена, ставящего плюсквамперфект и предбудущее (о котором см. [Пенькова 2019]) в берестяных грамотах в один ряд с имперфектом (даже не аористом): «С другой стороны, остальные временные формы: имперфект, плюсквамперфект и *futurum exactum* — встречаются менее десяти раз¹ каждая во всем материале, опубликованном до сих пор. Таким образом, эти формы играют еще менее важную роль, чем аорист, и тем самым их надо считать реликтивными» [Nørgård-Sørensen 1997: 5].

При этом, вероятно, лакуна, приходящаяся на начало XII в., все-таки заполнена новой находкой в области новгородской не книжной письменности, пусть и не на бересте, — имею в виду найденный в 2017 г. эпиграфический памятник со «сверхсложной»² (содержащей вспомогательный глагол в л-форме) конструкцией плюсквамперфекта. Это граффито № 33 церкви Благовещения на Городище, написанное кириллицей и сопровождающее недописанную глаголическую азбуку (граффито № 29). Данный комплекс надписей палеографически датируется широко XII в. (естественно, не раньше 1103 г., когда была построена сама церковь), хотя само по себе использование глаголицы указывает на более ранний период в рамках этого интервала.

- (1) А се Ст(ы)р(а)та **был(ъ) выложил(ъ)** [Гиппиус, Михеев 2019: 33]
 ‘а вот Стырята начал было выписывать [азбуку, но не дописал]’.

Действительно, в ряде случаев древнерусскую сверхсложную форму плюсквамперфекта можно перевести при помощи современной конструкции с частицей *было*, которая к ней восходит диахронически³, хотя здесь

¹ Й. Нёргор-Сёренсен учитывает новгородские грамоты только до № 710.

² Об этом термине см., например, [Петрухин, Сичинава 2006].

³ Утрата согласования вспомогательного глагола в плюсквамперфекте (т. е. превращение этого глагола в частицу *было*) по данным текущего состава среднерусского корпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) засвидетельствована со второй трети XVI в.: *И государь князь великий пожаловал, дал было судью Филипа Левишина. И Филипа, господине, в те поры в животе не стало* (клинская грамота 1539 г.), *Да благословляю невестку свою [О]вдотью Михайлов-*

для адекватности перевода нужно добавить глагол *начать*; сказать ‘выписал было азбуку’, говоря о недописанном алфавите, теперь уже нельзя; ср. [Петрухин, Сичинава 2006: 200–201].

Заметим, что благодаря находкам начала XXI в. пополнился фонд и известных науке «книжных» форм плюсквамперфекта (с формой вспомогательного глагола *баше* или *бѣ*) в древнерусской эпиграфике. Принадлежащее к тому же комплексу благовещенских надписей длиннейшее древнерусское граффито № 1 [Там же: 36–40] о смерти Всеволода-Гавриила Мстиславича в 1138 г. содержит три примера книжного плюсквамперфекта со стандартным для него значением ‘предшествование/результат в прошедшем’. Таким образом, на одном и том же найденном при раскопках большом фрагменте штукатурки оказалось целых четыре экземпляра древнерусского плюсквамперфекта — достаточно редкой формы в древнерусских текстах. А еще в 2004 г. А. А. Зализняк опубликовал прочтение ранее не опознававшейся книжной формы плюсквамперфекта в надписи Софии Киевской 1093 г. о смерти Всеволода-Андрея Ярославича (см. об этих примерах ниже, раздел 3).

Данные эпиграфические примеры в целом подтверждают изложенную в [Петрухин, Сичинава 2006] концепцию **таксисного** («предшествование в прошедшем», «результат в прошедшем»), наряду с другими, употребления книжной формы и преимущественно **антирезультативного** («аннулированный результат», «прекращенная ситуация») употребления разговорной (сверхсложной) формы; подробнее об этой концепции см. раздел 3.

Сверхсложная форма плюсквамперфекта (по-видимому, впервые она описана в [Востоков 1863: 91] под названием «прошедшее совершенное»), в отличие от книжной формы, была свойственна живой речи. В летописях (например, в Новгородской первой летописи по Синод., в Суздальской по Лавр., в Киевской и Волынской по Ипат., см. также пример из предисловия к Софийскому временнику (11)) она за небольшим числом исключений⁴

скую жену сына своего селцом Бабиным да к нему деревня Суслово во Тверском уезде, чем было благословил Федор Рян[чи]ков Белеутов сестру свою Анну, а мою жену, да сына моего Михаила (духовная И. В. Полева, 1555, включена в правую грамоту 1585–1588 гг.), многочисленные примеры сочетания *наехал было* в «Книге раздачи жалованья служилым людям государева полка» (1556–1557). С учетом этих данных можно считать, что хорошо известные в литературе примеры частицы *было* из челобитных Ивана Пересветова (1549), дошедших до нас в списках следующего века, восходят к оригиналу. Период конкуренции и сосуществования согласуемой и несогласуемой форм в великорусском центре продолжался как минимум до начала XVIII в. [Мольков 2016], перелом датируется второй третью XVII в. [Черных 1953: 346–347]. В русских говорах разных регионов (в основном Севера, но не только там), как известно, согласуемый вариант сохраняется и в наше время (ср. [Сичинава 2019: 33] со ссылками на работы диалектологов).

⁴ Некоторые из этих исключений сомнительны текстологически (ср. [Петрухин, Сичинава 2008: 235; Петрухин 2013: 77–78]), где обсуждается отмеченный ранее

выступает в составе реплик. Хорошо известно, что прямая речь светских персонажей в Киевской летописи сохраняет и другие живые грамматические черты, например порядок энклитик; часто это вслед за В. Ю. Франчук связывают с дословным цитированием в летописи княжеских посланий. В составе прямой речи сверхсложная форма представлена и в переводных памятниках (о семантике этих двух примеров см. [Петрухин 2013: 81–82]):

- (2) Филипъ же рече: во истинуоу добромыслень еси друоугъ, и **таиль са еси бы(л)** [ἐλάνθανε, имперфект], но оуже прашаю тѧ, а храни друожбоу ѿселѣ со мною (Пчела, перевод XII в., список XV в., цит. по [Пчела, I: 623]);
- (3) Абиѣ имже образомъ **быль вшелъ** [ἀνῆλθον, аорист], тѣм же и снидохъ (Житие Андрея Юродивого, л. 23 об., цит. по [Молдован 2000])⁵.

Она же выступает и в актах, оформленных как послание к князю, например в трех договорах Новгорода с Ярославом Ярославичем (1264, 1266, 1270), где с вариантами повторяется формула:

- (4) А что твои брать **отгьяль былъ** позже у Новагорода, а того ти, княже, отступити ся (цит. по грамоте 1264 г. [ГВНП, № 1]).

За единственным исключением (грамота № 510, пример (6)) именно сверхсложная форма плюсквамперфекта представлена и в берестяных грамотах⁶.

М. Н. Шевелевой пример из Лавр. *а всѣхъ невѣрны(х) оубищѣ числомъ 20, иже са были снали на вканныи свѣтъ того дни оу Петра оу Кучкова* как подозрительный и с точки зрения резульативной семантики.

⁵ В Житии Андрея Юродивого есть еще одна неправильная форма из двух аористов, представляющая собой, с точки зрения А. В. Сахаровой [2015: 199], результат гиперкорректного пересчета сверхсложной формы в книжную (*древа же сущаго тамо лѣпота исполнилася бѣаше вонѧ дивны, какоже оуже быхъ забы(х)* [ἐπλάθῃσθαί, аористный инфинитив] и *ч(ѣ)така она и честънаѧ мѣста, каже прѣже походи(хъ)*). Думаем, не исключено также, что простая описка — повтор отрезка *быхъ* — произошла в редкой, совпадающей с условным наклонением плюсквамперфектной форме *быхъ забыль* (о ней см. [Крысько 2011: 830–831; Сичинава 2013: 176 и след.]). Как бы то ни было, эта форма тоже встретила в прямой речи и тоже имеет, как отмечает А. В. Сахарова, антирезульативное значение ('забыл было, а потом вспомнил').

⁶ По данным В. И. Чернова [1961: 51–52], книжный плюсквамперфект встречается в первом и втором лице (что бывает очень редко) в основном в самый ранний период (до XII в. включительно), в XIII в. таких примеров только 3 (причем 2 из них — в формуле летописца *възвратимся въспать, о них же почали бахом*). Согласно В. И. Чернову, это связано с уходом книжной формы из живого языка. Пока не совсем ясно, как объяснить такой статистический эффект (по гипотезе Г. А. Хабургаева, имперфект, а значит и плюсквамперфект с ним во вспомогательном глаголе, отсутствовал у восточных славян изначально); с нашей точки зрения, он скорее связан с кристаллизацией противопоставления «речевых времен» и «времен рассказа» (по Э. Бенвенисту) в книжной норме.

2. Анализ А. А. Зализняка в «Древненовгородском диалекте»

В первом издании «Древненовгородского диалекта» [Зализняк 1995: 157–158] предложен сжатый, но содержательный анализ, учитывающий материал берестяных грамот, где представлен плюсквамперфект. Все эти грамоты, на тот момент уже найденные, упоминаются и цитируются в тексте соответствующего параграфа, за исключением индивидуально не разбираемой в обоих изданиях «Древненовгородского диалекта» грамоты № 4, о которой специально см. [Сичинава 2017] и ниже, раздел 3. В [Зализняк 2004: 175–177] текст этого параграфа изменился мало (некоторые разночтения мы указываем ниже): прежде всего он дополнен ссылками на опубликованные в том же году наблюдения П. В. Петрухина [2004] над функционированием перфекта в плюсквамперфектном значении в летописании, а также А. А. Гиппиуса [2004] о перформативном употреблении книжного плюсквамперфекта в грамоте № 510. А. А. Зализняк рассматривает семантику плюсквамперфекта на бересте, отталкиваясь от классического таксисного значения соответствующих форм в книжных памятниках и подчеркивая различия между регистрами:

В нормальном случае⁷ плюсквамперфект употребляется в берестяных грамотах в иной функции, которая прослеживается также и в некоторых других текстах некнижного характера. Она состоит в обозначении события в прошлом как такового, без подчеркивания его связи с настоящим. Речь может идти, в частности, о событии, которое произошло вчера (а не сегодня), в прошлом году (а не в нынешнем), давно (а не только что) и т. п. Семантический элемент предшествования другому событию в прошлом при этом отсутствует. Как правило, это те ситуации, где в книжном языке был бы употреблен аорист... Наиболее наглядны здесь те фразы, где плюсквамперфект непосредственно противопоставлен формам, отражающим момент речи, т. е. в тексте вообще не упоминается никаких других событий в прошлом [Зализняк 2004: 176].

Констатируется, что значение предшествования в прошедшем отсутствует в грамотах № 705, 502, 675 (именно эти грамоты я рассматриваю в качестве «новых сюжетов» в настоящей статье, см. разделы 4.1–4.3).

Особо А. А. Зализняк выделяет маркирование первого главного предложения рассказа: «Далее могут описываться какие-то другие события... но первая фраза уже относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого» [Там же]. Это типологически хорошо известная в языках мира функция плюсквамперфекта и связанных с ним форм, которую можно назвать «сдвиг начальной точки» [Сичинава 2008; 2013]; в русском языке ее следом, скорее всего, является

⁷ В первом издании [Зализняк 1995: 157] даже сильнее: «Во всех прочих случаях» (т. е. кроме № 366, где усматривается таксисная функция); смягчение связано с тем, что пример из № 510 во втором издании признан перформативным.

сказочная формула *жили-были* [Чернов 1961: 227–232; Петрухин 2007], хотя для нее возможны и другие объяснения (при том что разные версии не являются взаимоисключающими)⁸. В книжном нарративе в схожей дискурсивной функции начала нового эпизода *resp.* введения новых персонажей может выступать и книжный плюсквамперфект [Петрухин 2008: 231–233], и обычный перфект [Klenin 1993; Петрухин 2004], что также имеет типологические параллели.

Ярким примером такого употребления плюсквамперфекта является знаменитая грамота № 724 — письмо новгородского сборщика дани к своему отряду:

- (5) **Ѓ** Савы поклананеє кѣ братьѣ и дрѹжине. **Оставили** ма **были** людѣе, да остане дани исправиѣ было имѣ досени, а по первомѹ пѣти послати и отбыѣти проче. И заславѣ, Захарѣа въ вѣ]ре ѹрокль <...> [далее следует цепочка перфектов] (№ 724, усл. 1160–1180)⁹.

‘От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать досени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил <...>’.

Детали ситуации, отразившейся в грамоте, как и датировка ее, в последнее время стали предметом оживленной дискуссии. Хронологически пока что последнее звено этого спора — большая статья [Петрухин 2019], в которой предложен и обзор предшествующих трактовок этой грамоты. Специально отметим, что классическая интерпретация плюсквамперфекта в грамоте № 724, предложенная в [Зализняк 1995], на протяжении всей дискуссии не подвергалась сомнению; ни в одной из реконструкций сюжета грамоты — при всех расхождениях в деталях между ними — «оставившие» Савву в начале текста «люди» далее уже никак не проявляли себя (что позволяло бы усмотреть здесь, скажем, отмененный результат). А. А. Зализняк предполагает, что такое же употребление может быть представлено и во фрагментированных грамотах № 195 и 300 (о них см. ниже, раздел 4.4).

⁸ Интересно, что, хотя в первом издании «Древненовгородского диалекта» [Там же: 158] эта параллель проводится прямо: «Такое построение вполне сходно с фольклорным зачином *жили-были* <...>, отражающим прежний плюсквамперфект», во втором издании данная фраза снята; очевидно, А. А. Зализняк учел высказанную еще в 1979 г. теорию О. Б. Ткаченко (о которой напомнил Д. Вайс [2003]) о происхождении этой формулы от сериализованной конструкции под финно-угорским влиянием.

⁹ Здесь и далее перевод берестяных грамот (кроме № 4, которая в «Древненовгородском диалекте» не разбирается индивидуально) дается по [Зализняк 2004]; пунктуация в тексте грамот наша.

Далее в «Древненовгородском диалекте» намечена идея «противопоставления» аористического и перфектного, т. е. неактуального и актуального значений; для первого в берестяных грамотах выступает плюсквамперфект. В этой связи А. А. Зализняк упоминает примеры из грамоты Василия Темного 1455–1462 гг. и берестяной грамоты № 213, предвосхищая анализ этих же текстов в [Петрухин 2013] (подробнее см. раздел 3).

В качестве параллели к показаниям берестяных грамот привлекаются также материалы книжных памятников и, в частности, книжных форм плюсквамперфекта, где А. А. Зализняк усматривает влияние «народных употреблений», например:

Еще одна разновидность «народного» употребления плюсквамперфекта — значение «прерванного действия»; ср., например, *и самъ блше пошелъ, но вороти и Аркадь епѣ новгородскии* (Ипат. [1159], л. 177 об.). Отсюда современная конструкция типа *он было пошел, да раздумал*. В берестяных грамотах примеров такого типа пока не встретилось — скорее всего, лишь из-за ограниченности материала.

Отметим, что теперь значение «прерванного действия» можно усматривать как раз в новонайденной надписи об азбуке Стырты из Городища (см. пример (1)), а также, вероятно, в грамоте № 300, о которой см. 4.4.

Кроме того, как уже сказано, с опорой на работу [Гиппиус 2004] во втором издании «Древненовгородского диалекта» особо упомянута единственная встретившаяся на бересте книжная форма (с имперфектом вспомогательного глагола, в терминологии А. А. Зализняка «плюсквамперфект II»). Она выступает в начале официального документа вместо стандартного для такой позиции перформативного аориста. По-видимому, это просто замена одной книжной формы, отсутствующей в живой речи, на другую:

(6) **Съ сталь бышь** Коузма на Здылоу и на Домажировица. Торговала еста сьломъ бѣзъ мьнь, а ꙗ за то сьло пороуцнь <...> (№ 510, усл. ←1220–1240)

‘Вот обвинил Кузьма Сдылу и Домажировича (= настоящим Кузьма обвиняет Сдылу и Домажировича). Вы (двое) торговали селом без меня, а я за то село поручитель <...>’.

Добавим: несмотря на то, что конец этой довольно длинной грамоты не сохранился, версия, согласно которой плюсквамперфект передает аннулированный результат и, таким образом, дело закрыто, менее вероятна. Далее в тексте идет развернутая прямая речь Кузьмы-обвинителя и, главное, императивы, указывающие на необходимость дальнейших действий по делу: ‘Как вы (двое) торговали, так и [возместите] мой ущерб, а иначе пошлите...’ Это не единственная грамота с плюсквамперфектом, где речь идет об официальных юридических действиях; в дальнейшем мы столкнемся еще с несколькими такими сюжетами.

3. Дополнения в работах 2006–2019 гг.

Ряд дополнений к анализу А. А. Зализняка предложен в работе [Петрухин, Сичинава 2006], которая посвящена новой восточнославянской «сверхсложной» форме типа *ходилъ есмь былъ* в типологическом и ареальном освещении.

У **книжной формы** плюсквамперфекта (с имперфектом вспомогательного глагола) значение «предшествования» или прежде всего «перфекта в прошедшем» является стандартным наряду с другими функциями (подробнее см. специально посвященную этой форме работу [Петрухин 2008], а также более краткий обзор в [Сичинава 2013: 187–189]). Результативное значение, очевидно, было исходным, диахронически процент таких употреблений в памятниках понижается (ср. статистику в [Чернов 1961: 76–77]).

Именно эту семантику и отражают последние эпиграфические находки с книжным плюсквамперфектом. Ср. надпись 1093 г. в Софии Киевской (№ 4) о смерти киевского князя Всеволода Ярославича, в которой плюсквамперфект со вспомогательным **бѣ** был впервые реконструирован А. А. Зализняком [2004а: 258–262]¹⁰:

- (7) Въ {въ} великий четв[ѣ]ргъ рака положена бысть. [О]т[о] Анѣдреа, роусьскыи кѣназь благии. А Дѣмитръ ѿль, отрочѣк[ѣ] его, мѣца априла въ 13. А б[ѣ] се(редѣ оу)[м]ѣрль п(о) об[ѣ](дѣ).
 ‘⟨...⟩ а умер в среду после обеда [до того, как прошли похороны и Дмитр оставил эту надпись]’.

Значения этого же типа трижды представлены в городищенской надписи 1138 г. № 1 о смерти Всеволода Мстиславича [Гиппиус, Михеев 2019: 36–40], все три раза с вспомогательным **баше**:

- (8) и год[и](ло) [с]а баше ему бы[т]и Пльско[вѣ] тѣ(гда), т(о)[у же] (и) [пр]ѣ[ста](ви) сѧ
 ‘И случилось ему тогда быть во Пскове, там он и преставился’;
 (9) и погреб[ѣ](оша) и въ сѣ[ѣ]и Т(рои)це, юже баше самъ създаль
 ‘и похоронили его в святой Троице, которую он сам построил’;
 (10) и **уныло б[а]ше** срдце их[ѣ] ту[г](о)ю [п]о (с)воемъ к(н)ѧз[и]
 ‘и сердце их было в унынии от кручины по своему князю’.

Пример (10) передает результирующее состояние в прошедшем (ср. русский перевод, а также современное прилагательное *унылый*).

Примечательно, что книжный плюсквамперфект представлен в эпиграфике в составе записей о смерти князей — очевидно, под влиянием требуемого в таких торжественных текстах книжного стиля. Действительно,

¹⁰ Реконструкция А. А. Зализняка принята и в [Корнієнко 2011: 101–103], где дан, в частности, использующий украинский плюсквамперфект перевод ‘а був середою *номер по обіді*’.

пример (9) отражает стандартный для летописей контекст, где выступает плюсквамперфект, — погребение князя в построенной им церкви. При этом, однако, автор надписи не следует летописному клише, требовавшему, чтобы в таких сообщениях выступал более редкий вариант вспомогательного глагола *бѣ* [Чернов 1961: 221; Петрухин 2008: 216]¹¹. Именно вариант *юже бѣ самъ создалъ* используется в известиях о похоронах Всеволода Мстиславича, которые читаются в летописях, восходящих к Киевскому своду 1198 г. (эти известия процитированы в историческом комментарии к благовещенскому граффито [Гиппиус, Михеев 2019: 39]).

В центре концепции, предложенной в работе [Петрухин, Сичинава 2006] и опирающейся на типологические данные и семантику современной формы *с было*, — представление о том, что значения «предшествования в прошедшем» или «перфекта в прошедшем» для **сверхсложной формы**, в отличие от книжной, как раз не характерны. Она не употребляется также в таких функциях, свойственных книжному плюсквамперфекту, как экспериенциальная, введение нового эпизода или стативное описание природы (типа *болота блху подступили*), см. сравнительную таблицу в [Петрухин, Сичинава 2008: 247]. Для нее предпочтительны интерпретации, связанные с неактуальностью ситуации, в частности нарушением нормального хода ситуации или аннулированным результатом. Последний круг значений может встречаться и у книжного плюсквамперфекта — в том числе и как результат «пересчета» употреблений свойственной живой речи сверхсложной формы (ср. [Хабургаев 1978: 51; Петрухин 2004: 93–96; Петрухин, Сичинава 2008: 246–247]). Данная концепция стала предметом завершившейся в 2015 г. полемики между мной и П. В. Петрухиным, с одной стороны, и М. Н. Шевелевой — с другой (ср. итоговую реплику [Шевелева 2015]); в ходе этой полемики было исследовано много важного материала (как собственно древнерусского, так и восточнославянского XV–XVII вв.) и уточнено много формулировок. Заметим, что подробности полемики к теме настоящей статьи прямого отношения не имеют: М. Н. Шевелева изначально была вполне согласна с тезисом оппонентов применительно к новгородско-псковским памятникам, а разногласия касались в основном исходного значения этой формы, южных и северо-восточных текстов и ее интерпретации в современных говорах; соответственно, в данном цикле работ берестяные грамоты практически не упоминаются.

Сверхсложная форма известна в русской письменности, скорее всего, уже с XI в., причем значение аннулированного результата/неактуального

¹¹ П. В. Петрухин отмечает [Петрухин 2008], что вспомогательное *бѣ*, кроме того, несколько чаще встречается в Ипат. при описании церковных событий. Интересно, что в некрологическом граффито Софии Киевской светский автор, дружинник Дмитр, выбрал форму *бѣ*, а в городищенской надписи о Всеволоде, автором которой был практически наверное кто-то из клириков этой церкви, наоборот, трижды используется более «мирской» синоним *блше*, в том числе даже на месте летописного клише.

прошедшего также отмечено в самых ранних примерах¹². Ср. контекст из ПВЛ по Лавр. (л. 65 об.) под 1074 г.: *се оуже **прелсти** ма **еси былъ**, **дыаволе*** (подробнее об этом месте см. [Петрухин, Сичинава 2006: 201]), пример из Русской правды (см. ниже, (14)), а также пассаж из так называемого Предисловия к Софийскому временнику, для архетипа которого, датирующегося XI в., она реконструируется; цит. по реконструированному тексту [Гиппиус 2010: 184–185]:

- (11) Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожяху жены их в серебряныхъ; и **роплодили были** землю Рускую. За наше несытство навелъ Богъ на ны поганья, а и скоты наши и села наша и имѣния за тѣми суть, а мы своихъ злыхъ дѣлъ не останемъ.

Значение аннулированного результата особенно хорошо видно из отмеченной А. А. Гиппиусом параллели из рассказа о мести Ольги древлянам, где те же слова использованы (в ином контексте) без идеи последующей деградации и, соответственно, уже без **были**:

- (12) А наши князи добри суть, **расплодили** землю нашу (НПЛ по Комис., 945, л. 32 об.).

В рамках этой концепции как антирезультативный в работе [Петрухин, Сичинава 2006: 203] переинтерпретируется и следующий пример из берестяной грамоты № 366, представляющей собой итог разбирательства по «бессудной грамоте». А. А. Зализняк [1995: 157; 2004: 175] видел в нем таксисное значение (предшествование в прошедшем, а именно по отношению к ситуации, выраженной аористом).

- (13) Съ урадѣса Аковъ съ Гюрьгъмо и съ Харѣтономъ по бьсудной грамотѣ, цто **быль возаль** Гюрьгѣ грамоту в ызьѣжной пышьнѣцѣ, а Харѣтоно во проторѣхо своѣхъ <...> а боль нѣ надобѣ Гюрьгю нѣ Харѣтону до Акова, нѣ Акову до Гюрьга нѣ до Харитона <...> (№ 366, усл. ←1360–1380)

¹² Один из самых ранних дошедших до нас в подлиннике примеров сверхсложной формы, возможно, даже старше первых берестяных грамот — во фрагменте записи писца Завида, находящемся внизу вставного листа 178об. Архангельского евангелия. Идентификация этой формы предложена в работе [Гиппиус, Михеев 2020: 136]; там же ссылки на предшествующую литературу и на предлагавшиеся датировки вставного листа, не исключаяющие конца XI в. — само евангелие датируется 1092 г. — и всего XII в. Приписка гласит: *Завидъ пѣаль б[ыл]ъ а[к]*... и сопровождает выполненную, видимо, самим же Завидом заставку; кроме того, руке Завида в указанной работе атрибутируется и расположенный на том же листе и смытый еще в древности текст (отметим, что запись может относиться именно к нему). По столь малому фрагменту сложно судить о семантике и прагматике формы, однако запись Завида можно гипотетически сопоставить с городищенской надписью об азбуке Стырты (см. выше, пример (1)).

‘Вот расшелся Яков с Гюргием и с Харитоном по бессудной грамоте, которую Гюргий взял [в суде] по поводу вытопанной при езде пшеницы, а Харитон по поводу своих убытков. <...> А больше нет дела Гюргию и Харитону до Якова, ни Якову до Гюргия и Харитона <...>’.

После договора по «бессудной грамоте» стороны отказываются от взаимных претензий по поводу помятой пшеницы Гюргия и «проторей» Харитона, и действие выданных раньше документов по поводу причиненного ущерба тем самым прекращается.

Среди контекстов со сверхсложным восточнославянским плюсквамперфектом вообще много юридических и судебных¹³; по-видимому, хронологически первым из них является пример из Русской правды (архетип второй половины XI или начала XII века) по списку Новгородской кормчей конца XIII в., где при помощи этой формы эксплицитно вводится отмена старой нормы и установление новеллы:

- (14) Аче кдѣ налѣзѣтъ оудареный тѣ своего истѣча, кто же ѹго оударилъ, то Юрославъ **быль оуставиль** и оубити; нѣ снѣ ѹго оуставиша по вѣи на коуны, любо и бити розвазавше, или взяти грѣвна кунъ за соромъ (л. 624–624 об.).

Судебная бюрократическая документация возникает, как известно, на Руси достаточно поздно. Систематически подобные тексты начинают фиксироваться на пергамене, а затем и бумаге только с конца XIV в., т. е. уже в самый поздний период берестяной письменности как таковой [Гимон 2016: 18], и именно концом XIV и особенно первой половиной XV в. датируются почти все судебные документы на бересте [Там же: 22–23]. Возможным исключением Т. В. Гимон признает «две грамоты XIII в., для которых

¹³ Специально отметим, что результативные «датирующие» формулы в нескольких смоленских документах — в различных списках грамоты 1229 г. или в судебной грамоте о немецком колоколе 1284 г. типа *Коли са грамота псана, ишл(о) был(о) ѿ Ржѣтва Гѣна до сего лѣта 1000 лѣ^м и 200 лѣ^м и 8 лѣ^м и 20*, как отметил П. В. Петрухин [2012: 482], — не имеют отношения к семантике древнерусской формы, будучи явными грамматическими кальками с немецкого оригинала, что видно, между прочим, и по другим деталям (ср. *8 лѣ^м и 20* = *achtundzwanzig*). В смоленской грамоте о колоколе 1284 г., представляющей древнейшую пергаменную запись судебного решения [Гимон 2016: 27], в *sortobogatio* в составе списка немецких истцов есть и еще один претендент на сверхсложную форму: *а отъ немецъ были на суде искали колокола Янъ, Альбратъ изъ Брюнъжвика, Генъци, Яганъ, Варенъдоръпръ*. Если это действительно древнерусская сверхсложная форма, теоретически ее выбор может объясняться тем, что в деле поставлена точка, и претензии истцов удовлетворены, но никакой уверенности в этом нет; помимо несомненно наличествующего в других точках текста немецкого влияния, вполне возможно, что *были* и *искали* — два сказуемых (см. выше там же список княжеских бояр: *А ту были на суде со мною бояре мои...*).

связь с судом — лишь одна из возможных интерпретаций» [Там же: 23]. И речь идет именно о грамотах № 510 и 213, в которых встретился, пусть и в разных функциях, плюсквамперфект. Здесь же рассматривается и только что упомянутая более поздняя грамота № 366 [Там же: 41–42].

Значение «аннулированного результата» обычно для сверхсложной формы деловых грамот Великого княжества Литовского и Московской Руси XV–XVI вв. [Горшкова, Хабургаев 1981: 338–339; Петрухин 2013: 91], причем иногда с перформативным оттенком (в принципе возможна ситуация, при которой в тексте вообще ничего больше не указывает, что сделка/претензия неактуальна; примером служит анализируемая П. В. Петрухиным пространная грамота Софьи Витовтовны 1451 г. [Петрухин 2013: 84–85]). Схожий анализ допускает и прямая речь князей — «княжеские послания» в составе летописей, в частности при помощи сверхсложной формы недействительным часто объявляется крестоцелование [Там же: 89–90].

Если в других типах текстов (например, в летописном нарративе) действие, обозначенное (сверхсложным прошедшим), его «отмена» и наступление новой ситуации обычно развертываются в хронологической последовательности, то в данном случае упомянутое действие отменяется самим этим письменным актом. Иными словами, здесь сверхсложная форма не отсылает к информации об отмене действия в последующем тексте и не просто сообщает о том, что действие отменено, а непосредственно отменяет его: в этом смысле слова *велѣль быль* и *не велѣль* практически означают одно и то же [Там же: 84].

Именно сюда П. В. Петрухин [Там же: 91] относит еще один «судебный» пример из берестяной грамоты (развивая мысль о противопоставлении в этом тексте актуального и неактуального планов, вскользь уже высказанную в [Зализняк 1995: 158]):

(15) Про Местаткѣ память на Радослава, како **ѡказало было** на Местатке 7 гривено про женню татѣѣ, бѣди с то сѣднею кѣне, а само пощипало в ыномо сѣде за то четвртои жеребеи (№ 213, усл. 1240–1260→)

‘Память на Радослава (т. е. памятная записка о его обязательствах) по поводу Местятки — о том, что он (Радослав) завещал (не указано, кому) получить с Местятки 7 гривен за кражу у жены (очевидно, Радослава), если станут в такую сумму судные деньги, а сам он получил в другом суде [свою] четвертую часть’.

Это очень темный текст с разными толкованиями стоящей за ним юридической ситуации (изложение предлагавшихся версий см. в [Гимон 2016: 33–36]), однако здесь налицо нарушение стандартного хода событий: Радослав уже получил свою долю за то же самое «в другом суде» (ср. эксплицитное противопоставление *а сам(ъ)...*), поэтому, вероятно, его распоряжение взыскать деньги с Местятки аннулируется. Кроме того, в статье

[Петрухин 2013] разбирается и берестяная грамота № 705, к анализу которой я в настоящей работе добавляю некоторые собственные соображения и параллели (см. о ней ниже, раздел 4.1).

В статье [Сичинава 2017] впервые разобрана не прокомментированная в «Древненовгородском диалекте» форма из берестяной грамоты № 4, также связанной с официальным обвинением (нарушением условий поручительства и санкциями против поручителя):

- (16) Цто ксьмь (...)руциль оу Петра на Городищѣ, н(ынѣ ма) **Юрги былъ выдалъ**: со двора н(ы ...) не увѣдалъсѧ, а мене выдалъ <...> (№ 4, усл. 1320–1340→)
 ‘Что касается того, что я (за Юрия) поручился у Петра на Городище, н(ыне меня) Юрий подвел: с дворянами... не расплатился, а меня подвел <...>’.

Однако здесь функция плюсквамперфекта, с моей точки зрения, уже другая, с аннулированным результатом не связанная. В первой же независимой клаузе рассказа (относительно первого придаточного предложения наши сведения недостаточны) употреблен плюсквамперфект, сигнализирующий начало (микро)нарратива, причем кратко резюмирующий его: как и в начале грамоты № 724, говорящий попал в сложную ситуацию (не исключено, что он уже арестован, так как далее упоминается «железное» — пошлина судебному исполнителю, который заковывает несостоятельного поручителя в оковы). Следующая независимая клауза эксплицирует предыдущее утверждение — каким именно образом Юрий «выдал» Микиту, — подробнее описывая ту же ситуацию при помощи того же глагола, но уже в перфекте. В дальнейшей фрагментарно сохранившейся части грамоты речь идет о том, каким образом адресату грамоты (Черту) вызволять Микиту, собирать деньги для внесения штрафа за него и приводить в порядок его домашние дела. Похожее дублирование «озаглавливающего» плюсквамперфекта тем же самым глаголом в обычной нарративной форме имеется в летописи — здесь мы имеем дело уже с книжными формами (плюсквамперфектом с *бѣ* и аористом соответственно):

- (17) В то же верема **пришель бѣ** Гюргевичъ старѣишии Ростиславъ, роскоторавъсѧ съ ѿцѣмъ своимъ, вже емоу ѿѣ волости не да в Соуждалиской земли, и **приде** къ Изаславо(у) Киевоу (КЛ по Ипат., 1148, л. 134).

Как указал нам анонимный рецензент, не исключено, что с таким же дублированием (в составе прямой речи с книжными формами) мы имеем дело и в примере (24), хотя он допускает и семантизацию выбора глагольной формы (см. подробнее ниже).

В работе [Сичинава 2018] рассматривается также материал берестяных грамот с точки зрения порядка подлежащего и сказуемого в предложениях с плюсквамперфектом. В современных русских конструкциях с частицей

было, которые происходят от сверхсложного плюсквамперфекта, порядок VS является маркированным и связан среди прочего с введением в рассмотрение новой ситуации, а порядок SV статистически значимо преобладает (поскольку частица *было* является, в частности, показателем глагольного фокуса). Оказывается, что есть основания считать данный механизм древним, поскольку порядок VS налицо и в берестяной грамоте № 724 со «сдвигом начальной точки» (*оставили мя были людье*), и в вводящих новый эпизод примерах книжной формы из летописи типа (17), не говоря о фольклорных формулах с *жили-были*. В то же время для грамоты № 300 (см. ниже, раздел 4.4) и уже упомянутой грамоты № 4, где также теоретически можно предполагать «озаглавливающую» функцию плюсквамперфекта (в обоих случаях это первое предложение текста, хотя дальнейший текст фрагментирован), выбран порядок SV, поскольку подлежащее в обоих случаях уже введено в рассмотрение. *Терохъ* фигурирует в адресной формуле № 300, в то время как имя субъекта поручительства — *Юрги* реконструируется на месте лакуны в составе зависимой клаузы грамоты № 4 с большой вероятностью.

Сверхсложную форму восточнославянского плюсквамперфекта с точки зрения порядка слов, а именно энклитического статуса элемента *был-*, недавно изучал А. В. Циммерлинг [2019] (анализируется порядок *далъ есмь былъ* vs. *далъ былъ есмь*; второй является более поздним и утверждается в ряде региональных и жанровых норм с XV–XVI вв.), но, как отмечает автор, берестяные грамоты не дают для истории этого вопроса достаточного материала: сочетание двух вспомогательных глаголов представлено только в грамоте № 195 (начало XIV в.), где оно отвечает старой норме: *реклъ ꙗси былъ*¹⁴.

4. «Новые» сюжеты

К этой картине можно добавить несколько новых сюжетов. Плюсквамперфект, по словам П. В. Петрухина, — «дискурсивная категория *par excellence*. Отсюда для его анализа, как правило, требуется привлечение широкого контекста» [Петрухин 2008: 214]. В нашей совместной статье отмечено, что, несмотря на наличие на бересте девяти сверхсложных форм, «к сожалению, значение некоторых из них остается неясным ввиду отсутствия контекста» [Петрухин, Сичинава 2008: 240].

Попытаемся заполнить эту лакуну, разобрав оставшуюся половину (5 из 10) берестяных грамот, в которых представлен плюсквамперфект.

¹⁴ Как отмечено в [Сичинава 2017], теоретически можно реконструировать еще одно *былъ* в первой лакуне датируемой тем же веком грамоты № 4 (см. выше), что тоже отвечало бы старому порядку рангов; однако это, конечно, как минимум не обязательно.

Речь пойдет о двух полностью сохранившихся документах, где детали излагаемой ситуации действительно не вполне ясны (что обычно для берестяных грамот) из-за лаконизма формулировок и большого объема подразумеваемой информации, а также о трех фрагментах писем. Я полагаю, что употребление плюсквамперфекта в этих пяти случаях связано с антирезультативными функциями, а именно нарушением нормального хода ситуации, ее «сценария по умолчанию» (о таком значении применительно к современному русскому *было* см. [Barentsen 1986; Князев 2004; Kagan 2011] и др.). В контексте истории ранней семантики русской формы важно, что из этих пяти грамот три (обе целые и самый большой фрагмент) относятся к числу самых ранних (XII — начало XIII в.; см. список в начале статьи). В то же время самая поздняя грамота, содержащая плюсквамперфект (№ 300), интересна с точки зрения дальнейшей экспансии этой формы в сторону более широкой сочетаемости с несовершенным видом.

Как уже сказано выше, в качестве параллелей к разбираемым пяти грамотам будут приведены контексты не просто со сверхсложной формой, а с теми же (или однокоренными, или по крайней мере синонимичными) глаголами.

4.1. «Слышу больну сестру»: нарушение планов

Письмо от Домажира к Якову (грамота № 705) уже толковалось как пример перформативного антирезультативного употребления сверхсложной формы [Петрухин 2013: 91]. Тем не менее уместно, на мой взгляд, вернуться к этому тексту и уточнить некоторые детали.

Подробности конфликта между автором и адресатом не совсем ясны, но, очевидно, они связаны с изменившимся отношением адресата к его жене, сестре Домажира; автор предлагает Якову принять определенные меры (если сестра жива, прислать ее, а если она умрет, то ее сына и загадочную «знатьбу» — по-видимому, документ) под угрозой «предать его святой Богородице».

- (18) + Покланание ѿ Домажира ко Якову. А оу тебе слышоу, цето ты моловише. Оце е тобе н[е] годена, а попроводи ко мене сестроу. Азь **быле** лони **наделиле**, а ныне быхо посолале. А ныне слышю болену сестроу: оце ю Бѣ поемете, а присоли с(ы)но ко мене со ее знатебою <...> (№ 705, усл. 1200–1220→)

‘Поклон от Домажира Якову. Я слышу, что ты говоришь (т. е. мне прочтено твое послание). Если она тебе не угодна, то отошли сестру ко мне. Я в прошлом году [ее] наделил (т. е. выделил ей в надел какое-то имущество), а теперь я бы [ее наделок] послал. А теперь я слышу (= ты мне сообщил), что сестра больна. Если ее Бог приберет, то пришли сына ко мне с ее “знатьбой” <...>’.

Фраза *Азь быле лони наделиле, а ныне быхо посолале* не относится к самым прозрачным в этом и без того трудном тексте прежде всего из-за эл-

липисиса всех дополнений (не сообщается ни кого и чем автор «наделил», ни кому и что именно он «послал бы»); несомненно, Якову всё это было и так понятно). По-видимому, плюсквамперфект здесь можно интерпретировать следующим образом. Домажир в прошлом году принял решение о выделении сестре того или иного имущественного или денежного надела и собирался ей сейчас какую-то часть этих средств послать. Однако действия Якова, адресата письма, и болезнь сестры нарушили его планы. По П. В. Петрухину, Домажир «отменяет принятое ранее решение об отправке Якову приданого сестры». Иными словами, сестра вышла замуж год назад, но ее приданое (причитающееся Якову) почему-то надолго задержалось, а тем временем у молодых уже родился сын, которого Домажир предлагает, в случае смерти сестры, прислать к нему, *оте побоуде сыно у мене, а а сла имо потешоу*. Едва ли, впрочем, речь идет о том, чтобы отправить с документом осиротевшего грудного младенца. Даже если допустить, что имеется в виду сын сестры Домажира от первого брака, по-видимому, ближе к истине версия А. А. Зализняка [2004: 422; см. перевод выше], где говорится не о сестрином приданом Якову, а об имущественном наделе Домажира для самой сестры, обоснованность которого не ставится под сомнение и не зависит от ситуации (скорее наоборот, в случае ее болезни и предстоящего разрыва с мужем его важность возрастает). Другое дело, что Домажир готов отменить подготовленную отправку ценностей, если сестра умрет (тогда наследником надела станет ее сын, который в этом случае должен приехать к дяде — причем, возможно, вместе с завещанием или иным имущественным документом матери, подтверждающим его права на надел) или же живая вернется от Якова к брату.

Тогда в комментарии нуждается выбор глагольных форм: глагол *надѣлѣти* стоит в сверхсложной форме, а глагол *послѣлати* — в ирреальном сослагательном наклонении. По-видимому, это ситуация нарушения более широкой, чем само выражаемое глаголом действие, «макроситуации» (в терминологии Ю. П. Князева [2004]), т. е. семантика, хорошо известная у современного русского *было* и у плюсквамперфекта в других славянских языках (ср. [Сичинава 2019: 42]). Ситуация может быть задумана, но не осуществиться; начаться, но прекратиться в ранней фазе; или же, наконец, материальный результат может быть достигнут, однако ожидаемые «инерционные» последствия («возможные миры») не имеют места в действительности [Kagan 2011]. В любом случае «прерывание ее [ситуации] естественного развития, по всей видимости, всегда включено в линию повествования в качестве очередного этапа в последовательности описываемых событий» [Князев 2004: 301–302].

В берестяной грамоте № 705 решение о наделе не отменено, но запланированный сценарий его передачи может быть с высокой долей вероятности нарушен (например, из числа его прямых или косвенных бенефициаров будет изъят Яков). В данной работе я выделяю «нарушение нормального

хода ситуации» в особую группу значений древнерусской сверхсложной формы¹⁵.

Интересная параллель к употреблению плюсквамперфекта в берестяной грамоте № 705 находится в полоцкой грамоте 1440–1450-х гг. [ПГ, № 111]. Наместник полоцкого воеводы Омелян обращается к властям Риги с просьбой вернуть некого Зубца, принявшего в Риге католичество беглого слугу воеводы Андрея Саковича, а также присвоенные Зубцом два рубля, и угрожает рубежом, т. е. конфискацией за его вину (на соответствующую сумму) товара у рижского купца. Финальная фраза его письма:

(19) Нѣ втошлѣтъ ли моихъ дву рублѣвъ, и ꙗ здѣ вашего доброго рижанина порублу оу тыхъ дву рублѣхъ, занужь тие два рубли ꙗ **быль** на конь **послалъ**.

(Интересно, что это предложение из полоцкой грамоты уже привлекалось как параллель при исследовании берестяной письменности — именно близкое сходство фразы помогло разгадать А. А. Зализняку загадку глагола *выроути* в берестяной грамоте № 246 XI в. [Зализняк 1986: 171], кстати, тоже, возможно, посланной из Полоцка: *а не присълеши ми полоу паты гривны, а хоцоу ти выроути въ та лоуцьшаго новъгороджанина.*)

Пояснение *занужь тие два рубли ꙗ былъ на конь послалъ*, как отмечают издатели, приписано в конце грамоты тем же почерком, но другим пером и, вероятно, позже. Это важная деталь, показывающая, что выбор глагольного времени в этой клаузе диктовался не просто последовательностью времен и не выбором прошедшего времени в основном нарративе, а несет самостоятельную значимую нагрузку, важную в контексте приписки. Наместник Омелян уже полностью («на конь») переправил два рубля Зубцу, который рассказывал воеводе после первой самовольной отлучки о своих имущественных делах в Риге (и под предлогом приведения этих дел в порядок скрылся туда повторно). Значения «отмененный материальный результат» тут заведомо нет, деньги как раз не вернулись; зато выяснился обман Зубца и его намерение остаться в Риге навсегда. Соответственно, Омелян, «наделивший» Зубца, хотя и не безвозмездно, и рассчитывавший получить с него долг по возвращении (а, может быть, и на то, что Зубец вложит этот капитал в какое-то свое дело в Риге, которое принесет доход), поменял планы и намерен срочно требовать с него эту

¹⁵ Ср. также прагматически диктуемый выбор сверхсложной формы плюсквамперфекта с глаголом *послѣати* в статье Киевской летописи, где о чистом аннулировании результата речь не идет: *язъ Витебска стоупилъ тобѣ, и посолъ былъ свои послалъ есмь ко братоу Дѣдѣи и повѣдаѣ емоу, ажъ есмь состоупилъсѣ Витебска тобѣ. Ты же, того не дождавъ, послалъ еси снѣца своѣа ко Витебскоу* (Киев. лет. по Ипат., 1195, л. 238 об.), специально анализируемой П. В. Петрухиным [2013: 82–83]: «хотя посол Рюрика, очевидно, благополучно добрался до Смоленска, план киевского князя провалился».

сумму¹⁶. Подобное употребление можно отнести к перформативным в смысле работы [Петрухин 2013], и вместе с тем речь идет не столько об аннулировании кредита, сколько о нарушении изначально предполагавшегося сценария.

4.2. «Како ти былъ ѿ Ивана ѿлъ»:

отмена результата или нарушение правил

Грамота № 502 получила в начале XXI в. некоторую известность, когда В. Л. Янин построил ее в сюжет, носивший почти детективный характер. Речь идет о записке, посланной владельцу усадьбы, знаменитому священнику-художнику Олисею Гречину с предписанием допросить Гавка-полочанина, который «сейчас войдет» (возможно, на судебное заседание):

(20) ѿ Мирслава к Олисьеви ко Грициноу. А [т]оу [т]и вънидыте Гавъко-полочанино. Прашаи его, кодь ти на господь витаеть. Ать ти видьло, како ти **было** ѿ Ивана **ѿлъ**, постави и пьредь людьми, како ти взмолвить (№ 502, усл. ←1180–1200)

‘От Мир(о)слава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями, как он скажет’.

В версии В. Л. Янина, которую он назвал «тридцать лет спустя», этот процесс образует единую историю с письмом, найденным через три десятилетия после № 502 на том же Троицком раскопе: *ѿ Дьмашеке къ Братилю. Иди вко стол во гьродь: выправили ти есмь сыно съ Гавошею* (№ 934), и с фрагментом № 803, где упоминаются Братила и Полоцк.

Эту версию (с большей долей осторожности) резюмирует А. А. Зализняк:

Как видно из № 803, Братила каким-то образом связан с Полоцком (...). Отсюда некоторая вероятность того, что Гавша — это не кто иной, как Гавко-полочанин из грамоты № 502, и что в № 502 и 934 отражен один и тот же драматический эпизод: посадник Мирошка (Мирослав) арестовал Братилюва сына Ивана на глазах у полочанина Гавка (Гавши). Его удалось освободить лишь благодаря активным действиям Домашки и свидетельским показаниям Гавка. После этого Домашка немедленно вызвал в Новгород Братилю: видимо, тот должен был вернуть заплаченные Домашкой за его сына деньги и, может быть, произвести какие-то дополнительные юридические действия [Зализняк 2004: 410].

Таксисная трактовка для этой формы, как отмечено уже в [Зализняк 1995: 158], невозможна, поскольку ‘видел, как арестовал’ — это не предшествование, а одновременность действий. Вместе с тем выбор плюсквам-

¹⁶ В этой полоцкой грамоте есть еще два плюсквамперфекта. Оба они отражают значение аннулированного результата и относятся к первой отлучке Зубца в Ригу (*паньскии слуга Зубъць първо былъ збродиль* — а потом возвращался; *пань былъ ему гнѣва ѿпустиль* — а теперь опять гневается).

перфектной формы можно обосновать, если предположить, что предметом разбирательства является, по крайней мере в числе прочего, сам факт или сами обстоятельства задержания Ивана Мир(о)славом, которые так или иначе оспорены как необоснованные¹⁷, и тем самым стандартный ход ситуации нарушен. Собственно, иначе не совсем ясно, зачем нужен этот судебный сценарий и вызов в суд дополнительных лиц¹⁸ в зависимости от того, был ли Гавко свидетелем именно ареста Ивана, а не преступления, в котором того обвиняют. Незаконный арест, например, запрещался в международных договорах — Смоленска с Готландом, в новгородско-ганзейских отношениях, — а также в позднейших соглашениях Новгорода с московскими князьями. Участие в деле свидетеля-неновгородца (полочанина) может и тут указывать на что-то подобное, например на полоцкое происхождение и самого задержанного Ивана (ср. указание издателей на напряженность новгородско-полоцких отношений в последнем двадцатилетии XII в. и неоднократное заключение мирных договоров [Арциховский, Янин 1978: 98]).

Разумеется, в добавление к «нарушению нормального хода ситуации» вполне вероятен и просто «аннулированный результат», диктующий выбор плюсквамперфекта наиболее прямым образом, а именно, что Иван сейчас уже попросту физически не находится под стражей, — он сбежал или его выпустили. Действительно, в летописи имеется пример сверхсложного плюсквамперфекта в придаточном предложении (причем, что редкость, в нарративе, а не в прямой речи), образованного от приставочного глагола *приати* ‘арестовать’:

- (21) В се же лѣто посла Всеволодъ Сѣтополка в Новѣгородъ шюрина своего, смолваса с новгородьци, которыхъ то **быть приати**, и поѣхаша и новгородци и сѣде и на столѣ (КЛ по Ипат., 1142, л. 114 об.)
‘В тот же год Всеволод, договорившись с новгородцами, которых он задержал, отправил в Новгород Святополка, своего шурина. И новгородцы его приняли, и воссел он на княжеский стол’.

Здесь речь идет о договоренности Всеволода Ольговича Киевского с ранее задержанными им новгородскими послами, после которой он отправил в Новгород княжить Святополка, а послов, очевидно, освободил;

¹⁷ Этому не мешают даже высказывавшиеся ранее просопографические гипотезы, например отождествление Мир(о)слава с посадником Мирошкой Нездичичем. Можно представить, что арест Ивана оспорили, например, люди князя или архиепископа, в случае внешнеполитического скандала это вероятно. Возможны и другие сценарии.

¹⁸ П. В. Лукин при обсуждении этой грамоты указал, что под «людьми», которых должен был предоставить Гавко-полочанин, могли иметься в виду не свидетели самого события, а гаранты хорошей репутации участников процесса (ср. также [Лукин 2016: 142–144]).

именно так указанная ситуация интерпретирована в Московском летописном своде XV в. (ср. подробнее об этом сюжете [Петрухин, Сичинава 2008: 238]; предложенный в данной работе новый перевод ключевого глагола принят в [СлДРЯ XI–XIV], s. v. *прияти*).

Таким образом, янинская реконструкция, если по-прежнему допускать ее вероятность (вариант с признанием Ивана полочанином разрушает данную версию, поскольку Братила из грамот № 803 и 934 — новгородец [Зализняк 2004: 410]), нуждается по меньшей мере в уточнении деталей: усилия Гавка-полочанина именно для освобождения Ивана, возможно, уже не нужны, хотя если *выправити* в грамоте № 934 значит «оправдать», «юридически очистить», то выяснение обстоятельств ареста было бы не лишним.

Теоретически допустима даже версия, что в грамоте № 502 *было* — не согласованный плюсквамперфектный показатель (т. е. записанное по бытовой графике *⟨быль⟩*), а форма полнозначного глагола *быти* в среднем роде (как это место читали еще издатели в «дозализняковскую» эпоху, когда бытовая графика систематически недооценивалась [Арциховский, Янин 1978: 97–98]). Тогда получившаяся конструкция значит «как **именно** я арестовывал», «как это было, что я арестовал» (ср. отмеченное в том числе на бересте новгородское «избыточное *есть*», у которого в качестве коррелята существует и избыточное *было*, ср. [Шевелева 1993; 2007], или данные современных русских говоров, о которых см. [Петрухин, Сичинава 2006: 208–210]); к контексту это подходило бы неплохо. Однако, на мой взгляд, усматривать такую конструкцию для текста конца XII в. без иных свидетельств рановато; избыточное «удостоверительное» *есть* отмечено в памятниках только с XIV в.

4.3. «Богъ межи нама послухъ былъ»: нарушение джентльменских договоренностей

Имеется ряд фрагментарных текстов, где плюсквамперфект представлен в начале грамоты, однако конец текста утрачен. Поэтому толкование ситуации может быть только гипотетическим (в частности, можно рассматривать значение «сдвиг начальной точки» в первой фразе нарратива). Тем не менее по определенным «ключам» в начальной части каждой грамоты (а также исходя из самой прагматики берестяной переписки) есть основания полагать, что нормальный ход ситуации и здесь так или иначе нарушен.

- (22) (...къ Мила)т[ѣ. Б]рать Милато! Киевѣ Бгъ мѣжи нама послоухо былъ: фофоудѣи **быль** твоихъ 9 **рыкъ** а собѣ ⟨...⟩ (№ 675, усл. ←1140–1160→)
 ‘[От ... к Милате]. Брат Милята! В Киеве Бог был свидетель между нами: из твоих фофудий девять выговорил я себе ⟨...⟩’.

Договоренность автора с Милятой (слово «брат» не обязательно понимать как буквальное указание на родство, тем более в контексте апелляции к христианской совести) достигнута, как это бывало у купцов, «на слово»,

даже без земных свидетелей, ср. известные конструкции с упоминанием Бога как единственного гаранта: *вольнѣ Богу и тобѣ, а то Богови и тобѣ* и т. п., подробно разбираемые А. А. Зализняком [1986: 180–181]: речь об уговоре, согласно которому девять Милятиных фофудий должны были достаться автору. Судя по тому, что об этом пришлось напоминать, причем именно с апелляцией к незримому свидетельству Бога (ср. отмеченную в купеческих письмах XII в. формулу ‘побоявшись Бога’, № 548, 881), а далее излагается — с недоверием, как это видно уже из самого глагола *творити*, — Милятина версия событий: *[тво]риши при[и]шь Соуж[ь]далоу роздаавъ въ дългъ* ‘ты утверждаешь, [что] придя (или: пришел) в Суздаль, раздав в долг...’, эта договоренность как-то нарушена. Ср. новгородский пример с этим глаголом и сверхсложной формой, где речь идет о нарушенном обещании и последующем отказе обманутой стороной от крестоцелования:

- (23) А княжицю Ростисла(ѿ) поу(ѿ) показаша с Торожоу кѣ оѿѿи въ Църниговѣ: «Ка(ѿ) оѿѿ твои **реклѣ былѣ** въсѣсти на коне на воиноу съ Въздвигениа и кр(ѿ)тъ цѣловаль, а се оуже Микулинѣ днѣ. Съ на(ѿ) кр(ѿ)тное челованиѣ, а ты поиди прочѣ, а мы собе кнѣза промыслимъ» (НПЛ по Синод., 1230, л. 112 об.).

Интересен комментарий к этому и ряду других примеров в [Чернов 1961]; несмотря на отсутствие в то время адекватного языка для описания полисемии плюсквамперфекта, автор явно почувствовал семантику «нарушения нормального хода событий»:

В ней [«новой форме плюсквамперфекта»] обнаруживается интенсивное развитие противительных отношений и чрезвычайное богатство модальных значений. Иногда противительные отношения не оформляются грамматически. В этих случаях противопоставляются сами по себе действия, начальное и последующее, когда результат совершения последующего действия влияет на протекание начального действия, выраженного плюсквамперфектом... Констатация последующих обстоятельств свидетельствует о неуверенности, о сомнении в истинности слов отца князя [Там же: 237–238].

Несколько более сложная ситуация в примере с этим глаголом из Галицко-Волынской летописи:

- (24) Мъстиславъ же р(ѣ)е еп(ѿ)поу брата своего: «Г(ѿ)не, рѣѣ, бра(ѿ) мои! кѣ сего ци хотѣлъ, ѡже бы мнѣ искати твои землѣ по твоємъ животѣ? Сего ни на ср(ѣ)цѣ моемъ не было, но **реклѣ ми есѣ былѣ** в Лахохѣ, коли есмь былѣ с Телебоугою и Ал(ѣ)ѡемъ, а братъ мои Левъ тоуто же, и снѡвецъ ми Юрьи. Ты же, г(ѿ)не мои братъ мои, прислалѣ ко мнѣ, тако река: «Мъстиславе, даю ти землю свою всю и города по моемъ животѣ» (ГВЛ по Ипат., 1287, л. 298 об. — 299).

В этом эпизоде бездетный больной князь Владимир Василькович устно завещает кузену Мстиславу Даниловичу свой удел, однако после того, как Мстислав начинает распорядиться наследством при жизни Владимира, тот

требует заключения уже письменного договора на тех же условиях. Мстислав кается и соглашается на такой договор, тем самым старое устное соглашение («джентльменское», как и в грамоте № 675, но при земных высокопоставленных свидетелях; не случайно они тут же перечисляются) скомпрометировано этим скандалом, и составляется письменный документ (который тут же и приводится в летописи)¹⁹.

Итак, в грамоте № 675 достаточно информации, чтобы с очень высокой вероятностью предполагать значение «нарушение нормального хода ситуации».

4.4. Фрагментарные грамоты: что-то могло пойти не так

С плюсквамперфекта начинается изложение сути дела еще в двух, уже поздних грамотах, в обоих случаях сразу после адресной формулы, но, к сожалению, текст сохранился даже хуже, чем в № 675, — налицо только самая первая клауза. Напомним, что оба эти текста А. А. Зализняк [1995; 2004] рассматривает в одном ряду с грамотой № 724, где выражено классическое значение «сдвиг начальной точки».

- (25) (ѿ О)[л]ексѣа ко Гаврилѣ. **Рекль ѿси былъ** во своємъ селѣ верши всѣ добры и араа жита... (№ 195, усл. 1300–1320)
 ‘От Олексея к Гавриле. Ты говорил, что в твоём селе хлеба все хороши и яровой ячмень...’.

«Ты говорил, что всё хорошо» — нормальное начало для грамоты, смысл которой — сообщить Гавриле, что «оказывается, всё плохо» (не случаен выбранный А. А. Зализняком для перевода этой грамоты несовершенный вид, выражающий в современном русском языке именно это значение!). Кроме того, выше разобраны ((22)—(24)) три примера с *рекль* в составе сверхсложной формы (в том числе второго лица); во всех случаях речь идет о неактуальности заявления или обещания. Но, конечно, здесь теоретически не исключено и начало какого-то другого сюжета.

- (26) (Челобит)иѣ ꙗ́гну Михаи(лу Ю)рѣвицю ѿ Тороха и ѿ Тимошѣ.
И Торохъ возилесь быле в - - -имовѣ²⁰ хоромѣ, а (Ти)мошка въ Тороховѣ... (№ 300, усл. 1420–1430)

¹⁹ Возможна и другая трактовка. Как указал анонимный рецензент, «нельзя не отметить... что этот пример близок к примерам 16 и 17, в которых одно и то же действие обозначается дважды: первый раз, в начале микронарратива, плюсквамперфектом, второй раз, при более подробном описании той же ситуации — перфектом/аористом».

²⁰ Можно попробовать дочитать это имя. В издании тут читалось (Ма)ѣимовѣ (и приведена соответствующая прорись с верхом от ѣ), но такой вариант невозможен как из-за видных на фотографии остатков буквы перед *и*, так и из-за ширины буквы *м*, не помещающейся в лакуну. Он снят уже А. А. Зализняком [1986: 201], но лакуна в дальнейшем осталась незаполненной. Перед *и* виден верх от *х* (ср., в част-

‘[Челобитье] господину Михаилу Юрьевичу от Тереха и от Тимошки. Терех въезжал (переезжал) в ...имов дом, а Тимошка в Терехов...’.

При интерпретации, принятой в словоуказателях к [Зализняк 1995; 2004], переезды Тереха и Тимошки выражены глаголом неопределенного движения *возитиса*. Это делает данную грамоту интересной с точки зрения аспектологии, поскольку во всех остальных берестяных грамотах в сочетании с плюсквамперфектом представлен совершенный вид (см. раздел 5; сразу отмечу, что я не принимаю скептической версии об отсутствии категории вида в эпоху берестяных грамот, выраженной, например, в [Nørgård-Sørensen 1997]). В современном языке глагол *возиться*, утративший семантику ‘переезжать’, а также глагол *возить* — несовершенного вида; это означает, что они, скорее всего, не были СВ-глаголами в древности, но могли быть неохарактеризованными по виду. В памятниках недостаточно данных для определенных заключений ни насчет глагола *возити*, ни насчет его возвратного коррелята (а он мог вести себя и несколько иначе); косвенным аргументом в пользу НСВ-статуса древнерусского *возитиса* ‘переправляться’ может быть его сочетаемость с фазовым глаголом: *оубокавше сѧ почаша сѧ возити на одну сторону къ стѣи Софьи* (НПЛ по Синод., 1259, 137 об.). С другой стороны, частотные глаголы неопределенного движения или его каузации относятся к неохарактеризованным по виду: *ходити*, *водити* [Мишина 2018: 167–168], возможно, также и *ѣздити*. Ср. другие фрагментарные зачины поздних берестяных грамот, где глагол *ходити* выступает, по-видимому, в habituальном контексте (а скорее всего и в каких-то специальных терминологизированных значениях) без нарушения сценария по умолчанию, поэтому плюсквамперфект не используется: *ходилъ ѡсподину снѣ мо(и)...* (№ 22, конец XIV в.), *что ходилъ пѣшь члѣв...* (№ 1092, 2 четв. XIV в.).

Однако не менее, а то и более вероятно несколько другое чтение. А. А. Зализняк [1986: 201] также упоминает возможность видеть тут приставочный глагол *ввозитиса* (с записью двойного *в* через одиночное) со ссылкой на приведенное Л. В. Черепнинным выражение *ввезлисѧ* ‘вселились’; учтен такой вариант и в самой первой версии составленного А. А. Зализ-

ности, *х* в слове *хоромъ* в той же строке, с почти вертикальным левым верхним штрихом) или, что менее вероятно, *к* (единственный экземпляр в грамоте не очень похож). Мне кажутся наиболее вероятными варианты имен Анфим и Евфимий, учитывая, что замена *ф* на *х*, особенно в поздних грамотах, на бересте известна. Возможны конъектуры (*Ѓн*)[*х*]*имовъ* (имя *Анхимъ* встретилось в псковской раздельной грамоте Мирожского монастыря с «сябрами» XV в., ГВНП, № 345), (*Ѓл*)[*х*]*имовъ* (ср. *Алхимъ Скорына*, *Полоцкій сельчанинъ* в словаре Н. М. Тупикова и фамилии *Алхимов*, *Ал(ь)химович*) или (*Ѓв*)[*х*]*имовъ* (вариант *Овхимъ* также известен из западнорусских / старобелорусских документов, ср. фамилии *Авхимов*, *Авхимович*). Менее вероятно (*ІД*)[*к*]*имовъ*, с широкой буквой *ІД*.

няком словоуказателя к берестяным грамотам, приложенной к VIII тому издания. В дальнейшем эта интерпретация оказалась «потерянной» и не учтенной в указателе к «Древненовгородскому диалекту» [Зализняк 1995: 602] (хотя альтернативный перевод «въезжал (переезжал)», возможно, ей наваян). На какой же источник ссылается Л. В. Черепнин [1969: 172]? Речь идет о правой грамоте 1504 г. между Колязиным монастырем и черными крестьянами Степаном и Аксеном Щелковыми, которые *ввезлиса сильно* (самочинно вселились) в постройки, возведенные монастырскими крестьянами. Такую интерпретацию, как выясняется, существенно поддерживает еще один пример, связанный с грамотой № 300 не только лексической, но и грамматической параллелью: здесь мы имеем, помимо глагола *ввезтиса*, еще и плюсквамперфект (в антирезультативном значении). Это тоже правая грамота по совершенно аналогичному делу о самочинном захвате жилищ крестьян нижегородского Дудина монастыря, датируемая 1555 г. и известная в списке 1683 г. (по среднерусскому подкорпусу НКРЯ, где, в свою очередь, — по изданию [Антонов 2000]):

- (27) ...Потому что Матюшка з братьею в монастырьскую деревню в Черньцово селище ввезлись силно и ярь пахали, а монастырских крестьян ис тое деревни выбили вон, (...) и перед судьями Ушак Володимеров и целовалник и земской дяк сказали, что они по цареве и великого князя грамоте Матюшку з братьею Скорятиных изъехали в монастырьской деревне в Черньцове селище и из монастырские деревни из Черньцова селища их выслали, а **ввезлись были** они в ту в монастырьскую деревню силно.

Л. В. Черепнин справедливо констатирует, вне всякой связи с никак не занимавшей его семантикой плюсквамперфекта: «Какие-то недоразумения в связи с “ввозом” в хоромы, построенные на барской земле, были и у крестьян Михаила Юрьевича — Тереха и Тимофея. Это заставило их обратиться с челобитной к своему господину» [Черепнин 1969: 172]. В двух документах XVI в. крестьяне вселились на новое место «сильно» (т. е. самочинно, с превышением полномочий), из-за чего их пришлось оттуда выдворять. Вряд ли в берестяной грамоте № 300 могла отразиться в точности такая же ситуация (ведь один из совместных челобитчиков переезжает в дом другого, и всё происходит в рамках одного землевладения), но и независимо от этого выбор не глагола СВ, как в правых грамотах, а НСВ либо неохарактеризованного, вероятно, не случаен: переезд по какой-то причине не осуществлен до конца, поэтому и требуется челобитная и вмешательство феодала. Для глагола *ввозити(са)* также не хватает примеров в памятниках, чтобы судить о его видовой принадлежности. [СлДРЯ XI–XIV] дает невозвратный вариант (для своего периода) как гапакс с примером:

- (28) Новгородци же поставиша острогъ около города по обѣ странѣ, а товаръ **въвозиша** въ городъ (НПЛ по Синод., 1270, 149–149 об.).

В этом единичном примере употреблен аорист, что для глаголов НСВ в принципе возможно [Мишина 2016].

Содержательную параллель именно с незавершенным переездом (уже не крестьян, а землевладельцев) можно указать в документе, практически синхронном грамоте № 300, где также налицо плюсквамперфект (с глаголом *мѣнити* '(об)менять'):

- (29) Се яз, Есип Савельевичъ, дал есми в дом святыя Троицы в Сергиев монастырь игумену Саве и всей братъи осмину варницы у Галичской Соли на Верхнем колодязи воды, да двор Шишкинской и с лужком под двором; *а менили есмя были с Тихменем на его двор*, а дворов есмя не отвели, и Тихмень восхочет моего двора, и он отведет свой двор и с хоромы, а не отведет своего двора, ино им двор мой в дом святыя Троицы, как за мною был (Данная Есипа Савельевича Троице-Сергиева монастыря игумену Савве (1428–1432), список середины XVI в. по [АСЭИ, т. 1, № 67]).

В данной Есипа процесс обмена дворами между автором и Тихменем юридически не завершился из-за неосуществления процедуры «отвода двора», без которой Тихмень не вправе претендовать на двор Есипа. Поскольку Терех и Тимошка в челобитной выступают в качестве единой стороны, возможно, завершению переезда помешало какое-то действие или бездействие третьего участника ситуации (которого звали Онхим или каким-то похожим именем).

Таким образом, здесь можно предполагать значение незавершенной ситуации, отсутствие примеров которой на бересте отмечал А. А. Зализняк в «Древненовгородском диалекте». Конечно, теоретически не исключен и «сдвиг начальной точки», и даже (хотя это менее вероятно, см. выше) «аннулированный результат».

5. Итоги

Перечислим встретившиеся на бересте значения плюсквамперфекта со списком грамот, которые я отношу к данной категории, в порядке их датировок. Присоединим к этому фонду и городищенскую надпись об азбуке Стырты (№ 33). Звездочкой обозначены грамоты, сохранившиеся не полностью; жирным шрифтом выделены «новые» сюжеты из берестяных грамот, специально разбираемые в настоящей статье. Альтернативные варианты приведены в скобках.

- [0. Перформатив (книжная форма): 510* (← 1220–1240)]
I. Сдвиг начальной точки: 724 (1160–1180), 4* (1320–1340→)
II. Аннулированный результат: **502** (←**1180–1200**; **возм. III**), 213 (1240–1260→), 366 (←1360–1380)

III. Нарушение нормального хода (макро)ситуации: **675*** (←1140–1160→), **705** (1200–1220→), **195*** (1300–1320; возм. I)

IV. Незавершенное действие: городищенская надпись № 33 (XII в., вероятно, начало), **300*** (1420–1430; возм. I)

Как мы видим, показаний берестяных грамот недостаточно для того, чтобы установить хронологическое развитие семантики сверхсложной формы плюсквамперфекта. Действительно, в XII в. уже засвидетельствованы все четыре употребления (если не считать явно искусственного перформативного использования в № 510, хотя и здесь, в принципе, могут найтись другие интерпретации) — сдвиг начальной точки, аннулированный результат, нарушение нормального хода макроситуации, а также (в граффити) незавершенное действие. Все они налицо и два века спустя. Следует предполагать, что развитие по крайней мере части этих значений в XI в. уже имело место, и отнесение известных в более поздних списках сверхсложных форм со значением аннулированного результата *росплодили были* из предисловия к Софийскому временнику. *прелстил еси былъ* из ПВЛ и *былъ оуставилъ* из Русской правды к архетипам XI в. вполне правдоподобно. Что касается дальнейшей хронологии, то значения II–IV (хотя с определенным сужением) сохранились и у современной литературной частицы *было*; лишь «сдвиг начальной точки» утрачен как продуктивное явление и сведен к формуле *жили-были*, причем остатки такого значения, по-видимому, в северных говорах удержались.

Взглянем теперь на сочетаемость плюсквамперфекта с видом (о которой применительно к славянским языкам в целом см. [Барентсен 2015; Сичинава 2018]). Оказывается, что в 9 случаях из 10 в сочетании с этой формой на бересте используется совершенный вид, преобладающий и в современном языке; только один раз в грамоте № 300 (причем самой поздней из имеющихся, XV в.) мы имеем форму глагола движения: *возилесь* (или <в>*возилесь*) *быле*, которая в древности как минимум не была СВ (или неохарактеризованной по виду, или НСВ).

В обследованном нами фонде примеров сверхсложной формы из древнерусского и среднерусского корпусов НКРЯ, а также из других источников, синхронных берестяной письменности (до середины XV в.), несовершенный вид также крайне редитетен²¹. Вполне заслуживает доверия по сути только один пример из Пчелы (ср. выше, (2)), но здесь речь идет о церковнославянском переводе с греческого подлинника: *Филипъ же рече: во истинуо добромьслень еси друоугъ, и таилъ сѧ еси бы(ѣ)* [ἐλάνθανε, имперфект], *но оуже пращаю тѧ, а храни друожбоу ѿсель со мною*.

²¹ Ситуация осложняется тем, что в нередких для XV–XVII вв. примерах типа *Тоя же тамъ лѣта силно было в осень дождя сло много* (Пск. 3 лет. по Строев., 1475, л. 167 об.; ср. [Петрухин, Сичинава 2008: 229; Петрухин 2013: 76]) ‘В тот же год осенью шли сильные дожди’ к тому же, скорее всего, представлен не плюсквамперфект, а «удостоверительное» (по [Шевелева 1993: 146]) *было*.

Встретившиеся в сверхсложной форме глаголы (составляющие вместе до 25 % всего фонда примеров указанного периода) *цѣловати* (хрьсть), *доумати* ‘решать’²² (ср. *хр(с)тъ к нама была цѣловала и доумоу доумала* (КЛ по Ипат., 1147, 127 об.²³), *везти*, *ити* (ср. некоторые примеры в [Петрухин 2007: 277], где они трактуются как НСВ), а также *пѣсати* (см. ранний пример из приписки Завида в составе Архангельского ев. в сноске 12) в древности были неохарактеризованными по виду и допускали двойную интерпретацию [Мишина 2018: 167–168], критерием чего служит сочетаемость с фазовыми глаголами, имперфектом resp. аористом и действительными причастиями (такой алгоритм восходит к работам Э. Кошмидера и А. Вайяна).

Характерная для современного языка сочетаемость плюсквамперфекта с глаголами НСВ типа *хотѣти*, *сбиратися* является более поздней и датируется только XVI в. (ср. [Чернов 1961: 238; Петрухин, Сичинава 2008: 237]).

Таким образом, данные берестяных грамот, несмотря на небольшой фонд примеров, подтверждают, что сочетаемость сверхсложного плюсквамперфекта с несовершенным видом в живой древнерусской речи не была частотна и становится продуктивной ближе к концу соответствующего хронологического периода. Возможно, сочетаемость с плюсквамперфектом даже является для древнерусского периода одним из критериев видовой принадлежности (наряду с образованием аориста и с причастием прошедшего времени), хотя эта гипотеза нуждается в проверке. Это важный материал для суждений об истории такой сочетаемости в славянских языках вообще. Он заставляет несколько иначе взглянуть на историю сочетаемости восточнославянского плюсквамперфекта с видом, чем, например, в работе [Сичинава 2018]; данной теме я планирую посвятить особую статью (специально отметим, что в книжных памятниках схожая картина сочетаемости с видом верна и для книжной формы плюсквамперфекта).

Интерпретация ранее подробно не изучавшихся примеров из берестяных грамот показывает, что сохранившийся контекст в ряде случаев достаточен для вполне вероятных гипотез об использовании сверхсложного плюсквамперфекта в значении, близком к привычному для юридических документов, и демонстрирует, что активное использование данной формы в этом жанре (как на бересте, так и на пергамене или бумаге) удачно подчеркивает прагматику юридического документа: неактуальность тех или иных правовых действий, нарушение тех или иных стандартных сценариев. Можно присоединиться к словам П. В. Петрухина, рассматривающего сверхсложную форму с учетом современной философии права и заклю-

²² Впрочем, согласно [Ptentsova 2020], перфективные контексты для *доумати* крайне редки, и его следует считать «almost imperfective».

²³ В Московском летописном своде заменено на приставочный СВ: *крестъ к нам были цѣловали и думу сдумали*.

чающего: «Как можно видеть, понятия “приписывания” и “отменяемости”, лежащие, согласно [правоведу Герберту] Харту, в основе юридического дискурса, находят в древнерусском деловом языке отчетливое грамматическое воплощение» [Петрухин 2013: 87]. Кроме того, представляется глубоко не случайным, что уже среди ранних грамот, появившихся в «добюрократический» период, но тем не менее отражающих стремление к фиксации обстоятельств судебных конфликтов на бересте [Гимон 2016: 44], значительная часть содержит формы плюсквамперфекта.

Вместе с тем материал берестяных грамот заставляет с большим вниманием отнестись к примерам, в которых речь идет не об отмене результата действия, выраженного глаголом в плюсквамперфекте, а о нарушении нормального хода ситуации по умолчанию, о выборе из «возможных миров» «ненормального». Данная группа употреблений также гармонирует с прагматикой берестяной коммуникации — лаконичные новгородские корреспонденты, конечно, могли сообщить запиской, что всё в порядке (ср. № 351, 710, 1000, Ст. Р. 33, Торж. 31 и др.), но заметно чаще они брались за писало, когда «что-то шло не так».

Источники

АСЭИ — Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин и др. (отв. ред.). Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М., 1952.

ГВНП — С. Н. Валк (ред.). Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949.

ПГ — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич (отв. ред.). Т. I. М., 2015.

Пчела — «Пчела»: Древнерусский перевод. Т. I / Отв. ред. А. М. Молдован; изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. М., 2008.

СлДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1988—

Литература

Антонов 2000 — А. В. Антонов. Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 6. М: Памятники исторической мысли, 2000.

Арциховский, Янин 1978 — А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 годов). М.: Наука, 1978.

Барентсен 2015 — А. Барентсен. Вид и плюсквамперфект в славянских языках // Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13–15 ноября 2015 г. С. 14–20.

Вайс 2003 — Д. Вайс. Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 37–59.

Востоков 1863 — А. Х. Востоков. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863.

Гимон 2016 — Т. В. Гимон. Древнерусские судебные документы XIII–XIV вв. // Письмо и повседневность. Вып. 3. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. С. 18–48.

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М.: Русские словари, 2004. С. 183–232.

Гиппиус 2010 — А. А. Гиппиус. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 143–199.

Гиппиус, Михеев 2019 — А. А. Гиппиус, С. М. Михеев. Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 35–54.

Гиппиус, Михеев 2020 — А. А. Гиппиус, С. М. Михеев. К прочтению записей Архангельского евангелия 1092 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 128–147.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Зализняк 1986 — А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983 годов. М.: Наука, 1986. С. 89–217.

Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2004a — А. А. Зализняк. К изучению древнерусских надписей // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997–2000 годов. М.: Русские словари, 2004. С. 233–287.

Князев 2004 — Ю. П. Князев. Форма и значение конструкций с частицей было в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 296–304.

Корнієнко 2011 — В. В. Корнієнко. Корпус графіті Софії Київської (XI–початок XVIII ст.). Ч. 3: Центральна нава. К.: Горобець, 2011.

Крысько 2011 — В. Б. Крысько. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М.: Азбуковник, 2011. С. 798–837.

Лукин 2016 — П. В. Лукин. Суд на корабле в Новгороде XV в. // Исторический вестник. Т. XVII. М., 2016. С. 136–153.

Мишина 2016 — Е. А. Мишина. Об особых употреблениях форм аориста и действительного причастия прошедшего времени // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. XI. М., 2016. С. 418–436.

Мишина 2018 — Е. А. Мишина. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 161–182.

Молдован 2000 — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000.

Мольков 2016 — Г. А. Мольков. Употребление частицы *было* в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. X. М., 2016. С. 454–464.

Пенькова 2019 — Я. А. Пенькова. Предбудущее (второе будущее) в древне-новгородском диалекте: время или наклонение? // Russian Linguistics. 2019. Vol. 43. № 1. P. 65–77.

Петрухин 2004 — П. В. Петрухин. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28. № 1. P. 73–107.

Петрухин 2007 — П. В. Петрухин. *Жили-были*: вопрос закрыт? // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 268–282.

Петрухин 2008 — П. В. Петрухин. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 213–240.

Петрухин 2012 — П. В. Петрухин. К вопросу о языке Смоленской договорной грамоты 1229 г. // М. Д. Воейкова (ред.). От формы к значению, от значения к форме: Сборник статей в честь 80-летия А. В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 477–488.

Петрухин 2013 — П. В. Петрухин. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge 1. 2013. S. 74–98.

Петрухин 2019 — П. В. Петрухин. Где и когда собирал дань новгородец Савва? // Slověne. 2019. Vol. 8. № 1. С. 55–108.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193–214.

Петрухин, Сичинава 2008 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 224–258.

Сахарова 2015 — А. В. Сахарова. Формы прошедшего времени в древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого и их соответствия в греческом оригинале // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 191–214.

Сичинава 2008 — Д. В. Сичинава. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории / В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). М.: Гнозис, 2008. С. 241–274.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ, 2013.

Сичинава 2017 — Д. В. Сичинава. Письмо к Черту: один малоизвестный пример древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 219–228.

Сичинава 2018 — Д. В. Сичинава. Абсолютно-относительные времена и их сочетаемость с видом в истории славянских языков // La relation temps/aspect:

approches typologique et contrastive / Т. Milliaressi (ed.). Lille: Editions du conseil scientifique de l'UL3 Lille, 2018. P. 93–99.

Сичинава 2019 — Д. В. Сичинава. Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 30–57

Хабургаев 1978 — Г. А. Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 4. 1978. С. 42–53.

Циммерлинг 2019 — А. В. Циммерлинг. Связки плюсквамперфекта в русском языке XIV–XVI вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 4. С. 41–57.

Черепнин 1969 — Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.

Чернов 1961 — В. И. Чернов. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками. Дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1961.

Черных 1953 — П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953.

Шевелева 1993 — М. Н. Шевелева. Аномальные церковнославянские формы с глаголом *быти* и их диалектные соответствия (к вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М.: МГУ, 1993. С. 135–155.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.

Шевелева 2015 — М. Н. Шевелева. Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта...» // Русский язык в научном освещении. 2015. № 2 (30). С. 180–209.

Barentsen 1986 — A. Barentsen. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // Dutch Studies in Russian Linguistics. Vol. 8. Amsterdam, 1986. P. 1–68.

Kagan 2011 — O. Kagan. The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian // Linguistics and Philosophy. 2011. Vol. 34. P. 57–84.

Klenin 1993 — E. Klenin. The Perfect tense in the Laurentian manuscript of 1377 // American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists, Bratislava, August — September 1993. Literature. Linguistics. Poetics / R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). Columbus (Ohio), 1993. P. 330–343.

Nørgård-Sørensen 1997 — J. Nørgård-Sørensen. Tense, aspect and verbal derivation in the language of the Novgorod birch bark letters // Russian Linguistics. 1997. Vol. 21 (1). P. 1–21.

Pentsova 2020 — A. Ptentsova. *Доумати* (dumati) and *съдоумати* (sʹdumati): are they a perfect aspectual pair? // Abstracts for the Aspect and (diachronic) corpora workshop; University of Mainz, P. 21 (<http://www.diaspol.uw.edu.pl/eng/wp-content/uploads/sites/5/2019/12/Abstracts.pdf>)

Dmitri V. Sitchinava

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
mitrius@gmail.com

RE-READING PLUPERFECT: A NEW OVERVIEW OF THE EXAMPLES OF PLUPERFECT IN BIRCHBARK LETTERS

The paper proposes an analysis of all the 10 examples of pluperfect in the Novgorod birchbark letters of the 12th-15th centuries within the context of other Old East Slavic texts of the period, including new epigraphical findings. These findings corroborate our earlier idea, co-authored with Pavel Petrukhin, on difference in semantics between the pluperfect forms with different auxiliaries. Half of the birchbark examples are re-interpreted with particular attention to the semantics of "disturbance of the natural flow of events," which should not be confused with "cancelled result." For parallels, contexts from other sources with cognate and/or synonymous verbs are invoked: they mutually contribute to the interpretation of close contexts. In some cases, a new interpretation of the pluperfect form brings a new treatment of the wider context. It is demonstrated that the polysemy of the Middle Russian pluperfect, and, *mutatis mutandis*, of the *bylo* particle in Russian was already there in the 12th century and had almost certainly developed by the 11th century. The problem of the interrelation between the supercompound form (with the auxiliary *byl-*) and aspect in Old East Slavic texts is also discussed. It is found that the distribution of perfective and imperfective forms in the birchbark letters (9 perfective vs. 1 possibly imperfective, this one being chronologically the last) corresponds to the general tendency of co-occurrence of the pluperfect with the perfective aspect (hitherto largely unnoticed).

Keywords: Old East Slavic, Old Novgorod dialect, birchbark letters, pluperfect, grammatical semantics, tense and aspect

References

- Antonov, A. V. (2000). *Pravaia gramota 1555 goda iz arkhiva Nizhegorodskogo Dudina monastyria*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Artsikhovsky, A. V., & Yanin, V. L. (1978). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 godov)*. Moscow: Nauka.
- Barentsen, A. (1986). The Use of the Particle BYLO in Modern Russian. *Dutch Studies in Russian Linguistics*, 8, 1–68.
- Barentsen, A. (2015). Vid i pliuskvamperfekt v slavianskikh yazykakh. In *Aspektual'naia semanticheskaiia zona: Tipologiia sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiia* [Aspectual Semantic Zone: Typology of Systems and Scenarios of Diachronic Development] (pp. 14–20). Kyoto: Tanaka Print.
- Cherepnin, L. V. (1969). *Novgorodskie berestiane gramoty kak istoricheskii istochnik*. Moscow: Nauka.
- Chernov, V. I. (1961). *Pliuskvamperfekt v istorii russkogo yazyka sravnitel'no s cheskim i staroslavianskim yazykami* (unpublished doctoral dissertation). Gertsen Leningrad State Pedagogical Institute, Leningrad.
- Chernykh, P. Ya. (1953). *Yazyk Ulozheniia 1649 goda: Voprosy orfografii, fonetiki i morfologii v sviazi s istoriei Ulozhennoi knigi*. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk SSSR.

Gimon, T. V. (2016). Drevnerusskie sudebnye dokumenty XIII–XIV vv. In A. A. Chubaryan (Ed.), *Pis'mo i povsednevnost'* (Issue 3, pp. 18–48). Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN.

Gippius, A. A. (2004). K pragmatike i kommunikativnoi organizatsii berestianykh gramot. In V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, & A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)* (pp. 183–232). Moscow: Russkie slovari.

Gippius, A. A. (2010). Predislovie k «Sofiiskomu vremenniku» (Kievskomu Nachal'nomu svodu): tekst, yazyk, istochniki. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 143–199.

Gippius, A. A., & Mikheev, S. M. (2019). Nadpisi-graffiti tserkvi Blagoveshcheniia na Gorodishche: predvaritel'nyi obzor. *Arkhitekturnaia arkheologiya*, 1, 35–54.

Gippius, A. A., & Mikheev, S. M. (2020). K prochteniiu zapisei Arkhangel'skogo evangeliia 1092 g. *Drevniia Rus'*. *Voprosy medievistiki*, 2, 128–147.

Gorshkova, K. V., & Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaia grammatika russkogo yazyka*. Moscow: Vysshaya shkola.

Kagan, O. (2011). The Actual World is Abnormal: on the Semantics of the *bylo*-construction in Russian. *Linguistics and Philosophy*, 34, 57–84.

Khaburgaev, G. A. (1978). Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavianskikh analiticheskikh form v russkom yazyke. *Vestnik MGU, Ser. 9. Filologiya*, 4, 42–53.

Klenin, E. (1993). The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377. In R. A. Maguire, & A. Timberlake (Eds.), *American Contributions to the 11th International Congress of Slavists (Bratislava, August — September 1993). Literature. Linguistics. Poetics* (pp. 330–343). Columbus (Ohio): Slavica Publishers.

Knyazev, Yu. P. (2004). Forma i znachenie konstruktssii s chastitse *bylo* v russkom yazyke. In Yu. D. Apresian (Ed.), *Sokrovennye smysly. Slovo, tekst, kul'tura. Sbornik statei v chest' N. D. Arutiunovoi* (pp. 296–304). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Kornienko, V. V. (2011). *Korpus hrafiti Sofiui Kyiyvs'koi (XI — pochatok XVIII st.)* (Part 3). Kiev: Horobets'.

Krysko, V. B. (2011). Morfologicheskie osobennosti zhitiinoi chasti Sofiiskogo prologa. In V. B. Krysko (Ed.), *Slaviano-russkii Prolog po drevneishim spiskam. Sinaksar' (zhitiinaia chast' Prologa kratkoi redaktsii) za sentiabr'-fevral'* (Vol. 2, pp. 798–837). Moscow: Azbukovnik.

Lukin, P. V. (2016). Sud na korable v Novgorode XV v. *Istoricheskii vestnik*, 17, 136–153.

Mishina, E. A. (2016). Ob osobykh upotrebleniakh form aorista i deistvitel'nogo prichastiia proshedshego vremeni. In T. V. Skulacheva (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* (Issue 11, pp. 418–436). Moscow: IRIa RAN.

Mishina, E. A. (2018). K voprosu o vidovoi semantike prostykh (bespristavochnykh) glagolov v drevnerusskom yazyke. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 161–182.

Moldovan, A. M. (2000). *Zhitie Andreia Yurodivogo v slavianskoi pis'mennosti*. Moscow: Azbukovnik.

Molkov, G. A. (2016). Upotreblenie chastitsy *bylo* v perevode «Metamorfoz» Ovidiia nachala XVIII v. In A. M. Moldovan (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* (Issue 10, pp. 454–464). Moscow: IRIa RAN.

Nørgård-Sørensen, J. (1997). Tense, Aspect and Verbal Derivation in the Language of the Novgorod Birch bark Letters. *Russian Linguistics*, 21(1), 1–21.

Penkova, Ya. A. (2019). Predbudushchee (vtoroe budushchee) v drevnenovgorodskom dialekte: vremia ili naklonenie? *Russian Linguistics*, 43(1), 65–77.

Petrukhin, P. V. (2004). Perfekt i pluskvamperfekt v Novgorodskoi pervoi letopisi po Sinodal'nomu spisku. *Russian Linguistics*, 28(1), 73–107.

Petrukhin, P. V. (2007). *Zhili-byli: vopros zakryt? Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 268–282.

Petrukhin, P. V. (2008). Diskursivnye funktsii drevnerusskogo pluskvamperfekta (na materiale Kievskoi i Galitsko-Volynskoi letopisei). In V. Yu. Gusev, V. A. Plungian, & A. Yu. Urmanchieva (Eds.), *Issledovaniia po teorii grammatiki* (Issue 4, pp. 213–240). Moscow: Gnozis.

Petrukhin, P. V. (2012). K voprosu o yazyke Smolenskoi dogovornoj gramoty 1229 g. In M. D. Voeykova (Ed.), *Ot formy k znacheniiu, ot znachenii k forme: Sbornik statei v chest' 80-letii A. V. Bondarko* (pp. 477–488). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Petrukhin, P. V. (2013). K pragmatike sverkhshlozhnogo proshedshego vremeni v vostochnoslavianskoi pis'mennosti. *Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge*, 1, 74–98.

Petrukhin, P. V. (2019). Gde i kogda sobiral dan' novgorodets Savva? *Slověne*, 8(1), 55–108.

Petrukhin, P. V., & Sitchinava, D. V. (2006). «Russkii pluskvamperfekt» v tipologicheskoi perspective. In A. M. Moldovan (Ed.), *Verenitsa liter: K 60-letiiu V. M. Zhivova* (pp. 193–214). Moscow: Yazyki slavijskoi kul'tury.

Petrukhin, P. V., & Sitchinava, D. V. (2008). Eshche raz o vostochnoslavianskom sverkhshlozhnom proshedshego, pluskvamperfekte i sovremennykh dialektnykh konstruktsiiakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 224–258.

Pentsova, A. (2020). Дюмати (dumati) and съдоумати (s̑dumati): Are They a Perfect Aspectual Pair? In *Abstracts for the Aspect and (diachronic) corpora workshop* (p. 21). University of Mainz. Retrieved from <http://www.diaspol.uw.edu.pl/eng/wp-content/uploads/sites/5/2019/12/Abstracts.pdf>

Sakharova, A. V. (2015). Formy proshedshego vremeni v drevnerusskom perevode Zhitiiu Andreia Yurodivogo i ikh sootvetstviia v grecheskom originale. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 191–214.

Sheveleva, M. N. (1993). Anomal'nye tserkovnoslavianskie formy s glagolom *byti* i ikh dialektnye sootvetstviia (k voprosu o sootnoshenii tserkovnoslavianskoi normy i dialektnoi sistemy). In B. A. Uspenskij, & M. N. Sheveleva (Eds.), *Issledovaniia po slavianskomu istoricheskomu yazykoznaniiu: Pamiati professora G. A. Khaburgaeva* (pp. 135–155). Moscow: MGU.

Sheveleva, M. N. (2007). «Russkii pluskvamperfekt» v drevnerusskikh pamiatnikakh i sovremennykh govorakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 214–252.

Sheveleva, M. N. (2015). Nekotorye soobrazheniia po povodu knigi D. V. Sitchinavy «Tipologii pluskvamperfekta...». *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 180–209.

Sitchinava, D. V. (2008). «Sdvig nachal'noi tochki»: upotreblenie nekotorykh glagol'nykh form v introduktivnoi funktsii. In V. A. Plungian, V. Yu. Gusev, & A. Yu. Urmanchieva (Eds.), *Issledovaniia po teorii grammatiki* (Issue 4, pp. 241–274). Moscow: Gnozis.

Sitchinava, D. V. (2013). *Tipologii pluskvamperfekta. Slavyanskii pluskvamperfekt*. Moscow: AST.

Sitchinava, D. V. (2017). Pis'mo k Chertu: odin maloizvestnyi primer drevnerusskogo pluskvamperfekta. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 219–228.

Sitchinava, D. V. (2018). Absolutno-otnositel'nye vremena i ikh sochetanost' s vidom v istorii slavianskikh yazykov. In T. Milliaressi (Ed.), *La relation temps/aspect*:

approches typologique et contrastive (pp. 93–99). Lille: Editions du conseil scientifique de l'UL3 Lille.

Sitchinava, D. V. (2019). Slavianskii pluskvamperfekt: prostranstva vozmozhnostei. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 30–57.

Weiss, D. (2003). Russkie dvoinye glagoly i ikh sootvetstviia v finno-ugorskikh yazykakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 37–59.

Zaliznyak, A. A. (1986). Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi točki zreniia. In V. L. Yanin, & A. A. Zaliznyak. *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1977–1983 godov* (pp. 89–217). Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (1995). *Drevnenovgorodskii dialect*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialect* (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, A. A. (2004a). K izucheniiu drevnerusskikh nadpisei. In V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, & A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1997–2000 godov* (pp. 233–287). Moscow: Russkie slovari.

Zimmerling, A. V. (2019). Sviazki pluskvamperfekta v russkom yazyke XIV–XVI vv. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. 2: Yazykoznanie*, 18(4), 41–57.

Received on July 23, 2019

М. А. БОБРИК

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
marina.bobrik@online.de

**К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ:
КЛАНАЮСА В № 293, *ВОДА* В № 65, *НАПРАСНО* В № 494/469***

Работа состоит из трех очерков, в каждом из которых предложена реинтерпретация определенного контекста из древненовгородских берестяных писем. В двух из трех случаев (*кланатиса* чему ‘благодарить за что’, *водити* ‘предлагать на продажу (товар)’) речь идет о лексических значениях, не попавших в исторические словари русского языка. Форма *кланаяуса* (тои гиривынь) в приписке к БГ № 293 до сих пор понималась в ироническом смысле ‘прошаюсь (с той гривной)’ как высказывание автора основного текста грамоты; в первом очерке приводятся лингвистические и палеографические аргументы в пользу понимания данного места как ответной реплики адресата ‘благодарю (за ту гривну)’; в ходе аргументации устанавливается разница почерков основного текста и приписки к нему. Во втором очерке остававшаяся до сих пор без перевода форма *вода* в грамоте № 65 реинтерпретируется в грамматическом отношении (как 3 мн. н. вр.) и понимается — с опорой на разговорник Т. Фонне (1607 г.) — как ‘дают, предлагают (цену)’. Наконец, в третьем очерке показано, что слово *напрасно* в новгородской грамоте № 494/469 употреблено не в значении ‘вдруг’, а в значении ‘несправедливо, не за что’.

Ключевые слова: берестяные грамоты, древнерусский язык, древненовгородский диалект, лексическая семантика.

1

Грамота № 293 (2-й трети XIII в.) включает в себе письмо от попа к некому Завиду о денежных делах. Основной текст (с небольшими утратами) занимает целиком внутреннюю сторону и заканчивается на внешней стороне бересты, где после отступа есть приписка. Текст грамоты таков.

* Исследование выполнено в Институте славяноведения РАН при поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования». В основу данной работы положен доклад на конференции «Историко-филологические чтения» (Великий Новгород, 28 июля 2019 г.); благодарю А. А. Гиппиуса и Д. В. Сичинаву за высказанные в дискуссии полезные соображения.

Внутренняя сторона бересты:

+ ѿ по(п)а къ завиду : дѣвѣма десѣтьма гривѣ · безъ гривнѣ · на[м](ѣ по · з ·)
рѣзанъ · дѣвое · то ти · ѿ · гривнѣ и · ѿ · кунъ · вѣдай волотѣковѣи ...

Внешняя сторона бересты:

... (в)[ѣ]зми за сѧ : : и кланяюсѧ : тои гириѣнѣ серебѣра · :

В издании [Зализняк 2004: с. 474] основной текст переведен следующим образом:

‘От попа к Завиду. На двадцать гривен (букв.: двадцати гривнам) без гривен двойные проценты (т. е. проценты за два срока; букв.: двое процентов) [по 7] резан — это 5 гривен и 8 кун. Отдай Волотковой жене [столько-то, а остальное (?)] возьми себе’.

Последняя фраза письма в нынешнем переводе выглядит так:

‘А я кланяюсь той гривне серебра (т. е. прощаюсь с ней, она для меня пропала)’.

По смыслу комментатор связывает эту фразу с предыдущей, поясняя, что, вероятно, гривна серебра должна была достаться Волотковой жене или адресату Завиду [Там же: 474]. Основой для расчетов в комментарии служит принятое до тех пор в науке мнение о денежном достоинстве гривны серебра в Новгороде XII–XIII вв., а именно эквивалентность этой единицы 4-м гривнам кун. В последнее время такая точка зрения была подвергнута сомнению А. А. Гиппиусом [2017: 27–28], который обосновывает эквивалентность гривны серебра 8-ми гривнам кун и, соответственно, в своей интерпретации грамоты № 293 исходит из того, что гривна серебра в последней фразе больше названной в письме суммы процентных выплат попа (= 5 гривен кун и еще 8 кун)¹. Оставляя в стороне этот дискуссионный вопрос, хотелось бы сосредоточить внимание на лексико-семантической стороне дела.

Смысл и интонация финала письма в нынешнем переводе немного смущают. В древнерусском тексте примечательна прежде всего конструкция при *кланяюсѧ*: не дательный лица (кому?), как обычно в формуле прощания, а дательный предмета (чему?) (отсюда, по-видимому, и догадка об иронии в [Зализняк 2004]). В подтверждение своего перевода А. А. Зализняк ссылается на речение «Кланяйся деньгам своим! они пропали» из словаря В. И. Даля (статья «кланяться»)². Сходство здесь, однако, едва ли

¹ Благодарю А. А. Гиппиуса за материал его лекции 2018 г. в московской школе «Муми-Тролль».

² Ср. в Академическом словаре (т. н. словаре Я. К. Грота) со ссылкой на В. И. Даля и его пример: «Кланяться чему — прощаться с кем (о пропаже, потере)» [СРЯ 1909: 937].

перевешивает важное лингвопрагматическое отличие: в примере из словаря Даля ирония обращена на собеседника, а не на самого автора, как предполагается для берестяной грамоты. Дело не только в том, что автоирония кажется малоуместной в серьезном деловом письме; существенно то, что ироническое употребление в такой ситуации (и в старинном *кланяйся деньгам своим!*, и в современном *прощайте, мои денежки!*) императива 2-го лица совершенно нормально, а формы 1-го лица презенса, напротив, — не узуально. Это обстоятельство подталкивает к поиску другого семантического ключа к последней фразе грамоты № 293. Полагаю, что *кланяюся* (чему) употреблено в ней в значении известной и современным, и древнерусским текстам конструкции *кланяюся* (за что) ‘благодарю (за что)’, ср. ситуативно близкий контекст:

Головок пожалуйи ко мѣне пришьли а я за милость твою буду кланяѣца.
Грамотки, 28. XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 152].

Оснований для аналогии здесь, как представляется, достаточно: сходство ситуации, тип текста (частное письмо), форма 1-го лица. Более того, именно конструкция с дательным предмета, как при *кланатися* в нашей грамоте, была присуща другому глаголу благодарения — *възблагодарити* (чему) ‘принести благодарность (за что)’:

Како мы смиреннии достоино възблгодаримъ неисчетному его о нас члколюбию и блгости. 1541 г. [Там же, 2: 266].

Опираясь на эти параллели, конечную фразу грамоты № 293 я бы перевела так:

‘и благодарю за ту гривну’³.

2

Грамота № 65 (около 1300 г.) представляет собою фрагмент письма с просьбой об определенных покупках. Вот основной текст в переводе:

³ Открытым пока должен быть оставлен и вопрос о том, кто, собственно, благодарит. Последняя фраза написана после отступа, и почерк несколько отличается от руки основного текста (в особенности примечательны отличия в начертаниях букв *а, к, ѣ, ъ*; буква *в* в последней фразе, очевидно, искажена и не рассматривается), хотя, замечу, материала для сравнения немного. Тем не менее нельзя исключить возможность того, что последняя фраза написана не от лица попа, а от лица получателя письма и денег — Завида — и что это он, Завид, благодарит попа за гривну серебра. Возможно, со слов корреспондентов (попа и Завида) пишет посланный, и тогда незначительные колебания можно было бы объяснить тем, что последняя фраза писалась не одновременно с основным текстом, а погодя, как ответ Завида. В пользу такого предположения говорит, как кажется, и грамота № 295, найденная на той же усадьбе и доставленная, как явствует из текста, неким «мужем». К тому же почерк грамоты № 295 «весьма близок к почерку грамоты № 293» [Зализняк 2004: 473].

‘Поклон от Матвея к Есифу Давидову. Привези (букв.: вывези) мне две медвежьих шкуры да веретища (холщовые пологи) да попоны, а коня (?) (возможно: возьми такого-то)...’ [Зализняк 2004: 536].

На обороте приписка:

ажь вода по ·Г· рубля про=
да : али не вода не продаі

В [Там же] проблематичное *вода* оставлено без перевода:

‘Если собираешься «водить», то продай по три рубля (т. е. продаи, причем по указанной цене), если не собираешься — не продавай’.

Значение *водити*, говорится в комментарии к грамоте, «в данном контексте неясно», «не исключено, в частности, что здесь это ‘вводить (в дом) жену’, ‘жениться’» [Там же]. Кажется, есть и более близкий, прямо относящийся к торговле перевод для *вода*.

Прежде всего с точки зрения грамматики здесь можно видеть не только деепричастие (несклоняемое причастие), как это пока делалось, но и диалектную (без окончания *-ть*) форму 3 мн. презенса, т. е. ‘воят’.

Что касается семантики, то в финансово-торговом значении употребление *водити* ‘давать деньги’ в древнерусском известно:

И мнѣ бы у нихъ ту волость и то село купити, да тѣ бы денги мнѣ велѣти имъ водити въ людехъ въ ростѣхъ, да тѣ бы росты велѣти мне имъ давати

‘и мне хорошо бы у них те владения и то село купить, а (вырученные) деньги велеть им давать людям в рост, а процентную выручку велеть бы им отдавать мне’. ААЭ 1512 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 2: 252].

А если *водити* в контексте сделки значит ‘давать’, то тогда перевод нашей приписки к грамоте был бы такой:

‘если дают/дадут по три рубля, то продай, а если не дадут, не продавай’.

В грамоте, однако, «воят» не деньги, а товар, и хотелось бы найти еще какое-нибудь подтверждение нашей версии. На помощь здесь, как и во множестве других случаев интерпретации берестяных писем, приходит разговорник Тённиса Фонне⁴ 1607 г. В нем группа контекстов о торговых сделках содержит глагол *привестися* / *приводитися* в интересном для нас смысле. Вот примеры⁵:

⁴ В настоящей работе используется форма имени *Фонне* (в отличие от общепринятого до недавнего времени *Фенне*) вслед за работой [Hendriks 2014], где палеографически надежно обосновано новое чтение.

⁵ Разговорник цитируется по заново выверенному электронному изданию [Fenne 2008]; переводы на современный русский и современный немецкий языки сделаны автором настоящей работы.

292, 1–4: др.-рус. (псков.): Podom mu da sotstom kolko tebe na tuoïu dolu : na tuoï tzerebi dostanetz : privedetz : doidetz.

совр. рус.: ‘пойдём да сочтём, сколько на твою долю / тебе (букв.: на твой жребий) достанется / придётся / выпадет’;

н.-нем.: Lahdt uns gahen und rekenen, wouehle dü vor dÿn deell : din pardtt tho kumptt

совр. нем.: ‘lass uns gehen und berechnen, wieviel dir für deinen Teil / deinen Anteil zukommt’.

Ср. с другой приставкой (*до-*) в близком значении:

321, 6–7: др.-рус. (псков.) Tzto mnïe ottebe dovedetza ÿ tÿ mnïe to dodai.

совр. рус.: ‘что мне от тебя будет причитаться, то ты мне заплати’;

н.-нем.: Wat mÿ van dÿ tho kumpt dat gift mÿ.

совр. нем.: ‘was mir von dir zukommt, das gib mir’.

Во всех этих примерах безличное 3 ед. *приводиться* / *доводиться* означает, что кем-то (подразумеваемым субъектом действия) определенная сумма назначается, «приводится», а на долю получателя она «приходится» (ср. в совр. рус. синонимии *мне довелось* / *мне пришлось*). Такое употребление подтверждает, как кажется, то, что в контексте сделки *водити* может значить ‘давать, предлагать, назначать’.

Сходное (в функционально-типологическом смысле) употребление глагола со значением ‘водить’ есть в немецком (как в современном, так и в средненижненемецком и средневерхненемецком), имею в виду *führen* в следующих контекстах: *gute waaren führen* ‘торговать хорошим товаром’; *tabak führen* ‘торговать табаком’ и под.;

Tyrolerin. kann ich mit meiner waare dienen?

fräulein. was führt Sie denn?

Tyrolerin. gemalt neumodisch band

‘Торговка из Тироля: Могу ли я служить моим товаром? Девушка: А чем Вы торгуете? Торговка: цветными модными лентами’ [DW, 4: 449].

В словаре Я. и В. Гриммов, из которого заимствованы эти примеры, значение формулируется как ‘zum verkaufe haben’ (‘иметь на продажу’).

Итак, перевод приписки к нашей грамоте предлагаю такой:

‘если дают/дадут по три рубля, то продай, а если не дают/дадут, не продавай’.

3

Грамота № 494/469 (конца 1410-х — 1420-х гг.) — это фрагмент жалобы (очевидно, крестьянина) господину об отнятых участках и коне, цитирую в переводе:

‘...[такой-то], господин, участок Еремкин и участок Кокова у меня отнял, да еще, господин, меня вдруг оштрафовал и [забрал у меня] коня, а мне здесь оставил кобылу. Отдал бы [ты], господин, ... [брата?, сына?, зятя?] моего на судебное разбирательство и на поруку...’ [Зализняк 2004: 664].

Интересно вот это место:

та ещо ма оспне напрасно продадь,

в процитированном переводе ему соответствует пассаж ‘да еще, господин, меня вдруг оштрафовал’. ‘Вдруг, внезапно’ в самом деле очень старое значение слова *напрасно*, которое есть уже в древнейших памятниках славянской письменности (в частности, в Супрасльской рукописи), но оно не единственное. В словаре И. И. Срезневского сведения об употреблении этого слова скудны, больше материала в СлРЯ XI–XVII вв. [10: 192–193], где для *напрасно* указаны следующие значения:

- 1) ‘внезапно, вдруг; неожиданно’ // ‘нечаянно, случайно’
- 2) ‘сразу, вместе, одновременно’
- 3) ‘резко, быстро, стремительно, поспешно’
- 4) ‘кратко, сжато (?)’
- 5) ‘опрометчиво’
- 6) ‘сильно, жестоко; настойчиво, напористо’
- 7) ‘насильственно’
- 8) ‘без основания, без вины, несправедливо’
- 9) ‘попусту, тщетно, без надобности’
- 10) ‘тайно (?)’.

Группа употреблений (под значением 8) в этом очень детальном перечне связана с ситуациями ссор, конфликтов судебного, юридического характера, когда кто-то без вины, без достаточного основания подвергается некоторой санкции (это значение будет сохраняться в русском языке еще и в XIX в., Академический словарь [СЦСРЯ 1847, II: 393] дает его среди трех основных значений наречия *напрасно*). В древнерусских контекстах наряду с *напрасный* ‘несправедливый’ (*лживые, напрасные слова; напрасный разговор*), ‘безвинный’ (*напрасное заточенье*) имеем, в частности:

А которые прикащики посуловъ ему не дають, и онъ на тѣхъ же читаетъ напрасно многую казну [‘без основания начисляет’] и велитъ битъ на правѣжѣ насмерть. 1666 г.; А ево де, Никона, бояря согнали с Москвы напрасно. 1670 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 10: 193].

К этой же группе я бы отнесла и контекст грамоты № 494/469, предлагаю для него следующий перевод:

‘да еще, господин, меня без вины оштрафовал’.

С л о в а р и

СДРЯ XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I.— М., 1988—.

СРЯ 1909 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. IV. Вып. 3: Качалка — класться / Ред. тома Д. К. Зеленин. СПб., 1909.

СРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1— М., 1975.

СЦСРЯ 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. I–IV. СПб., 1847.

DW: Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Nachdruck. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. Bd. 4 = Bd. 4, Abt. 1, Hälfte 1. Fotomechanischer Nachdruck der Erstausgabe 1878. 1984.

Л и т е р а т у р а

Гиппиус 2017 — А. А. Гиппиус. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода / Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Международной научной конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков / Новгородский музей-заповедник. В. Новгород, 2017. С. 25–36.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Fenne 2008 — P. Hendriks, J. Schaeken. Tönnies Fenne's Low German manual of spoken Russian, Pskov 1607: An electronic text edition. Slavic Department, Leiden University. Version 1.1. July 2008. URL: <http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fennell.pdf>.

Hendriks 2014 — P. Hendriks. Innovation in Tradition. Tönnies Fenne's Russian-German Phrasebook (Pskov, 1607) (= Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 41). Amsterdam; New York, NY, 2014.

Статья получена 26.08.2019

Marina A. Bobrik

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

marina.bobrik@online.de

SOME REMARKS ON THE VOCABULARY OF BIRCHBARK LETTERS

(klanjatusja in no. 293, vodja in no. 65, naprasno in no. 494/469)

In the present article, I offer alternative lexical readings in three birchbark letters from Novgorod. In two instances (*klanjatusja* D 'to be grateful for something'; *voditi* A 'to offer something for sale'), my lexical reinterpretations have not been registered yet in the historical

dictionaries of Old Russian. Firstly, on the basis of linguistic and palaeographic arguments I argue that the expression *klanjajusja toi girivnĕ* in letter no. 293, which has previously been understood as an ironical commentary of the sender ('I say farewell to my money (*grivna*)'), should be regarded as a grateful reaction in a note made by the addressee. Secondly, the form *vodja* in letter no. 65, which has no plausible lexical interpretation in the previous editions, can be translated in the sense of 'give, offer' if we take into consideration evidence from T. Fonne's conversation book (17th c.). Also, in contrast to DND, I reinterpret *vodja* as a third person plural present form of *voditi*, not as a gerund. Finally, the word *naprasno* in letter no. 494/469 is used in the Old Russian meaning 'not rightly' rather than in the Old Church Slavonic meaning 'suddenly', as translated in DND.

Keywords: birchbark letters, Old Russian, Old Novgorod dialect, lexical semantics

References

- Gippius, A. A. (2017). Berestyanaya gramota № 1072 i denezhno-vesovye sistemy srednevekovogo Novgoroda. In P. G. Gaydukov (Ed.), *Rossiyskiy rubl'. 700 let istorii. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Velikiy Novgorod, 25–27 aprelya 2016 g.)* (pp. 25–36). Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik.
- Hendriks, P. (2014). *Innovation in Tradition. Tönnies Fenne's Russian-German Phrasebook (Pskov, 1607)*. Amsterdam; New York, NY.
- Hendriks, P., & Schaeken, J. (2008). *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607: An electronic text edition*. Slavic Department, Leiden University. Version 1.1. Retrieved from <http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf>
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskiy dialect*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Received on August 26, 2019

И. С. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
imperfect@yandex.ru

ВСТАВНЫЕ Ъ И Ь В СЛАВЯНО-РУССКОМ КОДЕКСЕ 1296 г.

В статье исследуются закономерности употребления неэтимологических (так наз. «вставных») *ъ* и *ь* в сочетаниях редуцированных с плавными на материале рукописи «Житие Симеона Столпника и Пандекты Никона Черногорца» (ГИМ, Син. 836, 180 л.). Написания со вставными *ъ* и *ь*, а также крайне редкие написания старославянского вида рассматриваются на фоне стандартных ранне- и позднерусских написаний. Анализируется статистическое распределение орфографических вариантов по разным почеркам и частям рукописи. Исследуются возможные причины разнообразия вариантов. Обсуждаются наиболее распространенные версии, объясняющие наличие в рукописях вставных *ъ* и *ь* в рефlekсах сочетаний редуцированных с плавными, в частности: контаминация старославянского написания и древнерусского произношения, отражение рефlekсов типа *ТъръT* или *Тър^ъT*, отражение рефlekсов типа *ТръT* или *Т^ър^ъT*, отражение твердости или мягкости [p]. Высказывается гипотеза, согласно которой вставные *ъ* и *ь* в памятнике возникают в силу двух тенденций: отразить на письме гласный призвук, позволяющий избежать сложного скопления согласных звуков, и соблюсти так наз. «правило конца строки». Данные некоторых других памятников, созданных в позднерусский период (Пролога 1356 г., двух списков Пролога втор. пол. XIV в., Московского евангелия 1358 г.), также в большой степени согласуются со сформулированными принципами.

В работе также ставится вопрос о соотношении орфографической нормы и живого произношения по данным памятника. Высказываемое некоторыми исследователями предположение о том, что вставные *ъ* и *ь* могли иметь чисто орфографическую природу, отвергается. Автор приходит к заключению, что отраженная в рукописи орфографическая норма, скорее всего, предписывала повсеместное употребление стандартных древнерусских моделей *ТърT* или *ТорT*, а вставные *ъ* и *ь*, передающие живое произношение писцов, проникали в переписываемый текст лишь в качестве ошибок.

Ключевые слова: церковнославянские рукописи, графика, орфография, историческая фонетика, сочетания редуцированных с плавными, вставные *ъ* и *ь*

1. Настоящая работа посвящена исследованию закономерностей употребления неэтимологических (так называемых «вставных») *ъ* и *ь*. Материалом служит изученный de visu славяно-русский кодекс 1296 г. (ГИМ, Син. 836, 180 л.), который содержит Житие Симеона Столпника (л. 1–11) и Пандекты Никона Черногорца (л. 11–180). Памятник написан двумя почерками: I — л. 1–120, 179^б–180; II — л. 121–179 [СК XIV: 618]. Отме-

¹ Буква «б» после номера обозначает оборотную сторону листа.

ченные в рукописи диалектные явления (в частности, смешение *ц* и *ч*: *вѣнцаетсѧ* 41б, *къ миродѣрьжчемь* 172б, *мѣнцскимь* 164б, *сконцаетсѧ* 149² и др.) позволяют отнести говор переписчиков к северо-западной зоне.

В работе рассматриваются вставные ѣ и ъ в рефlekсах сочетаний редуцированных с плавными³. Обсуждается гипотеза (ранее, по-видимому, не высказывавшаяся), согласно которой в рукописи реализован особый тип вставных ѣ и ъ; по данным нашего обследования, их употребление оказывается лишь отчасти сходным с тем, что обычно констатируется при изучении написаний типа *скорѣбныи*, *вѣръста*, *оболѣкъши* и т. п. в большинстве славяно-русских памятников (обзор разных интерпретаций см. в § 9–12).

2. При рассмотрении орфографического материала данной рукописи необходимо учитывать результаты ее лингвотекстологического анализа (см. [Добровольский 2007]). Было установлено, что одни орфографические варианты могут характеризовать отрезки текста, переписанные разными писцами (I и II), а другие — разные части кодекса (Житие Симеона Столпника и Пандекты Никона Черногорца). Так, если в почерке I практически отсутствуют древние написания типа *ТѣрТ* (доля написаний типа *ТерТ* не превышает 2 %), то в почерке II их пропорция составляет около 80 %; в целом так же противопоставлены почерки по соотношению в них вариантов *-ѣць* и *-ець* в словоформах типа *старѣць*. Однако конкуренция некоторых иных архаичных и инновационных написаний (не связанных с поведением редуцированных) противопоставляет не один почерк другому, а текст Пандектов тексту Жития. В частности, в Житии древние орфограммы *ит-*, *от(ѣ)-*, *прѣ-*, *прѣдѣ-* и *-вѣщ-* полностью вытеснены относительно новыми *ѡ-*, *пре-*, *предѣ-* и *-вѣщ-*, в то время как в Пандектах указанные древние и новые орфограммы сосуществуют.

Таким образом, анализируя употребление вставных ѣ и ъ в данной рукописи, следует обращать внимание не только на то, в каком почерке (в I или II) представлено определенное написание, но и на то, в какой части рукописи (в Житии или Пандектах) оно находится.

Изложение материала

3. Ниже приводится материал. Для полноты картины в списки примеров, помимо написаний со вставными ѣ и ъ, включены все прочие написания с рефlekсами сочетаний редуцированных с плавными.

² Благодарим А. Н. Хитрова, изготовившего по нашей просьбе шрифт для набора примеров.

³ В прочих случаях неэтимологические ѣ и ъ отмечены в позиции конца строки (*коварьсѣ|тво* 35, *посѣ|тражаетъ* 116б, *сѣ|мѣхомь* 43б, *късѣ|мь* 176б и др.) и в морфемах на *-з (*безѣоумень* 35б, *изѣ|глубины* 123б и др.).

Примеры распределены по двум разделам: «Регулярные варианты» и «Редкие варианты»; во второй раздел входят варианты со вставными *ъ* и *ь*. Внутри названных разделов примеры организованы по типам сочетаний (**ТърТ*, **ТърТ* и **ТълТ*), внутри них — по конкретным моделям⁴ (*ТърТ*, *ТорТ*, *ТърьТ*, *ТольТ* и др.), а внутри последних — по почеркам (I и/или II); при этом примеры с *ъ* и *ь* в позиции конца строки даются особо. В целях наблюдения за орфограммами в разных частях рукописи (согласно § 2) примеры из Жития снабжаются знаком ◇.

Для удобства обозрения словоформы в каждой рубрике сгруппированы в алфавитном порядке их корней; приставки при этом отделяются дефисом, кроме случаев полной ассимиляции, например: *оу-мерль*, *оболькъше*. При перечислении однокоренных слов возможна сокращенная запись, например: *дъръзновение*, *-нетъ*, *-ноувшихъ*, т. е. *дъръзнетъ*, *дъръзнувшихъ*. Если написаний с одним корнем больше трех, то указывается либо просто корень, либо корень с приставкой, если слово без приставки в рукописи не употребляется, например: *-скорб-*, *с-върш-*.

Примеры, переходящие в рукописи с одной страницы на другую, помечаются номером первой из этих страниц. Знак | (конец строки) в примерах дается не систематически, а только при особой необходимости. Помета «и др.» после серии номеров страниц означает «и на других страницах». Знак × заменяет слово «раз». Указанные в этом и предыдущем абзацах элементы оформления в дальнейшем применяются и при цитировании других памятников.

Регулярные варианты

Сочетания типа **ТърТ*

Модель *ТърТ*. Почерк II: *кърчьмствоуа* 126б, *ласкърдоуеъ* ‘чревоугодничаеъ’ 149.

Модель *ТорТ*. Почерк I: *горд-* 25, 52, 82 и др. (4×), *гортань* 102, *кормечьство* 74, *корм-* 59 bis, 80б, 110 и др. (12×), *корчьмоу*◇ 6, *-скорб-* 56, 58, 91 и др. (58×, в том числе *скорбѣти*◇ 16), *ѿ-торгнуша*◇ 2б, *торгъ* 108б, 17б, *-оу* 112б, *торжищи* 77б, *-ихъ* 106. Почерк II: *гордѣниѣ* 178, *горла* 128б, *-омъ* 130б, *-оу* 130, *кормиша* 157б, *-скорб-* 139б, 142б, 172 и др. (15×), *сморкаа* ‘вбирая’ [Срезн.: статьи *смъркати* и *смърцати*] 169б, *торжищу* 135б.

Сочетания типа **ТърТ*

Модель *ТърТ*. Почерк I: *с-вършенымъ* 179, *държимъ* 44б, *мъртвоу*◇ 8. Почерк II: *-върз-/върж-* 136, 143б, 168 bis и др. (6×), *-върз-* 134, 160б, 171, *въртѣниѣ* 165, *въртѣнноу* 145б, *с-върш-* 128б, 135, 173 и др. (10×), *-държ-* 129б, 157, 171б bis и др. (5×), *дърз-* 127, 141б, 161 и др. (9×), *жъртв-* 129,

⁴ Слово «модель» в дальнейшем используется как эквивалент слов «написание типа», например вместо «написание типа *ТорьТ*» может быть сказано «модель *ТорьТ*».

1296 bis и др. (4×), *жъртоу* 130, *мърз-* 158б, *първ-* 121, 127б, 135 и др. (14×), *сквърн-* 147б, 170, *смерд-* 161, *твърд-/твърж-* 124б, 133б, 140 и др. (5×), *-търг-* 136б, 159б, 169б и др., *-търп-* 131б, 139б, 141, *търпъ|ко* 135б, *чърн-* 131, 160, *църбоу* ‘неполную’ [Срезн.: статья *църбыи*] 128б; с ъ в конце строки — *свь|ришаемаа* 129б, *ць|ркве* 160б. Из разбора исключено написание *пърсъ* Р. мн. ‘персов’ 145, которое, видимо, является результатом смешения (какова бы ни была его природа) *перси* ‘персы’ и *пърси* ‘грудь’.

Модель *ТертТ*. Почерк I: *вервью* 83, *верг-/верж-/верз-* 3, 8б, 54 и др. (45×, в т. ч. *въверже*◊, *ѿвергль*◊ 3, *ѿвергъ|*◊ [гъ читается ненадежно] 8б), *ѿверз-* 21, 57, 81 bis и др. (14×, в т. ч. *ѿверзь*◊, *-ѣте* 8), *верстоу* 34б, *верх-* 50, 85б ter (5×, в т. ч. *верхоу*◊ 2), *с-верш-* 22б, 109б, 95 и др. (57×, в т. ч. *свершени*◊, *свершите*◊ 9б), *-держ-* 5, 54 bis, 72б и др. (45×, в т. ч. *держа*◊ 5, *держава*◊ 8б, *оу-держании*◊ 1, *въз-держанию*◊ 10б, *оу-держ-*◊ 1, 3б, *въз-держателници*◊ 10, *невъз-держащаа*◊ 10), *дерз-* 26б, 54б, 119б и др. (29×, в т. ч. *дерзноювъ*◊ 7), *жерновъ* 32, *жертв-* 70б, 76б, 84 и др. (12×), *по-жершимъ* 65, *мерз-* 43б, 46, 120б и др. (7×), *оу-мерль*◊ 7, 57б, *оу-мертвишю* 57б, *-перв-* 64, 81, 120б и др. (31×), *перси* ‘грудь’ 108б, *перстомъ* 80, *-серд-* 109, 29, 22 (е вставлено) и др. (4×), *серна* 42б, *скверн-* 36б, 72, 95б и др. (24×, в т. ч. *скверниши*◊ 5б), *смерд-*◊ 2б, 5, *-тверд-/тверж-* 35б, 42б, 76б и др. (11×), *-терг-* 92б, 110б, 6б◊, *неѿ-терженоу* 15б, *терзаник* 102, *терн-* 50, 54б bis, *-терп-* 34, 63, 101 и др. (56×, в т. ч. *терпѣти*◊ 2, 5б, *терпѣнию*◊ 9, *-и* 10), *черв-* 2б, 5б, 22б и др. (10×, в т. ч. *червь*◊ 5 bis, 5б, *-ье* 5, *-емъ* 2б, *-ии* 2 bis, 2б), *черн-* 2, 28б, 76б и др. (6×, в т. ч. *чернецъ*◊ 2, *-а* 3б, *-и* 3б), *чернахоу*◊ 1б, *черт-* 88б, 119б, *чертогъ* 67, *четвертою* 8б. Почерк II: *из-вержеть* 161, *с-вершати* 127, *-держ-* 121б, 130б, 149 и др. (4×), *держака* 128, *жертв-* 160 bis, *перв-* 142б, 145, *-скверн-* 129б, 173, *-тверд-* 139б, 142б, *-терг-* 122б, 143б, *чернила* 121, *черница* 160, *четвертою* 151б.

Сочетания типа *ТълТ

Модель *ТълТ*. Только почерк I: *стълпни*^к◊ (выносная к видна очень плохо) 1.

Модель *ТолТ*. Почерк I: *волкъ* 9◊, 34б, *волци* 57б, *волсви* 47б, *долг-* ‘долгий’ 39б, 69б, 101б и др. (15×), *долж-* ‘должный’ 26б, 38, 42б и др. (11×, в т. ч. *долженъ*◊ 2б, 3), *-молв-* 16, 11б, 119 и др. (31×), *-молч-/молк-* 55б, 88б, 120б и др. (32×, в т. ч. *молчании*◊ 10, *-ю* 9, *-юмъ* 10, *молчаши*◊ 4, *молчи*◊ 2; алломорф *-молк-* представлен единственным примером *помолкоша* 83б), *-полн-* 47, 99б, 110 и др. (21×, в т. ч. *полна*◊ 2 bis, *-оу* 2б, 7), *въ-полчъ|ша* сѧ 108, *о-полчивъ* 37б, *столп-*◊ 6б, 5, 7б и др. (15×), *толк-* ‘толковать’ 97, 95б, 109 и др. (4×), *толкыи* 44б, *толчеши* 108б. Почерк II: *безъ-молвию* 122, *молчати* 14б, *долг-* ‘долгий’ 133б, 166б, 171 ter и др. (7×, в т. ч. *долгомоу* 122 — с дефектом пергамена после л), *за-долженю* 121б, *-полн-* 121б, 148, 75б и др. (5×), *полкоу* 171б, *столпъ* 134, *толковъ* Р.мн. 159б, *толкыи* 134б.

Редкие варианты

Сочетания типа *ТърТ

Модель *ТоръТ*. Почерк I: *корьмла* 100, -ю 105б, *бе-скорьбно* 58, *скорьбны* 66, *ѡ-то^ргноуша* $\diamond$ 3; с ъ в конце строки — *корь|мить* 59, *скорь|бить* 59б, *при-скорь|бьныи* 51б. Почерк II: *w-скорьблице* 125б; с ъ в конце строки — *ласкорь|диш* ‘чревоугодие’ 125.

Сочетания типа *ТърТ

Модель *ТрьТ*. Только почерк II: *дрьзо* 156б.

Модель *ТъръТ*. Только почерк II: *дъръжновениѣ* 174, *дъръзнеть* 161б, *дъръжноувишихъ* 154, *жърътвеникомъ* 138; со вторым ь в конце строки — *ѡ-вьрь|зениѣ* 150, *миродъръ|жчемъ* 172б. Из разбора исключено двусмысленное написание *чъръ|цьскими* 163 (здесь пропущено либо *нь* после *рь*, либо *н* после *р*).

Модель *ТъръТ*. Только почерк II: *вьръстою* 135б.

Модель *ТерьТ*. Почерк I: *оу-мерьтви* 111, *оу-мерьщениѣ* 115б, *скверьна* 102, *скверьнословци* 102, *ѡ-терьгноувъ* $\diamond$ 10б, *ѡ-терьгноуть* $\diamond$ 2б, *церькъви* 7б; с ь в конце строки — *с-верь|же* 5б, *с-верь|шени* 33б, *оу-дерь|жиши* 90, *дерь|зости* 91, *оу-тверь|жениа* 48, *церь|къвамъ* 63б. Почерк II: *дерьзновениѣ* 154, 17б, *дерьзноуть* 154, *оу-мерьщквеноу* (sic!) 170; с ѣ вместо *е* — *дъръзновениѣмъ* 150, *извърьжению* 136б (ср. варьирование *прѣ-*, *прѣдъ-*, *-влѣщ-* и *пре-*, *предъ-*, *-влещ-*; см. § 2.).

Модель *ТерьТ*. Почерк I: *жерътвеникъ* 108б; с ъ в конце строки — *тажкосерь|дъ* 113б. Почерк II: *дерьзновениѣ* 148б.

Сочетания типа *ТълТ

Модель *ТльТ*. Только почерк II: *безъмльвина* 145, -ю 177б, -ю 122, *безъмльвною* 134б.

Модель *ТълъТ*. Только почерк II: *безъмльствоватьи* 145, *безъмльтвоуаи* 125б.

Модель *ТольТ*. Почерк I: *оболькъше* $\diamond$ 9б, *без-мольвника* 25б, *оу-молькнеть* (о исправлено из ѡ?) 110; с ѡ в конце строки — *доль|го* 14б, *доль|гы* 107б, *без-моль|вика* 118б, *без-моль|вьно* 97б, *толь|кованиа* 135. Почерк II: *без-мольвникомъ* 127б, *безъмльвныи* 167б, *без-мольствоующю* 176б, *солънце* 166б, *стольника* 143б, 173, *тольсти* 130; с ѡ в конце строки — *толь|кованиа* (ѡ исправлено из о) 14б.

Распределение редких вариантов по почеркам и частям рукописи

4. Для большинства редких вариантов малый объем материала не позволяет с уверенностью утверждать, есть ли в их распределении зависимость от принадлежности к конкретному почерку (I или II) или к конкрет-

ной части рукописи (Житию или Пандектам). Может быть, имеется связь между моделями *ТорьТ*, *ТьрьТ*, *ТерьТ* и Пандектами; при этом не исключено, что модель *ТьрьТ* характеризует не Пандекты, а почерк II. Распределение остальных моделей гораздо менее выразительно. Модели *ТорьТ*, *ТерьТ* и *ТерьТ* встречаются преимущественно в почерке I (счет 8 : 2, 13 : 4 и 2 : 1 соответственно); в написаниях типа *ТольТ* противопоставление почерков полностью нейтрализовано (счет 8 : 8). Модели *ТерьТ* и *ТольТ* встречаются преимущественно в Пандектах (счет 16 : 2 и 15 : 1 соответственно), но это вполне объяснимо относительно малым размером Жития. Судить о распределении моделей *ТрьТ*, *ТьрьТ*, *ТльТ* и *ТьльТ*, представленных единичными примерами, вряд ли возможно.

5. Чтобы прояснить характер дистрибуции редких вариантов, следует рассмотреть их употребление не самих по себе, а на фоне регулярных вариантов. Так, по данным лингвотекстологического анализа (см. § 2), модель *ТьрТ* господствует над моделью *ТерТ* в почерке II (о рефлексах **ТьрТ* и **ТьлТ* см. ниже); при этом распределение моделей, зависящее от принадлежности к тексту Жития или тексту Пандектов, не обнаруживается. Аналогичную картину демонстрируют модели *ТьрьТ* и *ТерьТ*.

В Таблице 1 показано, как распределены по почеркам раннедревнерусские (с ъ, ь) и позднедревнерусские (с о, е) написания перед *р*, *л* в составе вариантов со вставными ъ, ь и в составе регулярных вариантов.

Таблица 1

Варианты со вставными ъ и ь					Регулярные варианты				
Модель	Почерк I		Почерк II		Модель	Почерк I		Почерк II	
					<i>ТьрТ</i>	0 %		8 %	2
<i>ТорьТ</i>	100 %	8	100 %	2	<i>ТорТ</i>	100 %	84	92 %	22
<i>ТьрьТ</i> и <i>ТьрьТ</i>	0 %		50 %	6 + 1	<i>ТьрТ</i>	1 %	3	79 %	76
<i>ТерьТ</i> и <i>ТерьТ</i>	100 %	13 + 2	50 %	6 + 1	<i>ТерТ</i>	99 %	362	21 %	20
<i>ТьльТ</i>	0 %		20 %	2	<i>ТьлТ</i>	1 %	1	0 %	
<i>ТольТ</i>	100 %	8	80 %	8	<i>ТолТ</i>	99 %	139	100 %	20

Как видно из таблицы, в распределении по почеркам рефлексов **ТьрТ* имеется довольно отчетливый параллелизм: модели *ТьрьТ*, *ТьрьТ* представлены исключительно в почерке II, модель *ТьрТ* — преимущественно там же (доля отклонений составляет лишь 1 %); им противостоят модели *ТерьТ*, *ТерьТ* и модель *ТерТ*, которые употребляются в обоих почерках (с разной степенью интенсивности). Способы записи сочетания типа **ТьрТ* непоказательны, так как в рукописи недостает четвертого члена пропорции $\text{ТьрТ} : \text{ТорТ} = x : \text{ТорьТ}$. Материал по рефлексам **ТьлТ* весьма ограничен, чем, видимо, объясняется отсутствие варьирования моделей *ТьлТ* и *ТолТ* в почерке II (при сходстве во всем остальном с передачей **ТьрТ*).

6. Для нашего исследования важнейшее значение имеет тот факт, что написания с ъ, ь перед *р, л* в моделях *ТЬрьТ*, *ТЬрьТ* и *ТЬльТ* встречаются исключительно в почерке II, тогда как написания с *о, е* перед *р, л* и со вставными ъ, ь — в обоих почерках. Тем самым выбор между ъ, ь и *о, е* перед *р, л* оказывается связан с различием орфографических систем двух почерков: в почерке I последовательно отражено «прояснение» редуцированных в сочетаниях с плавными, а в почерке II в этой орфографической точке варьируют ранне- и позднерусские написания. На архаичность орфографии почерка II дополнительно указывают модели *ТрьТ* и *ТльТ*; их появление в тексте в принципе можно мотивировать ориентацией на старославянские образцы, однако, возможно, древние написания просто уцелели в ходе многократного копирования текста Пандектов.

Таким образом, буквы перед *р, л*, с одной стороны, и вставные ъ, ь — с другой, так сказать, живут в нашей рукописи собственной жизнью: если первые характеризуют определенный почерк, то употребление вторых от почерка не зависит. Соответственно, вставные ъ и ь ниже рассматриваются отдельно от букв перед *р, л*.

О причинах разнообразия моделей

7. Перед тем как обратиться к интерпретации материала, отметим обращающее на себя внимание разнообразие моделей со вставными ъ и ь, передающих **ТЬрТ*, в которых реализованы все возможности выбора между ъ и *е* перед буквой плавного, а также ъ и ь после нее: *ТЬрьТ*, *ТерьТ*, *ТЬрьТ* и *ТерьТ*. Этому разнообразию противостоит скудость способов записи **ТЬрТ* в виде модели *ТорьТ*. Промежуточное положение занимают передающие **ТЬлТ* модели *ТЬльТ* и *ТольТ*. Сказанное продублировано в Таблице 2, которая наглядно отражает все «лакуны».

Таблица 2

		После <i>р, л</i> написана буква	
		ъ	ь
Перед <i>р, л</i> написаны буквы	ъ, ь	—	—
		<i>ТЬрьТ</i>	<i>ТЬрьТ</i>
		<i>ТЬльТ</i>	—
	<i>о, е</i>	<i>ТорьТ</i>	—
		<i>ТерьТ</i>	<i>ТерьТ</i>
		<i>ТольТ</i>	—

Различие между тремя типами сочетаний редуцированных с плавными в количестве моделей естественно связать с долей всех орфографических вариантов и долей всех редких вариантов (включая модели *ТрьТ* и *ТльТ*) в каждом типе, см. Таблицу 3.

Таблица 3

Типы сочетаний	Способы передачи сочетаний			
	Все варианты		Редкие варианты	
<i>*TьpT</i>	62 %	493	50 %	34
<i>*TьлT</i>	23 %	184	35 %	24
<i>*TьpT</i>	15 %	117	15 %	10

Как можно видеть, количество редких вариантов в каждом из типов сочетаний прямо пропорционально количеству всех способов передачи того или иного типа: процентные показатели довольно похожи. Но на этом процентное сходство не заканчивается. Можно считать это просто совпадением, однако количество моделей в каждом типе сочетаний также перекликается с приведенными данными: сочетание **TьpT* передается семью моделями (что составляет 47 % от общего числа всех редких моделей), **TьлT* — пятью (33 %), **TьpT* — тремя (20 %). Таким образом, можно констатировать, что в рукописи как бы проводится следующий принцип: чем больше у того или иного типа позиций в тексте, тем больше у него орфографических вариантов.

Если это не совпадение, то чем можно объяснить такую зависимость? Осмелимся предположить, что установленный факт имеет некоторую типологическую близость к случаям графических искажений многократно повторяющихся слов в рамках одного и того же текста (особенно короткого). Последнее ярко проявляется в берестяных грамотах, содержание которых может требовать повторения одного и того же слова. Так обстоит дело, например, с грамотой № 348 (вт. пол. XIII в.), представляющей собой долговой список, где слово ‘четверть’ повторяется 20 раз (после каждого входящего в список имени), «а такие слова, как правило, записываются писцами менее тщательно, чем информативная часть текста (имена и цифры), и часто подвергаются сокращениям и искажениям» [Зализняк 1993: 266–267]: *цетвете* (2×), *цецетверте*, *цетте*. Сюда же относится и грамота № 92 (роспись оброка), где 11 раз повторяется слово ‘лосось’: мы встречаем здесь среди прочих, например, написания *лосъсь*, *лосо* (2×), *слсось* [Там же: 267]. Можно думать, что графически неустойчивыми в текстах определенного объема могли быть не только отдельные частотные слова, но и относительно крупные массивы слов с общей для всех орфограммой (в нашем случае самый крупный массив составлен из слов с сочетанием типа **TьpT*). Разумеется, указанное типологическое сходство общего характера (если оно действительно имеется) не освобождает от необходимости искать какую-то частную подоплеку варьирования вставных ъ и ь в моделях, передающих рефлекс сочетаний типа **TьpT* (см. § 14)⁵.

⁵ Может создаться впечатление, что материал по редким вариантам разбит на модели «насиловственным» способом и что настоящая причина разнообразия моделей, передающих сочетания типа **TьpT*, лежит просто в отражении очень рано со-

Возможные объяснения вставных *ъ* и *ь*

8. Как известно, в истолковании вставных *ъ* и *ь* единого мнения не существует. Перечислим основные версии и попытаемся оценить возможность приложения каждой из них к нашему материалу. В дальнейшем, если из контекста не ясно иное, рефлексы **ТърТ* (и соответствующие им написания) обозначают рефлексы всех типов сочетаний (**ТърТ*, **ТърТ* и **ТълТ*), т. е. слова «написания типа *ТърТ*» подразумевают «написания типа *ТърТ*, *ТърТ* и *ТълТ*», слова «написания типа *ТъръТ*» — «написания типа *ТъръТ*, *ТъръТ* и *ТълъТ*» и т. п. Условимся также для упрощения записи в § 9–11 под *ТъръТ* иметь в виду *ТъръТ* и/или *Тър'Т* (т. е. написание с паерком), а под *Тъ* (в составе *ТърТ*, *ТъръТ* и *Тър'Т*) — не только *Тъ*, но и *То* (т. е. написание с «проясненным» редуцированным).

Контаминация старославянского написания и древнерусского произношения

9. Эта точка зрения на происхождение вставных *ъ* и *ь* сформулирована А. А. Шахматовым [1915/2002: § 314]: «Написания [*ъръ*, *ьрь*, *ълъ*, а также *ьрь*, *ьрь*] явились на почве взаимодействия, с одной стороны, графического приема старославянских памятников, усвоенного русскими писцами и требовавшего постановки *ъ*, *ь* за плавными, с другой стороны, живого русского произношения: написания *пръсть*, *вьрхъ* оригинала и живое произношение *пърсть*, *върхъ* порождали в копиях искусственные написания *пъръсть*, *въръхъ*». Существует также близкое к данному объяснению («фонетико-орфографическому», если можно так выразиться), но не тождественное ему чисто орфографическое объяснение, согласно которому такие написания, как «*вьрьхоу*, *зьрно*, *скъръбъ*, *тъльцьте* (Остр. ев. и позднее), — искусственный прием письма, соединение церковнославянского правописания с русским» [Дурново 1924/2000: 148].

Применительно к нашей рукописи (и, вероятно, ко многим другим) чисто орфографическая концепция едва ли обладает достаточной «объяснительной силой». По наблюдениям В. М. Живова [1987/2006: 248], наличие в рукописи написаний типа *ТъръТ* обуславливает наличие в ней написаний типа *ТърТ*, которые при этом встречаются существенно чаще, чем написания типа *ТръТ*. Если написания типа *ТъръТ* «развиваются в ходе формирования русской орфографической нормы как сопутствующие» написаниям типа *ТърТ* [Там же], то, очевидно, что часть *Тъ* в составе *ТъръТ* передает произношение (книжное или разговорное). Тем самым

вершившегося в древнем новгородско-псковском диалекте перехода *ТъръТ* в *ТъръТ* в случае, когда второе *Т* — это твердая зубная согласная (см. [Зализняк 2004: § 2.12]). Однако, как показано ниже (см. § 12), модели *ТъръТ*, *ТерьТ* и *ТъръТ*, *ТерьТ* вряд ли во всех случаях противопоставлены по принципу «перед твердой зубной — *ъ*, в прочих случаях — *ь*».

чисто орфографическая концепция уже только поэтому оказывается неприемлемой.

Господство *ТЬрТ* над *ТрьТ* при наличии в рукописи *ТЬрьТ* показывает, что и за частью *рьТ* стоит фонетическая реальность. Если бы писцы старались следовать старославянским орфографическим нормам, то в рукописях наблюдалась бы обратная картина (старославянские написания превалировали бы над русскими). Однако в действительности «графический прием старославянских памятников», о котором говорил А. А. Шахматов, обычно реализуется в мизерном количестве случаев: как отмечал В. М. Живов, написания типа *ТЬрьТ* всегда составляют лишь относительно небольшой процент по сравнению с долей написаний другого типа [Там же]. Таким образом, отпадает и фонетико-орфографическая версия.

Материал нашей рукописи прекрасно согласуется с закономерностями, выявленными В. М. Живовым: пропорция редких вариантов составляет всего 7 %, а модели старославянского вида находятся в абсолютном меньшинстве по сравнению с русскими написаниями.

Отражение рефлексов типа ТЬрьТ или ТЬр^ьТ

10. Речь идет, соответственно, о так называемых древненовгородской модели развития сочетаний типа **ТЬрТ* (**ТЬрТ*, **ТЬлТ*) — с дополнительным *ъ* или *ь* и стандартной древнерусской модели — с развитием слабого вокалического призвука. Рефлекс *ТЬрьТ* характерен для новгородско-псковского диалекта, рефлекс *ТЬр^ьТ* — для восточно-новгородских говоров и Юго-Западной Руси (где также могло сохраняться исконное сочетание *ТЬрТ*, подробнее см. [Зализняк 1993: 266; 2004: § 2.12]). Обе возможности могут быть переданы на письме как *ТЬрьТ*.

Поскольку в нашей рукописи имеются некоторые особенности, позволяющие локализовать говор писцов северо-западной диалектной зоной (см. § 1), не исключено, что написания типа *ТЬрьТ* отражают одну из указанных возможностей. Некоторая уязвимость данной версии усматривается в отсутствии сколько-нибудь четкого противопоставления вставных *ъ* и *ь* в способах передачи сочетаний типа **ТЬрТ* (согласно переходу древнего рефлекса *ТЬрьТ* в более новый *ТЬрьТ*, см. сноску 5), хотя можно, конечно, полагать, что запись со вставным *ъ* перед буквой, обозначающей твердую зубную согласную (как и сами написания со вставными *ъ* и *ь*), возникает в книжном памятнике спорадически, так как произношение типа (*ТЬрьТ*) было принадлежностью разговорного языка.

Отражение рефлексов типа ТрьТ или Т^ьр^ьТ

11. Помимо рефлекса *ТЬрьТ* в древнем новгородско-псковском диалекте, существовал рефлекс *ТрьТ* или *Т^ьр^ьТ* — со слоговым плавным, сопровождаемым нефонологическими вокальными призвуками (см. [Зализняк, Шевелёва 2005: 440]). Написания типа *ТЬрьТ* в нашей рукописи вряд ли отражают рефлекс *Т^ьр^ьТ*. Как показано в работе М. Н. Шевелёвой [1995],

важной особенностью написаний типа *ТъръТ*, передающих рефлекс T^br^bT , является то, что выбор между вставными буквами *ъ* и *ь* подчинен ряду гласного звука, стоящего перед [р], [л]; частным следствием этого является отсутствие написаний с *ьръ* (*еръ*) перед согласной, обозначающей твердую зубную. Наличие в нашей рукописи моделей *ТъръТ* и *ТерьТ* не дает оснований предполагать обусловленность вставных *ъ* и *ь* характером гласных перед плавными.

Отражение твердости или мягкости [р]

12. Некоторые примеры позволяют думать, что выбор между вставными *ъ* и *ь* зависит от качества последующих согласных (ср., в частности, *дъръзнеть*, *оумерьтви* — *вьръстою*, *жерътвеникъ*), однако в целом даже беглый просмотр материала не дает оснований заключить, что вставные *ъ* и *ь* во всех случаях выполняют функцию твердого и мягкого знаков (см., однако, § 17).

Вставные *ъ* и *ь* как выразители призвука

13. Как показано в § 9–12, ни одна из рассмотренных концепций не дает удовлетворительного объяснения вставных *ъ* и *ь* в анализируемом памятнике. Поиски альтернативных решений приводят к выводу, согласно которому **вставные *ъ* и *ь* в рукописи возникают в силу двух несвязанных тенденций: отразить на письме гласный призвук, позволяющий избежать сложного скопления согласных звуков, и соблюсти так называемое «правило конца строки».**

В самом деле, как можно видеть из приведенных выше списков (см. § 3), вставные *ъ* и *ь* пишутся (независимо от того, приходятся ли они на конец строки или нет), во-первых, перед двумя (реже тремя) согласными, например *скоръбны*, *миродъръ|жчемъ*, *вьръстою*, *оумерьтви*, *жерътвеникъ*, *безъмль|ствовати*, *солънце*, во-вторых, перед сочетанием вида «согласная + *ъ*, *ь* (из слабых **ъ*, **ь*)», в котором буквы *ъ* и *ь* — это не более, чем дань отходящей в прошлое орфографии, например *прискоръ|бъныи*, *церъкъви*, *церъ|къвамъ*, *безмоль|въно*, *оболькъше*; ср. варьирование в суффиксах *-ьн-*, *-ъв-* и *-ъш-*: *скоръбнаа* 15 — *скорбно* 111б, *навиновъна* 128б — *виновна* 113б; *църкъви* 160 — *ць|ркве* 30б, *любви* 56б — *любви* 38б; *притекъше* 4б — *текше* 160б, *рекъшемоу* 158 — *рекше* 126. Таким образом, в обоих случаях вставные *ъ* и *ь* записываются перед двумя или тремя согласными буквами (пусть и отделенными друг от друга буквами *ъ* и *ь*, стоящими на месте слабых **ъ* и **ь*), т. е. там, где возникает угроза скопления соответствующих звуков.

Перед одиночной согласной *ъ* и *ь* возникают только в конце строки, например: *коръ|митъ*, *бъвьрь|зение*, *сверъ|шени*, *тажкосеръ|дъ*; отклоняются лишь *скверъна*, *скверънословици*, которые либо отражают мягкость [р] (см. § 17), либо копируют написания с *ьн* в роли суффикса (ср. *искрънеъ* 149, *сребръно* 84б, *оутрънаа* 131б и др.).

14. При трактовке вставной буквы ъ или ь как выразителя гласного призвуча получает возможное объяснение колебание между вставными ъ и ь в моделях *ТЬрьТ*, *ТерьТ*, с одной стороны, и *ТЬрьТ*, *ТерьТ* — с другой (см. § 7). Вероятно, переписчику, непреднамеренно отразившему в рукописи свое произношение, в первую очередь было важно как-то обозначить призвук, для чего наиболее удобными были буквы ъ и ь; выбор между ними в позднедревнерусский период, возможно, был для писца на втором плане. Разумеется, при этом вполне вероятно, что хотя бы часть примеров, относящихся к рассматриваемым моделям, мотивирована твердостью или мягкостью последующего согласного (см. также § 17).

Показания других памятников

15. Описанный в § 13 принцип, по-видимому, так или иначе выдерживается и в некоторых других памятниках, созданных в позднедревнерусский период. Так, в первом почерке Пролога 1356 г. передающие рефлексy **ТЬрТ* написания *верхнимъ*, *дерьзн-* (9×), *дерь|зн-* (2×), *жерьтв-*, *перьст-* (2×), *черьнци*, *ѡверьгл-* (2×), *ѡверсти* (инфинитив с обобщением по презентной основе), *дерьзн-*, *перьста*, *перь|стомъ* оказываются в четкой оппозиции написаниям *-верь|ж-* (2×), *-верь|т-*, *-дерь|ж-* (2×), *скверь|н-* (2×), *простерь|тама*, *-тверь|д-*, *-терь|н-* (2×), *черь|норизець*; исключение: *верьх-* (2×) (примеры взяты из [Бегунц 2003: § 4.4.4])⁶. Материал по написаниям со вставными ъ и ь в конце строки на месте сочетаний **ТЬрТ* и **ТЬлТ* в названной работе опущен; ср., однако, показательные примеры вставок перед двумя согласными буквами и сочетанием «согласная + ь (из слабого *ь)» — также в первом почерке: *оскорьблше*, *корьмлю*, *вольхва-* (4×), *вольшьство*, *тольста*, *стольнь|ника*, *долъжь|ни*; исключений нет. И. В. Бегунц интерпретирует данные написания иначе (см. § 19).

16. В двух списках Пролога вт. пол. XIV в., в отрезках текста, принадлежащих писцу, который принимал участие в создании обоих памятников, обнаруживаются следующие написания (приводим их объединенный перечень): *верьстоу*, *верьтъѣ*, *вольхва*, *дерьзн-* (2×), *дерьзн-* (2×), *корьмлю*, *корьчмиту*, *перьсти*, *перьсть*, *стольпникъ*, -у, -ѣѣ (примеры взяты из [Ладыженский 2011: 136]). Из указанной работы неясно, употребляются ли в рукописях вставные ъ и ь в позиции конца строки; во всяком случае, перед одиночной согласной буквой представлены обычные позднедревнерусские написания, например: *въвержени*, *гордыни*, *безмольва*, *скорби*, *черноризець* [Там же].

Насколько можно понять, написания типа *корьмлю*, *верьстоу*, *вольхва* И. М. Ладыженский трактует как частное проявление закономерности, со-

⁶ Здесь и далее в § 15–17 после корня указываются все стоящие за ним подряд согласные.

гласно которой «еры, соответствующие этимологически слабым редуцированным, ставятся... при последовательности из трех и более согласных: *предѣста, въпрошени, льсти, къ братѣи...*» [Там же: 133]. Однако, анализируя слова с сочетаниями типа **ТърТ*, исследователь вынужден уточнить, что речь идет уже о «неэтимологических ерах», при этом их позиция (слабая или сильная) не оговаривается [Там же: 136].

Отметим, что, вопреки сформулированной И. М. Ладыженским закономерности, в примерах *верѣтъѣ, корѣчмитѣ, столѣнникѣ, -у, -цѣ* неэтимологические *ѣ* и *ѣ* соответствуют гипотетическим редуцированным не в слабой, а в сильной позиции; в написании *верѣтъѣ* нет последовательности из трех согласных букв; наконец, как замечает сам исследователь, в слове *жертѣ*, где, напротив, такая последовательность имеется, «еры после плавного не представлены ни разу» [Там же].

Не исключая фонетического происхождения указанных написаний, И. М. Ладыженский настаивает на том, что писец «преследовал прежде всего графические цели: разделить группу графем, соответствующих согласным» [Там же: 137]; сходным образом интерпретирует написание со вставными *ѣ* и *ѣ* в Прологе 1356 г. И. В. Бегунц (см. § 19). Возможно, этот вывод верен для обсуждаемых в работе написаний типа *въ ѣркѣ, въ срдѣци, въ ѣртво*, но маловероятен для написаний типа *предѣста, въпрошени, льсти* и в особенности для написаний типа *корѣмлю, верѣстоу, волѣхва* и т. п. Последние (в том числе *верѣтъѣ* с чисто орфографическим *ѣ* на месте слабого **ѣ*), на наш взгляд, вполне удовлетворительно объясняются гипотезой о вставных *ѣ* и *ѣ* в роли призвука. При этом, как и в нашей рукописи, *ѣ* и *ѣ* не пишутся в условиях скопления согласных звуков повсеместно (см. § 18), так что считать отклонениями написания *жертѣ*- (а также *безмолвѣѣ*, где на фонетическом уровне представлено скопление [лв'ј]) нет необходимости.

Скоплением согласных звуков может также объясняться наличие *ѣ* и *ѣ* в написаниях типа *предѣста, въпрошени, льсти*: как известно, «в подобных случаях редуцированный часто восстанавливался (или сохранялся)» [Зализняк 1985: 170]; однако подробный разбор таких написаний не входит в задачи настоящей работы.

17. В Московском евангелии 1358 г., если судить по материалу, изложенному в статье О. А. Князевской [1957: 130–131], вставные *ѣ* и *ѣ* пишутся: в позиции конца строки — перед одной согласной, в прочих случаях — перед двумя согласными (а именно, перед *ст*), ср. *торѣ|жищихѣ, верѣ|ху, одерѣ|жимѣ, померѣ|че, перѣ|выхѣ, черѣ|тѣ, зерѣ|ну* (2×), *растерѣ|завѣ, молѣ|нии, полѣ|на, толь|ѣѣте — горѣ|стью, отверѣ|сти, верѣ|стоу, перѣ|стѣ, перѣ|стоѣ* (2×), -а; исключение: *перѣ|выи*.

Как и указывала О. А. Князевская, в части случаев вставные *ѣ* и *ѣ* в приведенных примерах, возможно, отражают мягкость или твердость [р], в том числе обусловленную качеством последующих согласных (ср. § 12). Таким образом, вставные *ѣ* и *ѣ* в Московском евангелии могут обозначать

одновременно гласный призвук и качество [p] — подобно тому как в нашей рукописи они могут одновременно обозначать гласный призвук и служить правильному оформлению конца строки, ср., например, написания *миродѣрь|жчемъ*, *прискорѣ|бъныи*. При этом ясно, что вставные ъ и ь иногда выступают только в одной из названных функций, откуда возможность в нашей рукописи написаний типа *корѣ|митъ*, где ъ лишь оформляет конец строки, а в Московском евангелии — написаний типа *перѣвыи*, где ь, видимо, обозначает только мягкость [p]. Возможно, в роли мягкого знака ь функционирует в написаниях *верѣх-* из Пролога 1356 г. (см. § 15) и *скверѣн-* из нашей рукописи (см. § 13); правда, для последней необходимо тем самым допустить, что вставные ъ и ь имели даже не две, а три функции (выступая в одной из них или совмещая их в разных комбинациях): выразителей призвукa, оформителей конца строки и показателей твердости или мягкости.

Орфографическая норма и живое произношение по данным памятника

18. Если буквы ъ и ь в написаниях *скорѣбны*, *оумерѣтви*, *столѣпника* и т. п. передают гласный призвук, то закономерен вопрос: каково фонетическое значение таких вариантов записи рефлексов **ТѣрТ*, как *бескорѣбноу*, *оумертвѣшию*, *безмолвѣникъ* и еще 60 подобных им, которые отличаются от написаний типа *скорѣбны*, *оумерѣтви*, *столѣпника* отсутствием вставных ъ и ь (в обеих группах примеров после *р*, *л* имеются как минимум две согласные буквы или сочетание «согласная + ъ, ь [на месте слабых *ѣ, *ь]»)? Вне всякого сомнения, чтобы быть до конца последовательными в своих построениях, мы должны признать, что написаниям типа *скорѣбныи*, *скорѣбъныи*, *скѣрѣбъныи*, *скѣрѣбныи* так же соответствует произношение [скорѣб'ныи], как и написаниям типа *скорѣбныи*, *скорѣбъныи*, *скѣрѣбъныи*, *скѣрѣбныи*. Но почему же при передаче на письме сочетаний типа **ТѣрТ* призвук в подавляющем большинстве случаев не обозначен? Причина здесь может быть в том, что отраженная в нашей рукописи орфографическая норма, скорее всего, предписывала повсеместное употребление стандартной древнерусской модели *ТѣрТ* (*ТорТ*), а запись со вставными ъ и ь, передающими живое произношение, расценивалась в ней как маргинальная (т. е. почти столь же неуместная в книжном памятнике, как, например, замена буквы ч на џ, выдающая цоканье писца; см. § 1).

Таким образом, в нашей рукописи с точки зрения зафиксированной в ней орфографической системы правильными являются написания типа *скорѣбныи* и, по-видимому, *скорѣбныи*, а с точки зрения графической системы, которой пользовался писец, — написания типа *скорѣбъныи*; компромисс между графикой и орфографией можно видеть в написаниях типа *скорѣбъныи*, где вставной ѣ передает произношение, а ь из слабого *ѣ является орфографической условностью.

Вопрос о соотношении написаний типа *скорьбньи* и *скорбьньи*

19. В принципе нельзя исключать того, что призвук в идиолекте писца мог возникать в любом из двух (реже трех) мест между тремя (реже четырьмя) согласными, которые образовывали труднопроизносимые сочетания. Скажем, сочетание [рб'н] в словоформе *скорбньи* могло разбиваться призвуком как [р'б'н] или как [рб'³н]. (Менее вероятно в рамках данной гипотезы, что вокалическая вставка в произношении писца возникала только после [р], [л], а буквы ъ и ь он ставил, невзирая на ее местоположение: то после *р, л*, то после согласной, следующей за *р, л*.)

Отчасти сходная точка зрения представлена в работе И. В. Бегунц [2003: § 4.4.4], которая, изучая графико-орфографическую систему Пролога 1356 г., предположила, что написания типа *скорьбньи* (с ъ, ь после *р, л*) и *скорбьньи* (с ъ, ь после *рС, лС*, где *С* — любая согласная буква) находятся в отношениях дополнительного распределения. Исследовательница не исключает фонетической причины появления вставных ъ и ь (отражения призвука), однако все же склонна относить их на счет орфографии, ср.: «Писцам важно “разбить” стечение согласных путем постановки буквы редуцированного; если группа согласных не содержала редуцированный, он “вписывается” после плавного или после следующего за ним согласного» [Там же] (ср. мнение И. М. Ладыженского; см. § 16). Здесь следует уточнить, что, как видно из приводимых в работе примеров, буквы ъ и ь вставляются и тогда, когда группа согласных содержала редуцированный, т. е. встречаются не только редкие и, видимо, противоречащие орфографической норме Пролога 1356 г. написания типа *толкънувь*, но и более обычные типа *черньци*, *ѿверзьши*. Речь, таким образом, может идти преимущественно о фонемосочетаниях вида «*р, л* + *СъС (*СьС) со слабыми *ъ, *ь», а не «*р, л* + *СС».

На наш взгляд, приведенное объяснение было бы гораздо выигрышнее, если предположить фонетическую природу рассматриваемого явления. Но как бы то ни было, приняв гипотезу дополнительной дистрибуции написаний со вставными ъ, ь и с ъ, ь после согласных, следующих за *р, л*, необходимо выяснить, какова доля отклонений от данной гипотезы. Ведь если в тексте имеются только написания типа *скорьбньи* и *скорбьньи*, то предполагаемое дополнительное распределение налицо, однако, как неумолимо свидетельствуют данные анализируемой рукописи, наряду с указанными категориями примеров имеются написания типа *скорьбьньи* и *скорбньи* (или те же, но с *ьр*), которые так или иначе портят сформулированную выше реконструкцию.

К написаниям типа *скорьбньи* в нашей рукописи относятся: *при-скорь|бньи*, *церь|къвамъ*, *церькъви*, *безмоль|вьно*, *безмольвьствоующю*, *оболькъше* (двусмысленная описка *чьрь|цьскими* не в счет). К написаниям типа *скорбньи* относятся: *бескорбноу*, *скорбно*, *добросерд'цие*, *должни* (2×), *-о*, *-ою*, *должника*, *-омъ*, а также *ць|ркве* (титло здесь «раскрыто», оче-

видно, в силу конца строки [ср. *ѣрк-* в прочих случаях], но это не делает написание непригодным для включения в список примеров; см. § 17). Как видно, отклонений не так много, но все же больше, чем в предлагаемой нами гипотезе, из которой выбиваются лишь два примера (см. § 13, конец).

К сожалению, статистические данные по Прологу 1356 г., приводимые И. В. Бегунц, в этом вопросе не показательны, так как в ее работе не различаются классы точек с «*р, л + *СС*» и классы точек с «*р, л + *СъС (*СьС)*» со слабыми *ъ, *ь» и не учитываются написания в конце строки (кроме передающих рефлексы **ТьрТ*); ср., однако, написания типа *скорьбьныи* (все они — в первом почерке Пролога 1356 г.): *вольшьство, долъжь|ни, столъпъ|ника*.

С л о в а р и

СК XIV — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 / Отв. ред. А. А. Турилов. М., 2002.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М., 2003 [репринт изд. СПб., 1893–1903].

Л и т е р а т у р а

Бегунц 2003 — И. В. Бегунц. Графико-орфографический анализ рукописи (РГАДА, фонд 381, № 163). Дипломная работа. МГУ, 2003.

Добровольский 2007 — И. С. Добровольский. К вопросу об изучении орфографической неоднородности рукописи (Житие Симеона Столпника и Пандекты Никона Черногорца 1296 г.) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2007. № 6. С. 67–72.

Дурново 1924/2000 — Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 1–337 (второй пагинации).

Живов 1987/2006 — В. М. Живов. Проблемы формирования русской редакции церковнославянского языка на начальном этапе (По поводу книги И. Тота «Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI–XII вв.». София, 1985. 358 с.) // В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. С. 225–259.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–321.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк, Шевелёва 2005 — А. А. Зализняк, М. Н. Шевелёва. Древненовгородский диалект // Языки мира: Славянские языки / РАН. Институт языкознания. М., 2005. С. 438–444.

Князевская 1957 — О. А. Князевская. К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое описание

рукописи Московского евангелия 1358 г.) // Труды института языкознания АН СССР. Т. 8. М., 1957. С. 107–177.

Ладыженский 2011 — И. М. Ладыженский. Графико-орфографические и языковые особенности рукописных книг Типографского собрания РГАДА № 165, 166, 167. Дисс. ... канд. филол. наук / Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2011.

Шахматов 1915/2002 — А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. М., 2002 [репринт изд. Пг., 1915].

Шевелёва 1995 — М. Н. Шевелёва. Новые данные церковнославянских рукописей о рефlekсах сочетаний редуцированных с плавными и развитии «второго полногласия» // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 78–93.

Статья получена 22.09.2019

Ivan S. Dobrovolsky

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

imperfect@yandex.ru

EPENTHETIC Ъ AND Ь IN A 1296 RUSSIAN CHURCH SLAVONIC MANUSCRIPT

The paper analyzes the functions of the so-called epenthetic ъ and ь in a Russian Church Slavonic manuscript dated from 1296, which contains *The Life of Saint Simeon the Stylite and The Pandects of Nikon of the Black Mountain* (SHM, Synod. 836, 180 f.). Spellings with epenthetic ъ and ь as well as extremely rare spellings of the Old Church Slavonic type are considered against the background of standard early and late Old Russian spellings. The distribution of spelling variants across different handwritings and parts of the manuscript is analyzed. Possible reasons for the variety of options are investigated. We discuss the most common explanations for the presence of epenthetic ъ and ь in the reflexes of muta-cum-liquida clusters in manuscripts. The paper argues that the appearance of non-etymological ъ and ь is due to two factors: epenthesis splitting a consonant cluster, which was reflected in the spelling, and a rule stipulating that lines should end in vowel letters. Data from other sources dating from the late Old Russian period (a 1356 Prologue, two manuscripts of Prologue from the second half of the 14th century, a 1358 Moscow Gospel) to a large extent follow these principles.

The paper also raises the question of the relation between the spelling norm and live pronunciation as reflected in the manuscript. The suggestion made by some researchers that epenthetic ъ and ь could have had a purely orthographic nature is rejected. The author comes to the conclusion that the spelling norm reflected in the manuscript most likely prescribed the use of standard Old Russian models *TъrT* or *TorT*, while epenthetic ъ and ь appeared in written text only as errors.

Keywords: Old Church Slavonic manuscripts, graphic system, orthography, historical phonetics, combinations of yers with liquid consonants, epenthetic ъ and ь

References

- Begunts, I. V. (2003). *Grafiko-orfograficheskii analiz rukopisi (RGADA, fond 381, № 163)* (unpublished M.A. dissertation). Moscow State University, Moscow.
- Dobrovolsky, I. S. (2007). K voprosu ob izuchenii orfograficheskoi neodnorodnosti rukopisi (Zhitie Simeona Stolpnika i Pandekty Nikona Chernogortsia 1296 g.). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 6, 67–72.
- Knyazevskaya, O. A. (1957). K istorii russkogo yazyka v severo-vostochnoi Rusi v seredine XIV v. (Paleograficheskoe i foneticheskoe opisanie rukopisi Moskovskogo evangeliya 1358 g.). *Trudy instituta yazykoznanii AN SSSR*, 8, 107–177.
- Ladyzhensky, I. M. (2011). *Grafiko-orfograficheskie i yazykovye osobennosti rukopisnykh knig Tipografskogo sobraniya RGADA № 165, 166, 167* (unpublished doctoral dissertation). Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow.
- Sheveleva, M. N. (1995). Novye dannye tserkovnoslavianskikh rukopisei o refleksakh sochetanii redutsirovannykh s plavnymi i razvitii «vtorogo polnoglasiiia». *Voprosy jazykoznanija*, 4, 78–93.
- Zaliznyak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow.
- Zaliznyak, A. A. (1993). K izucheniiu yazyka berestianykh gramot. In V. L. Yanin, & A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)* (pp. 191–321). Moscow: Nauka.
- Zaliznyak, A. A. (2004) *Drevnenovgorodskii dialect*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zaliznyak, A. A., & Sheveleva, M. N. (2005). Drevnenovgorodskii dialect. In A. M. Moldovan, S. S. Skorvid, & A. A. Kibrik (Eds.), *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* (pp. 438–444). Moscow: Academia.
- Zhivov, V. M. (2006). *Vostochnoslavianskoe pravopisanie XI–XIII veka* (pp. 225–259). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Received on September 22, 2019

Я. В. МЫЗНИКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
janinam@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИМЕННОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ *

Сфера склонения в русских говорах Ульяновской области имеет множество интересных особенностей. В статье описывается специфика склонения существительных, местоимений, прилагательных и числительных. В сфере словоизменения существительных в парадигме множественного числа особенно устойчивы диалектные формы родительного и творительного падежей. Существенные диалектные особенности присутствуют в парадигмах склонения местоимений и некоторых прилагательных. Так, в системе словоизменения местоимений можно отметить особый тип склонения с гласным *е* в окончаниях падежных форм множественного числа. Наконец, следует отметить использование в речи неизменяемых форм числительных со значением больше десяти.

Ключевые слова: именное словоизменение, русские говоры, диалектные особенности, парадигма склонения, заднеязычные согласные, падежные формы.

Вводные замечания

В данном исследовании рассматриваются такие особенности именного словоизменения в говорах Ульяновской области, которые составляют специфику этих говоров в сравнении с литературным языком. В первую очередь это особенности, являющиеся систематическими, т. е. представленные не отдельными случайными примерами, но массово, в системе. При этом будут прокомментированы и те явления, которые были зафиксированы на незначительном числе примеров. Последовательность рассмотрения частей речи также соответствует значимости и устойчивости диалектных черт, характеризующих каждую из частей речи.

Материалом для исследования послужили экспедиционные записи диалектной речи, производившиеся с 2012 по 2018 г. в левобережной части

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта №17-29-09021 «Русские говоры Симбирского Заволжья как отражение этноязыкового взаимодействия», реализованном в Санкт-Петербургском государственном университете. Автор благодарит двух анонимных рецензентов за ценные советы и замечания.

Ульяновской области, в ряде населённых пунктов Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов. В настоящее время большинство жителей всех обследованных населённых пунктов считают себя русскими, хотя этнический состав коренных жителей этих мест составляли чуваша, мордва и татары. По словам Ю. Н. Мордвинова, часть исследуемых сёл в конце XVII в. была заселена крещёной мордвой [Мординов 2007: 156, 258]. В лингвистическом отношении изучаемые говоры представляют собой типичные для Среднего Поволжья говоры с неполным оканьем и редукцией гласных в большинстве непредударных слогов. При выраженной владимирско-поволжской основе в говорах Симбирского Заволжья отмечены и некоторые южнорусские черты [Мызникова 2015: 60].

Сфера склонения в русских говорах Ульяновской области имеет множество интересных особенностей. Наибольшее число диалектных форм зафиксировано в сфере заместительно-указательной лексики, но и другие лексико-грамматические разряды имён обладают рядом диалектных черт. Рассмотрим наиболее значимые для русских говоров Симбирского Заволжья особенности именного словоизменения в сфере отдельных частей речи.

1. Особенности склонения существительных

Наиболее существенные диалектные особенности падежных форм существительных представлены в следующем порядке: от наиболее значимых и употребительных до наименее выраженных в речи.

1.1. Специфика словоизменения в русских говорах Ульяновской области в наибольшей степени выражена у имён с основами на заднеязычный согласный. Существительные с основой на заднеязычный согласный (чаще всего встречаются основы на *-к*) и с ударением на основе, независимо от своей родовой принадлежности (*верёвка, кустарник, яблоко, цыплятки* и т. д.), в форме твор. п. мн. ч. имеют «местоимённое», но безударное окончание *-ими* (ср.: *ими, твоими, другими*) вместо закономерного *-ами*, например: *Я вот шас со фсеми **прибафкими** пять тысяч получаю* (Кремёнки Старомайн.); *Иди садись, с **дефчоначками** посидим* (Красная Река Старомайн.); *С другой стороны накладываеца ешо одна сетка с большими **ячейками*** (Старая Майна Старомайн.); *Оне беж жон осталис **бродягами*** (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.). В наших записях зафиксировано несколько десятков подобных примеров с разными существительными с основой на *-к* и *-з*, они отражены и в речи получивших образование информантов. В словах с флексивным ударением зафиксированы общепотребительные окончания: *Но он вот первые-ть разы он мяхкый хороший, а потом делаеца вот такими **жэзваками*** (Старая Майна Старомайн.).

Т. Ф. Зиброва и Ю. Д. Фурман, исследовав данное явление на материале самарских говоров, приходят к выводу, что «ареал данного явления на территории Самарского края достаточно широк» [Зиброва, Фурман 2012: 232]

и отмечают «факты фиксации форм на *-ими* в речи городских жителей, при этом не только у людей среднего и пожилого возраста, но и в речи молодежи» [Там же: 233]. В целом формы на *-ими* исследователи характеризуют как черту «восточных южнорусских говоров, не чужды они также акающим среднерусским и среднерусским восточным неполноокающим говорам» [Там же: 232]. Эту же особенность описывает С. А. Мызников как характерную черту русских говоров Чувашской Республики и Республики Марий Эл [Мызников 2005: 77].

Можно было бы предположить в данном случае влияние на склонение этих слов формы твор. п. местоимённых прилагательных с основой на заднеязычный согласный (*какими, такими, другими*), а также полнозначных прилагательных на заднеязычный (*маленькими, строгими*). В то же время другие падежные формы (например, дат. п. мн. ч. или предл. п. мн. ч.) такого влияния не отражают: *Да в горах моталас к сроцтвеникам* (Крестово-Городище Чердаклин.); *Эт назывались посетки: на посетках были* (Старая Майна Старомайн.).

Гипотезу о возникновении окончания *-ими* в твор. п. мн. ч. существительных под влиянием аналогичного окончания прилагательных считает наиболее обоснованной Л. Н. Булатова [1981: 110]. Описывая механизм этого воздействия, Р. И. Аванесов указывает, что унификация форм прилагательных и существительных могла произойти в результате фонетического совпадения в произношении безударных окончаний творительного падежа множественного числа у существительных и прилагательных с основой на твердый заднеязычный и мягкий согласный. Это воздействие проявилось в возникновении окончания *-ими* у существительных на заднеязычный согласный [Аванесов 1949: 211–213]. Интересно, что в этих же говорах в окончаниях им. п. прилагательных м. р. ед. ч. после заднеязычного звука основы произносится гласный непременного ряда: *Грусть он белъй, горькый, эдакый вот он* (Кремёнки Старомайн.); *Котёл глубокий* (Старая Майна Старомайн.).

Был зафиксирован также один интересный пример на форму предл. п. мн. ч. у слова с основой на заднеязычный согласный: *А хмель — он вдоль речки там где-та в лопухех растёт* (Красная Река Старомайн.). Однако ввиду его единичности в данном случае делать какие-то обобщения невозможно.

1.2. Из других особенностей склонения существительных можно отметить частотность показателя *-ов (-ев)* для род. п. мн. ч. существительных ж. р. с основой на *-а*: *О, травоф-ть фсяких навалам* (Кремёнки Старомайн.); *Змееф у нас нет* (Кремёнки Старомайн.); *Щас уже нет мордвоф-ть* (Красная Река Старомайн.); *Петушкоф от молоткаф отличают, как же* (Красная Река Старомайн.); *Ну далинаф пално на-паль-ты* (Кременские Выселки Старомайн.). Отметим, что данное окончание абсолютно преобладает в формах род. п. мн. ч. существительных любых основ и типов склонения: *бапкаф, свекровьеф, медалиф, коленеф, местоф, озёраф, ягнятаф, вален-*

каф, *кадушкаф* и др. Распространение этого окончания на слова женского рода может свидетельствовать о процессах унификации показателя род. п. мн. ч. у существительных. Не удалось зафиксировать окончания *-ов* для слов м. р. с мягкой основой (типа *линь*, *окунь*), в этом случае встречаем окончание *-ей*: *Утрам пойду добеда: ведро цэло укуней* (Старый Белый Яр Чердаклин.). Широкое распространение окончания *-ов* у существительных мн. ч. женского и среднего рода характерно для многих говоров, но особенно для говоров южнорусского наречия [Аванесов, Орлова 1964: 114].

1.3. Категория одушевлённости применительно к названиям животных во мн. ч. может не проявляться, т. е. форма вин. п. совпадает с формой им. п.: *Овечки держали ф колхозе* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Кошки-ть фсе на имя называют* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Привезём и лини, и шиуки, и караси, — фсяка рыба, баушка солила шиуки* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *А Студёна была — коровы пасли мы* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *Вот доржали по две коровы, свиной, гуси, утки, куры, пёрки* Крестово-Городище Чердаклин.). Однако надо отметить значительное число форм вин. п., совпадающих с формами род. п.: *Свиной дёржал, быкоф колол, курицы были, утки были* (Красная Река Старомайн.). В последней иллюстрации проявляется специфика диалектного высказывания: в рамках одного перечисления наименования живности в начальной позиции используются сперва в функции объекта, а затем — субъекта. Вообще им. п. существительного в начальной позиции в диалектном высказывании заслуживает особого внимания, т. к. он может выступать в качестве аналога именительного темы для фиксации мысли говорящего на определённом предмете. Вместо паузы, отделяющей именительный темы, может использоваться, например, приименная частица: *Кошки-ть фсе на имя называют* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.). Таким образом, с уверенностью говорить об отсутствии одушевлённости применительно к формам множественного числа названий животных и птиц нельзя.

1.4. Были зафиксированы и некоторые диалектные особенности склонения существительных ж. р. на *-а* в единственном числе, однако все эти особенности отмечены на незначительном количестве примеров. Так, у существительных ж. р. на *-а* (*мама*, *корова*) в род. п. ед. ч. с предлогом у отмечено окончание *-е*, которое в заударной позиции в говоре с неполным оканьем реализуется как *-и*: *У каждой корови есть имя своё* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Двойня была у корови* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Нас чытыри у мами осталас* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *Война шла, мы у мами чытыри были* (Старый Белый Яр Чердаклин.). В аналогичной форме под ударением зафиксировано окончание *-е*: *Сычуг эт у свиные* (Русский Юрткуль Старомайн.); *Как у чоловека, и такое — у свиные тожь такое* (Русский Юрткуль Старомайн.). В данном случае можно предполагать особую форму, обусловленную наличием предлога у [Тер-Аванесова 2002: 173].

В говоре других деревень у существительных ж. р. (с основой на *-а*) в предл. п. ед. ч. отмечено окончание *-ы* (в мягком варианте *-и*): **В этой стараны** вот дальше — там Ольгафка (Кремёнки Старомайн.); **На земли** вот кучёк наделаиш и вот ходиш, ф подол яйца-ть возмёш, по этой земле-т прыгаиш, прячэиш яйца-ти (Ерыклинск Мелекес.). Примеры с безударным окончанием нельзя считать надёжными в связи с возможной редукцией: *Ну а фскоре пошла глядеть — там он сидит на курицы* (Ерыклинск Мелекес.); *Кода прясьть, чосали, кудель уш тут была, мяли на мяльницы, расчасывали* (Ерыклинск Мелекес.). По сделанным записям можно заметить, что данная особенность уходит под влиянием литературного языка.

1.5. Особенности склонения названий населённых пунктов с суффиксом *-ск* (типа *Ульяновск*) проявляются в некоторых падежных формах. Диалектных форм им., род. и дат. падежей в наших материалах не было отмечено. В вин. п. зафиксирован один случай оформления географического названия по типу прилагательного: *Внук поехал в Ульянафский, учылса в Ульянафским* (Крестово-Городище Чердаклин.). В то же время отмечены общепотребительные формы вин. п.: *Эт хозяйка уехала к сыну в Ульянафск* (Красная Река Старомайн.); *У ней колокольня была, Ульянафск в бинокль как на яланачке видать была* (Старый Белый Яр Чердаклин.). В формах твор. п. регулярно фиксируются окончания адъективного типа: *А вот за Ульянафским есьть наверна два-три монастыря* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Ево на войне убили у нас пьт Смоленским, бумаги пришли* (Старый Белый Яр Чердаклин.). Такая же форма, совпадающая с формой твор. п., отмечается и в предл. п.: *Внучка в Ульянафским учица* (Ерыклинск Мелекес.); *Я в Ульянафским в больницы лежала* (Старая Майна). Эта же восточная среднерусская особенность (совпадение окончаний предл. п. и твор. п. в формах мужского рода) отчётливо выражена у личных и указательных местоимений (см. пункт 2.2), а также у прилагательных (см. пункт 3.2).

1.6. Можно отметить и некоторые диалектные особенности в области синтаксиса падежных форм существительных. Так, при обозначении года (в этом году, в прошлом году и т. д.) могут использоваться формы вин. п. без предлога, предл. п. без предлога или твор. п.: *Вот нынче годом угодила хороишь погода* (Красная Река Старомайн.); *Но они поля-то переменяюца каждым годом* (Красная Река Старомайн.); *Вот прошлый гот семечки там росли, сажали* (Кремёнки Старомайн.); *Ну и черти притаишыли сюда сорок шестом году, когда Писе-ть умер? Какем году-т?* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.).

Итак, наиболее устойчивые диалектные формы характерны для существительных с основой на заднеязычный согласный, которые в форме твор. п. мн. ч. имеют безударное окончание *-ими* вместо закономерного *-ами* (*цыплятками*). Также можно отметить частотность показателя *-ов* (*-ев*) для род. п. мн. ч. существительных любых основ и типов склонения (*бапкаф, местоф*). Остальные же особенности падежных форм существительных не являются столь устойчивыми и систематическими.

2. Особенности склонения местоимений

Значительный интерес в исследуемых говорах представляет лексика указательно-заместительного характера. Здесь рассматриваются те её особенности, которые в этих говорах являются систематическими.

2.1. Так, в подсистеме личных местоимений необходимо отметить прежде всего регулярность употребления формы *оне* в качестве личного местоимения 3-го л. мн. ч. в им. п.: *Курица зовёт цыплят, клохчет и оне бёгут фсе* (Кремёнки Старомайн.); *Как звуки дают оне?* (Красная Река Старомайн.); *А лапти, оне вот такие* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.). Данная особенность является наиболее устойчивым грамматическим диалектизмом, сохраняется в речи сельских жителей с разным уровнем образования и разного возраста. Местоимение 2-го л. ед. ч. (*ты*) и возвратное местоимение *себя* в дат. п. имеют формы *тее* и *сее*, а в вин. п. — *тея* и *сея* (*сия*) (*Фставай учёччикам, во фсе дыры тея будут совать, замучают, а я тее помогу* — Ерыклинск Мелекес.; *Вот Гали Казаковой мать, она не для людей, а для сея выбивала* — Ерыклинск Мелекес.), а также аллегривые формы *те*, *се*, *тя*, *ся* (*Если вот у тя есь чаво-нибуть, крушка, оне нальют те воды* — Крестово-Городище Чердаклин.).

2.2. Из других форм личных местоимений отметим форму предл. п. ед. ч. м. р. местоимения 3-го лица (*на*) *ним*, которая совпадает в этом говоре с формой твор. п. (*с*) *ним*: *Лосёнка выучить и проехать на ним* как на лошади (Красная Река Старомайн.); *Ну вот сидиш на ним, а тут гребень и прядёш* (Старая Майна Старомайн.). Однако фиксируются и совпадения форм твор. п. с формами предл. п. (*на*) *нём* — (*с*) *нём*: *А потом после войны мы с нём поженились, дети пошли* (Ерыклинск Мелекес.). Совпадение формы предл. п. с твор. п. также наблюдается у указательных местоимений *этот*, *это*, *тот*, *то* (м. и ср. р.): *Ток реву: в этим углу этим голосом, в этим углу этим* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *А жили мы недалёка ф тем конце* (Красная Река Старомайн.); *И вот двое: один на тем, другой на этим* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *Сичас каша — тагда заварихай звали — эт из муки, в чугуне вот в эдаким* (Старая Майна Старомайн.). Что касается соответствующих местоимений ж. р., у них формы предл. и твор. пп. совпадают не только в данном говоре, но и в литературном языке: *с ней* — *на ней*, *с этой* — *на этой*.

2.3. Следующая яркая диалектная особенность касается склонения местоимённых прилагательных с основой на заднеязычный звук и с ударением на окончании: *такóй*, *какóй*, *никакóй*, *какóй-нибудь*, *какóй-то*, *другóй*. Специфика склонения таких слов проявляется в наличии у них особых ударных окончаний: *-е*, *-еи* в им. и вин. падежах мн. ч., *-ех* в род. п. мн. ч., *-ем* в твор. и предл. падежах ед. ч.: *А вот марозы-ть были какéи* (Кремёнки Старомайн.); *Вырастила детей хороших такех* (Ерыклинск Мелекес.); *Она живёт в другом ряду* (Красная Река Старомайн.). В им. п. мн. ч. чаще представлены формы со стяжённым окончанием: *Каке*

на ум придут, **таке** и пели (Красная Река Старомайн.); *А надевать-ть ху-ды съпаги, **какё-нибуть*** (Кременские Выселки Старомайн.). Можно отметить также стяжённую форму род. п.: *Оне зайдут во-о **по кех** в воду* (Старый Белый Яр Чердаклин.).

Такие же окончания (-е в им. и вин. пп. мн. ч., -ех в род. и вин. пп. мн. ч., -ем в твор., дат. и предл. пп. ед. ч. мужского и среднего рода) зафиксированы и для числительного-прилагательного *один*, -а, -о (мн. ч. *одне*): *Свёкрофь сюды приехала с сынъм с **однем*** (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Вот у **однех** прямъ вот и иголки не осталос там* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Я однем колол [собаку], если правильно заколеш, ты не узнаш* (Русские Юрткули Старомайн.).

Окончание -е в им. п. мн. ч., -ех в род. и вин. пп. мн. ч., -ем в дат. п. встречается и у притяжательных местоимений, в частности в наших записях у местоимений *свои*, *мои*: *Вот пожалуста **мое** ръятишки* (Базарно-Мордовские Юрткули Старомайн.); *Потом вот даёш [молоко] **своем**, может, у ково нет* (Красная Река Старомайн.); *Берут вот **своих*** (Красная Река Старомайн.). Описанные формы прилагательных и местоимений с гласным -е в окончаниях довольно устойчиво сохраняются в речи пожилых людей, в том числе и у получивших образование. В речи молодых людей подобные формы в наших материалах не встретились.

Таким образом, в русских говорах Ульяновской области можно выделить специфический тип склонения «на -е», т. е. с обязательным гласным -е в окончаниях различных типов местоимений в падежных формах множественного числа, а также в отдельных формах единственного числа.

Им. п. мн. ч. (вин. п. мн. ч.)	Род. п. мн. ч. (вин. п. мн. ч.), предл. п. мн. ч.	Дат. п. мн. ч., твор. п. ед. ч., предл. п. ед. ч.
какеи, <i>каке</i>	какех	какем
такеи, <i>таке</i>	такех	такем
никакеи	никакех	никакем
другеи	другех	другем
каке-то	какех-то	какем-то
каке-нибудь	какех-нибудь	какем-нибудь
мое	моех	моем
свое	своех	своем
одне	однех	однем

Следует указать, что в наших записях не было зафиксировано диалектных форм твор. п. мн. ч., отмечены лишь общеупотребительные формы *такими*, *какими*, *своими*, *одними* и др.

Подобные диалектные формы местоимений С. А. Мызников зафиксировал в русских говорах Чувашской Республики и Республики Марий Эл

[Мызников 2005: 45, 69]. Там же приводятся аналогичные формы для прилагательных. В целом склонение местоимений с фонемой *e* характерно для восточной части среднерусских окающих говоров и для говоров Костромской области [Аванесов, Орлова 1964: 128, 295].

3. Особенности склонения прилагательных

3.1. В системе склонения прилагательных не зафиксировано регулярных значимых дифференциальных черт. Однако и здесь отмечены «следы» специфического типа склонения «на *-е*», характерного для указательно-заместительной лексики. В наших материалах особые формы с гласным *-е* в падежных окончаниях зафиксированы для прилагательных с ударным окончанием *большой* и *плохой* в формах им. и вин. пп. мн. ч. (окончание *-еи*), род. п. мн. ч. (окончание *-ех*), предл. п. ед. ч. (окончание *-ем*): *Он помешшйк-та в большем селе...* (Крестово-Городище Чердаклин.); *Сапок и хороших и плахех, асобенна резинавы, фсё же гарит харашо* (Кремёнки Старомайн.); *А эти большеи-ть, которые заготовили, сложена были* (Старая Майна Старомайн.); *Вот эт сувои, сувои большеи* (Кремёнки Старомайн.); *За эта он платит налоги, канешна, большеи-та, вы панимаите?* (Кремёнки Старомайн.).

3.2. В расшифрованных материалах встретилось несколько форм предл. п. ед. ч. м. р. прилагательных, совпадающих с формами твор. п. ед. ч. м. р.: *Как во тереме свечёй горят, Во высоким ясным тёплица* (Ерыклинск Мелекес.); *Из армии с войны осталса в Рахъё, на Ладашским озере* (Ерыклинск Мелекес.); *А мы в родитильским осталис, их пькоронили, и вот в родитильским дому я живу* (Старый Белый Яр Чердаклин.). Надо сказать, что традиционная форма предл. п. прилагательного м. р. в наших записях отмечена всего один раз: *Вот такой кружочэк на металичэскъм стаяке* (Старая Майна Старомайн.).

3.3. Наконец, записи русских говоров Симбирского Заволжья выявляют такую устойчивую фонетическую черту в окончаниях прилагательных, как стяжения гласных с выпадением интервокального *j* в им. и вин. пп. ед. и мн. ч.: *Эта вот листки вот эти фсе верхни-ти зелёны, их бабы пополощут, и вот изрубют капушту чорну-чорну зелёну, эта на ишы* (Ерыклинск Мелекес.); *Да потому што никчомушно дело* (Старая Майна Старомайн.); *И котора дойна, котора недойна, фсё порось, эта вот недойна она идёт взапуск, эта утелилась, она дойна* (Красная Река Старомайн.); *Была церькафь у нас пригромна* (Кремёнки Старомайн.).

4. Особенности словоизменения числительных

В целом падежные формы числительных в русских говорах Ульяновской области соответствуют общеупотребительным: *С двух сторон вот*

так вот рят кладут, и ззесь вот рят, пряма на снопах стояли и молотют (Старая Майна Старомайн.); *Самокатки на **трѣх** колѣсиках, на **трѣх** этих, коньках, и пошол, ой лёташ!* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *Вот вокурат она угодила, вот дала: до **чѣтырѣх** до **пяти** килограм был привес* (Красная Река Старомайн.).

Количественные числительные со значением больше десяти, как правило, остаются неизменяемыми: *С децтва, ичытай с **тринацать лет** три года свинаркай работала и дояркѣй сквозь до **сорок лет*** (Красная Река Старомайн.); *Много прям откладывают матѣчникаф, до **двадцать матѣчникаф*** (Красная Река Старомайн.). При этом зависимое существительное принимает закономерную форму род. п. ед. ч.: *Я с **тринацать лет** сорок третем году я уже, я ветѣ чѣтыре класса всево кончил сорок первам году, а сорок фтором году поиѣл ф пятый класс* (Крестово-Городище Чердаклин.); *У меня мама жила до **восемисят пять лет*** (Красная Река Старомайн.).

Неизменяемым является и слово *раз* в количественных сочетаниях и с частицей *ни*: ***Три рас ф** сутки* (Красная Река Старомайн.); *Я **ни рас** не была там и не знаю, што за село* (Кремѣнки Старомайн.); *Магазин у нас **два рас** в неделю* (Кременские Выселки Старомайн.); *Тонкѣрунные стригут один рас в гот, а вот грубошорстны **два рас** — осенью и весной* (Русские Юрткули Старомайн.).

Конечно, в спонтанной речи количественные числительные, особенно составные, сохраняют формы склонения менее последовательно, чем в кодифицированном литературном языке. Однако русские говоры Ульяновской области могли в некоторой степени подвергнуться и влиянию контактных языков. Например, в чувашском, тюркском и мордовских языках числительные в сочетании с существительными — в так называемой краткой (основной, исходной) форме — употребляются в неизменяемом виде [Андреев 1966: 50; Закиев 1966: 145; Феоктистов 1966: 184; 1966а: 207]. Числительные в этих языках склоняются только тогда, когда они выступают в роли имён существительных [Андреев 1966: 50; Феоктистов 1966: 184].

Некоторые итоги

Подводя итоги сказанному, можно выделить наиболее значимые диалектные особенности в системе словоизменения русских говоров Симбирского Заволжья. Это прежде всего особый тип склонения «на -е», характерный для местоимений, местоимѣнных прилагательных и полнозначных прилагательных с основой на заднеязычный согласный и с ударением на флексии (*оне, мое, такеи*). Данная особенность уже описана как характерная черта восточных неполноокающих говоров. В области склонения существительных наиболее устойчивой диалектной чертой является «местоимѣнное» окончание *-ими* в форме твор. п. мн. ч., которое имеют существительные с основой на заднеязычный согласный. Как было указано выше, эта

черта характерна для восточных южнорусских и среднерусских акающих говоров, а также говоров с неполным оканьем. Ещё одной значимой особенностью склонения существительных, имеющей довольно широкое территориальное распространение, является показатель *-ов (-ев)* для род. п. мн. ч. существительных женского и среднего рода, что в большей степени характерно для южнорусских говоров. Наконец, отметим использование в речи неизменяемых форм числительных, особенно со значением больше десяти. Многие другие особенности именного словоизменения уходят под влиянием общеупотребительного языка. Однако и такие особенности, восстанавливаемые по остаточным диалектным формам, могут помочь выявить те материнские говоры, которые были принесены на территорию Симбирского Заволжья вместе с потоками переселенцев и участвовали в формировании вторичных говоров в Среднем Поволжье.

Л и т е р а т у р а

Аванесов 1949 — Р. И. А в а н е с о в. Очерки диалектологии Рязанской Мещеры. 1. Описание одного говора по течению р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 135–236.

Аванесов, Орлова 1964 — Русская диалектология / Ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1964.

Андреев 1966 — И. А. А н д р е е в. Чувашский язык // Языки народов СССР: В 5 т. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 43–65.

Булатова 1981 — Л. Н. Б у л а т о в а. Взаимоотношение одноименных форм существительных и прилагательных в русских говорах (на материале безударных окончаний творительного падежа множественного числа) // Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. С. 107–114.

Закиев 1966 — М. З. З а к и е в. Татарский язык // Языки народов СССР: В 5 т. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 139–154.

Зиброва, Фурман 2012 — Т. Ф. З и б р о в а, Ю. Д. Ф у р м а н. Об одном междиалектном явлении в говорах территории позднего заселения // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012 / Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2012. С. 229–236.

Мордвинов 2007 — Ю. Н. М о р д в и н о в. Взгляд в прошлое. Из истории селений Старомайнского района Ульяновской области. Ульяновск, 2007.

Мызников 2005 — С. А. М ы з н и к о в. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб., 2005.

Мызникова 2015 — Я. В. М ы з н и к о в а. Левобережные говоры Ульяновской области как маргинальный ареал севернорусского континуума // Севернорусские говоры. Вып. 14: Межвузовский сборник / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2015. С. 59–71.

Тер-Аванесова 2002 — А. В. Т е р - А в а н е с о в а. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных **a*-склонения в восточнославянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 168–209.

Феокистов 1966 — А. П. Феокистов. Эрзянский язык // Языки народов СССР: В 5 т. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 177–198.

Феокистов 1966а — А. П. Феокистов. Мокшанский язык // Языки народов СССР: В 5 т. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 199–220.

Статья получена 06.05.2019

Yanina V. Myznikova
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
janinam@mail.ru

SPECIFICITY OF NOMINAL DECLINATION IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE ULYANOVSK REGION

Nominal declension in the Russian dialects of the Ulyanovsk region has several interesting features. The article describes specific features in the declension of nouns, pronouns, adjectives, and numerals. In noun inflection, the dialectal forms of the genitive and instrumental plural are especially stable. Significant dialectal features are present in the declension paradigms of pronouns and some adjectives. In the system of pronouns, a specific type of declension with the vowel *e* in the endings of plural forms should be noted. Such forms are also typical for adjectives with the stem ending in velar consonants. Finally, the use of indeclinable numerals higher than 10 in speech is worth mentioning.

Keywords: nominal declension, Russian dialects, dialect features, declension paradigm, case forms, velar consonants

References

Andreev, I. A. (1966). Chuvashskii yazyk. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Yazyki narodov SSSR. Tiurkskie yazyki* (pp. 43–65). Moscow: Nauka.

Avanesov, R. I., Orlova, V. G. et al. (Eds.). (1964). *Russkaia dialektologiya*. Moscow: Nauka.

Bulatova, L. N. (1981). Vzaimootnoshenie odnoimennykh form sushchestvitel'nykh i prilagatel'nykh v russkikh govorakh (na materiale bezudarnykh okonchaniy tvoritel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla). In R. I. Avanesov (Ed.), *Dialektologiya i lingvo-geografiya russkogo yazyka* (pp. 107–114). Moscow: Nauka.

Feoktistov, A. P. (1966a). Erzyanskii yazyk. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Yazyki narodov SSSR. Finno-ugorskie i samodiyskie yazyki* (pp. 177–198). Moscow: Nauka.

Feoktistov, A. P. (1966b). Mokshanskii yazyk. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Yazyki narodov SSSR. Finno-ugorskie i samodiyskie yazyki* (pp. 199–220). Moscow: Nauka.

Mordvinov, Yu. N. (2007). *Vzgliad v proshloe. Iz istorii selenii Staromainskogo raiona Ul'ianovskoi oblasti*. Ulyanovsk: Karavan.

Myznikov, S. A. (2005). *Russkie govory Srednego Povolzh'ia: Chuvashskaia Respublika, Respublika Marii El*. St Petersburg: Nauka.

Myznikova, Ya. V. (2015). Levoberezhnye govory Ul'ianovskoi oblasti kak marginal'nyi areal severnorusskogo kontinuum. In A. S. Gerd (Ed.), *Severnorusskie govory* (Vol. 14, pp. 59–71). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Ter-Avanesova, A. V. (2002). Okonchaniia roditel'nogo, datel'nogo i mestnogo padezhei edinstvennogo chisla sushchestvitel'nykh *a-skloneniia v vostochnoslavianskikh dialektakh. In L. E. Kalnyn (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. T. 8: Vostochnoslavianskaia dialektologiya, lingvogeografiia i slavianskii kontekst* (pp. 168–209). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Zakiev, M. Z. (1966). Tatarskii yazyk. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Yazyki narodov SSSR. Tiurkskie yazyki* (pp. 139–154). Moscow: Nauka.

Zibrova, T. F., & Furman, Yu. D. (2012). Ob odnom mezhdialektnom iavlenii v govorakh territorii pozdnego zaseleniia. In A. S. Gerd (Ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov – 2012* (pp. 229–236). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Received on May 06, 2019

Н. И. КИРЕЕВ

Школа № 45 с углублённым изучением
отдельных предметов г. Уфы
(Уфа, Россия)
nkireyev@yandex.ru

**К УТОЧНЕНИЮ ИСТОРИИ ДВУХ ДИАЛЕКТИЗМОВ:
БАХМУР И ГАМЫРИТЬ
(НЕСКОЛЬКО ДОПОЛНЕНИЙ К «РУССКОМУ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ» А. Е. АНИКИНА)***

В статье рассматривается история слов, восходящих (через тюркский идиом и далее через персидский) к однокоренным арабским словам *ḥamr* ‘вино, спиртное’ и *maḥmūr* ‘пьяный, хмельной’. Для слова *бахмур* ‘головокружение, недомогание; непогода’ (с фонетическими и морфологическими вариантами) предложен возможный непосредственный тюркский источник, более близкий к русской форме фонетически, чем принятое ранее татарское *махмыр* ‘похмелье’, проанализирована диалектная семантическая история (имели место, по нашему мнению, некоторые вторичные сближения и народная этимология, сказавшаяся особенно на семантике дериватов), рассмотрен антропонимический и топонимический материал. Для объёмного гнезда слов *гамыра*, *гамырить* удалось, опираясь на материалы XVIII–XXI вв., впервые детализировать как семантическую (длинная цепочка сдвигов от ‘вино’ до ‘деталь’ и т. п.), так и стилистическую историю (распространение из тайных и условных языков торговцев, ремесленников и нищих в арго преступников, затем в территориальные диалекты и общее просторечие). Предложена хронология семантических сдвигов и переходов из одной подсистемы языка в другую, выявлены некоторые вероятные влияния на семантику, обусловленные народной этимологией, рассмотрены употребления в художественной литературе XIX–XXI вв.

Ключевые слова: этимология, русские диалекты, арго, тюркизмы, персизмы, арабизмы, диахроническая семантика, народная этимология, офенский язык, башкирский язык, словарь Палласа.

* Автор благодарит двух анонимных рецензентов, И. А. Грунтова, А. В. Дыбо, З. Н. Нигаматьянову, Р. Нурыева, Д. М. Рахмана, В. А. Розова, И. А. Сапогова, А. С. Слащёву, В. В. Файера и Минь Маак Цы за помощь в работе над статьёй. Отдельно благодарим Б. В. Орехова за ценные консультации по башкирскому языку и особенно В. А. Плунгяна, читавшего все черновые редакции статьи и оказавшего неоценимую помощь своими советами. Переводы с башкирского языка выполнены преимущественно З. Н. Нигаматьяновой. Все возможные ошибки и упущения статьи, разумеется, остаются на совести автора.

И. Бахмур и дериваты

— Чем это ты, — говорю, — больна? Что такое с тобой бывает?

— А бывает, сударь, привалит у сердца, в голове делается этакой **бахмур**, в глазах потемнеет, а опосля и сама ничего не помню-с.

(А. Ф. Писемский [1959: 269], «Леший», 1853)

1. Введение

Редкие русские диалектные слова *бахмұр* и *бахмұра* ‘томнота, головокружение’ (см. [СРНГ II: 155] со ссылкой на словарь В. И. Даля и др.) и ‘головная боль’, *бахмурá* ‘осеннее ненастье с дождём и снегом’ [СГРС I: 79], *бахмұрка* ‘болезненное состояние, недомогание’ [СРГК I: 46] впервые попали в поле зрения этимологов благодаря Максу Фасмеру, который в своём классическом словаре написал: «Я понимаю как словосложение с *хмұра* ‘темнота, туча’. Первая часть, вероятно, междометие *ба*, следовательно, первонач.: ‘что за темнота?’» [Фасмер I: 137]¹. Этот анализ сразу же вызвал критику: Андреас Титце в рецензии указал, что это слово «*lieber zu osm[anischem] mahmur ‘unter den Nachwirkungen eines Rausches’, mahmurluk ‘Unwohlsein nach dem Rausch, Kater, Katzenjammer’ von arab[ischem] mahmūr ‘berauscht’*» [Tietze 1957: 376]; А. И. Попов [1969: 21], кроме этого, приводит тат. *махмыр* и чув. *мухмър* (оба — тоже ‘похмелье’)².

Вообще, известно, что в тюркских языках начальные *м-* и *б-* генетически связаны (см., например, [СИГТЯ 1984: 310–317] и ниже в статье): для определённого периода в пратюркском в анлауте восстанавливается только *б-* (см., например, [EDAL 2003: 136, 145]). «*Der Wechsel des Anlautes durch Ferndissimilation kann schon in einem vermittelnden Türkdialekt erfolgt sein*» [Tietze 1957: 376]. Н. К. Дмитриев в связи с историей слов *басурманин* и *бахрома* (оба эти слова в русс. < тюрк. < перс. < араб., причём в арабских этимонах *м-*) писал, что переход *м-* > *б-* характерен для кыпчакских языков³

¹ Любопытно, что О. Н. Трубачёв приводит эту словарную статью в предисловии к русскому изданию труда М. Фасмера как пример «семантически слабого сопоставления» [Фасмер I: 9].

² Эти слова и близкие им в других тюркских языках восходят, как верно указали предыдущие исследователи, к арабскому, но — стоит добавить, — скорее всего, через персидский (перс. *mahmūr* ‘intoxicated; half-drunk’ и ‘languishing’ [Hayyim I: 846; Рубинчик II: 483]), как обыкновенно и заимствуются слова из арабского в тюркские языки, что при обсуждении истории данного слова не отмечалось.

³ Например, для кыргызского: ср. *бурана* ‘минарет, башня’ из араб. *manāra*, фонетически близкое к *mahmūr* перс. *tehtan* ‘гость’ дало кырг. *бейман* [Юнусалиев 1971: 127] (*мейман* тоже существует, см. [Юдахин I: 124, II: 23]). Но это не исключительная особенность кыпчакской ветви: такое явление встречается, например, и в тувинских диалектах, ср. *батраас* из рус. *матрац* [Чадамба 1974: 46].

[Дмитриев 1958: 19–20] (в [Рорре 1971: 47] то же со ссылкой на Н. К. Дмитриева). Позднее Н. Н. Поппе [Рорре 1981: 314] предложил в качестве непосредственного источника татарскую форму *махмыр*; то же решение принято (с вопросительным знаком) и в этимологическом словаре А. Е. Аникина [II: 290]. См. более полную библиографию [Там же], где, однако, не упомянута статья [Рорре 1981]. Несмотря на то, что после возражений А. Титце, А. И. Попова, Н. Н. Поппе и др. некоторые исследователи всё равно принимают предположение М. Фасмера (например, И. П. Петлева [1996: 35]), гипотеза о тюркском происхождении рассматриваемого слова кажется нам более предпочтительной.

Однако предложенный в [Аникин II] проницательный анализ оставляет не до конца ясными некоторые детали. Прежде всего это вопрос о том идиоме, который следует считать непосредственным источником заимствования. Бросается в глаза достаточно большое фонетическое «расстояние» между татарским и русским словом (это касается не только диссимилляции *м-м* > *б-м*, но и вокализма последнего слога).

2. История слова в русских диалектах

Конечно, в истории русского слова (и некоторых других близких к нему или вторично сближенных с ним единиц) имели место народноэтимологические преобразования в духе того, что было предложено М. Фасмером, т. е. вторичное членение на экспр. *ба-* (и *па-* у А. Е. Аникина⁴) и *хму́ра* ‘темнота, туча’. В особенности мы согласны с А. Е. Аникиным⁵, что именно такое нар.-этим. переосмысление слова породило дериваты типа *бахму́ра* ‘осеннее ненастье’ [СГРС I: 79], *бахму́рный* ‘понурый (о человеке)’, *бахму́риться* ‘делаться пасмурной, хмуриться (о погоде)’ и ‘становиться печальным, сердитым’ [СРНГ II: 155–156; СРГК I: 46]; несомненно, влиянием слова *пасмурный* объясняется и появление слова *ба́хмурный* ‘пасмурный’ [СРНГ II: 155]. (Ср. более близкий к исходной семантике производящего слова глагол *бахму́рить* ‘падать в обморок’ [Там же].)

Это переразложение позволило варьировать вокализм второго слога под влиянием слов типа *хмарь* ‘пасмурная погода’⁶ [НОС 2010: 1250]: *бахмарá* ‘ненастная погода со снегом или дождём и ветром’ [СРНГ II: 155]. Отдельно отметим слова с метатезой гласных: *бухма́ра* ‘пасмурная погода’, *бухмарá* и *бу́хмарь* ‘тень от облаков, закрывших солнце в солнечный день’, *бухмара* (ударение не указано) ‘быстрая перемена погоды на худшую’,

⁴ Ср. приводимые им *пахму́рный* и *пахму́рый* ‘хмурый (о человеке)’ и ‘пасмурный (о погоде)’ [СРНГ XXV: 291].

⁵ Точнее, с мнением Е. А. Хелимского, на устное сообщение которого ссылается А. Е. Аникин при сопоставлении слов с погодным и эмоциональным значениями и слова *бахмур*.

⁶ О нём и подобных см. [ЭССЯ VIII: 42–43].

бухмáрь ‘буря’, *бухмáрить(ся)* ‘затянуть облаками, тучами, хмуриться’ и ‘становиться мрачным, хмурым’, *бухмáрить(ся)* ‘идти (о мелком дожде)’ и — как ни странно — ‘светлеть, становиться ясным (о небе)’, *бухмáрый* ‘хмурый’, *бухмáро* ‘пасмурно, ненастно’ и др. (см. [СРНГ III: 323; СРГК I: 146–147, 236–237]). Учитывая постулируемое, например, в [СРГК I: 46, 146] тожество *бахмúрить* и *бухмáриться*, мы считаем происхождение слов на *бухмар-* от *бахмура* наиболее вероятным (в [Аникин V: 243] использована более осторожная формулировка «не исключено»), а предлагаемое для этих слов (вслед за М. Фасмером [I: 155] и др., см. библиографию у А. Е. Аникина) членение на *бу-* и *хмара* интерпретируем как отражение народной этимологии⁷. Сюда же мы относим вслед за [Аникин V: 243] *бухмáниться* ‘становиться облачным’, *бухмáнный* ‘облачный’ [СРНГ III: 323] и не упомянутое у него *бухмáнный* ‘пасмурный, дождливый’ [СРГК I: 147].

3. Возможный источник заимствования

Однако если всё же придерживаться гипотезы первоначального тюркского источника, возведение слова именно к татарской форме затруднительно по фонетическим причинам.

Возможно, для прояснения этого стоит обратиться к скуднее документированным тюркским идиомам, что даст возможность поиска форм, которые фонетически ближе к тому, что зафиксировано в русских диалектах. И в этом плане может быть интересно башкирское *бахмур* ‘похмелье’ — по-видимому, единственный из когнатов, имеющий в анлауте звонкий смычный⁸ (хотя и не единственный с изменением начального носового: ср., например, хакас. *пахыр*; длинный ряд когнатов этого слова на *м-* и *п-* см. в [Räsänen 1969: 322])⁹.

⁷ Связь слов типа *бу́хмара* ‘вид мухи’ и *бухмáрка* ‘насекомое, пресмыкающееся’ и др. (см. [СРГК I: 146–147, 236–237]) с этим гнездом сомнительна; допускаем предположение А. Е. Аникина [V: 243], что они из *бука́ра* ‘букашка’ (или т. п.) под влиянием слов рассматриваемого нами гнезда. Также не относятся сюда *бухмáрка* ‘ меховая зимняя шапка’ [СРНГ III: 323] (к *буха́рка* ‘тж.’ от *Бухара́* [Там же: 319–320] под влиянием *бахмара́* ‘зимнее ненастье’ [Аникин V: 243]) и *бухмара́* [СРНГ III: 323] и *бахморá* [СРНГ II: 155] из *бахромá*.

⁸ Стоит отметить, что эти тюркские слова заимствовались в славянские, романские, греческий, финно-угорские, калмыцкий языки, но *б-* в анлауте имеется только в русском, ср. когнаты в [Аникин II: 290] и в [Räsänen 1969: 322]. Это может служить некоторым указанием на территорию идиома, откуда заимствовано русское слово; а отсутствие переразложения в прочих славянских языках (в том числе в тех, где предлагается выделять экспрессивный префикс *ба-*, — например в сербско-хорватском, см. [Бјелетић 2006: 90–99]) может в известной степени свидетельствовать о том, что начальное *б-* здесь — не народноэтимологического происхождения.

⁹ Вообще, в башкирском тоже ожидалось бы *м-*, т. к. это арабизм (ср. старое свидетельство Н. К. Дмитриева [1948: 31], что такой анлаут встречается обыкновенно только в арабизмах), к тому же содержащий второй носовой в основе (даже

Полное отсутствие упоминаний башкирского слова у предыдущих исследователей не совсем случайно. Это лексема, принадлежащая к разговорному регистру (характерно, что авторы часто берут её в кавычки); удивительным образом, она отсутствует в словарях¹⁰, однако убедительно засвидетельствована в корпусах башкирского языка. Так, в корпусе Института истории, языка и литературы (далее — ИИЯЛ) Уфимского научного центра РАН¹¹ представлено в общей сложности 50 вхождений: в подкорпусе публицистики — 35 вхождений на 10 млн словоупотреблений; прозы — 15 вхождений на 15 млн словоупотреблений (и только в подкорпусе фольклора — ни одного вхождения, что, скорее всего, объясняется малым объемом — 850 тысяч словоупотреблений). В Национальном корпусе башкирского языка Б. В. Орехова¹² зафиксировано 46 вхождений на 20 млн словоупотреблений. Приведем некоторые показательные примеры (№ 2, 3 взяты из указанных корпусов, № 1 и 4 — из башкироязычного интернета):

1. *Шунлыктан, башкалар бахмурзан сирләгән сакта: «Мин күпме эшәм дә бер касан да ауырымайым», – тип мактаныусан була. Сөнки «алкоголь абстиненцияһы» тип аталган билдә ауырыуҙың икенсе стадияһына сыккас, ныклап беленә башлай. <...> Абстиненция – кисә исергәнсе эсеп, бөгөн иртән уянган кешенең үтә лә нык кәйефе төшкән хәле* (Х. Нөйөндөков. Ын алкогольлик түгелме? // Йәшлек, 24.09.2015)

‘Поэтому, когда другие страдают **от похмелья**, любит хвастаться, что он сколько бы ни пил, никогда не болеет. Потому что признак алкогольной абстиненции начинает проявляться только во второй стадии болезни. <...> Абстиненция — состояние человека, когда он вечером выпивает до опьянения, и утром просыпается в подавлен-

в исконных словах пратюрк. *b- давало башк. м- при последующем носовом [ДТЯ 2010: 135—136]; см. также [EDAL 2003: 141, 145; СИГТЯ 2006: 13—15, 19]; любопытно, что в татарском такой рефлекс встречается, по-видимому, не при любом последующем носовом, а преимущественно при н [ДТЯ 2010: 337]). Возможно, здесь м- > б- под влиянием общей тенденции в исконных основах. См. ниже в статье примеры других башкирских когнатов, восходящих к этому же арабскому слову, с ожидаемым м-.

¹⁰ Мы не обнаружили его ни во всех просмотренных нами 58 словарях на сайте <http://mfbl2.ru> (в число которых входит башкирско-русский словарь под редакцией З. Г. Ураксина [1996]), ни в двухтомном толковом словаре под редакцией А. Г. Бишшева и др. [1993], ни в словаре башкирских говоров под редакцией М. И. Дильмухаметова [Дильмөхәмәтов 2002], ни в фундаментальном десятитомном Академическом словаре под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой [АСБЯ II]. Ничего не дал и поиск по диалектологическому словарю татарского языка под редакцией Д. Б. Рамазановой и Т. К. Хайретдиновой [ТТЗДС 2009] и по татарским корпусам.

¹¹ См. <http://mfbl2.ru>.

¹² См. bashcorpus.ru.

ном состоянии' (Х. Суюндуков. Ты не алкоголик? // Юность, 24.09.2015, <http://www.ye02.ru/zd/10726-in-alkogolik-tgelme.html>);

2. *Ә кисен эсеп исергән, иртәгәһенә «бахмурзан» мәктәпкә барған укыусының башында ниндәй беләм булһын ти?* (Ә. Ғәлимова. Эске-леккә каршы көрәш коро һүззә генә калмаһын // Йәшлек, 12.01.2010) 'А какие знания могут быть в голове у ученика, который, пьяный с вечера, утром идёт в школу с **похмелья**?' (А. Галимова. Пусть борьба с пьянством не остаётся пустым словом // Юность, 12.01.2010);
3. *«Бер нәмә тураһында ла уйламаһка кәрәк миңә!» тип эстән генә үз-үземә һүз бирәм дә, «уйламаһка кәрәк» тигән уйзарым теге шик-шөбһәләргә кире алып кайта. Был «бахмур синдромы», йәғни баши ауыртыуҙың күңелгә күсеп дауам иткән иң ауыр өлөшө. Эскән кешеләр уны бик якишы аңлай* (Ә. Утябай. Кемдәргәлер һабак, кемдәргәлер кәңәш булһын // Киске Өфө, 2009) 'Хотя и даю про себя слово, что «мне ни о чем не надо думать!», мысли «не надо думать» снова возвращают к тем сомнениям и подозрениям. Это **похмельный синдром**, то есть самая тяжелая часть головной боли, которая переходит в душевную. Пьющие люди очень хорошо понимают это' (А. Утябай. Кому-то урок, кому-то наставление // Вечерняя Уфа, 2009, № 29 (343), 13);
4. *Әммә шул ук ваҡытта спиртлы эсемлектәр эсергә куркмайзар бит. Быны зур кинәнес менән эшләйҙәр. Иртәгәһе көнгә бахмур синдромы булыуы хақында белһәләр зә, улар йырлашып тороп эсеп ултыралар за инде. Әҙәм балаһы, гәмүмән, үз көсһөзлөгөн ақлар өсөн сәбәптәр уйлап сығарырға ошта* (А. Бурангулов. Бирәнлектән арынырға ваҡыт! // Шоңкар, № 3, 2018) 'Но в то же время не боятся же пить алкогольные напитки. Пьют с радостью. Даже если знают, что на следующий день замучает **похмельный синдром**, всё равно сидят пьют, песни поют. Человеческое существо, в общем, мастер придумывать разные причины, чтоб оправдать свою слабость' (А. Бурангулов. Пора избавиться от чревоугодия! // Кречет, № 3, 2018, <https://shonkar.rbsmi.ru/articles/aulym-bayly-ym/bir-nlekt-n-arynyr-a-va-yt-/>).

Необходимо отметить, что в башкирском есть и другие формы — континуанты этого арабского слова, гораздо менее распространенные, но попавшие в словари (мы признательны З. Н. Нигаматьяновой за указание на данный факт):

- *махмур* 'похмелье': в [Биишев 1993: 793] толкование буквально переводится «тяжёлая бол(езн)ь наутро после того, как много выпьешь»; повторено в [АСБЯ VI: 237] с уточнением: «...после того, как выпьешь много спиртного»;

- *махмур* ‘пьяный’: в [Ураксин 1996: 452] с пометой «разг.»; повторено в [АСБЯ VI: 499] с добавлением значения ‘страдающий от похмелья’
- в диалектологическом словаре [Дилмөхәмәтов 2002: 230] есть статья *махмил*, *махмур* ‘похмелье’; сюда же, видимо, относится и *бакмыр* ‘закваска для кумыса’ [Там же: 36]¹³.

О малой распространенности этих слов свидетельствует то, что из них только *махмур* фиксируются корпусами, причём скупое: в Национальном корпусе два вхождения (в двух вариантах одного и того же текста Мустая Карима), в Корпусе ИИЯЛ — семь (в подкорпусе прозы — пять, но все они из текстов одного и того же писателя, Зигата Адигамовича Султанова¹⁴; оставшиеся два в подкорпусе публицистики).

4. В антропонимике и топонимике

У А. Е. Аникина приводятся фамилия Бахмуров, которая фиксируется в Рязани в 1560 г. [Веселовский 1974: 29], и поселение Бохмуровка в Тверском уезде в XVI в. [Попов 1969: 21]¹⁵. Любопытен ономастический материал, не приводимый А. Е. Аникиным (и С. Б. Веселовским): в 1579 г. в Рязске (ныне Рязанская область) упоминаются, очевидно, братья Бахмуровы — Осейко Дмитриев сын и Истомко Дмитриев сын [Описание 1891: 242, 245], а в 1645 г. — астраханский купец Степан Бахмуров [Материалы 1932: 308 сл.]¹⁶.

В Генеральном интернет-корпусе русского языка¹⁷ же на 20 млрд словоупотреблений пришлось 42 вхождения слова *бахмур*, и все они относятся к горе Бахмур (и одноимённой туристической базе) в Ашинском районе Челябинской области. Вполне вероятно, название горы этимологически связано с рассматриваемым словом: ср. название гор Пьяной и Винной в Саткинском районе той же области. Тем не менее по-башкирски Бахмур, по свидетельству А. К. Матвеева, называется *Аратау* ‘Промежуточная гора’, — он рассматривал это как свидетельство, что название дано по русскому диалектизму, а не по тюркскому слову [Матвеев 1990: 196], однако в

¹³ Как показывают наши опросы носителей, слова на *м-* малоизвестны, в отличие от *бахмур*. З. Н. Нигаматьянова характеризует их как «забытые», а *бахмур* — как сленговое. См. также ниже корпусные данные.

¹⁴ Все пять вхождений из двух его повестей — «Култык пираттары» («Пираты заводи») и «Тегәнәк» («Репей»), датируемых, согласно корпусу, 1957 и 1964 гг. соответственно.

¹⁵ Ср. также название деревни Махмур в Высокогорском районе Татарстана.

¹⁶ С. У. Ремезов в своём историческом труде 1697/1698 г. упоминает (легендарного) сибирского хана Бахмура, опираясь, похоже, на тогдашние устные предания сибирских татар [Гольденберг 1990: 226—227; Файзрахманов 2002: 118, 120].

¹⁷ Далее — ГИКРЯ, см. webcorpora.ru.

диалектных словарях русского языка ближайших регионов (см. следующий раздел) этого слова нет.

5. Заключение

Конечно, существование в башкирском такого слова, которое фонетически является идеальным кандидатом на роль источника заимствования, не означает, что рус. *бахмур* надо возводить непременно к башкирскому ареалу. В рамках данной заметки мы не сможем рассмотреть этот вопрос подробнее, однако отметим тот факт, что с гипотезой прямого заимствования из башкирского плохо согласуется зафиксированное в словарях географическое распространение слов *бахмұр* и *бахмұра*: Нижегородская, Симбирская, Костромская губернии, Вологодская и Архангельская области (а дериваты — гораздо дальше: ещё и Олонецкая, Новгородская, Петербургская, Московская, Калужская, Тамбовская губернии, Мурманская область, Карелия, Псковская область) при отсутствии этих слов или их производных в прилегающих к Уфимской губерниям — Пермской, Оренбургской, Самарской, Казанской, Вятской (см. [СРНГ II: 155–156¹⁸; ПОС I: 134; СРГК I: 46, 146–147; СГРС I: 79]); ср. также в предыдущем разделе локализацию топонимических данных. Но приводимые нами башкирские данные по крайней мере свидетельствуют, что переход *м*- > *б*- мог произойти не в русском языке, а ещё в тюркском источнике, каким бы он ни был, — вопреки (никак не аргументированному) мнению Н. Н. Поппе, что изменение анлаута произошло непременно в русском [Ропре 1981: 314–315].

II. *Гамыра, гамырить* и связанные с ними слова

1. Введение

Любопытно, что у А. Е. Аникина s. v. *бахмұр*¹⁹ указывается: арабское слово *ḡamr* ‘вино, спиртное’ с тем же корнем, к которому восходит *бахмур*, дало начало (через тюркский идиом²⁰) ещё одному продуктивному гнезду

¹⁸ Современные диалектные словари прилегающих к Башкирии регионов — пермских говоров [СПГ I], говоров севера Пермского края [СРГСПК I], оренбургский областной [ООС 2010], вятских говоров [ОСВГ I—II] — данного слова не фиксируют, как и словарь говоров Среднего Урала [СРГСУ I]. Более того: в словаре русских говоров Башкирии [СРГБ 2008] слов *бахмур*, *махмур* или их производных также нет.

¹⁹ То же s. v. *гамыра* в [Аникин X: 63] с указанием на публикацию М. Т. Дьячка (в сборнике «Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тезисы Международной научной конференции Т. 1. Филология». Новосибирск, 1995. С. 243), выдвинувшего эту этимологию.

²⁰ Ср. тат. *хәмер* ‘вино, алкоголь, водка’ и другие когнаты в [Räsänen 1969: 154]. Очевидно, тюрк. < перс. *ḡamr* ‘wine; an intoxicating (or fermented) drink’ [Наyim I: 737; Рубинчик I: 567] < араб., что не указано у А. Е. Аникина.

заимствований²¹: рус. диал. и аргот. *гамы́ра*, *гомы́ра*, *гамы́ря*, *гаму́ра*, *гамы́рка* и мн. под. обозначения алкогольных напитков (см. [СРНГ VI: 132–133]). История данного гнезда (особенно семантическая, до этого совсем не подвергавшаяся рассмотрению) не вполне тривиальна и также заслуживает внимания²².

По-видимому, здесь же необходимо рассмотреть и слова *гомзо*, *гомсо*, *гамзо* ‘вино’, т. к. они некоторым недостаточно ясным образом связаны с предыдущим гнездом (что существенно, ограничено фиксируются и предположительно контаминированные формы типа *гамзы́ра*, *гамы́за*, см. подробно в следующих разделах) и в лингвистических материалах XIX в. обычно подаются через запятую с *гомы́ра* и т. п., как фонетические варианты. Аникин [XI: 186] предложил объяснять их как результат контаминации лексем *гомы́ра* и диал. *гамза* ‘невкусная еда’ (при этом средний род считается возникшим под влиянием слова *вино*). Можно предположить и влияние омонимичного предыдущему *гамза́* ‘курительная трубка’ (заимствование из китайского через языки Сибири, см. [Там же, X: 55]), но нам всё же кажется возможным видеть в *гомзо/гомсо* просто экспрессивное преобразование слова *гомы́ра*, см. об этом ниже.

Мы полностью согласны с замечанием А. Е. Аникина [Там же: 63], что через некоторый тюркский язык арабское *ḡamr* было заимствовано сперва в идиом офеней (которому свойственно активное усвоение разнообразных иноязычных слов: см., например, [Приёмышева I: 227 сл.]). Однако у А. Е. Аникина это аргументируется исключительно данными офенского словаря В. И. Даля 1854 г., а меж тем картину истории распространения слов рассматриваемого гнезда можно дополнить и прояснить многочисленными как более ранними (с конца XVIII в.), так и более поздними материалами по офенскому идиому. Эти материалы в наиболее полном виде были опубликованы в диссертации М. Н. Приёмышевой (2009) по тайным и условным языкам в России XIX в. [Приёмышева I–II]; к сожалению, данные этой объёмной и содержательной работы, которая, как мы надеемся продемонстрировать ниже, может быть полезна для русской этимологии, никак не используются в [Аникин I–XIII].

Вероятно, формы типа *гомзо* могли возникнуть в результате преобразования в конспиративных целях, которое характерно для языка офеней (и для тайных языков вообще), — в [Приёмышева I: 178–183], например, указываются такие способы затемнения внутренней формы слов в тайных

²¹ Отметим, что за пределами русского это слово получило в языках Европы меньшее распространение, чем *бахмур* (ср. сн. 8): в литературе из тюркизмов, представленных в других языках, отмечено разве укр. *гамурдити* ‘пьянствовать’ [ЕСУМ I: 467].

²² Между прочим заметим, что конкретный тюркский идиом, послуживший источником, здесь остаётся неизвестен. Возможно, он позволит объяснить г- вместо ожидаемого х-.

языках на базе русского (в т. ч. в офенском), как перестановка/вставка звуков или их субституция «маскировочными комплексами» (термин В. Д. Бондалетова). Возможно, подобное объяснение лучше, чем предложенная А. Е. Аникиным контаминация с *гамза* ‘невкусная еда’ (неизбежно создающая нагромождение предполагаемых взаимовлияний), однако и оно остается гипотетическим — в частности, в работе М. Н. Приёмышевой -з- специально не выделяется как регулярный «криптоформант» в языке офеней [Там же: 228–229] (что, конечно, не отменяет возможности его существования: ср. похожий неясный статус форманта *ни-* [Там же: 234]).

Следующие два подраздела статьи представляют собою попытку обобщить данные конца XVIII — начала XX в. по изучаемому гнезду, извлекаемые из работы М. Н. Приёмышевой.

Первой письменно зафиксированной формой, насколько можно судить, является именно *гомзо*. Как явствует из материалов М. Н. Приёмышевой, рассматриваемых в следующем подразделе, исходное значение в языке офеней — ‘вино’: в первой половине XIX в. в записях появляется *гомзо*, *гомюра* ‘вино’; с середины века — слова типа *гомзыра*, *гомыра* ‘водка’, которые вытесняют в условных языках другие слова с таким же значением. За словом *гомзо* закрепляется значение ‘вино’ — эта семантическая дифференциация поддерживается и параллельной морфологической дифференциацией словоизменительных типов по образцу *вино* и *водка* соответственно.

С середины XIX в. это гнездо записывалось со значениями ‘вино’ и ‘водка’ в условных языках ремесленников и нищих. Слова *гамюра* и *гамырка* попали в тюремное аргю, откуда в территориальные диалекты и через две эти подсистемы — в художественную литературу и, наконец, в современное просторечие. Эти переходы, большую часть не описанные в научной литературе, будут подробно обсуждены в четырёх заключительных подразделах этой части статьи.

2. В языке офеней

У А. Е. Аникина [X: 63] приведена только одна фиксация слов из этого гнезда — *гомюра*, *гомыра*, *гомсо*, *гомзо*, *гамзб* ‘вино’ и *гомырный* ‘винный’ у В. И. Даля в словаре офенского идиума в 1854 г. (опубл. [Бондалетов 2012: 255–256])²³. На самом же деле первая, по-видимому, запись слова этого гнезда — лексема «суздальского языка» (языка офеней Владимирской губернии) *гомзо* ‘вино’ в «словаре всех языков и наречий» П. С. Палласа, 1789 г. [Паллас II: 153]. В XIX в. гнездо регулярно фиксировалось и в других материалах по офенским идиомам:

- *гомзо* ‘вино’ есть в записях 1820-х гг. из Владимирской губернии, причём для значения ‘водка’ дано слово *дрябка* [Приёмышева II: 57];

²³ То же s. v. *гомзо* в [Аникин XI: 186].

- в материалах 1839 г. (собиравшихся на протяжении определённого времени в разных местах, см. [Там же, I: 100–102]) у И. И. Срезневского есть *гомѹра*, *гомсо́*, *гомзо́* ‘вино’ и *дрябка*, *щотка*, *дрябошка* ‘водка’ (опубл. [Там же, II: 8–9]);
- у владимирских офеней записано [Там же: 57]:
 - в 1847 г. *комзо*, *гомзо́* ‘вино’ и *гомзы́ра*, *дрябка* ‘водка’;
 - в 1854 г. *гомзо* ‘вино’ и *дрябка* ‘водка’;
 - в 1857 г. *гамы́ра*, *го́мзо* ‘вино’ и *дрябка* ‘водка’;
 - в 1870 г. *гомзо*²⁴ ‘вино’ и *гомзы́ря* ‘водка’;
 - в 1873 г. *гомзо* ‘вино’ и *гомы́ра* ‘водка’ (тогда же *гомзыльница* ‘бутылка’ [Там же: 56] и *гомзиль* ‘графин’ [Там же: 59]);
- в 1854 г. фиксировано *гомѹра* ‘вино’ при *дряба*, *дрябошка* ‘водка’ у костромских офеней [Там же: 96];
- в материалах 1880-х гг. у самарских офеней есть *гомы́ра* ‘водка, вино’ [Там же: 103].

Сюда примыкают:

- *гомы́ра* ‘вино’ в языке торговцев города Нерехты Костромской губернии в 1850 г. [Там же: 117];
- *гамы́ра* ‘водка’ в языке мещан города Дорогобужа Смоленской губернии в 1897 г. [Там же: 171];
- *гамы́ра* ‘водка’ при *поке́р* ‘водка, вино’ в языке торговцев города Калязина Тверской губернии в 1901 г. [Там же: 148].

Исходя из этого, М. Н. Приёмышева резонно отнесла слово *гомзо* к 119 устойчивым (т. е. фиксировавшимся в разных местах и в разное время) словам офенского языка [Там же, I: 231]. Обобщая свои данные, М. Н. Приёмышева сформировала список слов, распространившихся из офенского в другие тайные языки и восточнославянские аргы; туда входит *гамы́ра* и *гомзо* [Там же: 356]. Подробные данные об этой экспансии — в следующем разделе.

3. В условных языках ремесленников и нищих, в тюремном и каторжанском аргы, в территориальных диалектах

Из офенского языка слова рассматриваемого гнезда попали в другие условные языки. Языки ремесленников:

- *гомзя* ‘вино’ у шаповалов Нижегородской губернии в 1850 г. [Приёмышева II: 189];
- *гомозо́* ‘вино’ в 1854 г. и *гумы́ра* ‘вино, водка’ в 1918 г. у шерстобитов Костромской губернии [Там же: 197];
- *гомы́ра* ‘водка’ у портных Рязанской губернии в 1898 г. [Там же: 220];

²⁴ Почти наверняка опечатка, как верно замечено у М. Н. Приёмышевой.

- у калужских портных в 1898–1899 гг.: *гамы́ра* ‘вино’ в Медынском [Там же: 229] и Мещовском уездах [Там же: 232]²⁵;
- *гамза́* ‘вино, водка’ у шерстобитов Пензенской губернии в 1899 г. [Там же: 223–224];
- *гаму́ра* ‘водка’ у тверских коновалов в конце XIX — начале XX в. [Там же: 261].

Языки нищих:

- *гамы́ра* ‘вино’ в Тульской губернии в 1855 г. [Там же: 298];
- *гамёра* ‘водка’ и *гомёрошник* ‘винокурня’ в Могилёвской губернии в 1890 г. [Там же: 330], *гамэ́ра* ‘водка’ в Гомельском уезде в 1899 г. [Там же: 344];
- *гамы́ра* ‘водка’ в Брянском уезде Орловской губернии в 1895 г. [Там же: 300];
- *гамера* ‘водка’ у черниговских лирников в 1903 г. [Там же: 371].

В начале XX в. слова с корнем *гомыр-* и под. появились в ранних словарях тюремного жаргона²⁶, начиная с *гамырка* ‘водка’ в [Бец 1903: 2]; в [Балуев 1909: 2] *гамура*, *гамира* с таким же значением. [Трахтенберг 1908: 17] и последующие словари тюремного/каторжанского аргоса толкуют *гамура* как ‘чистый спирт’, а *гамырка* как ‘разбавленный водою спирт’. Такой семантический переход (‘водка’ → ‘спирт’), судя по данным В. Ф. Трахтенберга, обусловлен тем, что в тюремных условиях разумнее было проносить спирт и разбавлять его водою, чем проносить в тюрьму водку.

Как показывает [СРНГ VI: 132–133], к 1916 г. слово *гамыра* получило некоторое распространение в сибирских диалектах в значении ‘денатурированный спирт’. Сдвиг ‘спирт’/‘водка’ → ‘денатурат’, видимо, связан с распространением потребления суррогатов алкоголя из-за запрета на продажу крепких напитков с 1914 г. в рамках антиалкогольной кампании (начавшейся в связи с военной мобилизацией), что частично подтверждается тем, что в 1916 г. это слово в речи «сибирского простонародья» воспринималось как неологизм [Там же: 133]²⁷. В словаре тюремного аргоса [Блатная музыка 1923: 15] также дано *гамырка* ‘спирт, разбавленный водою, денатурат’ (курсив наш. — Н. К.); в других таких словарях первой четверти

²⁵ Неясно по происхождению *гамзо́* ‘рыба’ у портных Жиздринского уезда [Приёмышева II: 243]. Учитывая, что подобных обозначений рыбы больше в работе М. Н. Приёмышевой не отмечено, данные ненадёжны.

²⁶ Ср. верное наблюдение у М. Н. Приёмышевой [I: 372], что *гамыра* в тайных языках фиксируется гораздо раньше, чем в воровском аргосе. Обстоятельное обобщение данных по распространению офенской лексики в другие русские идиомы см. [Там же: 346–397].

²⁷ О потреблении суррогатов алкоголя в 1910-е и 1920-е гг. см., например, в недавнем интересном обзоре названий крепких напитков в севернорусских говорах [Осипова 2018: 149–150].

XX в. денатурат не упоминается. Из более современных диалектных словарей в [ЯОС III: 69] фиксируется *гаму́ра* ‘вино; самогон’²⁸ и в забайкальском словаре [СГСЗ 1999: 96] *гаму́ра*, *гамы́ра* ‘денатурат’. *Гомсо* ‘вино’ (1820), *гомзырич* ‘водка’ (1870), *го́мзо* ‘вино, водка’ (1902–1904), а также *гомзу́ля* ‘чарка для вина, пива и т. п.’ (1852) в [СРНГ VI: 353, 354, 356] — по одной записи на каждое слово (причём *гомсо* и *гомзырич* во Владимирской губернии, одной из центральных зон офенства, а *гомзу́ля* в соседней Рязанской; *го́мзо* во Псковской), без контекстов — скорее всего, случайное проникновение лексемы условного языка в диалектологическую запись (что случается, см. [Приёмышева I: 361–372]).

Следует упомянуть фонетические варианты, приводимые в словаре аргó преступников [Потапов 1927: 35]: *гамара* и *гамы́ра* дополнительно к *гаму́ра* и *гамы́рка*; к экспрессивным преобразованиям относится, по-видимому, *гакуру бусать*²⁹ ‘пить водку’ [Там же: 34], *гакура* ‘водка’ и ‘неопрятная женщина’ в [Балдаев и др. 1992: 53] и под. (о втором значении см. раздел 6 настоящей статьи).

4. В современном просторечии

Тексты из интернета представляют данные о бытовании слов этого гнезда в современном наддиалектном просторечии, не отражённые в словарях и вообще в научной литературе. В этом подразделе мы попытаемся их обобщить и предложить им историко-семантическое объяснение. Нам был весьма полезен ГИКРЯ.

Прежде всего из фонетических вариантов интересно отметить редкое, но встречающееся в современных текстах *гамыза*:

5. а. *Короче, была у меня в заначке пластиковая полторашика хорошей гамызы, градусов семьдесят...* (В. Ремизов. «Воля вольная», опубл. 2013, по НКРЯ; автор из Саратова, действие происходит на Дальнем Востоке);
- б. *Тем не менее самогонка менее опасна, чем водка. Тут сам себе контролер, не гадаешь, а что за гамыза налита?* (25.02.2015, одесский форум, <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:https://forumodua.com/printthread.php?t=2195999?pp=20?page=7731>).

Гамаза приводится в словаре тюремного аргó [Балдаев и др. 1992: 54] в одной статье с *гамы́ра*³⁰.

²⁸ Ярославская губерния входит в число традиционных центров распространения аргó и условных языков [Приёмышева I: 370].

²⁹ О *бусать* см. [Аникин V: 205].

³⁰ По данным интернета, *гамыза* фигурирует и в топонимике: как фамилия и как гидроним — название реки или ручья в Катав-Ивановском районе Челябинской области.

Но всё же относительно широкое распространение имеют только слова с корнем *гамыр-*, ср. при передаче тюремного аргот:

6. *Гамыром* в определенных кругах российского общества уважительно величают популярный сорокаградусный напиток (С. Зверев. «Разборки дезертиров», не позже 2011, цит. по <https://e-libra.ru/read/420136-razborki-dezertirov.html>).

Диал. *гамы́рицик* ‘пьяница’ [СРНГ VI: 133] относится, по-видимому, к аргот. *гамырить* ‘пить алкоголь’, ср.:

7. *Гамырить* будут вертухаи. Покуда пьют, они добрые. А как сивуха по башке даст, так и жди гадостей (Там же).

В интернете также фиксируется *гамыр* ‘изготовленный из подручных средств алкогольный напиток’, продолжающий значение суррогата:

8. <...> в 90-е технарь [= технический спирт] чистили, смягчали и шаршили его в смеси с пищевым в водку и на минале [видимо, от Минск и алкоголь, Минский винно-водочный завод], и в мариинске [= на Мариинском ликёроводочном заводе]... Клевз [= Канский ликёроводочный завод] херячил из канского спирта, который по сути самый мерзкий был. Насколько помню, по ТУ [= техническим условиям] разрешалось до 40 % использовать спирт техсырьевой. Картошечный, рисовый и прочий *гамыр* (16.11.2011, автор из Красноярска, <http://crownet.ru/index.php?showtopic=66168&view=findpost&p=1739799>³¹).

Гамыра употребляется и в значении непитьевых жидкостей:

9. Наконец-то, за не первый год участия в споттингах [= в наблюдении за самолётами] довелось посмотреть на обработку противообледенительной жидкостью, или, как прочитал у В. В. Ершова, «облив *гамырой*» (21.05.2013, <https://m.livejournal.com/read/user/gisman/7679>; в том же блоге такой термин употребляется неоднократно).

Видимо, из ‘самогон’ или ‘суррогат’ значение ‘плохой алкогольный напиток’:

10. Много лет назад, в советской молодости, я узнал, что крайне дешёвые, но креплёные вина, не обладающие вкусовыми качествами, имели общее народное название — «*гамыра*». Сейчас силюсь вспомнить: познакомился ли я с ним в своём уральском школьном детстве?.. Не помню! Совершенно точно, я встречался с ним во время студенческой сибирской молодости, когда мне много всего разного довелось увидеть и услышать. Приходилось ли мне сталкиваться с этим словом, когда я стал жителем Уфы?.. Не помню! Возможно, это был региональный термин. А может, и нет. Тут слово за исследователями СССРовского языка.

³¹ Здесь и далее орфография источника сохраняется, пунктуация — наша.

*Я был уверен, что происходит этот народный термин от слова гавно. На вкус мне **гамыру** пробовать не приходилось, но сами потребители этого вещества говорили что это дрянь, зато доступная (04.07.2018, <http://ashestaev.blogspot.com/2018/07/>).*

И ещё более широкое значение — ‘штука, вещь’:

11. *Делаешь майну [= прорубь] 70 на 70 см, к толстому колу прибиваешь две палочки перпендикулярно, чтобы капкан держали, капкан привязываешь проволокой к палочкам. Выше капкана см 50–70 привязываешь свежий осиновый веник и всю эту **гамыру** суешь в майну (11.01.2014, автор из Новосибирска, <https://www.hunting.ru/forum/posts/362706/>).*

От слова *га/о/мыра* ‘самогон’ образовано *га/о/мырить* ‘гнать самогон, делать алкогольный напиток в домашних условиях’. Об этом свидетельствуют слова пользователя одного автомобильного форума:

12. ***Гамырить** — добывать из БФб [= бутиральфенольного клея] спирт или бодяжить [= разбавлять водой] одеколон. Или из «секунды» [название чистящего средства для стёкол] травить в стакан и ждать, когда осядет. Ещё можно йод медицинский известию гасить. «Зелёнку» можно гасить аскорбинкой (30.08.2017, автор из Читы, <https://www.drive2.ru/l/481611657684975760/>; очевидные опечатки исправлены; дано с пометой «по фени» [sic]).*

В таком значении слово употребляется редко: оно быстро расширило семантику до ‘изготавливать что-либо в кустарных условиях’ → ‘чинить что-либо, улучшать ручную, приделывать что-либо к изделию’. В этих значениях слово широко распространилось в жаргоне автомобилистов. По ссылке <https://web.archive.org/web/20180626122946/http://forum.lingvolive.com/thread/1144770/> есть многочисленные несистематизированные примеры, приведем лишь самые показательные (примечания в квадратных скобках принадлежат автору заметки на сайте, если не указано иное; если дана ссылка, то пример не выписан с forum.lingvolive.com, а найден нами):

13. *Вот диски самодельные **гомырю** (мотофорум, 2005, автор из Барнаула);*
14. *Этот недостойный человек и сейчас поделки приемлемого качества **гомырит** (оружейный форум, 2012, автор из Бийска);*
15. *«Механизаторы, например, снимают запчасти, “**гамырят**” их — приводят в товарный вид — везут в Барнаул и продают», — говорит Н. (газета «Свободный курс», Барнаул, 11.07.2007).*

Отсюда образованы слова *га/о/мырка*, *га/о/мыр* ‘доработка чего-либо, доделка своими руками’, ‘самоделка; что-либо доработанное’:

16. *В гараже немного поломав голову начал мега **гомыр**... (автофорум, 2008, автор из Новосибирска);*

17. *Покатавишись неделю с фронтом (корявым фронтом (кто видел, тот хотел отрубить руки)) выбора не оставалось кроме как **гомырка** водяной системы и переварки всего выхлопа [= выхлопной системы автомобиля. — Н. К.]* (автофорум, 2010, автор из Барнаула).

Также в значении ‘деталь, приделка’:

18. *...Так как я противник ЛЮБОГО колхозтюнинга, чтобы не вешать всякие **гомыры** и висюльки, сделал так, чтобы включался ближний свет (без габаритов) при движении* (автофорум, 2011, автор из Барнаула);
19. *Сделал вчера **гамыру** — пропускающий и недержавший масло гидрик [= гидроцилиндр], для этого плунжер немного обточил в дрели на наждачке* (автофорум, 2012, автор из Барнаула);
20. *Пружина крепко сидит в желобке, а тросик надежно к ней закреплен, без всяких пластиковых «**гамыр**»* (<https://mashmaster.ru/remont-dvercy-posudomoechnoj-mashiny-bosch/>).

Наконец, *гамырить* распространилось дальше автомобильного аргю, и значение расширилось до ‘вообще делать, создавать что-либо, в т. ч. нематериальное; готовить’:

21. *А в Горном [вер., Горно-Алтайске] однако уже первую метановую заправку **сгомырили**... Глядиш и до нас прогресс дойдёт* (автофорум, 2012, автор из Барнаула);
22. ***Сгомырила** домашнюю пиццу* (форум города Рубцовска Алтайского края, 2011);
23. *Развожу костёр по-мокрому. Проснулся Миша — **загомырили** с ним завтрак* (дневник туриста, Живой журнал, 2010, автор из Змеиногорска Алтайского края);
24. *И как совести хватает себя фотографом называть? Я понимаю там какието коллажики **сгомырить** или смонтировать панорамку... А тут смотрю у онного фотографа прайс[-лист, т. е. прейскурант. — Н. К.] и просто шизею...* (форум невест, Барнаул, 2009);
25. *Пришлось **гомырить** специальную форму* (речь о форме в значении ‘типовая структура официального документа’, 23.05.2018, <http://forum.infostart.ru/forum9/topic192721/message1985816/#message1985816>).

Однако следует признать, что эти слова имеют довольно ограниченное распространение: так, в ГИКРЯ, вхождений слова *го/а/мыр(а)* 30, *го/а/мырка* — 13, а *го/а/мырить* — 3 на 20 млрд.

5. В художественной литературе

Это гнездо получило некоторое распространение в художественной литературе в форме *гамыра*, *гамырка*. Самая ранняя фиксация, судя по всему, у Л. Н. Толстого:

26. — *Винца бы, — сказала она Кораблевой, утирая рукавами рубахи слезы и только изредка всхлипывая.*

— ***Гамырки?** Что ж, давай, — сказала Кораблева* ([Толстой 1983: 118], «Воскресение», 1889–1899, ч. I, гл. XXXI; в оригинале *гамырка* выделена курсивом; следует заметить, что Кораблёва — каторжанка)³².

Значение ‘самогон’ фиксируется уже в конце первой четверти XX в.:

27. — *Попробуй-ка, приценись к самогонке.*

— *Хорошо, об этом мы с вами переговорим после, Студент. Вы тут кой-чего протрепали с вашей **гамыркой**. Так не работают, имейте это в виду* ([Каверин 1926: 48], «Конец хазы», 1924).

И у Л. Н. Толстого, и у В. А. Каверина передаётся жаргон преступников. Любопытно отметить употребление среди других арготизмов:

28. *Потом он вытянулся во весь рост на кровати, закинул руки под голову и пробормотал:*

Хаза Клева,

***Гамыры** много, —*

На бану мент,

Лови момент...

Филипп ничего не понял, забеспокоился:

— *Это ты про что?* ([Горбунов 1978: 229], «Ледолом», 1929).

В значении ‘самостоятельно изготовленный алкогольный напиток’:

29. — *Мне хорошо! — уже томно говорит Рахиль Абрамовна. — Мне совсем тепло, я созрела. Но противно во рту. Что вы дали мне выпить?*

— ***Гамыру!***

— *Что это такое?*

— *Хана [= ханшин, китайский напиток вроде хлебной водки], вскипяченная с брусничным вареньем. Лежите, спите — и поэт укрывает Рахиль Абрамовну всем теплым, что только у него имеется: пальто, пыльным, старым грязным, ни разу не стиранным халатом* ([Несмелов 2006: 535], «Голубое одеяло», опубл. 1941).

По нашим данным, с конца 1960-х гг. это слово достаточно регулярно употреблялось в художественной литературе. Ср. типичный пример:

30. — *Так мы ж с ней знакомились в Калининграде, ну точно тебе говорю!*

— *Ты путаешь, Петро.*

— *На бутылку **гамыры**, идет!*

³² См. также раздел 6 с примером 1899 г.

Боцман оставил меня сидеть на кнехте, а сам направился к корме, где матросы вязали маты. Я не стал спорить и заключать пари, потому что мы были в неравном положении ([Шинкарёв 1968: 172], «Длинная командировка», 1968).

6. Об одном периферийном значении

В [СРНГ VI: 133] с пометой «Сарат., 1918» записано *гамыра* — «злая, никем не любимая женщина». Видимо, это значение продолжают такие современные употребления (все данные — из интернет-форумов и блогов):

31. а. *Вспоминается по фильмам про войну, как солдаты зывали к «сестричкам». На самом деле, когда тебя перевязывает молодая девушка в коротком халате, как-то и болеть не хочется, способствует выздоровлению :)) Не то, что **гомыра** в рентгенкабинете — я бы у неё, наверное, помер уже* (22.07.2008, <https://m.livejournal.com/read/user/igoriz/2624>);
- б. *Из жёницин, скромных и чистых созданий, превратились в **гомыр** и кабыл (sic!) (11.08.2009, <http://www.woman.ru/reactions/men/thread/3908849/1/#m19664755>);*
- в. *Из-за таких **гомыр** страдают нормальные евреи* (12.02.2012, <https://newsland.com/user/4296686841/content/alla-gerber-obvinila-v-antisemitizme-maksima-kalashnikova/4296578#/comment-59180002>);
32. *Вот ни разу ещё не встречал в реале [= вживую] коммерса [= коммерсанта], как в фильмах, — он, значит, на яхтах **гомыр** **ёт валютных, да по Ниццам рассекает, а бизнес размерен и стабилен. Наоборот, носят постоянно* (04.11.2016, <https://forum.antichat.ru/threads/443619/#post-4009211>).

По всей видимости, сюда же относится такое употребление конца XIX в.:

33. *Я сошел с тележки. Лизар [имя возницы] оживился, задержал вожжами и покати по откосу в овраг. Бубенчики закатились испуганным, прерывистым звоном; тележка прыгала по промоинам, Лизар прыгал на облучке и натягивал вожжи.*
— *Н-но, **гамыры**!* — донеслось со дна оврага, словно из преисподней. *Тележка, увязая в глине, потащилась в гору* ([Вересаев 1961: 199]³³, «Лизар», 1899).

Значение ‘женщина (пейоратив)’ могло появиться из ‘плохой алкогольный напиток’ — по разумному предположению одного из анонимных рецензентов, из-за контаминации с диалектными словами *гмы́ра* ‘человек,

³³ Это место никак не прокомментировано в собраниях сочинений В. В. Вересаева ([Вересаев 1935; 1961; 1985] и др.). Приводимое в интернете в некоторых оцифрованных изданиях В. В. Вересаева толкование «гамыры — вялые, неповоротливые» в оригинале отсутствует и, очевидно, придумано ad hoc.

находящийся в болезненном состоянии или в дурном расположении духа; спесивый, чванливый; негодяй(ка)’ (и мн. др. негативные значения), *гмы́ря* ‘хмурый, необщительный человек’, *гмы́риться* ‘печалиться, хандрить, быть в плаксивом настроении’, *гмур* ‘угрюмый человек, нелюдим’ [СРНГ VI: 233–234], *хмырь* ‘сердитый, необщительный человек’, *хмы́рый* ‘невесёлый, хмурый’ [НОС 2010: 1250] и т. п. Все эти слова на *гмур-*, *гмыр-* и *хмыр-* восходят к праслав. **xmur-* vel *sim.*, см. [ЭССЯ VI: 163–164, VIII: 43–45; Аникин XI: 32–33]. От себя добавим, что такая мотивировка находит забавную параллель в *бахма́ра* ‘болтливая женщина, сплетница’, записанном в Покровском уезде Владимирской губернии [СРНГ II: 155].

III. Заключение

Арабское *ḥamr* было заимствовано в персидский, оттуда через некоторый тюркский идиом в язык офеней (по крайней мере не позже конца XVIII в.) в значении ‘вино’. С приобретенным значением ‘водка’ этот круг слов распространился в условных языках ремесленников и нищих; из тайных языков — в арго преступников. Именно в речи каторжанки и в значении ‘вино’ впервые появилось слово этого гнезда в художественной литературе в конце XIX в. (у Л. Н. Толстого). В тюремных жаргонах рассмотренные слова получили значения, связанные со спиртом, который служил основой для самостоятельного изготовления алкогольных напитков в тюрьме. Отсюда с распространением потребления денатурированного спирта (с 1914 г.) гнездо irradiировало в диалекты Сибири в качестве обозначения денатурата. В этих лексических системах произошло расширение значения до ‘самогон или всякий кустарно изготовленный алкогольный продукт’. С показанной в статье семантикой гнездо фиксируется в художественной литературе — с 1920-х гг. эпизодически, с 1960-х регулярно — то как передача тюремного аргю, то как передача диалектов. В современном просторечии (судя по текстам из интернета, также преимущественно в Сибири), *го/а/мырить* расширило своё значение от ‘гнать самогон’ до ‘вообще делать что-либо самостоятельно, чинить’, отсюда обратное образование, девербатив *го/а/мыр* ‘починка, приделка, деталь’. Также эпизодически встречается *го/а/мыр(а)* для обозначения непитьевых жидкостей и в значении ‘штука, вещь’.

Однокоренное арабское *maḥmūr* ‘пьяный’ было заимствовано через персидский в тюркские языки, где произошёл семантический сдвиг ‘хмельной’ → ‘похмельный’. В субстантивном значении это слово заимствовано в русские диалекты из такого тюркского идиома (вероятно, близкого к башкирскому), где в анлауте было *b-*, приобретая при этом значение ‘головокружение, недомогание’. Топономастический материал может свидетельствовать, что это произошло уже ко второй половине XVI в. Из-за ограниченной распространённости в диалектах данное слово не употреби-

ляется в художественной литературе — пример из А. Ф. Писемского, открывающий статью, является единственным найденным нами исключением. Народноэтимологическое членение *ба-хмур* вызвало к жизни многочисленные дериваты со значениями непогоды, дурного настроения и т. п. Несмотря на единичные свидетельства бытования этого слова в тюремном аргоне ([Балдаев и др. 1992: 25] и др.), проникнуть в наддиалектное просторечие ему, в отличие от предыдущего, не удалось.

Источники

Вересаев 1935 — В. [В.] Вересаев. Избранное. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1935.

Вересаев 1961 — В. В. Вересаев. Собрание сочинений: В 5 т. Т. I. Повести и рассказы. Записки врача. М., 1961.

Вересаев 1985 — В. В. Вересаев. Собрание сочинений в четырёх томах. Т. I. Повести и рассказы, 1887–1900. М.: Правда, 1985. (Библиотека «Огонёк».)

Гольденберг 1990 — Л. А. Гольденберг. Изограф земли Сибирской. Жизнь и труды Семёна Ремезова. Магадан, 1990. (Дальневосточная историческая библиотека.)

Горбунов 1978 — К. Я. Горбунов. Избранные произведения: В 2 т. Т. I: Ледолом. М., 1978.

Каверин 1926 — В. [А.] Каверин. Конец хазы. Повести. Л., 1926.

Материалы 1932 — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. Л., 1932 [на обл.: 1933] (= Труды Историко-археографического института и Института востоковедения. Материалы по истории СССР / АН СССР. Вып. 3).

Несмелов 2006 — А. И. Несмелов. Собрание сочинений: В 2 т. Т. II: Повести и рассказы. Мемуары / Сост. и комм. Е. В. Витковского и др. Владивосток, 2006.

Описание 1891 — Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. VIII. Отдел III: Историко-юридические материалы / [Сост. и примеч. В. Н. Сторожева.] М., 1891.

Писемский 1959 — А. Ф. Писемский. Собрание сочинений: В 9 т. Т. II. М., 1959.

Толстой 1983 — Л. Н. Толстой. Собрание сочинений: В 22 т. Т. XIII. М., 1983.

Файзрахманов 2002 — Г. Л. Файзрахманов. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.

Шинкарёв 1968 — Л. И. Шинкарёв. Длинная командировка. Иркутск, 1968.

Словари

Аникин I–XIII — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1–13 — М., 2007–2019 —.

АОС I — Архангельский областной словарь. Вып. 1: а—бережок / Под. ред. О. Г. Гецевой. М., 1980.

АСБЯ I–X — Академический словарь башкирского языка: В 10 т. / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2011–2018.

Балдаев и др. 1992 — Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Одинцово, 1992.

Балуев 1909 — Я. Балуев. Условный язык воров и конокрадов. 1909. URL: http://newstar.rinet.ru/~minlos/Non-literary_Russian/1909%20Балуев%20Условный%20язык%20воров%20и%20конокрадов%20Сл.pdf.

Бец 1903 — Ванька Бец [И. К. Авдеенко]. Босаяцкий словарь. Опыт словотолкователя выражений, употребляемых босаяками. Одесса, 1903. URL: [starling.rinet.ru/~minlos/Non-literary_Russian/1903%20Бец%20Ванька%20Босаяцкий%20Сл.pdf](http://newstar.rinet.ru/~minlos/Non-literary_Russian/1903%20Бец%20Ванька%20Босаяцкий%20Сл.pdf).

Биишев 1993 — Башкорт теленең һүзлеге. Т. I / Ред. Ә. Ф. Биишев, З. К. Ишмөхәмәтов, З. Ф. Ураксин, У. М. Яруллина. М., 1993.

Блатная музыка 1923 — Блатная музыка. Словарь жаргона преступников. М., 1923. URL: http://newstar.rinet.ru/~minlos/Non-literary_Russian/1923%20Блатная%20музыка%20Сл%20жаргона%20преступников.pdf.

Бондалетов 2012 — В. Д. Бондалетов. В. И. Даль и тайные языки в России. 3-е изд. М., 2012.

Веселовский 1974 — С. Б. Веселовский. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / Под ред. В. И. Буганова, Б. В. Левшина. М., 1974.

Дильмөхәмәтов 2002 — Башкорт теленең диалекттары һүзлеге / Яуаплы мөхәррир М. И. Дильмөхәмәтов. Өфө, 2002.

ЕСУМ I — Етимологічний словник української мови: В 7 т. Т. I: А—Г / Головний ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982.

Матвеев 1990 — А. К. Матвеев. Вершины Каменного пояса. Названия гор Урала. Челябинск, 1990.

НОС 2010 — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.

ООС 2010 — Б. А. Моисеев. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2010.

ОСВГ I–II — Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–2: А—В / Сост. Л. И. Горева. 2-е изд., испр. и доп. Киров, 2012.

Паллас II — Сравнительные словари всех языков и наречий. Отделение первое. Часть вторая / [Сост. П. С. Палласъ.] СПб., 1789.

ПОС I — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1: а—бибишка. Л., 1967.

Потапов 1927 — Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / НКВД. Сост. С. М. Потапов. М., 1927.

Рубинчик I–II — Персидско-русский словарь. Т. I–II / Под ред. Ю. А. Рубинчика. М., 1970.

СГРС I — Словарь говоров Русского Севера. Т. I: А—Б / УрГУ им. А. М. Горького. Гл. ред. А. К. Матвеев, 2001.

СГСЗ 1999 — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.

СПГ I — Словарь пермских говоров. Вып. 1: А—Н. Пермь, 2000.

СРГБ 2008 — Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. З. П. Здобновой. Уфа, 2008.

СРГК I — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1 (а—дрожджаник). СПб., 1994.

- СРГСПК I — Словарь русских говоров севера Пермского края. Вып. 1: А—В / Гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011.
- СРГСУ I — Словарь говоров Среднего Урала. Т. I: А—И / Гл. ред. П. А. Вовчок. Свердловск, 1964.
- СРНГ I–XLIX — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49 — Л./СПб., 1965–2016 —.
- Трахтенберг 1908 — В. Ф. Трахтенберг. Блатная музыка («жаргон» тюрьмы) / Под ред. и с предисл. проф. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. СПб., 1908.
- ТТЗДС 2009 — Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Жаваплы мөхәррирләр Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан, 2009.
- Ураксин 1996 — Башкирско-русский словарь / РАН. Уфимский научный центр. АН РБ. Под ред. З. Г. Ураксина. М., 1996.
- Фасмер I–IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва, под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. Т. 1–4. 2-е изд. М., 1986–1987.
- ЭССЯ I–XLI — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–41 —. М., 1974–2018 —.
- Юдахин I–II — Киргизско-русский словарь: В 2 кн. / Сост. к. К. Юдахин. Фрунзе, 1985.
- ЯОС III — Ярославский областной словарь. Вып. 3: вертыхаться—дидля. Ярославль, 1984.

Hayyim I–II — S. Hayyim. New Persian-English dictionary, complete and modern. Vol. I–II. [Teheran], 1934–1936. URL: <https://dsal.uchicago.edu/dictionaries/hayyim/>.

Räsänen 1969 — M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969.

Л и т е р а т у р а

- Бјелетић 2006 — М. Бјелетић. Исковрнути глаголи. Типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу). Београд, 2006.
- Дмитриев 1948 — Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М., 1948.
- Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. III. М., 1958. С. 3–47.
- ДТЯ 2010 — Диалекты тюркских языков / Отв. ред. А. В. Дыбо. М., 2010.
- Осипова 2018 — К. В. Осипова. Названия спиртных напитков на русском Севере: этимолого-этнолингвистический анализ // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 56. 2018. С. 146–165.
- Петлева 1996 — И. П. Петлева. Архаические префиксы в русских говорах // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 31–38.
- Попов 1969 — А. И. Попов. О возможностях совершенствования этимологического исследования // Этимология 1967. Материалы международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии» 24–31 января 1967 г. / АН СССР. ИРЯ. Отв. ред. О. Н. Трубачёв, отв. сек. Л. А. Гиндин. М., 1969. С. 119–128.
- Приёмышева I–II — М. Н. Приёмышева. Тайные и условные языки в России XIX века. Ч. I–II. СПб., 2009.

СИГТЯ 1984 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1984.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М., 2006.

Чадамба 1974 — З. Б. Чадамба. Тоджинский диалект тувинского языка / Отв. ред. Э. В. Севортян. Кызыл, 1974.

Юнусалиев 1971 — Б. М. Юнусалиев. Кыргыз диалектологиясы. Фрунзе, 1971.

EDAL 2003 — A. V. Dybo. *Turkic [historical phonology]* // S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. *An etymological dictionary of Altaic languages*. Vol. I. Leiden, Boston, 2003. P. 136–149.

Poppe 1971 — N. Poppe, Jr. *Studies of Turkic loan words in Russian* (Asiatische Forschungen. Band 34). Wiesbaden, 1971.

Poppe 1981 — N. Poppe, Jr. *On some Turkic words in Old Russian* // *Central Asiatic Journal*. Vol. 25, No. 3/4 (1981). P. 310–316.

Tietze 1957 — A. Tietze. [Rez. über] Max Vasmer. *Russisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III // *Oriens. Milletlerarası şark tetkikleri cemiyeti mecmuası*. Vol. 10, No. 2. Leiden, 1957. P. 375–379.

Статья получена 29.09.2019

Niyaz I. Kireyev

Ufa 45th School with in-depth study of individual subjects

(Ufa, Russia)

nkireyev@yandex.ru

TOWARDS THE HISTORY OF TWO DIALECTICISMS: *BAXMUR* AND *GAMYRIT'* **(SOME ADDENDA TO ALEXANDER ANIKIN'S** ***RUSSIAN ETYMOLOGICAL DICTIONARY*)**

The Arabic words *ḥamr* 'wine, alcohol' and *maḥmūr* 'intoxicated', which share the same root, were borrowed via Persian and then Turkic languages into Russian dialects as *gamyra* and *baxmur* respectively (with phonetic and morphological variations).

However, a commonly accepted etymon for the second word, the Tatar *maxmür* 'hangover, intoxication', is phonetically unsatisfactory. I suggest another source for the Russian word, a form close to the Bashkir (Bashqort) *baxmur* 'idem'. The latter, although not documented by lexicographers, is well attested in Bashqort corpora. It might indicate that the dissimilation *m...m* > *b...m* took place already in Turkic rather than in Russian. I analyse the semantic development of the Russian word *baxmur* (its primary meaning is supposed to be 'malaise, headache', the meaning 'bad weather' being secondary) and of its derivatives (like *baxmurnyj* 'sad', etc.) arising from folk-etymological reanalysis as *ba-xmur*, cf. *xmura* 'darkness, black cloud'. Some attention is also paid to phonetically alternate derivatives like *buxmarit* 'to rain'. Toponymic and anthroponymic evidence is briefly discussed as well.

The word *gamyra* (with many variants) and the historically related *gomzo/gomso*, as Anikin suggested, were first adopted from Turkic by the language of *ofeni* (*ofenyas*), travelling traders. I make an attempt to specify the time of borrowing (not later than the end of the 18th century) and to clarify the ensuing history of these words. Initially, the meaning

shifted to 'vodka', then the words spread into prisoners' argot with the meaning '(diluted) spirit', and then they were adopted by regional dialects with the meaning 'denatured alcohol'. Later still, the verb *gamyrit'* spread to substandard language with the meaning 'to produce moonshine', which subsequently widened to 'to produce something, to whip up, to make'. Existing literary examples from the 19th to the 21st century are also taken into account.

Keywords: etymology, Russian dialects, slang, Turkisms, Persisms, Arabisms, historical semantics, folk etymology, ofeni's secret language, Bashqort language, Pallas' dictionary

References

- Bjeletich, M. (2006). *Iskovrnuti glagoli. Tipovi ekspresivnikh preverbalnikh formanata (na srpskom i khrvatskom jezichkom materijalu)*. Belgrade: Institut za srpski jezik SANU.
- Bondaletov, V. D. (2012). *V. I. Dal' i tainye yazyki v Rossii* (3rd ed.). Moscow: Flinta.
- Chadamba, Z. B. (1974). *Todzhinskii dialekt tuvinskogo yazyka*. Kyzyl: Tuvknigoizdat.
- Dybo, A. V. (2003). Turkic [Historical Phonology]. In S. A. Starostin, A. V. Dybo, & O. A. Mudrak (Auth.), *An Etymological Dictionary of Altaic Languages* (Vol. 1, pp. 136–149). Leiden: Brill.
- Dybo, A. V. (Ed.). (2010). *Dialekty tiurkskikh yazykov*. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Dmitriev, N. K. (1958). O tiurkskikh elementakh russkogo slovaria. *Leksikograficheskii sbornik*, 3, 3–47.
- Osipova, K. V. (2018). Nazvaniia spirtnykh napitkov na Russkom Severe: etimologo-etnolingvisticheskii analiz. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 56, 146–165.
- Petleva, I. P. (1996). Arkhaicheskie prefiksy v russkikh govorakh. *Etimologicheskie issledovaniia*, 6, 31–38.
- Popov, A. I. (1969). O vozmozhnostiakh sovershenstvovaniia etimologicheskogo issledovaniia. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologiya–1967* (pp. 119–128). Moscow: Nauka.
- Poppe, N. (1971). *Studies of Turkic Loan Words in Russian*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Poppe, N. (1981). On Some Turkic words in Old Russian. *Central Asiatic Journal*, 25(3/4), 310–316.
- Priemysheva, M. N. (2009). *Tainye i uslovnye yazyki v Rossii XIX veka* (Vols. 1–2). St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Tietze, A. (1957). [Review of the book *Russisches etymologisches Wörterbuch* by Max Vasmer]. *Oriens. Milletlerarası şark tetkikleri cemiyeti mecmuası*, 10(2), 375–379.
- Yunusaliev, B. M. (1971). *Kyrgyz dialektologiyasy*. Frunze: Mektep.

Received on September 29, 2019

Р. В. РОНЬКО

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
romanronko@gmail.com

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ 2019 Г. В ОПОЧЕЦКИЙ РАЙОН ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕКСТЫ С КОММЕНТАРИЕМ*

Настоящая публикация служит продолжением работы коллектива авторов, посвящённой описанию опочецких говоров. Публикуется расшифровка двух интервью, взятых у носителей этих говоров в ходе диалектологической экспедиции в 2019 г. Расшифровка даётся в нормализованной орфографии с некоторыми элементами транскрипции и сопровождается грамматическим комментарием, описывающим отдельные диалектные черты, встретившиеся в речи информантов.

Ключевые слова: псковские говоры, опочецкие говоры, диалектологические экспедиции, диалектные тексты.

В июне 2019 г. сотрудники отдела диалектологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН совместно со студентами Школы лингвистики НИУ ВШЭ провели экспедицию в Опочечский район Псковской области. В ходе экспедиции записывалась речь местных жителей. Это третья экспедиция в Опочечский район, предпринятая сотрудниками ИРЯ РАН и НИУ ВШЭ, начиная с 2017 г. Среди наших предшественников необходимо отметить экспедиции под руководством В. Н. Чекмонаса в начале 2000-х гг. [Вайерманн и др. 2002].

Экспедиция базировалась в деревне Кишкино. Были обследованы деревни Кишкино, Алтово, Кадниково, Барабаны, Белки и Пуршево Варыгинской волости Опочецкого района, компактно располагающиеся к северу от Опочки на реке Великой. Ранее эти деревни относились к управле-

* Я выражаю глубокую благодарность сотруднице Опочецкого центра культуры Екатерине Владимировне Козьяковой (Арсентьевой) за горячее участие и помощь в организации экспедиции. Также благодарю Анну Викторовну Малышеву и Александру Валерьевну Тер-Аванесову за обсуждение материала и редактирование текста работы. Все ошибки, неточности и неправильные интерпретации остаются на совести автора.

нию Матюшинской волости. Также состоялись поездки в деревни Лаптево (Болгатовская волость) и Гужево (Глубоковская волость), находящиеся южнее Опочки, и две поездки в деревню Сорокино (Глубоковская волость), которая расположена к юго-востоку от Опочки.

Диалект русского языка, распространённый в данном регионе, относится к псковской группе среднерусских говоров [ДАРЯ I–III]. Фонетический и грамматический очерки говора содержатся в статье [Дьяченко и др. 2018], которая написана по данным экспедиции 2017 г. Настоящая публикация служит продолжением этой статьи, а также дополнением к электронному корпусу [Ронько и др. 2019], созданному по материалам экспедиции 2018 г.

Ниже представлена выборочная расшифровка записи интервью с Ниной Ивановной Михайловой, которая родилась в 1934 г. в деревне Лаптево Болгатовской волости, имеет семь классов образования, работала в колхозе (далее — НИМ 1934), и Иваном Васильевичем Егоровым 1949-го года рождения из д. Пуршево Варыгинской волости, который имеет девять классов образования, работал водителем (далее — ИВЕ 1949). Расшифровка предваряется обзором некоторых диалектных черт и явлений, встретившихся в речи наших информантов. Предлагаемый обзор не претендует на полноту, основывается исключительно на материале представленной расшифровки и может рассматриваться как комментарий к ней.

1. Фонетика

1.1. Сильное яканье. Под ударением различается пять гласных фонем. В предударных слогах представлены сильное аканье и яканье.

При сильном яканье в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъёма может произноситься [a] независимо от твёрдости или мягкости последующего согласного и от того, какой гласный находится под ударением (подробнее см.: [Касаткин и др. 2012: 44]). В расшифровке это явление отражено: *тяпёрь, ляжйт, отбярёшь, тябё, ня дам, тьялёночка* и др.

Яканье представлено в расшифрованной записи массово, но не регулярно. Фонемы неверхнего подъёма в этой позиции могут нейтрализоваться также в звуках [e] или [и]: *н[е] дам, б[и]жат*. Более того, в одинаковых условиях могут произноситься [e] и [a]: *[не дам] vs [ня дам]*. В расшифровке произношение в этой позиции звуков, отличных от [a], передано в соответствии с орфографическими нормами.

1.2. Твёрдый [ш:]. В соответствии с долгим мягким шипящим [ш':] литературного языка произносится твёрдый [ш:] (подробней об этом явлении см. [Там же: 73]). В расшифровке данное явление отражается сочетанием *ишш:* *кля́дбишше, неишш́стным, вёиши, бомбоубёжишша, ишшитáется, яишио*. Однако у обоих информантов есть и контрпримеры, соответствующие

ющие литературному стандарту. Долгий мягкий шипящий в расшифровке передается буквой *щ*: *ещё* 3×, *тыща*.

1.3. Твёрдый [ч]. Аффриката [ч] в говоре твердая. Данный факт в расшифровке не отражён, поскольку это явление носит регулярный характер и не знает исключений.

1.4. Реализация фонемы /в/. Фонема /в/ представлена губно-зубными [в] и [ф] или губно-губным [w]. Звуки [в] и [w] встречаются в любой позиции, но при этом [в] преобладает в позиции перед гласным, а [w] — перед согласным и на конце слова: [в]от, коро[в]ы, [w]от, коро[w], со[w]кóвую, голо[w]ку, дро[w]ни, пирожко[w]. Аллофон [ф] регулярно встречается в начале слова перед глухим: [ф]се, однако возможен и вариант [в]се.

В работе [Дьяченко и др. 2018: 271–272] практически не отмечен звук [ф] в середине слова перед глухим и на конце, в настоящих записях [ф] встречается в этих позициях довольно часто: *кусто*[ф], *тра*[ф]ки, *голо*[ф]ке.

В данной расшифровке губно-губной [w] передан как *w*, аллофоны [в] и [ф] — как *в*.

Фонема /в/ выступает и как протетический согласный перед /у/ и /о/ [Там же: 272]. Приведём все имеющиеся примеры из расшифровки: *ну он вучíлся во Пскове, вукрáситься, вóзеро* 2×.

2. Морфология

2.1. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных первого склонения. В настоящем разделе рассмотрен только материал НИМ 1934. В её идиолекте совпадают показатели родительного, дательного и местного падежей: во всех трёх падежах окончания /-е/ и /-и/ варьируют независимо от наличия/отсутствия предлога, исхода основы и ударности/безударности окончания. Сходные синкретические системы зафиксированы у информантов из других сёл Опочецкого района (Барабаны, Самсоново, Марфино) [Там же: 274–276].

Р. п. ед. ч., ударные окончания: /е/: *с-за рекé, с тюрьмé, головé не вижу*; /и/: *глубина ряки, начало этой войны* 2×, *начало войны, до войны* 3×, *после войны*; безударные окончания: /е/: *досталось от мáме, со шкóле, с той стóроны*; /и/: *у коровы, из клюквы, от школы, три комнаты, в союз охоты*;

Д. и м. пп. ед. ч., ударные окончания: /е/: *на одной сторонé* 2×, *в реке, в ряке, к зямле-то*; /и/: *на войнý, на жарý, на горý, на самой горý*; безударные окончания: /е/: *на машине, в половине*; /и/: *там на квартирý, в одной половíны, в другой половíны, в той половíны, на мýны*¹.

¹ Примеры с окончанием /-е/ для родительного и /-и/ для местного падежей получены путём полного прослушивания записи НИМ 1934 (три часа двадцать две минуты), и, соответственно, не все из примеров этой группы входят в расшифровку, данную ниже.

2.2. Творительный падеж множественного числа имён и местоимений совпадает с дательным множественного числа. В расшифровке встретилось три примера, иллюстрирующие данное явление:

- (1) *А мы стоим, коровы уходят, собачка с нам была* НИМ 1934;
- (2) *Она платок сняла, так разостлала, рукам взяла мне, напоила* НИМ 1934;
- (3) *он вверх ногám со стула полятит* НИМ 1934.

2.3. Глаголы I спряжения с безударными окончаниями 3 л. ед. ч. Опочецкие говоры знают явление отсутствия конечного *-т* в ударных и безударных окончаниях 3 л. ед. ч. глаголов I спряжения и в безударных окончаниях 3 л. ед. ч. глаголов II спряжения (см., например, [Там же: 285–287]). В данной расшифровке без конечного *-т* нам встретились только глаголы 3 л. ед. ч. первого спряжения с безударными окончаниями. Приведём все примеры:

- (4) *А бог их знае* НИМ 1934;
- (5) *бог знае* НИМ 1934;
- (6) *полой вот так махае* НИМ 1934;
- (7) *Где-то гармошка играе* НИМ 1934;
- (8) *Работае в городе, в мегафоне, не в эмтээсе.* ИВЕ 1949.

Также отсутствует конечное *-т* в модальном слове *может*, которое восходит к глаголу *мочь*.

- (9) *Мóже ты слышала дяревню такую Сапульки?* НИМ 1934.

Однако наравне с такими формами присутствуют и глаголы I спряжения 3 л. ед. ч. с безударными окончаниями, имеющими конечный элемент *-т*. Так, информантка НИМ 1934 на четыре формы без *-т* употребила 14 форм с *-т*, а информант ИВЕ 1949 употребил одну форму без *-т* и одну с *-т*. Также у НИМ 1934 встретилось шесть форм *может* на две формы *может*.

Отметим, что характерные для опочецких говоров окончания глаголов 3 л., оканчивающиеся на мягкий *-т'* [Дьяченко и др. 2018: 286], в речи наших информантов не встретились: они оба употребляют в соответствующих позициях твердый *-т*. Единственным исключением является форма 3 л. ед. ч. атематического глагола *дать* (НИМ 1934).

2.4. Общее спряжение. В глагольном спряжении говора наблюдается явление, получившее обозначение «общего спряжения» [Касаткин и др. 2012: 156]: совпадение безударных окончаний глаголов I и II спряжений. В нашем говоре глаголы исконно II спряжения обобщают окончание 3 л. мн. ч. I спряжения *-ут/-ют*:

- (10) *и ня обязательно, что к ней заходят* НИМ 1934;
- (11) *сами бежат и нас гонют* НИМ 1934;

- (12) *Они хочут прокатиться* НИМ 1934;
- (13) *они не верют* НИМ 1934;
- (14) *потом через два дня звонют* ИВЕ 1949.

Однако глаголы I и II спряжений могут и различаться, как в литературном языке:

- (15) *Коровы ходят* НИМ 1934;
- (16) *коровы-то ходят* НИМ 1934;
- (17) *дязурные-то ходят* НИМ 1934;
- (18) *Бох йих знае, что там рубят* НИМ 1934;
- (19) *А что и сяйчас ставят, то и раньше было?* ИВЕ 1949;
- (20) *Звонят оттуда* ИВЕ 1949;
- (21) *тябя начальником милиции ставят* ИВЕ 1949.

2.5. Плюсquamперфект. Встречается конструкция «глагольная форма на -л + связка *быть* в форме прошедшего времени»:

- (22) *(У) Нас один год был лосёнок жил* НИМ 1930.

Такие же примеры зафиксированы у информантов в этом же говоре (см. [Дьяченко и др. 2018: 298–299]).

2.6. Причастия прошедшего времени. В говоре распространены причастия² прошедшего времени с суффиксами *-ии-*, *-виш-*, *-лиш* в предикативной функции. Имеющиеся в расшифровке примеры можно разделить на следующие группы.

Причастие в значении перфекта:

- (23) *Ну в год, раз ездием мы туда, они приехавиши, два внука, нявестка приехала оттуда* ИВЕ 1949;
- (24) *И вот они эти дровни тянут мокрые все, впотевиши, хохочут* НИМ 1934.

Сочетание *был* с причастием в функции плюсquamперфекта:

- (25) *А мы опять же были все убежавиши в эти ж самые Сапульки* НИМ 1934;
- (26) *Нет, это Павлыч был сгорелиши* ИВЕ 1949.

Причастие в полупредикативной функции (в роли второстепенного предиката или глагольного модификатора):

- (27) *Она подходит, она стоит головку опустилиши, она: «Манюх, Манюх!»* НИМ 1934.

² В диалектологической литературе такие формы относятся к разряду причастий, а не деепричастий. Причины подобного отношения подробно рассматриваются, например, в работе [Кузьмина 1993: 142–143].

2.7. Вопросительно-относительные местоимения *кто* и *что*. На месте вопросительно-относительного местоимения *что* (*чего*) в некоторых контекстах выступает местоимение *кто* (*кого*):

- (28) *Я не могла идти, мне отняло ноги и руки, всё! Ну вот, пришла. А когó жэ! А оказывается, этого лосёнка мать былъ убита, а он остался сироткой* НИМ 1934;
- (29) *Кого поешь пирожков, кисялька, когда мы колóтимся* (нам не до пирожков, из-за того, что нам очень страшно)? НИМ 1934.

3. Синтаксис

3.1. Предлоги *в* и *у*. Предлог *у* в сочетании с родительным падежом в конструкциях со значением принадлежности, пребывания при ком-н., чем-н. может заменяться на *в* с местным падежом (ср. с южнорусским говором с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области: [Малышева, Тер-Аванесова 2016: 224–227]):

- (30) *яшию там эстонцы в них были* НИМ 1934;
- (31) *А эти-то парни, которые побольше в нас были* НИМ 1934;
- (32) *И вот она с Троицы, с июня дяржала до октября месяца, жил он в нас* НИМ 1934;
- (33) *А это были в саседке* ИВЕ 1949.

В таких же конструкциях предлог *у* встречается у информантки НИМ 1934 23 раза и два раза у информанта ИВЕ 1949. Вместе с подобными примерами массово встречаются предлоги *у* и *в*, выступающие в стандартных значениях: *у* НИМ 1934 предлог *в* в стандартном значении встретился 73 раза, а предлог *у* — 22; у ИВЕ 1949 предлог *у* — дважды, а *в* — 37 раз.

В этой позиции возможен также пропуск предлога *у* перед родительным падежом:

- (34) *[У] Нас один год был лосёнок жил* НИМ 1934;
- (35) *Вот [у] ней ня закрывалась окно, она чярез окно влязала* НИМ 1934;
- (36) *вот за этот Пятров день [у] нас уже была деревня под немцами* НИМ 1934.

Встретился один пример пропуска предлога *в* перед местным падежом:

- (37) *а мы с Михалычем [в] поле наслись* НИМ 1934.

3.2. Предлог *с*. В соответствии с предлогом *из* литературного языка в говоре часто употребляется предлог *с* с именем в форме род. п. при обозначении места, откуда направлено движение (39, 40), а также в сочетании со словом *отпуск* (41):

- (38) *А мать приехала с Опочки* ИВЕ 1949;
- (39) *раз с хуторов перегнан* ИВЕ 1949;
- (40) *вот с отпуска поехал учиться сразу* ИВЕ 1949.

В данном говоре подобная замена встречается и в составных предложениях:

- (41) *вот мы с лесу оттудова с-под Коновалихи вот к этим дворам вышли* НИМ 1934.

Предлог *с*, наряду со стандартным *из*, встречается также в сочетании с именем, обозначающим материал, из которого что-л. изготавливается:

- (42) *Делали. С картошки* НИМ 1934.

3.3. Предлог *на* с вин. п. при глаголах речи. Адресат сообщения при глаголах речи, выражаемый в литературном языке дательным падежом, в некоторых контекстах выражен сочетанием предлога *на* с винительным падежом:

- (43) *А на Михалыча говорит: «Иди домой за ножиком»* НИМ 1934;
- (44) *перягодчик на мяня и говорит, йих пятнадцать человек вот так выстроили и спрашивают меня: «Что? Какие?»* НИМ 1934;
- (45) *а я на супругу говорю, давай-ка перякроем крышу* ИВЕ 1949.

Ср. примеры, где адресатом выступает местоимение в дательном падеже:

- (46) *Ну а мальчишки нам сказали: «Вы, — говорят, — садитесь на дровни сзади, как будем под горю спускаться, вы свалитесь в снег, а мы когда к кустам будем подъезжать, тогда свалимся»* НИМ 1934;
- (47) *Вот она приехала, нам сказала* НИМ 1934;
- (48) *А он, ничаво не говоря нам, пошёл* НИМ 1934;
- (49) *Ну вот, она яго к зямле-то прижала, на него лягла вот так, вот она и закричала-то нам* НИМ 1934.

Три примера со сходным употреблением предлога *на* при глаголах речи обнаружены в Опочечком корпусе [Ронько и др. 2019]:

- (50) *Ну не пройдёт так, чтоб он не пригласил или не сказал грубо на меня* АВВ 1933;
- (51) *Ты ошалела, — она на меня, — ты не даёшь спать, ходишь, блудишь* АВВ 1933. В этом примере глагол речи опущен, но предполагается ('на меня говорит');
- (52) *Я, как мой сын на меня говорит: ты цистерну выпила корвалолу* ЗИИ 1932.

Такое же употребление предлога *на* описано и для некоторых других русских говоров. В работе [Малышева 2018] анализируются сочетания предлога *на* с глаголами речи в южнорусском говоре села Роговатое Старооскольского района Белгородской области и делается вывод, что конструкция *на + винительный падеж* в рассматриваемом говоре связана со специальным значением глагола *говорить*: 'пытаться словами воздействовать, оказывать влияние на кого-либо'.

4. Из лексики

4.1. Вместо обычного в русском литературном языке глагола *дождаться* используется глагол *дожидать*:

- (53) *Мать ня знала, что это кто-то свой идёт. Э! Заходит, закрутит, всё, ласково дожидает, что кто-то придёт* НИМ 1934.

Выборочная расшифровка

Расшифровка даётся в орфографии с элементами транскрипции. Ударения поставлены в словах при наличии различий между постановкой в литературном языке и диалекте. Все морфосинтаксические черты текстов сохранены. Интервью с Иваном Васильевичем Егоровым 1949 г. р. в дальнейшем будет представлено в корпусе [Ронько и др. 2019] в традиционной орфографии³.

Нина Ивановна Михайлова, 1934 г. р.

Л о с ё н о к
(2:07:06; Praat 7614⁴)

[У] нас один год был лосёнок жил. А лосёнок жил... за Троицу мать быль на кладбишшах, а мы с Михалычем [в] поле паслись, скот пасли, что корова была. И за школой, вот где школа сейчас под горой там (в) поле паслись. А мать приехала с Опочки, и ну и пошла в лес поросётам травки порвать, листики такие собирали в лясу. Ну от. А мы стоим, коровы ходят, собачка с нам была, она всё ходит вдоль кустов да тьяв-тяв, тьяв-тяв. Я: «Туузик, а чаго ты лаешь? Иди к нам сюда, коровы ни пойдут туда в кусты», — а он всё пробяжёт да тьяв-тяв, тьяв-тяв. Ну вот, а мать пришла с этой с церкви-то, с кладбишш, ну и пошла в лес туда к нам, близко за травой, в кустики. А мы-то ня знали, что она пошла, нам она не пришла не сказала. Стоим мы с ним так разговариваем с Михалычем, нá, слышу: «Вась! Вась! Вась!», — таким нешшастным голосом, мать кричит. Говорю: «Вась, это ж мамка кричит где-то?». Я говорю: «Ну послушай, мамка где-то в лясу кричит». Ну вот, а это он: «Да тебе послышалось». Она опять: «Вась, Вась», — он ринулся, побяжал в кусты. А оказывается как: она пошла в кусты, там дорожка. Ну, захотела бабка в туалет, так сказать, ну как она там присела, а по этой дорожке маленький от такой лосёночек бяжёт.

³ Ознакомиться с полными аудиозаписями в формате wav можно, отправив запрос по ссылке: <https://www.dropbox.com/sh/3ucac7340cgy1o2/AADxNQc9KHiNUSVC8UYrJW8Ea?dl=0>.

⁴ В таком формате указаны секунды, с которых начинается данный фрагмент записи, разобранной в программе Praat.

А мать тут: «От ты, — говорит, — тяперь моя». Да, она выскочила, да цапёль этого лосёнка вот так в охапку и яго повалила. Ну, лосёнок же всё-таки дикий, как хочешь, зверь. Ну вот, она яго к зямле-то прижала, на него лягла вот так, вот она и закричала-то нам. Ну вот, тот пришёл, а я не могу, всё моё. Я бросила коров да через эти кусты, через болотину там к ним я как выскочила, а мать ляжйт. И вижу, что что-то шавёлится, я думала, что зверь какой на няё напал. Мне сразу ноги и руки отняло, я бух и всё, я ни с места, ни ходячая, ни ляжачая, не понять какая. Вот кое-как я ползком-ползком, доползла до них. Мать и говорит: «Это лосёнок! Это лосёнок!», — ну вот, не зверь, это лосёнок. А на Михалыча говорит: «Иди домой за ножиком». Ну от: «Не дам! — я закричала, — ня дам, не дам, не дам!». Они хотели, ну прирезать этого лосёнка, как тёлёночка маленького. Ну от, и он такой был, что Михалыч взял вот так за ножки за перёжные, за задние, вот так на шею положйл, так. Так на сябе домой принёс, принёс, так в сарай пустил. Мать забрала коров, домой погнала вечером, а я оттуда вот, от школы, я до дому два с половиной часа шла, я не могла идти, я проползу нямножко, поляжу: «Зямелюшка, матушка, дай мне силушки, подними мяня». Пройду несколько шагов, опять бух! Я не могла идти, мне отняло ноги и руки, всё! Ну вот, пришла. А когó ж! А оказывается, этого лосёнка мать бьль убита, а он остался сироткой, а он чувствовал коров, коровы-то ходят, молоком пахнет от них, от этот лосёнок по дорожке пошёл сюда к коровам. А мать-то тут яго поймала. И вот она с Троицы, с июня дяржала до октября месяца, жил он в нас. Мы, правда, в Бяздэдове жили, она одна здесь жила. И вот она тут яго дяржала, этого лосёнка. Выросла большая лосиха!

А сын мой ходил как раз в четвёртый класс. Ну, доставалось яму от ней. Он возьмётся дразнить и пойдёт яблочко сорвёт, дасть яблочко. Если дасть круглое, она есть ня будет, обязательно чтоб надо разрезать. Если круглое, оно покатилося, она ногой будет до тех пор бить, пока яго вдрызг разобьёт, вот это яблоко. Не любила что-то крупное, вот это круглое. Не любила совковую лопату! Если она ляжит вот так, она не тронет, а если вот так, она-то всё-таки крутится, будет до тех пор бить, пока или отбярёшь эту лопату, или что-нибудь она сделает, она разбивала яё. Ну вот, он сядет на стула, возьмёт свёклину, пойдёт в огороде вытянет, обчистит, начинает кусочком, отрежет, ей даст, она съест, он яшшо тихонько так режет, чтоб подразнить яё, а она ждёт-ждёт, не дождёся, как сунет яго вот так мордой — он к верх ногам со стула полятит. И большая! Прозвал он яё Манюха. Она девочка была Манюха. И вот мы хоть в Бяздэдове жили, а калитка-то у нас уже была, всё кругом загорóжено, она не выпускалася никуда, и мы сразу сообщшыли в союз охоты. Если б мы яё зарезали, и [они] узнали, нам, как раньше было, пятьсот рублей штрафа дали б за няё, ну мы ня зарезали, она выросла большая.

*А как её выпустили вы?*⁵

⁵ Курсивом в расшифровке отмечены реплики интервьюеров.

А к нам приехали, взяли яё, нам деньги, матери деньги заплатили, и яё забрали, вот во Пскове была ВДНХ. На ВДНХ. И наша одна бригадир колхозный поехала на ВДНХ и яё видела там. Она подходит, она стоит головушку опустилши, она: «Манюх, Манюх!». Это она почувствовала, что яё зовут. Ох, как заходила она там, как заходила! А там которые дяджурные-то ходят: «Вы зачем, — говорят, — яё трягожите?» «А я, — говорит, — ня трягожу, я позва́ла её так, как яё зовут. А как яё зовут? А Манюха». Ну вот, и она погладила яё, а она, вот животное, а слязуньки, котяца в ней. Вот она приехала, нам сказала.

А приехали когда за ней на машине, шофёр и грушника два, побоялися к ней подойти, не могли к ней подойти. Они в дом сюда, а машину так сюда задом подогнали, калитку открыли, задом подогнали, трап опустили, и вот Михалыч взял свёклинку: «Ну пойдём, Манюшка, пойдём», — и так она за свёклинкой са́ма так влезла в машину. Они быстренько это закрыли борт, там завесили яё, повязли́.

А Михалыч-то как оттуда вышел с борта?

Ну, он соскочил оттудова, они тут же сразу закрыли борт, всё. А яё взяли в зоокомбинат, она уже ручная, яё выпустить няльзя было, яё бы убили, она б пошла к людям. Вот яё дяржали там, где дяржали таких лосей, которые... ну как бы их доили, вот это, и вот яё поместили туда, она была тут в зоокомбинате. А что с ней случилось, я ня знаю. А бува́ло, мы когда идём с Бяздэдово к ней по дороге. Она же, мать ня знала, что это кто-то свой идёт. Э! Заходит, закрутит, всё, ласково дожидает, что кто-то придёт. Ну от, а если чужой кто идёт и ня обязательно, что к ней заходят, а по дороге, она вот тут на шее как выставит так шерсть поднимет вот эту, глаза кровью нальются, заходит она, не своя, понимала.

Вот поэтому шофера́ и шо́феры и погрузчики они боялися к ней подойти, она заходила, кровью глаза нали́лися, а бывало навредить. Вот это окно у нас, мать не закрывала, оно открыжнёе было, от придёт домой с работы, сядет поесть, а она подойдёт, откроет окно, мордочку свою вставит туда: давай ей. Если мать что-нибудь ей ня даст! Она пойдёт, придёт в коридор, сюда. Всё, что может оборотить, оборо́тит и под дверью ляжет! Вот [у] ней ня закрывалась окно, она чьрез окно влязала. Такая нахалка была, всё!

Манюня.

Ага, Манюня. Манюха, Манюха, Манюня. Любила лазовые листья, рябиновые веточки. Бува́ло, Михалыч прядёт: сходит в лес рябиновых веток наломает, лазовых наломает ей накидает. Она все обглодает, листья съест и даже шкурку эту обглодает.

А мычала как-нибудь, что-то, какой-то звук издавала она?

Не-а, ня слышали мы никакого.

Не была?

Не-а! Не! Зв́ала. Один раз я хотела, мати говорит: «Посмотри, сколько в ней сисёчек — как у коровы четыре или не?». Ну я спярва по головке погладила, по боку тут, пониже, пониже, как только я опустила руку, чтоб мне до сисёчек яю потрогать, она встала так ножки растопырила, так: «няняняня». Села и описалась (смех). А Сашка говорит: «Бяestyжая, бясовестница, при всех описалась». И описалась. Это шшакотно ей, наверное, показалось: «няняняня». И всё. Мать долго переживала, плакала даже, она привыкла к ней.

А как только приходишь — эх, ходит, вясёлая такая, что рада, что пришли к ней.

Сколько она отбы́ла получается?

С июня, да в октябре, в конце октября яё взяли.

То есть несколько месяцев.

Рожек у ней не было. Не было рожек. Вот. Ушки, мордочка такая бы́ла. Любила, когда яё погладишь по мордочке, ой любила, а Сашке, вот сыну, доставалось от ней, он любил дразнить яё, ну яму и доставалось.

Копытом?

Нее, копытом не. Она мордой била, как цирúкнёт, готово дело, полятел. Много фотографий бы́ло сделано, а все раздали и сыбе ня одной не оставили.

А старые фотографии есть какие-нибудь у вас, может быть с мамой? Старые? Военные?

Не-не-не, таких нету.

Тридцатых, сороковых, пятидесятых.

Пятидесятые, по-моему, есть, не знаю. А бог их знáе, где они тяперь [у] меня. Даже я и не знаю. Вот. Вот так.

Оккупация (4:16, Praat 251)

А как оккупация проходила?

А оккупация проходила, вот скоро двенадцатое июля, двенадцатое июля, Пятров день, вот за этот Пятров день (у) нас уже бы́ла деревня под немцами. Наши отступали, а немцы наступали. Двенадцатого июля.

А деревня так и называлась тогда Лаптево?

Так и называлась Ла́птево. Так и было Ла́птево, оно так и осталось Ла́птево. Только вот этот пярёулок, по-нашему называли мы «Новая деревня», раз с хуторow перегнан, а немцы называли «Карельский перешеек». Вот так.

А в каком они доме тогда обосновались, немцы?

А немцы, а они во всех, вот в своём доме три комнаты, мы в своём доме ня жили, а вот через дорогу был дом, нас девять сямей туда были согнано. А здесь в нас в доме семь чаловек немцев шоферов жило. В подвале мы дяржали и картошку, и огурцы, и капусту, что надо, всё в подвале, они не закрывали — приходи, бяри всё. Но! Йихнее, если полóжено в них что-то вот так, а пришли так, ты уже знай, что пуля будет во лбу. Не тронь йихнее!

А что их нельзя было трогать? Что у них было?

Ну у них койки стояли, какие-то свои вешши были, я ж, мы же ня знаем, что они имели.

А кто-то пытался трогать?

Ну, может быть, где-то в деревне кто-то, только что не трогали мы, потому что мы боялися, мы боялися. Они сами, как чистокровные немцы, они трудолюбивые люди. А которые вот были как бы хохлы, поляки были, яшшо там эстонцы в них были. Это я сама подхо... [подхожу] хохол и поляк пришли, помню, как сейчас помню. Суббота былъ, мать убра́ла в доме, полы помыла, ещё немцы в нас тут ня жили, и пошла в баньку воду́ носить. А они к нам пришли, у нас вот это место старинный такой буфет стоял, там стояли горшки с молоком, ну раньше-то вы знаете, как горшочки молошнички такие были, они вытянули, вот здесь всё разбили. А в самой задней той, ты смотрела, половине, там жил Федя такой, он был сапожник, и он, немцы яго возили с собой. Он не жанáтый был, была у няго сямья, я не знаю. Он сапожник, у няго были и кожа, инструменты, клей. Они здесь у нас горшки разбили, а туда пошли йихние эти самые кожи все на ленты вот на такие разрезали, клей по стенкам, по полу размазали. А немцы если б пришли посмотрели, это мы виноваты! А когда они, я вот сюда выскочила на улицу, летом было, сарафанчик такой был у меня одето, у меня волосы были большие такие косы. Один взял за волосы, вот так поднял мяня, а второй вот сюда, этот автомат наставил вот сюда, я до сих пор это холодное дуло чувствую! Кричат: «Батька где?». А я знаю, где батька? Я ж ня знаю, где батька. На войны! Где батька. И вот они своё тут дело сделали и ушли. Я закричала, мать пришла и видит такое. «А что?». А говорю: «Вот, приходили всё». Она меня за руку, и повяла к старшему немцу. Нам это не что, а кожи-то они разрезали йихние, а не наши это были. И вот привялá к старшему, перявóдчика поставили, перявóдчик на мяня и говорит, йих пятнадцать человек вот так выстроили и спрашивают мяня: «Что? Какие?». А я и показала, какие. И их за одну ночь пятнадцать человек куда-то убрали. Заставили убрать здесь всё, даже клей, этот они скребли со стенок и с полу, потому что это нямецкое было, это не наше, заставили убрать, а потом и йих убрали, куда, бог их знает.

А было здесь в Лаптеве место, где расстреливали?

Нет, не было, не было, не было, этого не было, расстреливали на Ровных Нивах, вот к Литвинову туда. Вот такое там расстреливали, а в нас не было. У нас не расстреливали они, и когда вот немецкие самолёты налетали, вернее, наши русские на Опочку, а в немцах вот здесь был под горой два бомбоубежища у нас сделано, и немцы сами бежат, и нас, как только вечер, мы уже одетые, обутые и узелочек чяго-нибудь там хлебушка или что там на руке висит, сами бежат и нас гонят туда в бомбоубежища.

Вот в эти, в дзоты, да?

Бомбоубежища, сейчас они уже разрушенные. А так, чтоб огонька нигде-нигде к ночи никакой вот зацепочки б не было, никакой. Они идут, стучат в окна, знаешь уже, где-то просвет какой-то есть, значит они да, как бы мы давали сигнал какой-то, если свет горит, вот так. Ну а потом немцы ушли, а когда они пришли, дети-то есть дети, и что сейчас, то и раньше были. Мы собираемся зимой особенно, ну поедem под гору кататься на санках там, а мы на санках не катались, а на дровнях, попросим дровни у кого-нибудь и на дровнях. И вот однажды немец пришёл как к нам. Пришёл: «Я, — показывает, — я». Мол, он хочет тоже прокатиться. Ну а мальчишки нам сказали: «Вы, — говорят, — садитесь на дровни сзади, как будем под горой спускаться, вы свалитесь в снег, а мы когда к кустам будем подъезжать, тогда свалимся». Ну вот, поехали, они свалились — и мы, и они, а он на этих дровнях как сидел, так в кусты и врезался! Врезался, а они носили такие длинные шинели, тёмно-зелёные. Выходит с кустов, у него одна полá пополам разорвана, идёт: «Бубубубу», — по-своему бубнит, полой вот так махае. Мы стоим ни живые, ни мёртвые, всё, побоялись мы, ну спугались. А он, ничаво не говоря нам, пошёл. А вот в этом вот напротив доме жил, тут другой дом был, это переделанный, там жили эти самые немцы, он йим рассказал. Что мы вот катаемся и вот, он переделся, такую какую-то куртку одел, и приходит он, и ящо трёх немцев приводит, ну мы собрались кучкой стоим, говорим: «Всё, нам хана». А они показывают: «Мы, мы». Они хочут прокатиться, раз этот рассказал, как он прокатился. А эти-то парни, которые побольше в нас были, они имели две палочки, они садились с самого с краю, спереди, один на одной стороне, другой на другой. И если дровни пошли вот так, в сторону, этот палочкой тормозит, чтоб направляет, чтоб прямо шёл, если на эту сторону — тот. Ну тут они сказали: «хорошо, мы сейчас их прокатим». Вот тут эта дорога, она под горой так и шла туда далеко, раньше кустов не было, чисто было. Выгнали дровни вот на эту дорогу, они сели, ну мы дровни толкнули под горой, они разогнались, а дорожка был что и дрова возили, и сено возили, всё, дорожка накатанная был. Ну вот, и эти дровни поехали с километр, наверное, под горой туда и их прокатили. Когда они остановились, нам эти парни кричат: «Идите помогите дровни тянуть», они: «Найн, найн», — мы, мол, мы потянем, ня надо, мы. А мы кричим, что мы ня пойдём, мы боимся. И вот они эти дровни тянут, мокрые все, впотевши, хохочут: «Гут, гут, гут»,

по-своему. Ну а нам-то, раз йим хорошо, а нам тем более ня страшно, потому что нас ничаго ня будет. Вот такое.

А дровни как выглядели сами?

Ну дровни вот, обыкновенно лошадь запрягали [в] дровни, как вот есть же когда лошадь запрягут...

А, они большие тогда!

Большие, большие, большие. И вот на этих дровнях прокатили, а потом они рассказывали «гут, гут, гут», — по-своему всё, «хорошо». А потом, ну правда в нас, в нашем доме было семь шофяров жили, немцы шофера, и йих изредка посылали на передовую возить снаряды там или что... Но когда они уже собирались на передовую, то мы на глаза, дети, не попадайся йим, они злые, потому что они едут на смерть, на пядовую. Но если приехали оттудова живые, то нам «бом-бом» (конфет). «Бом-бом, бом-бом всем», — нам давали, они живые приехали, «бом-бом». Так. Так они ня зверствовали у нас, потому что у нас партизан нё было, они ня зверствовали. Ну, зверствовали только как, вот на, где вот эта «долгая гора», где школа, там где вот остановка, йихний был камнедробилка.

Это где сейчас школа?

Школа, только вот где остановка НРЗБ школьная, а это повыше вот так на горю туда, на ту сторону дороги, большака, там камнедробилку видно.

По правую сторону или по левую?

Как к городу ехать — по левую. Как к нам сюда, то по правую, а от нас то по левую. Большая камнедробилка, они возили большие камни, бывало день и ночь «бубубу», они с таких камни дробили вот на такие маленькие.

А для чего?

Дороги, они собирались дороги стлать этим, камнем.

А сделали где-то дороги?

Не успели, не успели, вот не успели. И за Пятров день, когда вот начало этой войны был, мы со своего дома ушли от большой лес вот сюда, ну Коновалиха, ты вот знаешь, Коновалиха, ну вот, в окопах были, а когда начался обстрел, мы попали в этих окопах в перекрестный огонь, бы оттудова убежали.

А сколько вы там пробыли на коновалихе?

Месяц, может быть, может, меньше, бог знает сколько мы там прожили.

Это в Петров день в двенадцатое? Двенадцатого числа?

Двенадцатого июля Пятров день и мы оттудова убежали.

А год какой?

А год сорок первый, сорок первый был, вот начало войны.

И жили в землянках, наверное?

В окопах, окопы такие были выкопаны и шалашиком сделаны.

А там же ни воды в Коновалихе...

Есть, там болото есть.

Ну болото только.

Там вот туда к рыбхозу ближе, болото, вот оттудова воду носили.

Болото такое с озером?

Вóзеро, да, вóзеро. Оттудова воду носили, по ночам в окопе горел костёр, чтоб не было видно, ночью-то дым бог знает, там оно расходится, а чтоб огня не было.

А если заболели, чем лечились?

А ничем, ничем. Ну там пробýли может быть недели две мы пробýли там, а когда вот этот обстрел начался мы ряшились оттудова все наши вот, мы то пусть дети были, а взрослые ряшились оттудова уйти, потому что мы попали в перякрёстный огонь, это полная смерть наша. А вот сюда, где вот колхозные дворы были, они вот сейчас были и раньше до войны там были колхозные дворы, вот мы с лесу оттудова с под Коновáлихи вот к этим дворам вышли, бýла рожь посеяна, она горит вся, что снаряды падают, она горит. По-видимому, с совхоза с какого-то гна́ли свиней больших, большие такие, убитые, они на жары́! Мухи там такая смрад стоит от них страшно. Вот мы прибёгли и вот где крайний дом, вот здесь, как к нам вот сворачиваете сразу мимо ётого дома так вот туда тем краем мы побяжали вышли вот туда, я: «Мама, я домой хочу, — дом я вижу, — я домой хочу», — а няльзя, потому что уже немцы наступают. Мы спустились под го́ру, я пить хочу, а там под горой тоже болото, она платок сняла, так разостлала, рукам взяла мне, напоила. И мы побяжали лесом от w Сапулькí, это кило́метров семь, наверное, отсюдова, Сапулькí. Може ты слышала дяревню такую Сапулькí?

Угу.

Сейчас ей как таковой нет, а там большая дяревня бýль. Ну прибязали туда, в эти Сапулькí, а там Пятров день справляют, праздник, ярмарка, по дяревне народ ходит, ярмарка. Ну пришли в крайний дом, а [у] нас тётя Женья такая с дядей Васей жили. Вот Женька на краю, там он умер, Михайлов. Ну и нас сажают за стол, садитесь, поешьте кисялька, пирожки. Кого поешь пирожков, кисялька, когда мы колóтимся? Мы говорим: «война!

У нас дярэвня горит у нас», — у нас уже дома некоторые горели. Ну вот, «какая война?» — они не веруют. А когда немецкий самолёт пролятел над дярэвней, с пулемёта как пустил по людям, вот тогда они только поняли, что в деревне действительно война. В нас дярэвня горит, а там ярмарку справляют.

То есть в первые дни войны прямо случилось?

Да, первые дни. И второй фронт в нас проходил тоже самое за Пятров день. Тоже за Пятров день. Вот так. Помню наша разведка на Кутке им перярвála дорогу. Мост взорвála, дамбу взорвála, там мельница стояль раньше. И вода эта хлынула, им некуда деться, и они вот так сюда ринулись немцы все.

Это вы про горелую мельницу говорите, про место?

Нет.

В Кутке была мельница?

В Кутке была, на брягу там реки мельница, она всё время там б́ыла. И вот наша разведка взорвála дамбу и водú спустила, там залив большой был.

Дорогу зали́ла?

Дорогу ня зали́ла, а через ре́ку, ре́ку там, там же мост и ряка вот эта Кутка и через реку она пошла, там тогда она луги залила всё, хлынула вода большая.

А где же этот мост был?

А мост он и сейчас тут, в Кутке.

В Кутке мост?

Через ре́ку. Етот же мост, на етом же месте он и раньше был.

Где дорога такая идёт?

Да, ну вот большак-то вот как едете в Опочку и Кутку проезжаете ре́ку, мост, вот этот самый мост взорвали, вот. Они вот ринулись в эту сторону, какой б́осый, какой в кальсонах, какой как, как их застала наша армия, они убяжали, а когда убяжали, нас, когда немцы решили отступить, а наши наступали уже.

Это когда?

За первый фронт в сорок первом наши отступали, а немцы наступали, а наши отступали, эта у нас дорога шшитається военная, военная дорога. А через три года немцы отступали, а наши наступали опять же с той стóроны по этому же самому пути вот которая как б́ыль дорога вот это, она шшитається военная.

А вы где все были?

А мы опять же были все убежавши в эти ж самые Сапулькí, там хутор был, а на хуторе на этом стояли сараи, без крыш, безо всего, просто стенки были и мы там находíлись.

А как же вы убежали, если за вами всё время они смотрели?

Ну убягали.

Ночью, наверное?

Не, справлялися, да выезжали. Ёйх, они тогда внимания не обрашшали, когда они, на них наступали, они уже тогда внимания на нас особо не обрашшали, а мы до этого, когда уже началось отступление, немцев, мы w Сапулькí опять же в эти убягали и там вот находились всё время, пока они не пошли, вот стали отступать вот через Сапулькí. Через эту реку не попали на Кутку, что мост взорвали, а они ринулись сюда и нас забрали, лошадей заставили запрячь и через реку, мою бабушку, моей матери мать взяли. «Матка, век, матка, век, — показывают на ряку́, — иди!», а там брод был в ре́ке и она пошла и шла всё, вода большая, так, так, так она уже голову́ подня́ла, до сих пор в [y] ней, уже вода, а немец всё кричит: «век, век, иди», — им надо узнать какая глубина в ряке. Ну вот, когда она стала выходить, вода ей меньше стало, они яё опять вернули, а йим только это и надо было. Они через реку перяшли, а там же железная дорога сразу шла, вот эта вот которая в Опочке-то, где стрóют всякую. Это железная дорога в нас большая б́ыла здесь.

А где она проходила?

Она вот проходила, как вот, где вот это стрóют там, что дачи или бани, Бох йих знае, что там рубят, где ЖБК-то вот это вот тут.

Это в городе?

В городе.

А у нас где?

А у нас не́ было. Вот она и б́ылъ, она через Сапулькí шла и туда дальше на Псков эта железная дорога, и немцы яё взорвали.

Вот, когда они стали отступать через ре́ку, они нас бросили, мы им уже не нужны были, потому что они уже знают, какая глубина рякí и что, они отступали, а когда отступили все, тогда железную дорогу взорвали. Вот.

Петров день в деревне Лаптево
(25:44, Praat 1552)

Вот этот Петров день, у Вас же и мама его справляла, в те времена, когда в ярмарки ходили? Где по улице ходили в Петров день?

Там по большаку ходили. По той дяревни бѣль ярмарка.

По Лаптеву ходили. А откуда начинался вот этот проход?

А проход где... Хотя бы отсюдова вышел на дорогу да пошел, прошел нямножко — повярнулся, ярмарка это как: ну ходит молодёжь туда-сюда, туда-сюда, вот это ярмарка шшитається.

С гармонью?

Где-то гармошка играе, где-то пляшут, где, где песни поют, где как. Вот этот вот Пятров день.

Ну и к столу приглашали да в гости звали?

Ну конечно приглашали, так вот примерно, мы жили, к нам гости свои приходили, а там ярманка бѣль, там не приглашали, там уже гости были. И с других деревень приходили, молодёжь.

Тоже гулять?

Да, да, молодёжь гуляла.

Ну они нарядные приходили?

Конечно, конечно!

А как кто был украшен?

А никак! Как после войны могли вукраситься? Одел платьице, да пошёл.

А до войны?

А до войны я не знаю, до войны как они ходили. Ну в старину-то известно, как одевались, ня так как сейчас. Одевали платьице какое свежее, да ходили.

А на столе что должно было быть в доме?

А что и сѣйчас ставят, то и раньше было?

Ну вот пироги пекли?

Пироги пѣкли, холодец варили.

А с чем пирог должен быть?

Ну с чем, с яблоком могли печь пирог, с каким вареньем яшшо, буваёт с творогом, чем пирог можно начинить?

А с грибами не делали, нет?

Может, и делали, бог йих знает, ня знаю.

И кисель варили?

Кисель обязательно!

А какой кисель?

А кисель всегда был клюква, из клюквы. Клюква. Всегда был клюква.

А что туда добавляли?

Крахмал.

А сами не делали крахмал?

Делали. С картошки.

А как делали?

А брали картошку на тёрку, тёрли, а потом он оседал крахмал — выжимали, промывали яго, он чистенький делался, потом высушат и крахмал, такой же самый как вот и продают крахмал. Всё время свой делали, это теперь покупают, а раньше всё сами делали крахмал.

Ну и сахар добавляли, да, в кисель?

Ну конечно, конечно, сахар добавляли. Свякольный яшшо делали этот кисель. Свёклу варили, такая быль сахарная свёкла, она сладкая, яё тоже также тёрли на тёрку и потом выжимали этот сок и тоже сама, там сладость своя уже, крахмал добавляли тоже кисель получался.

А варёную или сырую тёрли?

Сырую, сырую свёклу тёрли.

А туда уже сахара не добавляли, да, в такой кисель?

Ну захочет послачше сделать — добавит сахару, а не захочет кто как, кто как. Вот.

Иван Васильевич Егоров, 1949 г. р.

Из биографии
(Praat 1176)

Никуда отсюда, армия только закинула меня.

А Вы в каком году родились?

В сорок девятом.

В сорок девятом? А родители Ваши откуда?

А тут тоже они жили, здесь же.

И в войну здесь были, да?

Да.

А про войну рассказывали что-нибудь?

Ну про войну я ничего такого ня могу сказать, отец был танкистом.

Отец воевал?

Да. Он финскую прошел всю и потом отечественную, под Курском его как ранили, вообще, инвалид был, отец был танкистом, осколки, колени, ноги ня гнулись и яго комиссовали. А потом он в колхозе работал, трактористом, кем только не, комбайнёром, на все руки был мастер, и всё, а потом погиб, умер. Как? Машиной задавило.

В деревне?

Да, там, он вошёл от меня в другую деревню, и там яго задавило.

А Вам сколько лет было, когда это случилось?

Ну мне уже лет тридцать, наверное, сорок было. А яго в шейсят вось... в восемьдесят шестом, по-моему, яго задавило.

Нам рассказали, что тут где-то есть стадо баранов.

А это были в саседки, а тяперь она вывела, хозяин умер тоже, Аркадий Павлыч, и она вывела, а ей не в силах, как бы она такая.

А у Вас хозяйство большое было? У Вас родители же здесь выросли?

Да, мы дяржали три коровы, штук двадцать овец, три поросёнка, хозяйство было большое, а потом уже не в силах стало так, бросили-бросили, сын сказал, говорит: «брось и не мучайся».

А сын у Вас что делает?

Ну сын, сын в Коми ССР, был здеся участковым, ну он учился, ну он вучился во Пскове, в школе милиции, участковым был, потом в уголовный розыск перяшёл, с уголовного розыска он..., жана въехала туда на север к матери, и вон перягодом туда в Коми ССР, был начальник уголовного розыска, потом с уголовного розыска он, его поставили замначальника милиции, в тридцать три года пошел на пенсию.

На военную, да?

Неа, там год за два, год за полтора яму шёл. Ну вот, отправили яго на пенсию. Он сюда приехал. Звóнят оттуда, говорят: «тябя начальником милиции ставят там за двести километров городишко». Говорит: «со своего города я никуда не уеду», — ну он на Вуктыле. Потом через два дня звóнют: «тябя в своём городе ставят», «не, — говорит, — рябята, вы отправили на пенсию, я тяперь свободный человек», — а он уже в Севергазпром удочки закинул, вот с отпуска поехал учиться сразу... сейчас вон, начальник охраны.

А где?

В Вуктыле.

А это далеко?

Коми ССР. Север. Две с половиной тыщи отсюда, ну вот.

И как часто вы видитесь?

Ну в год раз ездим мы туда, они приехавши, два внука, нявестка приехала оттуда.

Когда?

А вот они сегодня во Псков поехали.

А, тут сейчас они?

Они здесь.

На лето, да?

Да в августе он приедет сам.

А внуки большие?

Ну один в одиннадцатый, а етот во второй пошел.

Мальчики, девочки?

Два мálьца тама, внучка у мя тута.

А то есть три внука у Вас?

Да.

А внучка, это у Вас ещё сын или?

Моей дочки. Она живёт с нами. Работайе в городе, в мегафоне, не в э-тээсе.

И ездит на автобусе?

Я вожу каждый день. В школу вожу ж. Я вожу, покамест сила есть, так трудимся помаленьк, шевéлимся.

А в детстве у Вас были братья-сёстры, семья большая здесь была?

Нет бýль сястра, сястра умёрль в тридцать четыре года.

Рано.

Угу, а больше нету никого, так, двоюродные есть сёстры, одна сястра двоюродная.

А жили вы с бабушкой-дедушкой?

Да, одну бабушку я только помню чуть-чуть, был там.

Она здесь местная, да?

Ну раньше они там на хуторе жили, под Ямельянцевым там, а потом уже колхозы как стали, это самое, сгонять-то, вот они сюда переехали, здесь были.

А колхоз где был?

А колхоз вот он был, в Барабанах. Центр был.

Жизнь тяжёлая была?

Да, раньше за палочки работали, как в двенадцать лет в двадцать два гектара картошки разъезжали рябята в чатырёх.

Это на тракторах?

На лошадях.

Картошку потом полоть надо?

Нет, полоть — не пололи, только разъезжали.

А разъезжать, это что значит?

Ну вот они посадили и окучником на две стороны окучиваешь её, картошку, воппшем, жисть вясёлая бьль. Всяго поглядели, всяго повядали, а потом в армию забрали и в Гярманию, два года в Гярмании, полтора года в Гярмании и полгода на целину в Оренбуржскую область.

А где Вы в Германии были?

Город Цайц. Ну от Геры... двадцать восемь километров от Геры.

А что там делали?

Ну... группа советских войск бьль в Германии, в Польше, ну там по-другому уже называлось.

А что Вы там делали?

Шофером... шофером был, артиллерия, гаубицы возил, три тонны гаубица, семь тонн в кузове снарядов и на полигон. На месяц, на два въезжаешь на учения, ну и потом уже в казарму. Ну вот, такие пироги, потом приехал. С армии опять сюда в колхоз пришел, на машину, и поехало: Лен-град, Латвия, Эстония, Украина, Белоруссия, ну вот ездили зярно закупали, раньше ж не хватало всявó. Вот возили. Сено возили.

А это же надо было в колхозе работать и ещё у себя в хозяйстве успевать?

Да, а как же? Воппшем спать горáзд не приходилось. Всяго хватало.

А с женой Вы где познакомились?

А здесь, в Опочке.

Она тоже отсюда?

Не, она с Пустошки сама, с-за Пустошкой ещё. А потом они оттуда переехали сюда в совхоз, «Фронтвик» был. Там и познакомились. Потом поженились. Всю жизнь тут. Так и мучаемся (смех)...

А дом этот у Вас новый уже построенный?

Нет, дом был эта, дом как раньше был, раньше вот по сюда был вот так коридор во весь, был вот такой коридорчик, а потом крыша стала протякать, а я на супругу, я говорю, давай-ка перекроем крышу. «Ну давай», — деньги подобрали, тут дочка помогла, в Ленграде работала, потом сюда переехала, сын помог, спонсором был. Вот, разобрали всё, остался вот по эту, одни углы, четыре угла.

Стены разобрали?

Вот это всё, крышу, всё. Осталось четыре угла вот так коробочка. Ну люди ходили тут «ай-ай-ай, что они сделали, теперь ничего не сделать, как жить будут», — ну вот, пять лет. Как видите.

Красота. А второй этаж был или тоже построили потом?

Ну построили, всё сами, сын помогал хорошо.

А основной дом, это старая изба?

Это старое всё.

Родительское ещё?

Да. Довоенный дом.

Нам рассказывали, что наши, когда отступали, жгли дома.

Нет, это Павлыч был сгорелши. Вот первый дом где стоит, вон там был сожгён, а наш целы были ещё дома, про это ничё не говорили. У нас всё. Так теперь живём.

Источники

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989; Вып. III. Ч. 1. Лексика. М., 1997; Ч. 2. Синтаксис и лексика. М., 2004.

Ронько и др. 2019 — Р. В. Ронько, Е. А. Вольф, М. Ю. Гребёнкина, М. Ю. Ершова, А. В. Охапкина, А. С. Хадасевич, В. А. Морозова.

Корпус опочечских говоров 2019. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ; Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН. [Электронный ресурс:] <https://linghub.ru/opochka/>

Л и т е р а т у р а

Вайерманн и др. 2002 — Р. Вайерманн, Я.-П. Лохер, Н. Морозова, О. Ровнова, М. Родунер, Т. Привитэлли, В. Чекмонас. Диалектологическая экспедиция по изучению старообрядческих говоров Псковщины // *Slavistica Vilnensis* 2002 (Kalbotyra 51 (2)). Вильнюс, 2002. С. 206–209.

Дьяченко и др. 2018 — С. В. Дьяченко, Е. Г. Жидкова, А. В. Малышева, Р. В. Ронько, А. В. Тер-Аванесова. Экспедиция в Опочецкий район Псковской области // *Русский язык в научном освещении*. 2018. № 36 (2). С. 257–312.

Касаткин и др. 2012 — С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова, К. Ф. Захарова, Л. Л. Касаткин, И. Б. Кузьмина, О. Н. Мораховская, Е. В. Немченко, В. Г. Орлова, О. Г. Ровнова, А. В. Тер-Аванесова / Под ред. Л. Л. Касаткина. *Русская диалектология: Учебник для студентов филологических факультетов высших учебных заведений*. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.

Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. *Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте*. М.: Наука, 1993.

Малышева 2018 — А. В. Малышева. Маркирование семантических ролей при глаголах речи в южнорусском говоре // *Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов*. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 108–129.

Малышева, Тер-Аванесова 2016 — А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова. Предлог *у* < **ѹ*, **ѹъ* в южнорусском говоре: фонетика, управление, семантика // *Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный симпозиум: Труды и материалы* (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.): К юбилею декана филологического факультета МГУ профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой / Сост. О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 224–227.

Получено 03.12.2019

Roman V. Ronko

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
romanronko@gmail.com

EXPEDITION TO OPOCHKA DISTRICT OF THE PSKOV REGION IN 2019: TEXTS AND A BRIEF COMMENTARY

This paper continues the work conducted by a group of researchers who describe dialects of Opochka district of the Pskov region. It contains transcription of two interviews with dia-

lect speakers from this district, recorded during a dialectological expedition in 2019. Recordings are transcribed in standard orthography with elements of phonetic transcription. Some of the dialectal features are described in a grammatical commentary.

Keywords: Pskov dialects, Opočka dialects, dialectological expeditions, dialectal texts.

References

Bromley, S. V., Bulatova, L. N., Getsova, O. G., Zakharova, K. F., Kasatkin, L. L., Kuzmina, I. B., Morakhovskaya, O. N., Nemchenko, E. V., Orlova, V. G., Rovnova, O. G., & Ter-Avanesova, A. V. (2012). *Russkaia dialektologiya*. Moscow: AST-PRESS.

Dyachenko, S. V., Zhidkova, E. G., Malysheva, A. V., Ronko, R. V., & Ter-Avanesova, A. V. (2018). Ekspeditsiia v Opochetskii raion Pskovskoi oblasti. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 257–312.

Kuzmina, I. B. (1993). *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow: Nauka.

Malysheva, A. V. (2018). Markirovanie semanticheskikh rolei pri glagolakh rechi v iuzhnorusskom govore. In L. E. Kalnyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii 19–20. Slavianskie dialekty v sovremennoi yazykovoii situatsii. Dialektnyi slovar' kak sposob issledovaniia slavianskikh dialektov* (pp. 108–129). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Malysheva, A. V., & Ter-Avanesova, A. V. (2016). Predlog *u* < **u*, **vъ* v iuzhno-russkom govore: fonetika, upravlenie, semantika. In O. V. Dedova, E. V. Petrukhina, & L. M. Zakharov (Ed.), *Slavianskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire* (pp. 224–227). Moscow: MAX Press.

Vaiermann, R., Lokher, Ya.-P., Morozova, N., Rovnova, O., Roduner, M., Privitelli, T., & Chekmonas, V. (2002). Dialektologicheskaiia ekspeditsiia po izucheniiu staroobriadcheskikh govorov Pskovshchiny. *Slavistica Vilnensis*, 51(2), 206–209.

Received on December 03, 2019

XVII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья»

17–20 сентября 2019 г. в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого состоялась XVII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья», в которой приняли участие более 70 исследователей из России и зарубежных стран (Беларусь, Китай, Польша, Сербия, Словения, Турция).

В докладах, прозвучавших на пленарном заседании, затрагивались общеономастическая проблематика, вопросы теории имени собственного, различные аспекты исторической и региональной ономастики. **В. И. Супрун** (Волгоград) для подтверждения тезиса о том, что в языковом сознании выделение разных разрядов онимов имеет второстепенное значение по отношению к потребности номинировать объекты в соответствии с экстралингвистическими принципами, продемонстрировал результаты ассоциативного эксперимента, в процессе которого информанты писали по три собственных имени для каждого из 12 слов-стимулов. Эксперимент показал, что в языковом сознании современных носителей русского языка параллельно функционируют разноразрядные онимы, при помощи которых характеризуется та или иная реалья; что среди слов-реакций преобладающее место занимают антропонимы, а набор других реакций определяется семантикой слова-стимула (например, для стимула *война* значимы хрононимы, для стимула *кино* — названия фильмов). **А. М. Мезенко** (Витебск, Беларусь) рассмотрела эмотивную составляющую названий линейных объектов, находящихся на территории белорусских садоводческих товариществ, и выделила названия, связанные с положительными и с отрицательными эмоциями. **Р. Левушкина** (Белград, Сербия) осветила основные подходы к изучению сербской православной ономастики (в данном случае термин объединяет названия культовых зданий, икон, епархий, имена святых, эпитеты сакральных персонажей и т. д.), охарактеризовала перспективные приемы и методы дальнейших исследований. **И. В. Крюкова** (Волгоград) на материале метаязыковых комментариев рассмотрела разные типы коннотаций, свойственных эргонимам (названиям объединений людей: организаций, предприятий, сообществ и т. д.): доонимические (характерные для новых или ранее неизвестных говорящему эргонимов), онимические (связываемые с узнаваемыми объектами, вызывающими эмоционально-оценочные реакции) и постонимические (сопровождающие переход онима в разряд прецедентных). **М. В. Голомидова** (Екатеринбург) обратилась к актуальной проблеме именования и переименования городских топографических объектов, привела ряд примеров ошибочной и недостаточно обоснованной номинации, следствием которой зачастую являются социальные и юридические конфликты, подняла вопрос о разработке методики и технологий проведения нейминговой экспертизы. **И. И. Муллонен** (Петрозаводск) в контексте социальной истории и миграций проанализировала географическое и хронологическое распространение на территории Карелии ойконимов *Большой Двор* (название восходит к новгородскому термину землевладения и связано с периодом новгородского боярского владычества), а также их соотношение с синонимичными ойконимами *Вели-*

кий Двор. **В. Л. Васильев** и **Н. Н. Вихрова** (Великий Новгород) осветили теоретические и источниковедческие проблемы, связанные с определением топонимических микросистем, и рассмотрели исторические аспекты формирования микросистем с топонимами *Перетно, Валдай* и т. д. в новгородско-псковских землях. **Л. А. Климова** (Арзамас) на материале рассуждений нижегородских диалектоносителей проанализировала семантическое проецирование в структуре микротопонимов, задействуя критерии мотивированности, производности/непроизводности онима и деривации.

Кроме пленарного заседания, состоялись секционные: «Историко-этимологические аспекты региональной топонимии», «Источники и методы изучения топонимии и микротопонимии», «Городское ономастическое пространство», «Проблемы антропонимики», «Теория и методы ономастических исследований», «Аспекты ономастической периферии» и «Литературная и фольклорная ономастика».

Ряд докладов на секциях был посвящен общим вопросам ономастики, ее теоретико-методическим аспектам. **Н. С. Бубнова** (Смоленск) рассмотрела так называемые ономастические маркеры — имена собственные, важные для культурного пространства. Анкетирование студентов московских и петербургских вузов с целью выявить реакции на имена значимых персонажей смоленского культурного текста позволило дифференцировать имена, входящие в национальное (Ю. А. Гагарин, М. И. Глинка, А. Т. Твардовский) и в региональное фоновое знание (М. В. Исаковский, Ф. С. Конь, М. К. Тенишева, Н. И. Рыленков). Тема была продолжена докладом **И. Ю. Русановой** (Ижевск), на материале эргонимов обратившейся к проблематике национально-культурного компонента, который имеет интернациональную, общенациональную, региональную и этнические разновидности. Этот компонент может присутствовать как имплицитно, так и эксплицитно, в последнем случае он выражается при помощи реалий (бытовых, этнографических, ономастических и т. д., например бар «СССР»), специфических концептов (ООО «Авось»), фразеологизмов (кафе «На посошок») и специфических лексем-маркеров (например, *русский* в названии магазина «Русские ситцы»). **О. В. Врублевская** (Волгоград) проанализировала трансформацию коннотативных значений антропонимов на примере имен советских политических лидеров (по данным Национального корпуса русского языка). Например, оним *Ленин* к концу 1990-х гг. приобрел апеллятивное значение ‘памятник’; имя *Хрущёв* в 1990-е ассоциировалось в большей степени с кукурузой, а в 2000-е — с массовым строительством, при этом в начале XXI в. оно приобретает больше отрицательных коннотаций; наоборот, число положительных оценок имени *Сталин* в 2000-е растет, и т. д. **О. И. Копач** (Минск, Беларусь) обратился к проблеме категоризации в топонимии, предложив соотносить грамматические показатели топонимов с их функциональной принадлежностью, продуктивностью и связью с «живым» функционированием топонимической системы.

В двух докладах затрагивалась проблематика ономастической терминологии. **Н. А. Максимчук** (Смоленск) указала на проблемы терминологической номинации в современной ономастике (отсутствие целостной концепции терминологирования, терминологическая синонимия, введение избыточных терминов и т. д.), проанализировала механизмы терминологической номинации и рассмотрела возможности организации терминологии с учетом характера взаимоотношений между термином и именем собственным. **С. В. Лесников** (Санкт-Петербург) представил проект, заключающийся в классификации и систематизации ономастической терминологии, извлеченной из почти 40 оцифрованных изданий по ономастике, которые содержат указатели, терминологические перечни и словари.

Н. В. Васильева (Москва) выступила с мемориальным докладом, посвященным биографии выдающегося ономатолога А. В. Суперанской (1929–2013).

В следующем блоке докладов обсуждались историко-этимологические аспекты индоевропейской, финно-угорской и тюркской топонимии. **А. А. Афанасьева** (Петрозаводск) обратилась к карельским топонимным моделям в Сямозерье в контексте ареальной дистрибуции, выявив влияние на локальную топонимию вепсского и русского языков, а также миграционных процессов, и уточнив историческую семантику лексем, выступающих в роли топооснов. **В. Л. Васильев** и **Н. Н. Вихрова** (Великий Новгород) охарактеризовали дославянскую (прибалтийско-финскую, балтийскую и древнеиндоевропейскую) топонимию междуречья Волги, Западной Двины и Днепра. **С. Торкар** (Любляна, Словения) предложил этимологию топонима *Колезия* (в современной форме *Kolêzija*, название квартала в Любляне, от собирательного существительного *kolêsje* < **kolesъje*) и по аналогии — хоронима Резия (*Rêzija*, от формы **Rêsje*). **И. Ю. Анкудинов** (Великий Новгород) отметил необходимость локализовать топонимы, фиксируемые в новгородских поземельных актах XII–XV вв., не только как точечные, но и как площадные объекты. **И. Л. Копылов** (Минск, Беларусь) осветил основные результаты исследования топонимии старобелорусских памятников XIV–XVIII вв. и обозначил дальнейшие перспективы: исследование региональной топонимии; введение в научный оборот материала, содержащегося в исторических энциклопедических изданиях и на картах, а также создание полного реестра старобелорусских топонимов. **Е. В. Захарова** (Петрозаводск) охарактеризовала топонимный материал, отраженный в «Словаре карельской народной географической терминологии» (сост. Д. В. Кузьмин, отв. ред. И. И. Муллонен, подготовлен к изданию в ИЯЛИ КарНЦ РАН), привела примеры малопродуктивных и непродуктивных для топонимии терминов. **А. А. Макарова** (Екатеринбург) рассмотрела ландшафтные термины в субстратной топонимии Белозерья, предложив этимологизировать ряд «проблемных» топонимов через лексемы, семантика которых изначально не связана с ландшафтом и подверглась метафорическому преобразованию: по форме (‘угол’ → ‘залив’, ‘пролив’), по консистенции (‘иной’, ‘снег’ → ‘заболоченное место’). **А. С. Егорова** (Чебоксары) описала словообразовательные модели чувашских гидронимов и охарактеризовала их продуктивность.

Источниковедческая проблематика топонимии, региональная топонимия, вопросы орфографии и лексикографического описания топонимов и микротопонимов обсуждались еще в одной группе докладов. **Л. П. Михайлова** и **А. В. Приображенский** (Петрозаводск) на материале Карельского Поморья сопоставили названия пастбищ, пахотных, сенокосных и рыболовных угодий, фиксируемых в колхозных документах 1930–1950-х гг., с данными карт и памятников деловой письменности и пришли к выводу об освоении территории русским населением уже к XVI–XVII вв. **Р. В. Гайдамышко** (Санкт-Петербург) отметил перспективность использования опубликованных путевых заметок, публицистики и полевых материалов конца XIX — начала XX в. для изучения коми-язьвинской ономастики. **Д. Н. Гальцова** (Воронеж) по экспедиционным данным рассмотрела гидронимы сел Старый Курлак и Новый Курлак Аннинского района Воронежской области (мотивированные антропонимами, фитонимами, названиями животных, цветовыми обозначениями, признаками формы, географическими терминами, названиями частей тела, лексикой с предметным значением). **Е. В. Цветкова** (Кострома) представила систему костромских микротопонимов, именующих пастбища. **Г. Д. Неганова**

(Кострома) обратилась к хоронимам Костромской земли XV–XVIII вв., разделив их по критерию (не)включения географического термина, идентифицирующего объект. В первую группу вошли онимы, содержащие компоненты *стан* или *волость* (зачастую мотивированные названиями рек и населенных пунктов), во вторую — односоставные или двусоставные онимы, субстантивированные прилагательные и др.; была также отмечена вариантность, сочетающая номинации из обеих групп (*Ви́га* и *Виговская волость*). **В. А. Шклярник** (Минск, Беларусь) рассмотрел белорусские названия типа *Екатерининский тракт* (*Кацярынінскі шлях*), объясняемые в топонимических преданиях путешествиями Екатерины II, и предположил, что эти онимы фактически отражают организацию во второй половине XVIII в. благоустроенной дорожной сети, которая связывалась с именем императрицы. **И. А. Дамбуев** (Улан-Удэ) отметил вариативность и несистематичность в употреблении прописной и строчной букв в многокомпонентных топонимах, обратил внимание на противоречия между существующими правилами орфографии и сложившейся практикой и предложил в качестве решения проблемы ввести категорию квазитопонимов — производственных названий в составе географических объектов. **С. А. Попов** (Воронеж) представил обзор профессиональных и любительских топонимических словарей Воронежской области, изданных в 1966–2018 гг.

Следующий блок составили доклады, посвященные ономастическому пространству города. **Т. В. Шмелева** (Великий Новгород) на новгородском материале представила интегральную модель описания для ономастического портрета города, состоящую из трех компонентов: 1) пофрагментного описания городских онимов (собственно имени города, названий природных объектов и урбанонимов); 2) лингвистической характеристики городских онимов с учетом их апеллативности/онимичности, архаичности/новизны, исконности/заимствованности и узуальности/окказиональности; 3) культурно-коммуникативных аспектов. **Р. В. Разумов** (Ярославль) обратился к названиям-ориентирам — онимам, означающим объекты, при помощи которых индивид указывает свое положение в городском пространстве. На материале устных текстов жителей Ярославля и местных публичных надписей (маршрутных табличек, объявлений и т. д.) были выделены макроориентиры (названия объектов «общегородского» значения — районов, крупных улиц, предприятий и т. д.), мезоориентиры (названия объектов меньшего масштаба) и микроориентиры (названия небольших объектов, имеющих узколокальную значимость); представлена типология ориентиров с точки зрения происхождения объектов (природные/антропогенные) и их положения в пространстве (точечные, линейные, хоронимические). Предметом доклада **Ю. В. Железновой** (Ижевск) стала репрезентация в эргонимиконе Удмуртии социальных ценностей: «семья» (по мнению докладчика, к таким эргонимам относятся названия с компонентами *семья*, *семейный* и *дом*), «здоровье» (названия аптек и клиник с компонентами *здоровье* и *врач/доктор*) и «богатство» (названия торговых и финансовых учреждений, указывающие на благосостояние, на быстрое решение денежных проблем и на дешевизну товаров). **М. Л. Дорофеев** (Витебск, Беларусь) сопоставила репрезентацию национально-культурной и исторической памяти в белорусской и французской урбанонимии (по данным городов Витебска и Реймса) и выявила различие в предпочтении увековечиваемых лиц. Например, среди витебских онимов преобладают названия, образованные от фамилий участников Великой Отечественной войны, среди реймских — Первой мировой; в белорусском урбанонимиконе велика доля названий в честь исторических деятелей XX в., а французский более

разнообразен в хронологическом аспекте и т. д. **В. С. Картавенко** (Смоленск) рассмотрела смоленский урбанонимический ландшафт с точки зрения степени официальности названий. Особое внимание было уделено полуофициальным онимам, к которым докладчица предложила относить названия районов, не зафиксированные в документах и на картах, но общеизвестные в городском масштабе (например, историческое название местности *Смядынь*, современное название района *Покровка* и т. д.). **Т. В. Горлова** (Кострома) проанализировала годонимы (названия улиц) города Нерехты Костромской области и выделила наиболее продуктивные словообразовательные типы. Схожее исследование представила **Е. А. Казнина** (Ярославль) на материале города Углича, выделив мемориальные, дескриптивные и условно-символические номинации. **В. В. Заонегина** (Торжок) рассмотрела отражение христианской топики в исторической торжокской годонимии, предложив следующую типологию названий: по именам святых (*Дмитровская улица* < церковь во имя св. Димитрия Солунского); по названиям праздников (*Богоявленская улица* < Богоявленская церковь); по названиям икон (*Грузинская улица* — по направлению на село Грузины, названное в честь чтимой Грузинской иконы Божией Матери); по занятиям жителей (*Поповый переулок*); по некогда существовавшим объектам (*Часовенный переулок*). **А. П. Рассадин** и **В. Н. Ильин** (Ульяновск) посвятили свой доклад «необоснованным урбанонимам» Ульяновска — немотивированным исторически либо не соответствующим виду именуемых объектов (от пропагандистских названий советской эпохи и советских же названий типа *Виноградная* улица до современной *Владимирской*, мотивация которой неясна); противоречащим сложившейся традиции именования (улица + суф. в род. п. вместо традиционных названий в виде прилагательных на *-ская, -ский* и т. д.); структурно избыточным (*улица имени Крупской, улица Набережная реки Свияги*); номерным урбанонимам; мемориальным номинациям, состоящим из частотных фамилий (без имен), что затрудняет опознавание увековечиваемой персоны, и др. **С. О. Горяев** (Екатеринбург) и **Бай Шаньшань** (Тунляо, Китай) сопоставили названия российских и китайских детских садов на примере Екатеринбурга и Пекина: были выявлены общие топосы, отраженные в русских и китайских онимах (ангел, солнце, радуга, улыбка, родник и др.), отмечены номинации, обусловленные культурной спецификой. **Л. Ю. Кодынева** (Великий Новгород) на материале Новгородской области обратилась к проблематике, связанной с созданием лингвистического словаря урбанонимов на основе типологической мотивационно-семантической классификации внутригородских топонимов. **Е. О. Орлова** (Великий Новгород) поделилась опытом культурологического изучения ономастики со студентами — будущими педагогами, — заключающегося в анализе аксиологического аспекта городских онимов, в их понимании как элементов городского текста и т. д.

В докладах, затрагивавших антропонимическую проблематику, рассматривалось историческое и современное функционирование личных имен, фамилий и прозвищ в русском и других языках, а также взаимовлияние разноязычных антропонимических систем. **Л. Н. Верховых** (Борисоглебск) на материале ревизских сказок по Новохопёрскому уезду Воронежской губернии начала XIX в. выявила особенности региональной фамильной системы: образование фамилий от названий, указывающих на род деятельности; влияние украинского антропонимикона, а также вариативность структуры патронимов, указывающая на незавершенность формирования русской фамильной системы в рассматриваемый период (функционирование патронимов с фамильными формантами, двойных патронимов — по отцу

и деду и т. д.). **Е. П. Черногрудова** (Борисоглебск), опираясь на исследования Ф. Б. Успенского и А. Ф. Литвиной, охарактеризовала механизмы имянаречения древнерусских князей. **И. М. Ганжина** и **М. Ю. Черненко** (Тверь) проанализировали традиции именования в дворянском роде Бакуниных (XVIII–XIX вв.): принципы имянаречения (в честь кого-либо из предков) и базовый набор наиболее частотных имен; использование полных, качественных и европеизированных форм имен; сочетание имени (имени-отчества) с термином родства и т. д. **Т. И. Кошелева** (Великий Новгород) выявила прецедентные имена библейского происхождения в богослужебных текстах Великого поста (*Адам, Иуда, Пилат, Петр* и т. д.), использование которых, с одной стороны, обусловлено воспоминаемыми в соответствии с календарным циклом евангельскими событиями, с другой — символическим значением персонажей в православном дискурсе. **А. В. Цепкова** (Новосибирск) рассмотрела метафорические прозвища, бытующие в школах и вузах Новосибирска и Новосибирской области, выделила наиболее частотные модели прозвищной номинации: «человек — предмет» (*Булочка* и т. д.), «человек — животный мир» (*Жираф* и т. д.), «человек — человек» (*Пушкин* и т. д.) и «человек — вымышленный антропоморфный персонаж» (*Чебурашка* и т. д.) — и охарактеризовала внешние признаки, мотивирующие прозвища. Предметом доклада **А. Е. Деникиной** (Самара) стала адаптация в русском узусе личных имен иностранных студентов. Были выделены основные модели образования русифицированных вариантов имен: конечное усечение основы (*Кришина* < *Кришинакумар*), начальное усечение основы (*Кумар* < *Кришинакумар*), суффиксация без усечения основы (*Медерчик* < *Медер*), суффиксация с усечением основы (*Марюша* < *Марио*), фонетическая адаптация (*Анжело* < *Ангело*), замена другими, более привычными именами, как имеющими фонетическое либо графическое сходство с исходным онимом (*Оксана* вм. *Охана*), так и не имеющими его (в основном характерно для имен китайцев). **М. Мордань** (Белосток, Польша) на материале метрических записей православного прихода в городе Райске 1891–1900-х гг. проанализировал отыменные фамилии населения польско-белорусского пограничья с суффиксом *-ук/-чук*, представил классификацию словообразовательных типов в соответствии с производящим онимом (полная форма личного имени, дериват личного имени, производная форма личного имени) и выявил влияние на локальный ономастикон разных культурно-языковых традиций (польской католической и восточнославянской православной). **Е. Р. Николаев** (Якутск) предложил реконструкцию диалектных форм в якутских дохристианских антропонимах. **Ф. Ш. Пашаева Юнус** (Карс, Турция) рассмотрела фамилии тюркского происхождения, образованные от названий профессий, в русском и болгарском языках.

Блок докладов, посвященных ономастической периферии и апеллятивно-ономастическому пограничью, объединил выступления на темы катойконимов, зоонимов, экклезионимов, фильмонимов, ктематонимов и др., а также фразеологии. **М. В. Ахметова** (Москва) продемонстрировала, что в советских газетах до конца 1930-х гг. названия жителей населенных пунктов были менее частотны, чем обозначение с использованием классового термина (*трудящиеся Ленинграда*); употребимость катойконимов выросла в конце 1930-х гг. и достигла пика в годы войны, так и оставшись высокой; по мнению докладчицы, это обусловлено поворотом от пролетарского интернационализма к патриотизму и далее — локалистскими тенденциями. **А. А. Бурыкин** (Санкт-Петербург) проанализировал такой ценный тип источников, как путеводители по Волге (изданные с 1854 по 1941 г.),

и охарактеризовал отражаемые в них собственные и апеллятивные имена: ойконимы, эргонимы, прагматонимы; названия транспортных средств (пароходов и самолетов); термины, обозначающие типы судов и плавательных средств; названия пристаней; номинации локальных географических объектов (порогов, перекатов, мелей), а также географические термины, не все из которых фиксируются словарями региональной лексики. **Е. Н. Варникова** (Вологда) рассмотрела диахронические процессы в русской зоонимии: изменение видового состава зоонимов (сокращение числа кличек лошадей в 1970-е и коров в 1990-е гг. в связи с уменьшением численности животных); изменения внутри отдельных видов зоонимов (например, смешение в XX в. традиций именования гончих, легавых и борзых собак); изменения в производящей базе зоонимии (так, в конце XVII в. языческие имена в качестве кличек животных были вытеснены христианскими антропонимами); влияние на зоонимию моды на те или иные антропонимы и отражение в зоонимии прецедентных имен; изменения в нарицательной базе зоонимии. Специалисты-кинологи **С. А. Залужанская**, **О. С. Попцова** и **Т. В. Шеремета** (Пермь) представили материал, особенно интересный в силу его малодоступности, — 800 кличек служебных собак в современных питомниках ФСИН из 20 субъектов Российской Федерации, рассказали о принципах, регулирующих порядок номинации собак, и предложили классификацию зоонимов (по именам реальных людей, персонажей произведений искусства, мифологических персонажей; по военной терминологии; по названиям растений, природных явлений, географических названий и др.). **Е. В. Генералова** (Санкт-Петербург) рассмотрела функционирование в русском языке XX–XXI вв. собственных имен библейского происхождения: в сравнениях, уподоблениях, поэтических реминисценциях, идеонимах, во фразеологии, а также аспекте апеллятивизации (например, *армагеддон* ‘мировая катастрофа’). По данным докладчицы, национальная специфика функционирования таких имен заключается в образовании специфических для того или иного языка переносных значений (например, в русской языковой картине мира имя *Адам* связано с наготой, в испанской — с неопрятностью). **О. А. Лукина** (Могилёв, Беларусь) рассказала о белорусских экклезионимах — названиях культовых сооружений (связанных с различными христианскими деноминациями, а также с иудаизмом и исламом), представила их структурные и семантические особенности. **А. В. Антонов** (Ярославль) посвятил свой доклад названиям кинофильмов для детей и подростков 1965–1982 гг., предложив разграничение данных онимов в зависимости от их адресации детям или подросткам. **Б. Болеста-Врона** и **Я. Врона** (Белосток, Польша) проанализировали названия часов российского производства и их место в структуре рекламных текстов с точки зрения сочетания соответствующих онимов с указанием на признаки часов (форма, материал и т. д.) и их адресата, а также с рекламным слоганом.

В последней группе докладов затрагивалось функционирование собственных имен в художественной литературе. **Г. Ф. Ковалев** (Воронеж) обратился к ономастическому аспекту автобиографизма — к фактам именования литературных персонажей по лицам из окружения писателя или по культурно значимым именам. **Н. Н. Вихрова** (Великий Новгород) охарактеризовала псевдонимы, в 1861–1865 гг. использовавшиеся И. С. Аксаковым в славянофильской газете «День». **А. В. Батулина** (Великий Новгород) проанализировала метаязыковые комментарии к собственным именам в современной массовой литературе: коммуникативные комментарии, семантизирующие онимы, имеют по преимуществу информационную функцию, в то время как концептуальные комментарии к необычным именам (например,

Виола Тараканова в детективах Дарьи Донцовой) реализуют установку на развлечение читателя. Рассматривалось функционирование разного рода собственных имен в конкретных литературных текстах и в творчестве отдельных авторов: в цикле рассказов Юрия Буйды «Прусская невеста» (доклад **Г. Г. Гиржевой** и **В. И. Заики**, Великий Новгород), в романе В. И. Белова «Кануны» (доклад **Н. В. Комлевой**, Вологда), в рассказе Екатерины Бакуниной «Шторм» (доклад **Н. В. Летаевой**, Одинцово), в романе Зюльфы Ливанели «Тревожность» (доклад **М. М. Репенковой**, Москва), в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» (доклад **Т. В. Хвесько** и **С. Ю. Третьяковой**, Тюмень).

К началу конференции был издан сборник материалов [ОП 2019]. Следующая — XVIII — Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» будет проведена в 2020 г. в Костроме.

Л и т е р а т у р а

ОП 2019 — Ономастика Поволжья: Материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / Сост., ред. В. Л. Васильев; [Предисл. В. И. Супруна, В. Л. Васильева]; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. В. Новгород: ТПК «Печатный двор», 2019.

XVII International Conference “Onomasticon of the Volga Region”

References

Vasilyev, V. L. (Ed.). (2019). *Onomastika Povolzh'ya: Materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Velikii Novgorod, 17–20 sentyabrya 2019 goda)*. Veliky Novgorod: Pechatnyi dvor.

М. В. Ахметова
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
(Москва, Россия)
malinxi@rambler.ru

Maria V. Akhmetova
The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
(Moscow, Russia)
malinxi@rambler.ru

Получено 05.11.2019

Received on November 05, 2019

DOI <https://doi.org/10.31912/rjano-2020.1.13>

51-е Виноградовские чтения в МГУ

15 января 2020 г. на филологическом факультете МГУ состоялись **51-е Виноградовские чтения**, посвященные теме «Глагол и глагольные категории в словаре, грамматике и тексте (Уроки В. В. Виноградова)». Чтения открыл исполняющий обязанности декана филологического факультета профессор **А. А. Липгарт**, который в своем приветственном слове отметил объединяющую роль Виноградовских чтений в МГУ. Эти чтения соединяют лингвистов и литературоведов, русистов и

типологов, представителей разных школ и направлений, что обусловлено широтой научных интересов академика В. В. Виноградова. В своем научном творчестве ученый совмещал все стороны филологического знания: синхронию и диахронию, системную грамматику и лексикографию, общетеоретическую методологию и науковедение, функциональную стилистику и анализ художественного текста. Профессор А. А. Липгарт обратился к работам В. В. Виноградова по стилистике, в которых были предложены принципы стилистической классификации текстов. Идеи В. В. Виноградова стали основой для последующих научных разработок. С годами изменялась терминология, появлялись и появляются новые объекты исследования, но направление филологического мышления и виноградовские принципы филологического анализа сохраняют свою актуальность, что убеждает нас в необходимости обращения к трудам В. В. Виноградова на нынешнем этапе развития науки, сохранения виноградовских традиций на филологическом факультете, изучения трудов академика В. В. Виноградова при подготовке будущих филологов.

Программу чтения открыл доклад **С. Г. Татевосова** (МГУ) «Акциональность: русский глагол в типологической перспективе», в котором обсуждались базовые понятия типологического описания аспектуальности в разных языках, в частности понятие акциональности. Акциональность, известная в другой терминологии как «семантический тип предиката», «таксономическая категория глагола», «аспектуальный класс», Aktionsart (в одном из значений этого термина), «аспектуальный характер», тип ситуации, событийный тип (eventuality type), действие (action), положение дел, — это семантическая характеристика, которая проявляется на уровне предложения. При семантической классификации предикатов за исходную точку рассуждений обычно берется классификация З. Вендлера, выделившего четыре класса: состояния (states), деятельности (activities), свершения (accomplishments) и достижения (achievements). Вендлеровские акциональные классы представлены в акциональных системах конкретных языков, но диапазон возможностей ими не исчерпывается. Среди акциональных классов, которые регулярно обнаруживаются в языках, но отсутствуют в вендлеровской системе, — инцептивно-стативные, ингрессивно-непредельные, стативно-процессные, мультипликативные и двупредельные классы. Языки различаются тем, как в них организовано взаимодействие событийной и несобытийной референции и как неглагольные компоненты клаузы влияют на предельность. В одних языках, таких как английский, жестко фиксируется (например, с помощью артиклей) интерпретация именной группы, и от нее зависит, предельную или непредельную интерпретацию будет иметь глагольная группа. В других языках, например в русском, заранее известно, будет ли глагольная группа предельной; в них не аргумент определяет предельность событийного предиката, а предельность ограничивает интерпретацию аргумента. По мнению докладчика, в ситуации межязыкового варьирования традиционное понятие видовой пары не позволяет сопоставлять акциональные системы разных языков, для типологического подхода более эффективными являются понятия *акциональной пары* и *акциональной группы*, которая разбивается на *акциональные классы*. В докладе был предложен способ межязыкового сопоставления акциональных систем языков с деривационным видом, где акциональный потенциал глагольной основы распределяется по нескольким лексемам, и языков со словоизменительным видом, в которых эта категория реализуется в пределах парадигмы одного глагола.

М. Ю. Сидорова (МГУ) в докладе «Глагол и глагольные категории в русском естественнонаучном тексте» представила результаты компьютерного анализа на-

учных текстов в разных естественнонаучных дисциплинах с целью установления общих характеристик научного стиля и степени их варьирования в текстах, различающихся научной направленностью. Исследования подтвердили именную доминанту научного стиля: глаголы не занимают верхних строчек в шкале частотности для каждой из выбранных научных дисциплин. Но была обнаружена и дисциплинарная специфика. В докладе на материале созданных под руководством М. Ю. Сидоровой 12 корпусов собственно научных и научно-учебных текстов, представляющих 10 естественнонаучных областей, были показаны существенные грамматические различия между текстами разных областей естественнонаучного знания — как на уровне частей речи, так и на уровне функционирования грамматических категорий. Это касается, в частности, глагольной лексики (в том числе неполнозначительных глаголов, традиционно рассматриваемых как примета научного стиля) и глагольных форм (в том числе причастных и деепричастных), а также предлогов, предметных и признаков существительных и др. Выявленные особенности обусловлены более тематически, чем жанрово, что имеет прямые следствия для изменения подхода к научному тексту как к объекту обучения и в курсах русского языка и культуры речи (академической коммуникации) для русскоязычных студентов, и при преподавании русского как иностранного.

О. В. Хорохордина (СПбГУ) в докладе «Роль двувидовых глаголов в дифференциации типов текстовых компонентов» предложила интерпретацию коммуникативных функций двувидовых глаголов (биаспективов) в связи с лексической семантикой этих глаголов. Такой подход исходит из идей В. В. Виноградова о взаимосвязи лексической и грамматической семантики глаголов как основе их текстопорождающих функций. Типология текстовых функций глагола была разработана в трудах ученицы В. В. Виноградова Г. А. Золотовой: четыре текстовых функции видо-временных форм глагола соединяют временную характеристику (статика/динамика) с типологией коммуникативных регистров речи и их вариантов. Проведенный О. В. Хорохориной анализ текстов, в которых двувидовые глаголы употребляются в позиции нейтрализации глагольных видов, показал, что определенные текстовые стратегии предполагают общефактическое прочтение глагольного предиката, соединяющее значения обоих видов. Докладчица высказала предположение, что биаспективы предназначены для создания текстовых фрагментов *констатирующей семантики*, и выделила четыре специфических варианта информативного регистра речи, для которых характерно употребление биаспективов.

Следующий доклад («Формы причастий прошедшего времени и перфектные конструкции в опочечких говорах») был посвящен глаголу в диалектах. **А. В. Тер-Аванесова** (ИРЯ РАН) рассмотрела особенности образования и употребления перфекта в говорах Опочечкого р-на Псковской области. Материалом исследования стала полная выборка контекстов с причастиями из приблизительно восьми часов аудиозаписей диалектной речи (всего около 400 контекстов). Было отмечено, что в опочечких говорах и небольшой части соседних с ними тверских наблюдается уникальное явление — *ш*-причастия, образованные от основ прошедшего времени (*явилши* и под.). Опочечкие говоры имеют особую систему морфологически-диатезных типов перфектных конструкций, выделяющую их среди других восточнославянских диалектов. Как и системам перфектных форм большинства северно- и среднебелорусских говоров, опочечкой системе свойственно строгое распределение залоговых форм причастий в зависимости от переходности/непереходности глагола. Вследствие этого в объектно-результативных конструкциях выступают

n/m-причастия от переходных глаголов, а в субъектно-результативных — *и*-причастия от непереходных глаголов. Исключения немногочисленны, часть их имеет общерусский характер; в большинстве русских говоров это распределение нарушено. В отличие от белорусских, в опочечких, как и во всех русских говорах, знающих формы перфекта, агенс может быть выражен сочетанием *у* + «родительный/местный» падеж, например: *У него дом построено* (Р. ед., ‘Он построил дом’), *Хоть бы один струк остался, всё уже в крысах обмолочен* (М. мн., ‘Хоть бы один стручок гороха остался, всё уже обмолотили крысы’). Как и в северо-западных русских, в опочечких говорах возможно отсутствие согласования *n/m*-причастия с подлежащим, что для белорусских говоров нехарактерно. Таким образом, опочечкая система перфектных конструкций совмещает особенности севернобелорусских и северо-западных русских систем, в результате этого совмещения образуется специфическая система перфектных конструкций, не представленная более ни в каких говорах. Компромиссный характер этой системы находится в соответствии со статусом опочечких говоров как переходных между белорусскими и русскими (Н. Н. Дурново, Е. Ф. Карский).

В докладе **М. Я. Дымарского** (РГПУ, ИЛИ РАН) «Еще раз о связке в номинативных предложениях» рассматривался дискуссионный вопрос о двусоставности/односоставности предложений типа *Была жара*. Автор обосновывал односоставность подобных конструкций следующими аргументами: 1) формы глагола *быть* в таких предложениях лексически опустошены и существенно отличаются от омонимичных полноценных форм экзистенциального *быть* в случаях типа *А он [суслик] — есть*; 2) предложения *Была жара* (Маяковский) и *Сначала была жара, а потом пропала* обладают разным интонационным оформлением и различной коммуникативной структурой; 3) полноценный глагол *быть*, в отличие от связки *быть*, не может принимать нулевую форму в презенсе без особых условий (таких как квантификация отторжимого отвлеченного объекта обладания: *У меня есть время — У меня Ø много времени*); 4) конкуренция семантических категорий посессивности и локативности, представленных детерминантами: *У меня есть гвоздь — У меня в кармане Ø гвоздь*; 5) невозможность общеотрицательных конструкций **Здесь не была библиотека*; **Не тишина* при возможности частноотрицательных (*Здесь была не библиотека*). Все это свидетельствует о том, что в предложениях рассматриваемого типа формы глагола *быть* являются не сказуемым, а только связкой, а сами конструкции следует квалифицировать как односоставные номинативные предложения, в которых системно предусмотрена связка (CопN₁).

И. И. Макеева (ИРЯ РАН) в докладе «Историческая семантика русского глагола» представила семантическую историю четырех глаголов эмоционального состояния, начиная с их первой фиксации в памятниках русской письменности по настоящее время: *восхититься*, *возмутиться*, *восторгаться*, *изумиться*. Особенность выбранных глаголов состоит в том, что они соединяют семантику эмоционального состояния с семантикой речевой деятельности. В русской письменности эти лексемы фиксируются в XI–XIII вв., и изначально три из них не принадлежали к глаголам состояния. Такая семантика появилась в процессе языковой эволюции, при этом все слова утратили свое первоначальное значение. Три глагола (*восхититься*, *возмутиться*, *восторгаться*) характеризуются не только общностью морфемной структуры (приставка *воз-*), но и тем, что на разных этапах исторического развития они обозначали движение. Лексема *изумиться* унаследована из праславянского лексического фонда: праслав. **jъzumiti (se)*. Глагол был известен в

старославянском языке; в памятниках восточнославянской письменности отмечается с XI в.; его древнейшее значение — «сойти с ума, обезуметь, потерять рассудок»; оно сохраняется еще в начале XVIII в., но в дальнейшем выходит из употребления. В русском литературном языке оно утрачено, хотя сохранилось в диалектах. Вторичное значение — «очень сильно удивиться, изумиться» — фиксируется только в Новое время, то есть с XVIII столетия. Однако ряд обстоятельств, в том числе аналогичная семантика у однокоренного глагола *изумляться*, отмечаемая с XI в., заставляет усомниться в его столь позднем появлении.

Семантическая эволюция рассмотренных четырех глаголов демонстрирует основное направление изменений, происходивших в лексико-семантической системе русского языка, — развитие антропоцентричной семантики, то есть появление вторичных (а в настоящее время основных) значений, относящихся к внутреннему миру человека.

В докладе **Е. А. Смирновой** (ИРЯ РАН) «Лексико-семантический разряд глаголов в русском семантико-грамматическом словаре» (далее — Словарь) был представлен «Семантико-грамматический словарь русских глаголов», над которым ведется работа в ИРЯ РАН. В отличие от классической лексикографии, представленной словарями пассивного типа, это — словарь активного типа. Предметом описания в Словаре выступают функциональные группы глаголов, то есть множество лексем, объединенных семантикой и грамматическими свойствами. Каждая группа глаголов анализируется в Словаре по нескольким параметрам: морфемная структура и словообразование, морфология (объем парадигмы), лексическая семантика, синтаксис (типы конструкций, набор валентностей), текст (регистровые условия, субъектная перспектива). Основная задача исследователей — обосновать грамматическую значимость глагольной группы, выделить для каждой группы те грамматические свойства, которые соединяют лексическую семантику этих глаголов и их функционирование в речи.

Анализ проводится на материале Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ; основной корпус, временной период — последние 50 лет). Такой подход к обработке языкового материала дает возможность отсеять потенциальные глагольные формы, которые могут даваться в словарях, что приводит к искажению реальной картины употребления глаголов. Интерпретация грамматических запретов в морфологических парадигмах позволяет уточнить семантическую классификацию глаголов, предлагаемую «Русским семантическим словарем» (под редакцией Н. Ю. Шведовой).

На материале одной неизосемической глагольной группы было показано, как строится работа над Словарем. Была рассмотрена семантическая группа со значением профессиональной деятельности, характеризующаяся общностью морфемной структуры, — глаголы на *-ничать*. В список глаголов вошли отыменные одновидовые глаголы несов. вида на *-ничать*, формально ограниченные десятью единицами в целях более глубокого их исследования (*извозничать*, *кустарничать*, *кухарничать*, *малярничать*, *плотничать*, *портняжничать*, *рукодельничать*, *скорняжничать*, *слесарничать*, *столярничать*). По материалам НКРЯ был сделан вывод, что семантическая группа глаголов со значением профессиональной деятельности является в современном русском языке продуктивной и открытой, в нее продолжают добавляться новые глаголы. С учетом функциональной обусловленности парадигм наиболее частотными для этой группы глаголов являются формы 3-го лица обоих чисел и формы прошедшего времени. Поскольку их аспектуаль-

ные значения выражаются, как правило, аналитически (в составном сказуемом), частотным оказывается и инфинитив. Для рассмотренных глаголов характерно функционирование в информативном регистре, то есть неактуальная временная локализованность.

Завершал программу чтений доклад **Н. В. Халиковой** (МГОУ) «Глагол как лингвистический феномен и как метаязыковой инструмент в научном дискурсе акад. В. В. Виноградова», посвященный анализу метаязыка, с помощью которого ученый описывал грамматические и текстовые функции русского глагола. Докладчица обосновывала тезис о том, что изучение семантики и особенностей употребления терминов позволяет увидеть образ «субъекта познания» и его место в истории книжной филологической культуры XX в. Формируя свой «образ научного предмета» (глагола как части русской грамматической системы), В. В. Виноградов опирается на терминологическую лексику научной филологии XIX — нач. XX в.: *строй, пространство, движение*. Активное движение (его сила, время, пространство) является доминантой образного представления ученого о грамматике. В образных идиостилевых единицах глагол представлен как событие ('процесс'), отрезок действительности ('время'), фрагмент действительности ('пространство', 'картина'), субъект действия, проявляющий себя с большей или меньшей силой. При этом В. В. Виноградов в научном тексте использует глаголы с ярко выраженной агентивной семантикой (*соприкасаются, вклиниваются, съедает, погружается, уходит, цепляется, борются*).

С заключительным словом выступила **Н. К. Онипенко**, которая обратилась к присутствующим по поручению президента филологического факультета и заведующей кафедрой русского языка М. Л. Ремневой, попросившей выразить благодарность всем участникам чтений (докладчикам и слушателям) за верность университетской традиции начинать научный год Виноградовскими чтениями на филологическом факультете МГУ.

The 51th Vinogradov Conference in the Moscow State University

Н. К. Онипенко
Институт русского языка им.
В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
onipenko_n@mail.ru

Получено 25.01.2020

Nadezhda K. Onipenko
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
onipenko_n@mail.ru

Received on January 25, 2020

РЕЦЕНЗИИ

DOI <https://doi.org/10.31912/rjano-2020.1.14>

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

Белорусский государственный университет
(Минск, Белоруссия)
nina.mechkovskaya@gmail.com

И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Либеральный лексикон. —
СПб.: Нестор-История, 2019. — 184 с.

1. Книга «Либеральный лексикон» (далее — «Лексикон») известных московских лингвистов И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева содержит ряд очерков о лексико-фразеологическом выражении ключевых понятий либерального дискурса. Рассмотрено шесть групп (или гнезд) таких обозначений, объединенных вокруг следующих понятий: 1) права человека, свобода, воля, либерализм, либерализация, либертарианец; 2) толерантность, терпимость, плюрализм; 3) частная собственность, приватизация; 4) демократия, народовластие; 5) справедливость, законность, честность; 6) гражданин, мещанин, бюргеры, буржуа, обыватели. Для слов каждого гнезда показаны их основные семантические, словообразовательные и фразеологические дериваты; особенности употребления в современном языке и отчасти в истории; показан диапазон трактовок и оценок понятий «Лексикона» в разные века и в разных слоях общества.

2. О предисловии Александра Архангельского «Язык перемен и перемены в языке»¹. Предисловие помещает «Лексикон» в круг более широких и острых проблем, которых сознательно не касаются И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев. Это, во-первых, вопрос о том, насколько органичны для русской ментальности феномены либерализма, и, во-вторых, вопрос о власти языка над обществом («языковой детерминизм», в терминологии автора) и о воздействии общества на язык («языковой конструктивизм»). Имитируя спор «либералов» и «тоталитаристов» (или, в ином варианте терминов, «прогрессистов» или «традиционалистов»), А. Н. Архангельский намеренно создает пропасть между словами *толерантный* и *терпимый* — заимствованное слово он представляет более «ученым» и сложным: «быть толерантным значит признавать ценностное равенство любых идей и принципов, поддерживать релятивизм»², а значение исконного слова понижает ценностно: «проявлять терпимость значит просто терпеть чужие ошибки, соблюдая верность единственной и

¹ А. Н. Архангельский, литературовед с ученой степенью и автор книги об Александре I, профессор факультета медиакоммуникаций Высшей школы экономики, известен также как автор, ведущий и руководитель программы «Тем временем. Смыслы» (телеканал «Культура»), председатель ассоциации «Свободное слово», связанной с Международным ПЕН-Клубом.

² Ср. значение слова *толерантный* по [Кузнецов 2001: 1327]: «терпимый к чужим мнениям, поведению и т. п.».

неделимой истине»³. И далее: «С точки зрения прогрессистов это плохо, с точки зрения традиционалистов хорошо, но и те и другие сходятся во мнении, что наш язык а) отторгает толерантность, отказывается принять его в свои духовные объятия, б) как бы диктует нам иной цивилизационный выбор» (с. 6). Так А. Н. Архангельский демонстрирует неакадемическую остроту проблематики «Лексикона».

А. Н. Архангельский пишет о двух крайних взглядах на взаимоотношения языка и общества: «тотальный языковой детерминизм» (язык управляет сознанием людей) и «тотальный же языковой конструктивизм» (язык управляем: «мы знаем примеры того, как в обозримые сроки ему навязывали новые значения, новые слова, новые обороты. И тем самым меняли сознание общества», с. 6–7). Сторонники второго взгляда ссылаются на книгу Виктора Кремпера «Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога» (1947; рус. перевод: М., 1998), на «злые наблюдения Ивана Бунина в “Окаянных днях”» (1920), на «язвительные реплики Лидии Чуковской в повести “Спуск под воду”» (1972), на положительный (по оценке А. Н. Архангельского) опыт реформы чешского языка в XIX в., а также на возрождение иврита (с. 7). Однако здесь А. Н. Архангельский, на мой взгляд, преувеличивает «языковой детерминизм» и «языковой конструктивизм», смешивая язык с идеологией и пропагандой, а цензурированный словарь и пропаганду — с языковым и обыденным сознанием народа.

Между тем в нормативном словаре (вместе с производными от него словарями и учебниками по языку для школьников и иностранцев), во-первых, невозможно видеть ни общую для всех говорящих авторитетную инстанцию речи, ни камертон, ни образец. Нормативный академический словарь открывают — да и то нечасто, «по случаю» — учитель и редактор, большинство же говорящих просто не знает о его существовании. Для них речевой камертон и образец дан в речи «классово близких» авторитетов — на экране и в жизни. В речевой практике современников сосуществует множество речевых узусов, в разной степени отдаленных от норм академических словарей и грамматик.

Во-вторых, идеология и пропаганда в самые злые времена отнюдь не всевластны, при этом особенно далеки от них не конкуренты и оппоненты власти, но те слои населения, которых называют «простыми людьми», — минимально втянутые в политику и идеологию и привыкшие к повседневной мимикрии под лояльных к власти обывателей.

В-третьих, следует принять во внимание уровневое строение не только языка, но и общественного (коллективного) сознания: как в языке значение производного слова хотя и мотивировано его словообразовательными компонентами, однако не сводимо к их «сумме», как содержание высказывания (предложения) не сводимо к сумме значений слов и грамматической семантике в его структуре, так и содержание обыденного сознания говорящих (т. е. концепты обыденной картины мира), несмотря на языковую оболочку своего основного выражения, не сводится к языковой семантике (т. е. системе значений слов, фразем и грамматических категорий). В отличие от языкового «детерминизма» и «конструктивизма», а также от вопроса о влиянии нормативных словарей и грамматик на коммуникативную практику современников, вопрос о содержательных различиях между языковой семантикой и обыденным сознанием для авторов «Лексикона» не только актуален, но и

³ Между тем в общем языке *терпимый* — это «снисходительно относящийся к чужому мнению, обычаям, поведению и т. п.» [Там же: 1319].

не раз находит в книге свое практическое решение. По сути, это вопрос о содержательных границах языка, он важен и для лексикографии, и для общей семантики.

3. Авторский замысел и принципы работы представлены в книге достаточно полно. Свои задачи И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев видят в том, чтобы «прояснить словарь, используемый в либеральном дискурсе» (с. 12), при этом соавторы подчеркивают, что «речь идет именно о свойствах языковых выражений и их реальном использовании в русской речи, причем в текстах самых разных авторов, придерживающихся весьма различных взглядов» (с. 10). Для авторов «Лексикона» было «чрезвычайно важно опираться на представления, которые более или менее разделяются всеми носителями языка» (с. 12). Авторы «старались избегать сугубо специальных контекстов, где выражения понимаются в особом смысле, в котором оно не используется за пределами той или иной группы текстов» (с. 13). Внимание авторов сосредоточено на значениях исследуемых слов «на уровне словаря» (этот оборот не раз повторяется в книге), а также на «фоновых компонентах значения, которые в обычных условиях не попадают в фокус внимания и потому не осознаются большинством говорящих. Ассоциации, связанные со словами, которые будут объектом рассмотрения, не обязательно возникают у всех без исключения носителей языка» (с. 14). При этом авторы обязуются «никоим образом не отражать наши собственные политические воззрения, тем более что они не во всем совпадают» (с. 10). В аспекте языка книга в известной мере нормативна: авторские рекомендации «касаются собственно языковых норм и могут быть адресованы всем носителям русского языка, старающимся говорить правильно, независимо от того, каких взглядов они придерживаются» (с. 10).

4. Насколько реалистичен замысел «Лексикона»? Методологические обязательства, сформулированные авторами, на мой взгляд, частично противоречат замыслу словаря и друг другу. Это противоречие не только не случайно, но и неизбежно: в нем сказался конфликт между двумя разными взглядами на роль языка в познании. Один взгляд восходит к В. фон Гумбольдту, согласно которому «в каждом языке заложено самобытное мирозерцание»; другой взгляд — это линия Ф. де Соссюра, с характерным для позитивизма и структурализма стремлением к строгому определению объекта исследования и отделению приоритетной «внутренней» лингвистики от сумбурной «внешней».

Гумбольдтианство склонно не отделять язык от тех идей и представлений, которые выражены «на языке» и «с помощью языка» — в грамматически оформленных высказываниях, составленных из слов. В результате смысловой потенциал языка и вербальное содержание культуры мыслятся слитно, как единое целое. В недавней истории ярким примером понимания языка и литературы как слитного целого может быть знаменитый доклад Д. С. Лихачева в Институте мировой литературы (1992) и написанная на его основе статья о концептах классической русской литературы: доклад и статья **о литературе** названы, однако, так, словно речь шла **о языковых** концептах: «Концептосфера русского языка» [Лихачев 1993].

До Ф. де Соссюра, еще в 1874 г., о границах языка размышлял А. А. Потебня и предлагал видеть в слове «две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем “ближайшим”, другую, составляющую предмет других наук, — “дальнейшим значением слова”. (...) Ближайшее значение народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по количеству и качеству элементов, лично» [Потебня 1964: 146–147]. Так, одно из «дальнейших» значений слова *дерево* принадлежит ботанике (пример А. А. Потебни). Различение «ближайшего» и «даль-

нейшего» значений (впрочем, в разной терминологии: *обывательские* vs. *научные понятия* у Л. В. Щербы, *житейские* vs. *научные понятия* у Л. С. Выготского) стало важным принципом современной семантики. В «Лексической семантике» Ю. Д. Апресяна [1974: 6–7] он назван первым.

Во второй половине XX в. развитие представлений об уровне строении языка и других семиотических систем, о разнообразии научных картин мира (физической, биологической и т. п.) и (этно)языковых, об обыденном сознании (в отличие от научного, философского, художественного) привело к более точному пониманию места языковой семантики в структуре общественного сознания. Прежде бинарная оппозиция (лексическое значение vs. содержание научного понятия) становится многомерной. Осознается, в частности, различие между языковой семантикой и обыденным сознанием как более широким, содержательным и разнообразным пластом коллективного сознания, локализованного **за пределами языка** — в фольклоре⁴, в стереотипных житейских представлениях о людях и мире, в общепринятых оценках людей и явлений, в популярных клише из школьных хрестоматий, песен, кинофильмов, массмедиа, в лозунгах и слоганах, расхожих цитатах, анекдотах, пародиях и т. п.⁵ В Московской семантической школе Ю. Д. Апресяна обыденное знание и оценочные стереотипы, выходящие за пределы языковой семантики, трактуются как «наивно-энциклопедические сведения», «наивная энциклопедия», «культурные сведения» [Апресян (ред.) 2006: 60, 111, 727, 730].

Говоря о методе своего исследования «Образ человека по данным языка», Ю. Д. Апресян различает языковое значение и содержание ряда других форм сознания и при этом подчеркивает свое стремление не выходить за пределы именно языковой семантики: «“Образ человека” реконструируется исключительно на основании языковых данных. Мы в максимальной мере стремились к тому, чтобы это была именно “языковая” (а, например, не литературная, не общесемиотическая или общекультурная, не философская) картина человека» [Апресян 1995: 37]. Однако в более поздних работах [Апресян (рук.) 2004; Апресян (ред.) 2006] элементы «наивной энциклопедии» признаны допустимыми в интегральном лексикографическом представлении синонимов: во-первых, в интересах читателя/потребителя словаря — для полноты «портретирования» слов; во-вторых, в силу недостаточной разработанности методик разграничения в содержании слова, с одной стороны, собственно языковой семантики, а с другой — элементов «наивной энциклопедии» (т. е. феноменов обыденного сознания). Сложность связана с разнообразием этих отношений: некоторые «культурные сведения» могут принадлежать периферии семантики слова (т. е. находиться **в границах** языка), другие — **«на границе»**; у третьих эта граница между семантикой и прагматикой оказывается неуловимой или размытой⁶.

⁴ Содержательные различия между двумя ближайшими формами коллективного сознания — языком народа и его фольклором — хорошо видны при сопоставлении семантики фразем (т. е. фактов языка) и пословиц (факты фольклора) на «одну и ту же тему», например «молодость — старость» или «правда — ложь». См. опыты такого сравнения в [Мечковская 2005; 2008]; подробнее о языковой картине мира и ее месте в структуре коллективного сознания см. [Мечковская 2017].

⁵ О клишированных единицах обыденного сознания можно судить по таким изданиям, как [Душенко1997].

⁶ О том, насколько тонким должно быть решение, говорит тот факт, что одноименный признак (например, ‘большой’ или ‘маленький размер’) в одних словах является компонен-

Что касается «Лексикона», то, судя по всему, замысел авторов был не в демонстрации лингвистического реализма и методичности (это доступно и несложно), но именно в том, чтобы, наблюдая политическую жизнь языка, объединить лингвистические антиномии: коллективное и индивидуальное, современность и историю, объективное и оценочное, узус и прескрипцию.

Жанрово-тематические своеобразие книги определяется тем, что это, во-первых, лексикон, организованный словариком, и поэтому его «главы» — это толкования ряда слов-понятий. Во-вторых, это книга об идеологических и политических понятиях, значимых для нескольких веков российской истории, но в основном для XIX–XXI вв. В этом качестве «Лексикон» сопоставим с такими книгами, как «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» Н. А. Купиной [1995], «Толковый словарь языка Совдепии» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [1998], «Д. С. П.: Материалы к русскому словарю общественно-политического языка XX века» Г. Ч. Гусейнова [2003], «Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов» А. В. Моченова и др. [2003]. У «Лексикона», в отличие от названных изданий, количество толкуемых лексем в десятки раз меньше, он более узок по тематике (особенно в сравнении со словарем В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной), однако содержание понятий раскрывается в нем в десятки раз полнее и более терминологично, чем в толкованиях лексем в названных словарях. «Лексикон» показывает, как из «ближайших» значений слов развивались «дальнейшие», нередко спорящие друг с другом.

Несмотря на слово *лексикон* в названии книги, по содержанию она ближе не к словарю, а к таким работам, как книга Р. И. Будагова «История слов в истории общества» [1971]: это собрание неспешных и композиционно несходных между собой лингвистических характеристик слов-ключей, входящих в одно общезначимое смысловое поле.

5. Либеральная идея. Она представлена в самом крупном разделе «Лексикона» и самым большим числом лексем и фактов из истории русского либерализма. В отличие от радикальных движений, у которых, как правило, один фронт (пусть и с оттенками), либерализму всегда доставалось и «справа» и «слева», и из обоих станов едва ли не одновременно звучали голоса и «Pro» и «Contra». Как отмечают авторы, понятие «права человека» до сих пор нередко подвергается сомнению и отчуждению, сопровождаясь определением *так называемые* (с. 33). Поэтому для поддержки либеральной идеи так важно показать, как давно и глубоко укоренились в русском языке слова с корнем *прав-*: *правда, право, правильный, правило, справедливость, правдоискатель*; как высоко ценит народное сознание понятия «правда», «право», «человек», «свобода». И это факты именно общего русского языка — «ближайшие» значения (в смысле А. А. Потебни) общепонятных лексем. Помогая читателю, авторы «Лексикона» сопоставляют почти синонимические словосочетания с ключевыми словами либерализма и мастерски показывают различия между ними: «*Право делать что-то и свобода делать что-то* — близкие, но не тождественные понятия. *Свобода* — это состояние человека, физическое или душевное, и оно непосредственно ощущается как отсутствие стеснений. *Право* же — это не состояние, а некая санкция, лицензия, отсутствие запрета на то или иное действие» (с. 23).

том их семантики (*океан, букашка*), а по отношению к другим словам — это просто ситуативные определения соответствующего предмета (*большой/маленький муравей*). О возможном решении см. [Урысон 2006: 730–731].

Что касается «дальнейших» значений, то они отнюдь не узуальны и не общеизвестны, ведь либерализм в России не был и не является массовой идеологией. Одно из таких смысловых расхождений связано с разным пониманием воспроизводимого оборота *права человека*. Оборот у всех на слуху, он кажется общепонятным и даже вошел в беспросветные по горечи стихи Владимира Соколова (1988)⁷. Однако его нет в статье *Право* в таких словарях общенародного языка, как [МАС] и [Кузнецов 2001]. Между тем оборот нуждается в определении: его значение не вытекает из значения компонентов. К чести национальной лексикографии, оборот *права человека* вошел в новейший словарь под редакцией Н. Ю. Шведовой; здесь термин хотя и дан в составе иллюстраций, однако дополнен определением, близким к дефиниции ООН: «*Права человека* (права личности; гражданские, политические и социально-экономические права и свободы: право на жизнь, на свободу и неприкосновенность личности, на равенство всех перед законом, на труд, на социальное обеспечение, на отдых, на образование и др.)» [Шведова 2008: 714]. Странно, что в «Лексиконе» значение термина *права человека* считается «интуитивно понятным», и он толкуется не юридически, а эмоционально и неполно, на основе реплик литературных персонажей: «А *права человека* — это не что-то отдельное, а просто права, которые определяются самим фактом принадлежности к роду человеческому» (с. 21–22).

Между тем понятие «права человека» еще не стало «интуитивно понятным» всем, кто владеет русским языком. Об этом свидетельствуют философско-теологические контексты, цитируемые в «Лексиконе» (с. 43). В 1911 г. Н. А. Бердяев писал, что свобода совести противоречит христианскому сознанию и означает «отсутствие и религиозной свободы и религиозной совести»; по представлениям П. И. Новгородцева (в 1917–1921 гг.), права человека, права свободы составляют «жизненное содержание эгоистического человека».

Противоречие между «дальнейшим» (юридическим) значением термина *права человека* и религиозными ценностями сказались в марте 2016 г. во внезапном и остром идеологическом конфликте между патриархом Московским всея Руси Кириллом и мировым общественным мнением. В храме Христа Спасителя в праздничной проповеди патриарх обвинил современный мир в том, что для него критерием истины стал не Бог, а человек и его права. В результате, говорил Кирилл, «началось революционное изгнание Бога из человеческой жизни, из жизни общества»; движение сначала охватило Западную Европу, Америку, а затем и Россию. Интернет и СМИ, цитируя патриарха Кирилла, сообщали, что он призвал к защите веры от «глобальной ереси человекопоклонничества» и «объявил ересь права человека».

Скандал утих, но конфликт между ценностями «Декларации прав человека» и религиозными ценностями сохраняется. Однако в этом конфликте нельзя видеть, вопреки авторам «Лексикона», простое непонимание «на уровне словаря» (с. 43). Это спор именно между разными «дальнейшими» значениями оборота *права человека*, выходящими за пределы нормативного словаря в сферы глубоко различных идеологий.

Более сложная и запутанная картина вырисовывается со словами *либерал*, *либеральный*, *либерализм*. И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев констатируют, что эти слова в сознании многих имеют отрицательную окраску, причем как у противников ли-

⁷ Я устал от двадцатого века, / От его окровавленных рек. / И не надо мне прав человека, / Я давно уже не человек.

берализма и демократии, так и у сторонников свобод и прав. «Диапазон отрицательных компонентов значения может быть весьма велик: как беспринципность, так и, наоборот, неготовность к компромиссам, как сервилизм, так и ненависть к власти и “подрывная работа”» (с. 83). Отрицательные оценки либерализма у сторонников демократии авторы объясняют с предельной для политологии точностью: «тот факт, что эти слова апеллируют к смягчению ограничений, осуществляемому властью, и тем самым не предполагают радикальных изменений, инициируемых обществом, привел к тому, что эти слова оказались под подозрением в рамках революционно-демократического и вообще прогрессистского дискурса» (с. 84).

Поэтому, советуют авторы, использовать эти слова следует осторожно и не злоупотреблять ими, понимая, что они могут вызвать недоразумение (с. 83). «Тем не менее эти слова составляют естественное гнездо для ключевого понятия ‘свобода’, и других подходящих кандидатов на эту роль не видно. Поэтому вполне можно использовать слово *либеральный* и родственные слова, при этом актуализуя этимологическую связь с идеей свободы, например: *либерал* (т. е. сторонник свободы), *либеральный* (т. е. направленный на уменьшение несвободы) и т. п.» (с. 84).

В «Лексиконе» слова *либерал*, *либеральный*, *либерализм* нередко обсуждаются слитно, все сразу. Например, говорится, что «еще одна проблема слова *либерализм* состоит в том, что его значение постоянно размывается» (с. 82), однако во всех пяти примерах «размывания» фигурирует слово *либерал*, а не *либерализм*. Между тем у однокоренных слов с разной категориальной семантикой судьбы могут быть достаточно разные. Слово *либерализм*, в той степени, в какой оно выступает в качестве термина, может вообще употребляться безоценочно. Что касается существительного *либерал* и прилагательного *либеральный*, то их семантика и прагматика в значительной мере автономны. Прилагательному не свойственна та целостность в определении предмета одним словом и та категоричность, которые присущи субстантивному обозначению лица (ср. *либерал* и *либеральный политик*). Характерно, что в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) из 20 контекстов XXI в. со словом *либерал* (но не *либерал-демократ*) четыре негативны⁸, а три носят метаязыковой характер (что отражает осязаемую неопределенность семантики слова)⁹, между тем 20 контекстов с прилагательным *либеральный* все или позитивно-нейтральны (иногда чуть ироничны¹⁰), или их оценочность связана с другим компонентом высказывания¹¹.

Как показывает «Лексикон», политический смысл слова *либерал* был размытым еще в XIX в. В современном языке его расширительное неполитологическое и в целом позитивное значение (‘Человек, терпимо, снисходительно относящийся к кому-, чему-л.’ [Кузнецов 2001: 44]), возможно, становится основным (во всяком случае, в цитированном словаре оно дано на первом месте). «Размытость» полити-

⁸ Два примера из основного (1) и устного (2) подкорпуса: 1) *Я верующий, а он агностик, он либерал, а я-то другой. Он мой враг*; 2) *мужчина-инженер: Не либерал / а предатель и преступник*.

⁹ *Женщина-диспетчер: Очень многие / простите / говорят / употребляют слово либерал и демократ / не понимая / что за ними стоит*.

¹⁰ ... а слева — какой-нибудь зажигательный *либеральный* литературный публицист.

¹¹ И. Хакамада, политик: *Так и слышу Максима Соколова с Первого канала / эти вишние либералы вместо того / чтобы исповедовать сильные либеральные лозунги...*

ческого употребления слова *либерал*, прежде всего у «патриотов-традиционалистов», связана с тем, что им не в полной мере известно «ближайшее» значение слова *либерализм* в русском языке и, соответственно, значение его деривата *либерал* — хотя бы «на уровне словаря». Поэтому в речи противников либерализма слово *либерал* — нередко просто бранный и «ученый» ярлык для непонятого и чуждого. Это именно тот случай, когда «Лексикон» И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева предстает как нормативное руководство: речь рекомендуется строить из понятных слов.

6. «Толерантность и плюрализм»: моральные границы. В разделе, кроме заглавных слов, рассмотрены такие лексемы и сочетания слов: *терпимость* (и *терпеть*, *терпение*), *широта* и *узость взглядов* и *широта души*, *примирение* (и *примиренческий*, *примиренчество*), *смирение*, *соглашатель* и *соглашательство*, *компромисс* и *бескомпромиссный*, *инакомыслие*, *плюрализм*, *плюрализм мнений* и *солженицынское наши плюралисты*.

Лингвистические аспекты этой группы («ближайшие» значения «на уровне словаря») в целом не сложны. Авторы отмечают некоторую парадоксальность генезиса прилагательного *терпимый*: «восходя по форме к пассивному причастию (ср.: *Эти явления не могут быть терпимы*), указанное слово в основном используется для обозначения активной установки субъекта, мирящегося (или не мирящегося) с негативными явлениями» (с. 89). Точно определено денотативное различие между словами *толерантность* и *терпимость*, что снимает спор о том, «нужно ли русскому языку слово *толерантность*, если есть исконное слово *терпимость*?»: «Независимо от того, как оценивается *терпимость* сама по себе, важно, что ее объект — это всегда нечто плохое. Поэтому слово *терпимость* не может считаться удачной заменой слова *толерантность*: терпимость к чужому образу жизни, к чужим обычаям намекает, что этот образ жизни или обычаи хуже наших и мы просто готовы их до поры до времени терпеть» (с. 90).

В поддержку слова *толерантность* добавлю еще несколько соображений: 1) *толерантность* — слово книжное, ученое, а это иногда добавляет веса написанному; 2) слово *толерантность* — важный интернациональный термин в ряде профессий¹², и, в силу междисциплинарной значимости, его употребительность и позитивная приемлемость будут расти; 3) у слова *терпимость* всё еще, пусть и не всерьез, есть ассоциат *дом терпимости*.

Однако тезис авторов «Лексикона» о том, что «оба слова: *толерантность* и *плюрализм* — оказались в значительной мере скомпрометированы как небрежным и неточным словоупотреблением, так [*пропущено* и. — Н. М.] сознательным искажением их смысла» (с. 85), на мой взгляд, нуждается в уточнении. «Сознательное искажение», более того, издевательство над приверженцами толерантности бесспорно присутствует в постсоветском бранном неологизме *толерасты* (примеры см. на с. 87). Большевицкий тоталитаризм еще в 1920-е и 1930-е гг. породил советизмы, в которых идеи примирения и согласия превращались в обвинения, за которым следовали приговоры: *примиренец*, *примиренчество*¹³, *примиренческий*; со-

¹² Понятие «толерантность» актуально в иммунологии (это утрата или ослабление способности организма к иммунному ответу), в фармакологии (привыкание к лекарству), в технике (допустимое отклонение; диапазон допусков).

¹³ Ср.: «Примиренчество. Замаскированный и один из наиболее опасных видов оппортунизма, стремящийся к соглашательству и примирению интересов пролетариата и буржуазии» (цит. по [Мокиенко, Никитина 1998: 476]).

глашатель, соглашательство, соглашательский. Однако, что касается семантики давно существовавших слов *терпимый, терпимость*, как и более поздних *толерантный, толерантность, плюрализм, плюралистический*, то у них менялись не «ближайшие» (словарные) значения, а их «дальнейшие» значения, иначе говоря, это не лексико-семантические процессы: происходило этическое, философское, богословское, психологическое развитие, осмысление и переосмысление идей и понятий, связанных с данными словами. Однако это и не политическая полемика, но поиски именно моральных, духовных ориентиров и решений. Такова природа плюрализма, и она определяет глубокое различие между государством и людьми в их отношениях к плюрализму. Эту особенность, осознанную в раннем христианстве, диакон Андрей Кураев формулирует так: «У людей должно быть право на несогласие, на дискуссии, на резкую оценку противоположных взглядов. Но государству не следует вмешиваться в эти споры» (с. 91).

На страницах о толерантности и плюрализме, по сравнению с другими разделами «Лексикона», более всего говорится о моральных дилеммах, стоящих перед человеком и обществом. И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев показывают, причем не в пересказах (всегда «чреватых»), но документально, по первоисточникам, как, в каких словах искали ответы на эти вопросы люди, воплотившие в себе ум и совесть народа.

Грань между «всемирной отзывчивостью» и «широкой совестью» страстно искал Ф. М. Достоевский, понимая, как «*широкий*» человек может легко перейти эту черту. «Широкость ли это особенная в русском человеке... или просто подлость?» — задается вопросом герой «Подростка» (с. 91). Об опасности плюрализма в морали писал А. И. Солженицын (1982): «“Плюрализм” как принцип деградирует к равнодушию, к потере всякой глубины, растекается в релятивизм, в бессмыслицу, в плюрализм заблуждений и лжей» (с. 102). А. И. Солженицын был согласен с мыслью Л. К. Чуковской «о невозможности и пагубности “плюралистического человека”» (с. 103).

И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев пластично и в разных аспектах показывают, как трудно, с какими опасными заблуждениями в начале горбачевской перестройки входила в сознание людей идея плюрализма. В советское время «основной полемической стратегией была ссылка на мнение коллектива. Аргумент: *Это не только мое мнение* — работал почти безотказно. С перестройкой же **первое, что было ухвачено** [выделено мной. — Н. М.], — это понятие *плюрализма мнений*. И теперь уже таким же универсальным ответом на любые возражения в споре стала фраза: *Это мое мнение*. При этом замечательно, что многие воспринимают право иметь собственное мнение как право делать безответственные заявления. (...) Даже в научной полемике люди часто реагируют на возражения возмущенной фразой: *Но ведь могут же быть разные мнения!* Ситуация усугубляется тем, что на несформированность в России культуры разномыслия наложилась “западная” мода на постмодернизм» (с. 107). В итоге, констатируют авторы, и «сейчас», т. е. в 2019 г., свобода мнений — это та «либеральная ценность, которая чрезвычайно трудно приживается на российской почве» (с. 107).

Подчеркивая этическую глубину проблемы и ее важность для общества и особенно для науки, авторы «Лексикона» стремятся донести до читателя тревогу А. А. Зализняка, вызванную опасностью, которая связана с искажением понятия «свобода мнений». «Происходит подмена: идея, что любое мнение ценно, подменяется идеей, что все мнения ценны одинаково. Любой может решить, что вся нау-

ка всегда заблуждалась, придумать свою теорию чего угодно, а если с ним начать спорить, то он скажет, что это, мол, у вас тоталитарное мышление, а нужен *плюрализм мнений*» (с. 107–108).

Завершая обсуждение темы «Свобода мнений и истина в науке», авторы приводят почти полностью заключительную часть выступления А. А. Зализняка во время церемонии вручения ему литературной премии имени Александра Солженицына в 2007 г. Но не цитируют стоический финал речи. Вот он: «Я не испытываю особого оптимизма относительно того, что вектор этого движения [доведенного до абсурда стремления к плюрализму. — Н. М.] каким-то образом переменится и положение само собой исправится. По-видимому, те, кто осознаёт ценность истины и разлагающую силу дилетантства и шарлатанства и пытается этой силе сопротивляться, будут и дальше оказываться в трудном положении плывущих против течения. Но надежда на то, что всегда будут находиться и те, кто все-таки будет это делать»¹⁴.

При употреблении слов семантической группы «Толерантность и плюрализм» авторы «Лексикона» рекомендуют быть осмотрительным и готовым к неожиданным негативным реакциям. Поэтому полезно отмечать связь *толерантности* и веротерпимости; во многих случаях уместнее говорить о *великодушии*, *неосуждении*, *способности к диалогу*, *стремлении к взаимопониманию* (с. 96). Что касается возможности функционирования слова *плюрализм* в качестве одного из ключевых терминов либерального словаря, то такая перспектива сталкивается с рядом проблем. У части интеллигенции слово всё еще отзывается неприятием «западного» релятивизма и равнодушия, ведущих к отказу от защиты своих убеждений и веры. В глазах широкой публики слово *плюрализм* связано со стрессами горбачевской перестройки. Всё это мешает ему стать ключевым термином либерального дискурса. «Между тем, — пишут авторы, — само стоящее за ним понятие чрезвычайно важно для противодействия “введению единомыслия” в России — а этот проект снова набирает обороты. Однако, как кажется, лучше использовать для выражения этой идеи языковые средства, не столь жестко связанные с конкретным историческим периодом: *свобода мнений*, *разнообразие*, *диалог*, *взаимопонимание*. При этом полностью исключить слово *плюрализм* из словаря никакой необходимости, конечно, нет» (с. 109).

Слова *толерантность*, *терпимость*, *плюрализм*, *собственное мнение*, *широта* (или *узок*) *взглядов*, *свобода мнений* принадлежат не только политическому лексикону, но общей лексике литературного языка. Они часто оказываются в эпицентре назревших, но нерешенных и, может быть, неразрешимых вопросов. В повседневных разговорах они почти всегда соседствуют с разногласием, а иногда и вызывают его. **Об одном и том же конфликте** и позиции в нем, допустим, Сергея, кто-то скажет, что *Сергей вынужден мириться*, а другой человек скажет, что *Сергей не способен помириться*, а третий — что *Сергей абсолютно нетерпим к чужому мнению*, а четвертый — что *Сергей напрасно терпит*, и т. д. Потому что люди по-разному видят и оценивают то, что происходит с ними и вокруг. Зато следующая глава «Лексикона» — о терминах *частная собственность* и *приватизация*, — несмотря на наличие обидных для реформаторов гибридов *прихватизация*, *прихватизировать*, кажется территорией без идеологических конфликтов.

¹⁴ Цит. по: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430463/430464_

7. Частная собственность и приватизация: ключевые слова переходной экономики. И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев рассматривают слова *частный* и *собственность* порознь, хотя сочетание *частная собственность* давно воспроизводимо (т. е. представляет собой фразему, пусть и неидиоматичную). Семантические и морфемные дериваты этих слов, приводимые в «Лексиконе», в целом вписываются в тот узус значений и употреблений, который представлен в академических словарях. Отмечу, впрочем, одно значение слова *частник*, выходящее за рамки словарного толкования ‘торговец, имеющий свое дело; предприниматель’ [Кузнецов 2001: 1468]: ‘водитель собственного легкового автомобиля (в отличие от водителя служебной машины или такси); автомобиль (в ситуации на дороге), принадлежащий частному человеку’; возможно, однако, что это уже историзм: миллионы владельцев легковушек сейчас *частниками* не называют.

Отмечая слабую семантическую противопоставленность слов *частный* и *личный* (с. 115), авторы считают, что «самая большая проблема, связанная с осмыслением сочетания *частная собственность*, это различие между *частной* и *личной собственностью*» (с. 126). Думаю, однако, что в постсоветской жизни это различие стало неважным (даже «на уровне словаря»), хотя и сохраняется в сознании людей старших поколений, усвоивших его из советских учебников обществоведения для средней школы. При социализме *частная* и *личная собственность* четко различались идеологически, экономически и юридически: личная собственность допускалась¹⁵, а частная, как предпосылка для «эксплуатации человека человеком», порицалась и искоренялась. В ССРЛЯ [Т. 17: 778] определение оборота *частная собственность* сопровождалось цитатой из романа М. Горького «Мать» (также входившего в программу средней школы): «Мы — социалисты. Это значит, что мы враги частной собственности, которая разъединяет людей, вооружая их друг против друга»; МАС в обоих изданиях сохранил эту иллюстрацию. За исключением ССРЛЯ, советские толковые словари не содержали оборота *частная собственность*. В МАС [Т. 4: 655] у прилагательного *частный* в 4-м значении осторожно выделяется такой оттенок: ‘связанный с владением личной собственностью, индивидуальным хозяйством и вытекающими отсюда общественно-политическими взаимоотношениями’, и после двух безоценочных сочетаний — *частная торговля* и (не про советские реалии речь) *частное землевладение* — следует приведенная выше цитата из М. Горького. Зато во всех советских словарях лексема *частный* окружена однокоренными словами или дериватами с «неодобрительными» аффиксами и в «подозрительных» соединениях (*частнический, частнособственническая психология, ч. интересы, ч. настроения*), или с цитатами о борьбе, осуждении и искоренении того, что эти цитаты призваны пояснить. Ср. слова С. М. Кирова: «В 1932 г. мы, всемерно развертывая советскую торговлю, одновременно искореняем частника, перекупщика, спекулянта» [Мокиенко, Никитина 1998: 656].

В постсоветское время различие частной и личной собственности утратило свой репрессивный подтекст и стало неактуальным (во всяком случае, «на уровне словаря» и обыденного сознания). С другой стороны, появились новые категории и термины, связанные с различением видов собственности и экономических отноше-

¹⁵ Согласно справочнику 1988 г., «личная собственность — это собственность гражданина на предметы личного потребления, трудовые доходы и сбережения, а также некоторые средства производства, используемые в личном подсобном хозяйстве» [Мокиенко, Никитина 1998: 555].

ний между людьми. Многие экономические и смежные с экономикой юридические термины вошли в обывденный язык. Новые слова переходной экономики настолько бурно вторгаются в повседневное общение, что сразу же обрастают семантическими, морфемными, фразеологическими дериватами. Ключевой термин *приватизация* здесь, естественно, впереди. Если академический словарь фиксирует его новые дериваты ([Кузнецов 2001: 971]: *приватизировать*, *приватизатор*, *приватизационный чек*, *приватизационный взнос*), то авторы «Лексикона» отмечают и более тонкие семантические изменения, в том числе экспрессивно-оценочные оттенки.

Важно, что эти инновации принадлежат общему языку, «ближайшей» семантике слов. Лексемы *приватизация* и *приватизировать* стали расширительно употребляться в значении ‘присвоить’, причем обычно неодобрительно. Встречаются и такие саркастически-парадоксальные сочетания, как *приватизировать Думу*, *приватизировать государство*, ср. пример из газетной статьи: «*Нынешнее государство представлено не народом, а гигантской сворой безнаказанных, алчных чиновников, приватизировавших само государство*» (с. 133). Слова режиссера Марка Розовского: «*Плохо, если государство приватизирует театры*», авторы «Лексикона» точно определяют как оксюморон (потому что государство может только *национализировать* чужую собственность); так режиссер выразил свой протест против стремления государства контролировать репертуар и идеологию театров, как это было в советское время (с. 134).

Замечу, что в разделе о частной собственности и приватизации «Лексикон», к сожалению, не выходит за границы «ближайших» (словарных) значений рассматриваемых слов. Говорю «к сожалению», потому что привлекательная просветительская черта «Лексикона» в том и состоит, что авторы показывают, как на прочной основе общепонятных значений под пером философов, писателей, политиков у слов развиваются и высвечиваются их специальные «дальнейшие» значения и семантические связи — такие, как раскрытая в других разделах книги близость плюрализма и релятивизма, как противоречие между категорией «права человека» и моральным авторитетом христианства, и др. Аналогичные «дальнейшие» компоненты содержания экономических терминов в «Лексиконе» не показаны.

Замечу также, что состав экономических терминов, значимых для либерализма, мог бы в «Лексиконе» быть шире. Либералы, как всякое политическое движение или партия, заинтересованы, во-первых, во всё более глубоком и полном «своем» (либеральном) осмыслении действительности и, во-вторых, в распространении идей и понятий либерального дискурса. Если «Лексикон» знакомит читателя с философско-религиозными аспектами понятия «права человека», если показывает обратную сторону плюрализма или размытость понятия «справедливость», то почему бы не расширить также круг и либерально-экономических представлений? Например, показать, какие пропорции расходов делают федеральный бюджет либеральным, а какие — нелиберальным или антилиберальным; как соотносятся между собой либерализм и *экономическая централизация* и *децентрализация*. Многие известные (постоянно слышимые в СМИ и интернете) экономические категории имеют свои либеральное и антилиберальное (антирыночное) измерения. Думаю, «Лексикон» вполне мог бы включить такие, например, слова и обороты, как *либеральная экономика*, *экономический либерализм*, *либерализация налоговой политики*, *либеральные* и *антилиберальные решения в сферах финансов, банков, таможен* и др.

О том, насколько лингвистически и исторически ценно исследование в постсоветском языке экономической терминологии — для понимания либеральных перемен в языке и в жизни, — можно судить по разделу М. В. Китайгородской «Современная экономическая терминология» в составе первой постперестроечной коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)» [Земская (ред.) 1996]. Замечу, что в этой книге был только один раздел, в котором исследовалась именно тематическая группа терминов, — это раздел М. В. Китайгородской. В становлении рыночной экономики «как субъектно ориентированной» жизненной сферы автор видела «усиление личностного начала» и «диалогизации» общения [Китайгородская 1996: 167]. По сути, в экономическом языке тех лет были документированы процессы либерализации жизни.

8. Демократия, демократ(ы), демократический. Состав морфемных и семантических дериватов заглавных слов гнезда показан в «Лексиконе» в выдержках из разнообразных источников — здесь есть стихи и проза, протоколы и мемуары, исторические исследования, сообщения РИА Новости и даже надпись на стеле в память о погибших 20 августа 1991 г. Дмитрии Комаре, Владимире Усове и Илье Кричевском: «Защитникам демократии в России» (с. 150).

Для замысла «Лексикона» важно, что в разделе о демократии И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев пошли существенно дальше узусных значений ключевого слова и его дериватов. Вот некоторые из «дополнений» к словарному узусу: «Демократия не может считаться специфически либеральным концептом. Тем не менее для либерального дискурса это слово несомненно является одним из ключевых» (с. 138); значение слов *демократ*, *демократия* «весьма расплывчато и во многих случаях очень отдалено от исходной идеи народовластия» (с. 149); «За последние сто лет слово *демократия* “присваивалось” совершенно разными политическими силами и наполнялось различным пафосом» (с. 149); «Слово *демократ* не отсылает к либеральной части политического спектра, да и вообще едва ли ассоциируется с определенной его частью» (с. 151); «Слово *демократ* часто понимается в узком смысле — как противник коммунизма и сторонник перемен в СССР и затем России конца XX в.» (с. 151); слово *демократия* «по своему ассоциативному потенциалу тяготеет скорее к левой части политического спектра, в том числе оно остается ключевым для всех разновидностей коммунизма. В роли ключевого слова либерального лексикона оно недостаточно контрастно» (с. 151). К этим важным характеристикам концепта ‘демократия’ можно было бы добавить сведения о растущей на Западе критике демократии, причем критике в разных аспектах. Несомненно, что такого рода политологическая информация повышает просветительскую ценность «Лексикона».

9. Справедливость, законность, честность. Социальная справедливость. Особенность раздела о группе слов со значением ‘справедливость’ в том, что здесь суммируются важные межъязыковые наблюдения: русское слово *справедливость* сопоставляется с его соответствиями в трех европейских языках. По мысли авторов, рус. *справедливый*, «выражая идею, которая оказывается в каком-то смысле специфичной для русского языка, не имеет точных переводных эквивалентов в западных языках, в которых ему соответствуют слова, подчеркивающие, скорее, ‘законность’ (ср. франц. *juste*, англ. *just*), ‘честность’ (ср. англ. *fair*) или ‘правоту’ (ср. нем. *gerecht*)» (с. 152). Особенность русских представлений о справедливости в том, что они не развились в юридический концепт. Наоборот: они остаются в сфере чувствований, и с этим связаны их огрубление, «упрощенное, вульгарное

представление о *справедливости*» в ряде контекстов. «“Высшей справедливостью” тогда считается равновесие между добром и злом, которые сделал человек, и добром и злом, которые делают ему (если кто-то кому-то сделал нечто хорошее/плохое, то *справедливо*, чтобы и ему было хорошо/плохо); или же “торжество справедливости” приравнивается к восстановлению равенства» (с. 154). «Противопоставление *справедливости* и *законности*, которое на многих языках и выразить невозможно, для русского языка и самоочевидно, и необычайно существенно» (с. 156), при этом «в случае противоречия между законом и справедливостью в русской культуре непосредственное чувство на стороне справедливости» (с. 157).

Концепт ‘справедливость’, не прорастая новыми «дальнейшими» смыслами в области права, психологии или философии, остается в пределах «ближайших» значений лексем своего гнезда. При этом «*справедливость* рассудочна и плюралистична» (с. 154). «Человек может подробно обосновать, что ему представляется справедливым и почему, так как *справедливость* весьма рациональна и не обязательно обладает непосредственной очевидностью. Присущий *справедливости* релятивизм проявляется и в том, что зачастую с разных точек зрения *справедливыми* представляются противоположные вещи. Заметим, что именно этим свойством *справедливости* объясняется то, что это слово является типичным инструментом социальной демагогии» (с. 153).

Таким образом, в «Лексиконе» русский концепт ‘справедливость’ предстает как бесспорно положительное понятие или чувство (нередко даже «*страсть к справедливости*»), но этически безвекторное и интеллектуально недостаточное, отягощенное вязкой рассудочностью и многословием, к тому же компрометированное нередким демагогическим применением. Концепт «справедливость» сложнее, но и менее определен, чем «честность».

Что касается «социальной справедливости», то здесь «Лексикон» предупреждает своих читателей, что «выражение *социальная справедливость* пишут на своем знамени представители самых разных политических направлений» (включая в 1930-х гг. — национал-социалистов Германии, фашистов Италии, русских фашистов в эмиграции на Дальнем Востоке), но особенно характерна эта апелляция для левой риторики (с. 164). «Если партия называется “За справедливость” или “За социальную справедливость”, то едва ли кто-то предположит, что это партия либерального толка. <...> Более того, для некоторых радикальных либеральных течений, таких как либертарианство, *справедливость* вообще не является ориентиром» (с. 165).

10. Гражданин, мещанин, бюргеры, буржуа, обыватели. В последнем разделе «Лексикона» авторы представили историю слова *гражданин*, ключевого не только для либерального дискурса, но и для всей русской истории. Трудно сказать, есть ли в русской лексике другое такое слово-ключ и слово-символ, которое так зримо, детально и целостно отразило бы неровный бег и виражи политической истории народа и государства.

В разделе о слове *гражданин* и других лексемах русского словаря со сходной или близкой ономастологией (связанной со значением ‘город’) — *горожанин, мещанин, бюргер, буржуа, обыватель, житель* (а также их морфемных и семантических дериватах) — много говорится об истории: гражданской и истории языка, в том числе истории языковых контактов. По-видимому, авторам близка мысль о связи феномена города с идеей и практикой свободы. Свидетельств этой связи не-

мало: немецкий правовой обычай (с XI в.), закрепленный в пословице *Stadtluft macht frei* ('Воздух города делает свободным'); «имперские города» в Священной Римской империи и «вольные города» в разные времена и в разных землях Европы; этимология русского слова *слободá*, ('поселение, свободное от княжеской, позже крепостной повинности'), метонимически связанного со словом *свобода*.

В «Лексиконе» представлена история «ближайших» и «дальнейших» значений слов поля 'гражданин'; детально — с датами, именами, выдержками из документов — показано, как Екатерина II внедряла слово *гражданин* в русское сознание и юридический язык и как император Павел искоренял это слово; что видел в понятии «гражданин» П. А. Столыпин и какие «контрреволюционные» смыслы навязывала словам *обыватель* и *мещанский* советская идеология. Написано об этом профессионально и увлекательно. Отмечу, однако, некоторые спорные моменты или неточности (возможно, вызванные стремлением писать кратко).

Неточно, что «слово *гражданин* образовано от церковнославянского обозначения города — *град*» (с. 166). Слово *гражданинъ* — не церковнославянское, а старославянское, т. е. более раннее, X–XI вв.; оно образовано путем калькирования греч. *πολίτης*, и в кирилло-мефодиевских рукописях оно означало 'гражданин, житель' [СтСл 1994: 177], удерживая значения греческого слова¹⁶.

Спору нет, когда соавторы, пишут, что «слово *политик* связано с греч. словом *полис*, которое означает 'город'» (с. 166). Но дальше следует что-то непонятное: «слово *политик* имеет происхождение, аналогичное слову *гражданин* (<...>). Собственно, это не случайное сходство: русское слово и было в этом значении калькой с греческого» (с. 166). В каком «в этом значении»? Неужели в значении 'политик' (как вытекает непосредственно из цитаты)? Или в политико-юридическом смысле? Тоже невероятно, потому что в древнерусской (не церковнославянской) письменности южнославянизм *гражданинъ* появляется в середине XV в., причем в значении 'горожанин' [СлРЯ XI–XVII, 4: 117–118]. В этом же значении по рукописям начиная с XIII в. известно и его восточнославянское соответствие — *горожанинъ* [Срезн., I: 559; СлРЯ XI–XVII, 4: 95]. У В. И. Даля в статье *гражданин* вначале дано значение 'городской житель, горожанин, посадский', а затем — более позднее юридическое значение: 'член общины или народа, состоящего под одним общим управлением; каждое лицо или человек, из составляющих народ, землю, государство' [Даль, I: 389]. В словаре Н. С. Араповой [2000: 85–86] современное значение слова *гражданин* определено как семантическая калька франц. *citoyen* (от *cité* 'город'); его появление в русском языке относится к 1779–1790 гг.

Слово *гражданин* в значении 'городской житель, посадский' в первой четверти XIX в., по-видимому, ощущалось как торжественный синоним к слову *горожанин*¹⁷.

¹⁶ Греч. *πολίτης* — 1) гражданин; 2) согражданин, земляк [Дворецкий 1958: 1341]. Значение 'гражданин' И. Х. Дворецкий толкует с опорой на Аристотеля, у которого это понятие «определяется участием в судебной и государственной власти». В семантике греческого слова фактически присутствуют два значения: 'житель полиса, т. е. города (который является государством)' и политико-юридическое 'гражданин полиса, т. е. полноправный член государства (которое территориально равно городу)'.

¹⁷ Характерна надпись «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия» на памятнике в Москве (1818). Слова *гражданин* и *князь* указывают именно на сословную принадлежность героев.

Но у Тургенева в повести «Ася» (1858) такое употребление звучит уже несколько иронично: *На улице перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей* (пример из [ССРЛЯ, т. 3: 357]). Пафосное значение слова *гражданин*, связанное с «идеей борьбы за счастье отчизны», авторы «Лексикона» называют «революционно-демократическим», а его необыкновенную популярность в XIX в. объясняют влиянием Н. А. Некрасова (с. 168). Важно видеть, однако, и более ранние источники. Это, во-первых, «дней Александровых прекрасное начало...» (А. С. Пушкин) — общественный либеральный подъем в надеждах на молодого императора Александра I и на реформы комитета М. М. Сперанского. Во-вторых, это французское влияние, особенно в первой четверти XIX в. В годы Французской революции и наполеоновских войн обращение *citoyen* было таким же ярким знаком новой эпохи и национального подъема, как во время Октябрьской революции и в первые годы после нее слово *товарищ*. О чрезвычайной популярности в начале XIX в. слова *гражданин* говорят данные НКРЯ: за время между 1800 и 2014 гг. пик употребительности слова *гражданин* приходится именно на 1800–1802 гг. (судя по графику, примерно 75 вхождений на миллион словоформ, в то время как в 2014 г. — примерно 17 вхождений)¹⁸. У А. С. Пушкина слово *гражданин* (конечно, в разных значениях) употреблено 41 раз, прилагательное *гражданский* — 24 раза [СлП, I: 536–537].

Говоря об истоках пейоративного значения у слов *мещанин*, *обыватель* (ср. [Кузнецов 2001: 540]: *мещанин* (во 2-м значении): ‘Человек с мелкими, ограниченными интересами, узким кругозором; обыватель (2 зн.)’), авторы уверенно пишут, что «вообще коллизия борьбы с *мещанством* в русской культуре, безусловно, восходит к немецкому романтизму» (с. 177), называя в этой связи прежде всего Гофмана. Однако дворянское высокомерие по отношению к «третьему сословию» значительно старше, и это не только «Дон Кихот» и «Мещанин во дворянстве», но весь многовековой уклад феодализма. Советское третирование мещан было эксплуатацией интеллигентско-дворянских страхов перед «мещанской пошлостью», подключенных к идеологии тоталитарного государства (что с исчерпывающе полнотой и показано в «Лексиконе»).

Рассматривая слово *гражданин* в контексте земельной реформы П. А. Столыпина, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев открывают замечательно сильное преобразование в «дальнейшем» содержании понятия *гражданин* и показывают, что в концепции реформы это новое понятие становится ключевым. «Я полагаю, — говорил в 1909 г. П. А. Столыпин, — что прежде всего надлежит создать **гражданина, крестьянина** — собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена — **гражданственность** сама воцарится на Руси. Сперва **гражданин**, а потом **гражданственность**. А у нас обыкновенно проповедают наоборот. Это великая задача наша — создание крепкого единоличного собственника — надежнейшего оплота государственности и культуры — неуклонно проводится правительством» (с. 170). Слово *гражданин* у П. А. Столыпина выступает вне прежних связей с *городом*, *горожанином*, с податным сословием. Напротив, П. А. Столыпин видит будущих *граждан* (как «оплот государственности и культуры») в крестьянах (т. е. в населении негородском, которое долгое время не включалось в число *граждан*). В замыслах П. А. Столыпина *гражданин* — это «крепкий единоличный

¹⁸ В эти же 1800–1802 гг. наблюдается пик для XIX в. в употреблении слова *свобода*.

мелкий собственник», а его частная собственность — это земля, на которой он работает как хозяин, и в этом основа гражданского общества, свобод, законности и прав человека. Так соединяются в целое основные понятия либерализма. На мой взгляд, это кульминация раздела о слове *гражданин* и, может быть, контрапункт всего «Либерального лексикона».

11. О либеральных ценностях лингвистики. Что касается авторского обязательства «никоим образом» не выразить «наши собственные политические воззрения», то это легкое лукавство: как специалисты по коммуникации, соавторы и сами прекрасно знают, что писать на (около)политические темы и при этом не выказать своих политических симпатий и антипатий невозможно. «Лексикон» написали либералы для либералов, включая потенциальных и подрастающих, и, конечно, для тех, кто стоит на политическом распутье.

Почему «Лексикон» И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева именно либеральный, а не иной, например «социал-демократический» или «либертарианский»? Думаю, язык как предмет профессии воспитывает в человеке черты либерализма. Язык, эта «самодовлеющая, живущая по своим законам, величественная стихия» (А. М. Пешковский), учит ценить разнообразие, быть терпимым к инаковости и видеть, что многое мало зависит от воли людей.

В конечном счете «Либеральный лексикон» решает важную идеологическую задачу: в форме небольшой учебной книги (ведь «Лексикон» же!) он неназойливо, доходчиво и мягко (без нумерации параграфов, без жестких рубрик и правил в рамочках), но доказательно раскрывает основные понятия либерального дискурса, демонстрируя при этом гуманитарную, политико-экономическую и интеллектуальную привлекательность и доступность либерализма (а заодно и лексическую недостаточность оппонентов).

Показав семантическую широту и разноречивость либеральной лексики «на уровне словаря», авторы естественным образом выходят за границы «ближайших» значений лексики либерализма. По жанру книга И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева — это именно отраслевой словарь, не только лингвистический, но и энциклопедический, и его подлинный предмет — это именно «дальнейшие» значения слов-терминов — специальные, индивидуальные, в том числе неожиданные и спорные. Что и естественно для идеологии в состоянии развития.

Сокращения

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. (Малый Академический словарь) / Ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

СлП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. В. В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1956–1961.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30– М.: Наука, 1975–2016.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912 [Факсимильное издание: И. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989].

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

СтСл 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10 000 слов / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

Апресян (рук.) 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004.

Апресян (ред.) 2006 — В. Ю. Апресян [и др.]. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006.

Арапова 2000 — Н. С. Арапова. Кальки в русском языке послепетровского времени. Опыт словаря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Будагов 1971 — Р. И. Будагов. История слов в истории общества. М.: Просвещение, 1971 [2-е изд., доп. М.: Добросвет, 2000, 2004].

Гусейнов 2003 — Г. Ч. Гусейнов, Д. С. П.: Материалы к русскому словарю общественно-политического языка XX века. М.: Три квадрата, 2003.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980 [репринтное издание 1880–1882 гг.].

Дворецкий 1958 — И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь: Ок. 70 000 слов: В 2 т. / Под ред. С. И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

Душенко 1997 — К. В. Душенко. Словарь современных цитат. 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. М.: АГРАФ, 1997.

Земская (ред.) 1996 — Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996.

Китайгородская 1996 — М. В. Китайгородская. Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 162–236.

Кузнецов 2001 — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001.

Купина 1995 — Н. А. Купина. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. (2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.)

Лихачев 1993 — Д. С. Лихачев. Концептосфера русского языка // Известия РАН. 1993. Серия литературы и языка. Т. 52. Вып. 1. С. 3–9.

Мечковская 2005 — Н. Б. Мечковская. Две картины мира: язык и обыденное сознание (информационная фактура, делимитация границ и стереотипов) // *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich*. 5. Opis, konfrontacja, przekład. Wrocław, 2005. S. 227–238.

Мечковская 2008 — Н. Б. Мечковская. Два взгляда на правду и ложь, или О различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. С. 456–470.

Мечковская 2017 — Н. Б. Мечковская. Философия языка и коммуникации. М.: Наука; Флинта, 2017.

Мокиенко, Никитина 1998 — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. (2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Астрель, 2005.)

Моченов и др. 2003 — А. В. Моченов, С. С. Никулин, А. Г. Ниясов, М. Д. Савваитова. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М.: ОЛМА-Пресс, 2003.

Потебня 1964 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике [1874] // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. I. С. 142–169.

Урысон 2006 — Е. В. Урысон. Семантика величины // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 713–760.

Шведова 2008 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (82 000 слов и фразеологических выражений) / Отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Изд. центр «Азбуковник», 2008.

Получено 26.11.2019

Nina B. Mechkovskaya
Belarusian State University
(Minsk, Belarus)
nina.mechkovskaya@gmail.com

[REVIEW OF:] IRINA B. LEVONTINA, ALEXEY D. SHMELEV.
THE LIBERAL LEXICON. —
ST PETERSBURG: NESTOR-HISTORY, 2019. — 184 P.

References

Апресян, Yu. D. (1974). *Lexicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow: Nauka.

Апресян, Yu. D. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniia. Voprosy yazykoznanija*, 1, 37–67.

Апресян, Yu. D. (Ed.). (2004). *Novyi ob"iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* (2nd ed.). Moscow; Vienna: Yazyki slavianskoi kul'tury; Venskii slavisticheskii al'manakh.

Апресян, V. Yu. et al. (Eds.). (2006). *Yazykovaia kartina mira i sistemaia leksikografiia*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Арапова, N. S. (2000). *Kal'ki v russkom yazyke poslepetrovskogo vremeni. Opyt slovaria*. Moscow: Moscow University Publishers.

Будагов, R. I. (1971). *Istoriia slov v istorii obshchestva*. Moscow: Prosveshchenie.

Душенко, K. V. (1997). *Slovar' sovremennykh tsitat. 4300 khodiachikh tsitat i vyrazhenii XX veka, ikh istochniki, avtory, datirovka*. Moscow: AGRAF.

Дворецкий, I. Kh. (1958). *Drevnegrechesko-russkii slovar'* (Vols. 1–2). Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovari.

Гусейнов, G. Ch. (2003). *Materialy k russkomu slovariui obshchestvenno-politicheskogo yazyka XX veka*. Moscow: Tri kvadrata.

Китайгородская, M. V. (1996). *Sovremennaiia ekonomicheskaiia terminologiia (Sostav. Ustroistvo. Funktsionirovanie)*. In E. A. Zemskaya (Ed.), *Russkii yazyk kontsa XX stoletii (1985–1995)* (pp. 162–236). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Купина, N. A. (1995). *Totalitarnyi yazyk: slovar' i rechevyie reaktsii*. Ekaterinburg; Perm: Izd-vo Ural. un-ta.

Кузнецов, S. A. (Ed.). (2001). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. St Petersburg: Norint, 2001.

Likhachev, D. S. (1993). Kontseptosfera russkogo yazyka. *Izvestiia RAN. Ser. literatury i yazyka*, 52(1), 3–9.

Mechkovskaya, N. B. (2005). Dve kartiny mira: yazyk i obydennoe soznanie (informatsionnaia faktura, delimitatsiia granits i stereotipov). In M. Sarnowski, & W. Wysoczański (Eds.), *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. 5. Opis, konfrontacja, przekład* (pp. 227–238). Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego.

Mechkovskaya, N. B. (2008). Dva vzgliada na pravdu i lozh', ili o razlichiiakh mezhdu yazykovoi kartinoi mira i obydenным soznaniem. In N. D. Arutyunova (Ed.), *Logicheskii analiz yazyka: Mezhdz lozh'iu i fantaziei* (pp. 456–470). Moscow: Indrik.

Mechkovskaya, N. B. (2017). *Filosofia yazyka i kommunikatsii*. Moscow: Nauka; Flinta.

Mochenov, A. V., Nikulin, S. S., Niyasov, A. G., & Savvaytova, M. D. (2003). *Slovar' sovremennogo zhargona rossiiskikh politikov i zhurnalistov*. Moscow: OLMA-Press.

Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovy slovar' yazyka Sovdepii*. St Petersburg: Folio-Press.

Uryson, E. V. (2006). Semantika velichiny. In V. Yu. Apresyan (Ed.), *Yazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia* (pp. 713–760). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2008). *Tolkovy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov*. Moscow: Azbukovnik.

Zemskaya, E. A. (Ed.). (1996). *Russkii yazyk kontsa XX stoletia (1985–1995)*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Received on November 26, 2019

W. Smoczyński. Lithuanian Etymological Dictionary /
Ed. by A. Holvoet, S. Young with the assistance of W. Browne.
— Berlin: Peter Lang, 2018. — 2256 p.
(Index of Lithuanian Words 1769–2256)

Польский компаративист В. Смочиньский хорошо известен в научном мире многочисленными трудами по балтийской и балто-славянской сравнительной грамматике и этимологии. Центральное место среди них отныне занимает фундаментальный этимологический словарь литовского языка (LED), вышедший спустя более полувека после «*Litauisches etymologisches Wörterbuch*» Э. Френкеля, отражавшего достижения науки в основном первой половины XX в.

Начиная с 2000 г. словарь В. Смочиньского постепенно вырастал из материалов для преподавания студентам отделения литуанистики в Варшавском университете. Небольшой словарь был сначала, по существу, учебным пособием. А в 2007 г. В. Смочиньским в Вильнюсе издан уже большой специальный труд — «*Słownik etymologiczny języka litewskiego*» (SEJL, 798 с.). Через несколько лет появилась и постоянно функционирует представленная в интернете на правах рукописи пространная редакция SEJL — «*Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wyd. drugie, poprawione i znacznie rozszerzone*» (2046 с.)¹. Как пишет В. Смочиньский в Предисловии к LED (с. IX–XII), словарь Э. Френкеля не мог удовлетворить потребностям преподавания уже потому, что доступен в университетской библиотеке «лишь в одном экземпляре» и написан к тому же на «не слишком популярном среди студентов немецком языке». Постоянное обращение к словарю Э. Френкеля привело автора LED к критическому осмыслению многих объяснений немецкого ученого.

Перевод огромного словаря на английский занял четыре года, которые ушли не только на перевод как таковой, но и на отражение в тексте LED данных этимологических словарей, изданных в последние годы в рамках индоевропейской этимологической программы Лейденского университета, точнее, отдельных томов, посвященных славянскому², латинскому, армянскому, хеттскому, греческому, германскому, а также балтийскому материалу, и некоторых других новейших трудов по индоевропеистике. Здесь следует вспомнить коллективный «*Altlitauisches etymologisches Wörterbuch*» (Hamburg, 2015) и «*Baltic Inherited Lexicon*» Р. Дерк-сена (Leiden; Boston, 2015), где в лексике трех балтийских языков выделяются и анализируются слова, унаследованные из индоевропейского праязыка.

В LED, по описанию самого В. Смочиньского, предлагается корпус этимологий, основывающихся на современных представлениях об индоевропейской реконструкции. Последовательно реконструируются три ларингальных фонемы. Спектр

¹ См. [www.romanes.org/pub/alii/Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego.pdf](http://www.romanes.org/pub/alii/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf).

² [Derksen 2008], см. обзор этой книги [Аникин 2009а].

привлекаемого литовского материала весьма широк: помимо литературной лексики, привлекаются многочисленные диалектизмы, древнелитовские слова, довольно полно представлены заимствования — главным образом древние, включая славизмы. Из отличий LED от словаря Э. Френкеля (здесь можно было бы указать и многие другие старые этимологические словари) В. Смочиньский указывает, в частности, приоритет полексемной этимологии над корневой (*Wurzeletymologie*) и отсутствие в этимологической практике LED использования расширителей корня (*Wurzelerweiterungen*). Отсюда следует отсутствие стремления найти общий знаменатель, например, для таких форм, как лит. *briáutis*, *braũkti*, лтш. *bružāt* и рус.-цслав. *brūsnuti* (LED: X).

Для каждого лексического гнезда в LED раскрывается исторический механизм деривационной морфо(но)логии с пристальным вниманием к факторам аналогии, переосмыслений и иных инновационных явлений. Для этой цели используется продуманный и эффективный дескриптивный аппарат, включающий многочисленные сокращения. Следует заметить, что согласно В. Смочиньскому, архаичность литовского языка в компаративистике преувеличена.

Этимологии В. Смочиньского оригинальны, но словарь содержит и обзор альтернативных решений (главным образом недавних и/или признаваемых автором наиболее важными), а также весьма солидный библиографический аппарат. В то же время необходимость обширных ссылок на этимологическую литературу в LED, по мнению В. Смочиньского, отпала благодаря созданной в Вильнюсском университете базе данных по литовской этимологии³.

Дальнейшие исследования по литовской, балто-славянской и индоевропейской этимологии и компаративистике трудно будет представить без LED. Для русистики-славистики важность LED — прежде всего в возможности получить современные сведения о литовских (балтийских) параллелях славянских слов: о правомерности того или иного балто-славянского сопоставления, уточненной форме и семантике соответствующего индоевропейского этимона, круге соответствующих лексических параллелей.

В. Смочиньский справедливо пишет в Предисловии к LED, что качество этимологического словаря определяется не только компетенцией автора, но и количеством и качеством научных работ, подготавливающих почву для такого синтетического труда, каким является этимологический словарь. Речь идет, с одной стороны, о работах по литовской лексике, особенно о монографиях, посвященных отдельным семантическим полям (названия частей тела человека, животных, ремесленная терминология и т. п.), с другой — об историко-сравнительных монографиях по морфологии и словообразованию литовского языка. В. Смочиньскому удалось успешно справиться с явным недостатком публикаций того и другого рода.

Некоторые пробелы в этимологических решениях SEJL, отмечавшиеся в одной из рецензий на этот труд (см. [Аникин 2009б]), остались в LED проигнорированными. Примером может служить понимание лит. *niūta* ‘наем, аренда, прокат’ как относительно позднего образования из *niūjta* < *niū-ima*, к *ni-si-imu* ‘беру себе’ (LED: 879). В качестве славянской параллели В. Смочиньский приводит рус. *наём* и под. (Там же), не упоминая даже в отрицательном ключе предложенное в последнее время (А. А. Зализняк, С. Патри) сравнение *niūta* с древненовгородским *намъ* ‘проценты, лихва’ и авест. *nəmah-* ‘ссуда’, ‘приношение’.

³ См. <http://etimologija.baltnexus.lt>.

Л и т е р а т у р а

Аникин 2009a — А. Е. А н и к и н. [Обзор:] R. Derksen. Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon. Leiden; Boston: Brill, 2008 // Leiden Indo-European Etymological Series / Ed. by A. Lubotsky. Vol. 4. — 726 p. // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 299–300.

Аникин 2009b — А. Е. А н и к и н. [Рец.:] W. Smoczyński. Słownik etymologiczny języka litewskiego; Indeks wyrazów litewskich. Wilno: «Printer Polyglott». Jost Gippert, Frankfurt am Main, 2007 // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 152–156.

[Review of:] *W. Smoczyński. Lithuanian Etymological Dictionary*

/ Ed. by A. Holvoet, S. Young with the assistance of W. Browne. —

Berlin: Peter Lang, 2018. — 2256 p.

(Index of Lithuanian Words 1769–2256)

R e f e r e n c e s

Anikin, A. E. (2009a). [Review of the book *Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon* by R. Derksen]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 299–300.

Anikin, A. E. (2009b). [Review of the book *Słownik etymologiczny języka litewskiego; Indeks wyrazów litewskich* by W. Smoczyński.]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 152–156.

A. E. Аникин

Институт филологии
Сибирского отделения РАН,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Новосибирск, Россия)
alexandr_anikin@mail.ru

Получено 05.11.2019

Aleksandr E. Anikin

Institute of Philology, Siberian Branch of
the Russian Academy of Sciences /
Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)
alexandr_anikin@mail.ru

Received on November 5, 2019

DOI <https://doi.org/10.31912/rjano-2020.1.16>

***Martina Chromá. Apocryphal Questions of Bartholomew
in the Slavonic Tradition. —***

Prague: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. & Scriptorium, 2019. — 330 p.

Книга Мартины Хромы содержит издание и исследование апокрифических «Вопросов апостола Варфоломея», переведенных, как предполагает на основе лингвистического анализа автор, в X в. в Болгарии книжниками преславской школы. Исследование открывается обзором сохранившихся списков памятника, а основную его часть составляет текстологический анализ и языковая характеристика тек-

ста. «Вопросы Варфоломея» дошли до нас в трех греческих, двух латинских и шести славянских списках — четырех восточнославянских (в их числе хорошо известный Паисиевский сборник нач. XV в.) и двух сербских (один из них, древнейший из сохранившихся, датируется концом XIV в.). В греческой версии «Вопросы Варфоломея» состоят из пяти глав; славянский перевод завершается 13-м стихом четвертой главы. Славянская версия представлена целиком только в двух списках (Паисиевском сборнике и сербском списке XVI в.). Она не совпадает в точности ни с греческими, ни с латинскими известными источниками, тем не менее, М. Хрома доказывает, что перевод выполнен с греческого оригинала — отличного от имеющихся греческих списков и включавшего ряд чтений, отраженных в латинских списках. Текстуальные отношения как между греческими, так и между славянскими списками настолько сложны, что М. Хрома приняла решение опубликовать текст полностью по всем одиннадцати спискам параллельно — благо небольшой объем памятника позволяет осуществить такую исчерпывающую подачу материала. Больше того, после параллельного издания каждый славянский список и один из греческих списков публикуются вторично — на сей раз в виде сплошного текста и отдельно друг от друга. Орфография греческого списка здесь нормализована, в то время как в параллельном издании сохраняется орфография рукописей.

Издание завершают словоуказатели — славяно-греческий и греческо-славянский; в обоих приводятся только леммы, без грамматического разбора словоформ. Указатели включают лексику всех списков, поэтому славянский словарь оказывается максимально полным и в то же время гетерогенным: в него входят как лексемы, принадлежащие переводу, так и лексемы, появившиеся в отдельных списках в результате замен, произведенных писцами/редакторами. В последнем случае в указателе в круглых скобках указываются варианты из других списков, а греческое соответствие помещается в квадратные скобки. Так, в славяно-греческом указателе приводится глагол **починати** (с. 274); эта лексема восстановлена на основе варианта **починѹ** (3 ед. аориста) из сербского списка XVI в., которому в остальных списках соответствует **повелѣ** (греч. ἔνευσε). Очевидно, что **починѹ** — вторичное чтение и лемма к этой форме должна выглядеть как **починѣти**. Интересна лексема **ледѣве**, представленная чтением, также вторичным, русского списка рубежа XVII–XVIII вв. (ГИМ, Барс. 2730): **лѣѣве** в соответствии с **едва/ѡдва** остальных списков. Это наречие **ледве** ‘едва’ (также **ледвенько**), не зафиксированное историческими словарями русского языка, но довольно широко распространенное в русских диалектах [СРНГ 16: 319], ср. укр. **лѣдве** ‘едва, насилу’ и др. [Фасмер II: 9]. Вопреки высказанному в книге предположению (с. 44), данная замена едва ли свидетельствует о южнорусском происхождении списка: **лѣдѣве** отмечено в олонечких говорах, а **лѣдѣва** с тем же значением — в смоленских, псковских, тверских и других [СРНГ 16: 319].

С л о в а р и

СРНГ 16 — Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Куделя–Лесной. Л.: «Наука», 1980.

Фасмер II — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: «Прогресс», 1986.

[Review of:] *Martina Chromá. Apocryphal Questions of Bartholomew in the Slavonic Tradition.* —

Prague: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. & Scriptorium, 2019. — 330 p.

А. А. Пичхадзе

Институт русского языка им. В. В.
Виноградова РАН
(Москва, Россия)
rusyaz@yandex.ru

Получено 30.05.2020

Anna A. Pichkhadze

Vinogradov Russian Language Insti-
tute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
rusyaz@yandex.ru

Received on May 30, 2020

Адреса университетов и институтов Addresses of universities and institutes

Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, Минск, ул. Карла Маркса 31
Belorussian State University
31 Karla Marksa, r. 52, Minsk, Belarus, 220030

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, RAS
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Институт филологии Сибирского отделения РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева 8
Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
8 Nikolaeva, Novosibirsk, 630090, Russia

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
Russian State Humanitarian University
6 Miusskaya area, GSP-3, Moscow 125993, Russia

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург Университетская наб. 11
Saint Petersburg State University
11 Universitetskaya emb., St.-Petersburg 199034, Russia

Университет им. Фридриха Шиллера
07743 Йена, Фюрстенграбен, 1, Германия
Friedrich Schiller University
Fürstengraben 1, 07743 Jena, Germany

Школа № 45 с углублённым изучением отдельных предметов г. Уфы
450076, Уфа, ул. Пушкина, 67
Ufa 45th School with in-depth study of individual subjects
67 Pushkin str., Ufa 450076, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отпечатков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Научный журнал

Русский язык в научном освещении
№ 1. 2020

*Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год*

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».
Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail: rusyaz@yandex.ru

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 15.06.2020. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 24,2. Заказ № 2154

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82